

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

№ 18

ՕՇԱԿԱՆ

I

Ս. Ա. ԵՍԱՅԱՆ, Ա. Ա. ԲԱԼԱՆԹԱՐՅԱՆ

1971—1988 թթ. ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԻ
ՀԻՄՆԱԿԱՆ ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1988

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 18

ОШАКАН

I

С. А. ЕСАЯН, А. А. КАЛАНТАРЯН

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК
1971—1983 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1988

ББК 63.4(2Ар)
О—960

Печатается по решению ученого совета Института
археологии и этнографии АН Армянской ССР

Ответственный редактор академик *Б. Б. Пиотровский*

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
доктор исторических наук *Г. А. Тирицян*,
кандидат исторических наук *О. С. Хикиян*

О—960 Ошакан.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1987.—(Археологические раскопки в Армении /АН АрмССР, Ин-т археологии и этнографии; 18).

1: Основные результаты раскопок, 1971—1983 гг. /С. А. Есян, А. А. Калантарян.—1987.—131 с., 127 л. ил.

Книга знакомит читателя с основными результатами раскопок памятников Ошакана—урартской крепости и дворцовых комплексов, сооруженных в VII—VI вв. до н. э., остатков поселения раннесредневекового времени и обширного могильника, датируемого XII—VI вв. до н. э. и III в. до н. э.—II в. н. э. Богатый археологический и архитектурный материал является первоклассным источником для изучения истории и материальной культуры эпохи железа, античного времени и раннего средневековья.

Расчитана на археологов, историков и широкий круг читателей.

О 0507000000
703(02)—88 30—86

ББК 63.4(2Ар)

© Издательство АН Армянской ССР, 1988

ВВЕДЕНИЕ

Ошакан, одно из древнейших сел Араратской долины, расположен в 25 км западнее Еревана, в Аштаракском районе Армянской ССР. В центре села возвышается большой холм вулканического происхождения, называемый местными жителями Диди-конд. Его сравнительно пологие северные склоны застроены жилыми и административными зданиями современного села. Подошва обрывистых южных склонов занята обширным средневековым армянским кладбищем, где сохранилось много хачкаров и могильных сооружений IV—XV вв. н. э. Неподалеку от кладбища стоит церковь, возведенная в позднем средневековье на месте старой часовни, где находится усыпальница создателя армянской письменности Месропа Маштоца.

Юго-восточные склоны холма крутыс, труднодоступные для восхождения (табл. I, II, 1). У их подножия имеется небольшое возвышение, вершина которого в древности, по-видимому, была застроена ныне плохо фиксируемыми культовыми сооружениями¹. Рядом с ним сохранились остатки обширного поселения, территория которого в настоящее время частично застроена жилыми домами, занята приусадебными участками и современным кладбищем села Ошакан, что затрудняет его изучение.

С северо-восточной стороны к Диди-конду примыкает малый, сравнительно низкий холм, отделенный от большого неглубокой седловиной. Все склоны обоих холмов, за исключением южного склона большого холма, покрыты древними могильными полями с кромлехами и захоронениями типа каменных ящиков, датируемых X в. до н. э.—II в. н. э. Имеется несколько больших склепов вождей.

Особенно много погребений найдено при строительстве универмага, административных зданий и новой школы. При проведении в северной части села траншеи канализационной сети был уничтожен ряд античных погребений.

На вершине большого холма были обнаружены следы небольшой крепости или замка (табл. II, 2), на которые обратил внимание Т. Торамаян². Здесь в начале нашего столетия вел небольшие рас-

¹ По сведениям местных жителей, в начале нашего столетия здесь производил раскопки Е. А. Лалаян.

² Քոլովա Քոլովանյան, Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության, հրկրորդ ժողովածու, Երևան, 1948, էջ 142, 220—224.

копки архимаандрит Хачик Дадян, материалы которого не сохранились.

На северном склоне малого холма при наземном осмотре прослеживаются остатки крупных дворцовых сооружений, состоявших из четырех-пяти комплексов и занимавших территорию в 1,5—2 га.

Исследованы эти памятники в 1971—1983 гг. экспедицией Института археологии и этнографии АН Армянской ССР под совместным руководством авторов настоящего выпуска³. Раскопками были полностью открыты крепость на вершине холма Диди-конд, первый дворцовый комплекс и часть второго—всего 39 помещений, объединенных обширным двором.

Раскопано также около 120 разновременных погребений на пяти отдельных участках могильника. На первом участке, расположенном внутри и в непосредственной близости от дворцовых сооружений, раскопаны погребения № 1—32, 34—41, 63, 64, 71, 72, 109—118; в 450 м восточнее дворцовых комплексов раскопаны погребения второго участка № 33, 42—58, в 610 м—погребения третьего участка № 59—62, в 750 м—погребения четвертого участка № 65—70 и, наконец, в 950 м—погребения пятого участка № 65, 73—108.

На каждом участке встречаются как синхронные, так и разновременные погребения, которые делятся на следующие хронологические группы: погребения эпохи железа (№ 33, 42—58, 60—61, 65—70, 73—108); погребения урартской эпохи (№ 3, 4, 25, 59, 62) и античные погребения (№ 1—2, 5—24, 26—32, 34—41, 63, 64, 71, 72, 109—118).

В Ошаканской экспедиции принимали участие архитектор А. Канецян (1972—1983), научные сотрудники Л. Биатов, с 1976 г. зам. нач. экспедиции (1972—1983), Н. Акопян (1975 г.), Ф. Бабаян (1976 г.), А. Бабаян (1978—1983), И. Мкртчян (1976—1983), Н. Епигбарян (1976—1983), А. Пилипосян (1977—1981), Г. Казарян (1979 г.), художник Н. Ханзадян (1973—1983), фотографы А. Барсегиан (1972—1973), Г. Жамкобян (1973—1975), Р. Акопян (1976—1983), реставраторы Государственного исторического музея Армении В. Газарян (1972—1973), В. Огансян (1973—1975, 1977—1983), водители Р. Левонян (1972, 1975), С. Надосян (1973—1974), А. Огансян (1978, 1983).

³ В 1971 г. А. А. Калантаряном на средства Управления охраны памятников при Госстрое Армянской ССР были произведены разведочные раскопки крепости, в которых принимал участие архитектор Н. Папухян, зафиксировавший наблюдаемые наземные следы крепости. Все обмеры крепости и дворцовых комплексов, открытые при раскопках, проводились архитектором А. Г. Канцяном.

ГЛАВА I

РАСКОПКИ ЗАМКА-КРЕПОСТИ

Раскопки Ошаканской экспедиции 1972—1975 гг. на вершине холма Диди-конд выявили небольшую хорошо укрепленную крепость позднеурартского периода, представлявшую собой почти квадратное сооружение площадью около 0,25 га (табл. III) с мощными внешними стенами толщиной 2,5—2,65 м, выложенными из больших хорошо обтесанных блоков туфа на глиняном растворе (табл. IV), которые одновременно служили стенами внутренних помещений. Снаружи они были дополнительно укреплены контрфорсами, выступавшими на 1—1,1 м, и небольшими угловыми башнями. Поверхность некоторых камней наружной стороны крепостной стены обработана рустами. Положение крепости в военно-фортификационном отношении было безупречным. Крутые склоны и скальные выступы как прекрасные естественные укрепления усиливали ее обороноспособность, а мощные стены, контрфорсы и башни делали ее почти неприступной.

Внутренняя планировка крепости решена оригинально. Массивная стена делит ее на два крыла—восточное и западное.

Северная часть восточного крыла состоит из помещения I, с двумя примыкающими к нему небольшими комнатками (помещение II) и большого скального выступа, на котором сохранились следы средневековой часовни.

Помещение I представляет собой просторный зал площадью около 260 кв. м. От стен сохранились в основном фундамент и 2—3 ряда кладки в восточной части помещения (табл. V, 1). Пол из нивелированного вулканического шлака полностью размыт и не содержит археологического материала.

Во время раскопок 1973 г. при расчистке территории внутри помещения был обнаружен круглый в сечении стержневидный камень с хорошо обтесанными концами длиной 0,82 м и диаметром 0,28 м. Эта находка играет важную роль при датировке крепости, так как большое количество подобных камней, называемых идолами-столбиками, встречается в урартском слое дворцовых сооружений (табл. V, 3).

Помещение II примыкает к юго-западной стене помещения I. Оно состоит из двух небольших комнат, соединенных друг с другом узкой дверью. От стен сохранился лишь фундамент и один ряд кладки с дверным проемом. В расщелинах камней пола найдены фрагменты миски раннеармянского времени и небольшой терочник с маленькой

ручкой из вулканического шлака (табл. VII, 10), который, однако, не может служить датирующим элементом, так как такие терочки встречаются как в урартских (Аргиштихинили⁴, Кармир-блур⁵), так и средневековых (Двин⁶, Беркабер⁷ и др.) памятниках.

Скальный выступ с вырубленной площадкой, на которой сохранились следы средневековой часовни, расположен между северной и южной частями восточного крыла крепости. Часовня несколько смещена к югу в соответствии с положением площадки. По-видимому, на ее месте в древности было святилище, и смещение площадки произошло при строительстве этого сооружения.

Южная часть восточного крыла крепости, которая была двухэтажной, отслеплена от северной стеной длиной 24,2 м и толщиной 2,25 м, соединяющей внешнюю восточную стену с центральной поперечной. Здесь раскопано пять небольших помещений, из коих помещения III и VII функционировали в древности, а остальные—в раннем средневековье.

Помещение III расположено в юго-восточном углу крепости и имеет прямоугольную форму. Размеры 7,4×2,6 м (табл. VI, I).

Помещение VII расположено в 13,5 м восточнее помещения III, параллельно ему. Его западные стены местами образованы вырубленными лавовыми глыбами, верхняя часть которых выровнена и приспособлена для дальнейшей кладки. Стены помещений III и VII, выложенные из массивных блоков твердого туфа с большим запасом прочности, сооружены одновременно с крепостью и не имеют дверных проемов.

Оба помещения подвальные и, по-видимому, были предназначены для хранения провианта. Свободное пространство между ними площадью около 125 кв. м с неровным полом, на котором выступают камни, также использовалось как хозяйственное помещение, но, вероятно, для хранения топлива и сена.

Западное крыло крепости сильно разрушено. В его южной части, между скальным выступом, на котором стоит часовня, и внешней южной стеной обнаружена яма диаметром 3,7 и глубиной 3 м, назначение которой не вполне ясно, так как ее стены и дно сильно разрушены в результате средневековых строительных работ и раскопок, проведенных в начале нашего столетия Х. Дадяном. Можно лишь предположить, что в древности она была обмазана глиной и служила бассейном для воды. Подобное водохранилище со стенами, обмазанными огнеупорной водонепроницаемой глиной из Налбандяновского месторождения, открыто в Аргиштихинили⁸. Возможно, глиной более близкого месторождения с идентичным составом глины были обмазаны стены ошаканского водохранилища.

Между внешней западной стеной и бассейном в лавовой толще

⁴ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили. Ереван, 1974, рис. 101.

⁵ Материалы не опубликованы.

⁶ Մարտի Մարտիարյան, Գլխի քաղաքի և Կրտ սկզբնակրը, II, Երևան, 1982, նկ. 61.

⁷ Г. С. Есаян. Разведочные работы в Беркабере, АО, 1981 г. М., 1983, с. 426.

⁸ А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян, К. К. Кафадарян, В. Р. Исраелян, Л. А. Петросян. Водоохранилище Аргиштихинили и некоторые вопросы урартского гидростроительства. ВОН АН АрмССР, 1975, № 10, с. 58.

вырыт узкий коридор шириной 2—3 м и длиной 10 м, по-видимому, также служивший складским помещением. Остальная часть западного крыла площадью около 400 кв. м представляет собой чуть покатый склон с твердым слоем естественного шлака, на котором следов каких-либо сооружений не сохранилось.

Для датировки рассматриваемых помещений и определения времени функционирования крепости большое значение имеют исследования строительной техники⁹ и археологического материала.

Самый ранний археологический материал, обнаруженный в крепости, относится к VII—VI вв. до н. э. и представлен в небольшом количестве. Важное значение имеет описанный идол из помещения I, так как подобные идолы, как увидим ниже, вместе с другими культовыми памятниками уничтожавшиеся в раннеармянское время, десятками встречаются в урартских слоях дворцовых сооружений Ошакана. Датированным элементом служит также небольшое количество фрагментов керамики, сохранившихся лишь в расщелинах полов или под стенами крепости на глубине 1,5—2 м, так как древний культурный слой начисто уничтожен средневековыми строителями.

Наиболее древними находками являются два фрагмента широкогорлых безручных кувшинов из нижнего слоя помещения III—одного с округло отогнутым венчиком и низкой шейкой и другого с округло срезанным венчиком. Хронологически к ним примыкает найденный в крепости у основания западной стены фрагмент тулова большого кувшина, украшенного многорядной волнистой линией¹⁰. Здесь же на глубине 1,7 м обнаружен фрагмент красноватой миски¹¹ с плоским слегка выступающим венчиком и округлым туловом. На нем сохранилось клеймо мастера—пересекающиеся прямые и косые линии. Такие кувшины по форме и ornamentации характерны для керамики Армении и Закавказья VII—VI вв. до н. э. и встречаются повсеместно, фрагмент же миски явно урартского происхождения; такие сосуды часто встречаются как в керамике урартского времени дворцовых комплексов Ошакана, так и среди аналогичных материалов из Кармпрблур и Аргиштихинили.

В помещении II найден фрагмент небольшой красноангобированной мисочки с чуть заметным округлым венчиком и рельефной линией на шейке. Более светлая подкладка миски украшена горизонтальными линиями, нанесенными красной краской¹², что часто встречается на позднеурартской-раннеантичной керамике Армении.

Под южной стеной крепости на глубине 1,5 м были найдены четыре фрагмента тулова темного красноангобированного сосуда и два фрагмента красноангобированного сосуда с более светлым ангобом, датированных, по-видимому, V—началом IV вв. до н. э. В помещении X—складском помещении западного крыла—среди отщепов камней стен найденные два грузила из красного и черного шлака—одно кольцевидной формы, другое в виде пробки (табл. VII, 12), явно при-

⁹ С. А. Есаян, А. Г. Кинцяян. Строительная техника урартских сооружений Ошакана. ВОН АН АрмССР, 1983, № 4, с. 68.

¹⁰ Инв. № 128 ГИМА.

¹¹ Инв. № 130 ГИМА.

¹² Инв. № 2580/5 ГИМА.

менявшихся при сооружении стен крепости и, по-видимому, служивших уровнем, не могут выступать в качестве датирующего элемента. Таким образом, немногочисленный археологический материал из помещений II и III свидетельствует, что крепость была основана в VII в. до н. э. и функционировала до конца V в. до н. э. Эта датировка подтверждается археологическим материалом из дворцовых сооружений, раскопанных на северных склонах Диди-конда.

К моменту образования средневекового поселения внешние стены крепости были разрушены и сравнены с землей, что позволило некоторым помещениям построить на самой стене; здесь же были сооружены зернохранилища. Поселение было основано представителями нахарарского дома Аматуни в IV—V вв. н. э., когда Ошакан входил в их владения.

Особый интерес из построек этого периода представляет часовня, части кровли и камни которой встречались почти во всех смежных помещениях.

При раскопках помещения VIII был собран небольшой подъемный материал в виде обломков плоских и полуцилиндрических черепиц, относящихся к раннему средневековью, а в верхнем слое помещения II обнаружено много фрагментов бытовой керамики того же периода.

Несмотря на то, что от самой часовни сохранились лишь следы нижнего ряда кладки стен, с их помощью удалось установить ее размеры (7,9×5,35 м), форму алтаря. Алтарь был помещен в северо-восточной части часовни и имел прямоугольную форму; в юго-западной стороне сохранились остатки входа. Как видим, каноническая ориентация часовни с востока на запад несколько смещена к югу, что объясняется, как мы уже говорили, положением площадки с древним святилищем.

Материалы, найденные при раскопках часовни и помещений южной части восточного крыла крепости свидетельствуют о том, что она имела богатое убранство, и что ее стены были выложены из хорошо обтесанных камней, а большое количество обломков разнообразных черепиц указывает на то, что часовня была покрыта черепичной кровлей, как и все культовые сооружения раннего средневековья.

Часовня по обломкам крылатых крестов, фрагментам черепиц и орнаментике отдельных камней (табл. VIII) датируется IV—V вв. В пользу этой датировки говорит также форма алтаря. Прямоугольные алтари встречаются лишь на некоторых ранних памятниках Армении указанного времени; позже они получают подковообразную-полукруглую форму.

При раскопках южной части крепости, как уже указывалось, открыты три урартских помещения—III, VII и промежуточное помещение между ними. Последнее в средние века было перегороджено стенами и разделено на три части (помещения IV—VI).

В верхнем слое помещения III глубиной 0,5—1 м, где прослеживаются восстановленные стены из мелких камней, содержится раннесредневековый материал—фрагменты различной кухонной керамики и плоских, полуцилиндрических черепиц, обломки равнокрылых орнаментированных каменных крестов. Датировка этого материала V—VII вв. н. э. не вызывает сомнений.

Внешняя стена была разобрана для устройства дверного проема (табл. V, 2). Рядом с дверным проемом была вырыта яма.

Помещение IV примыкает к помещению III восточной стеной и параллельно ему (табл. VI, 2). Оно имеет прямоугольную форму. Размеры 7,5×3,3 м. В связи с местоположением восточная, южная и северная стены помещения, сооруженные в древности, выложены из крупных блоков, в то время как западная, относящаяся к средневековью, выложена из небольших кусков пемзы на глиняном растворе и местами пристроена к скальным выступам. В юго-восточном углу открыта квадратная яма, служившая хранилищем для воды, стены и дно которой были обмазаны известковым раствором. Археологический материал и стратиграфические наблюдения четко показывают, что помещение однослойное и относится к раннему средневековью. Здесь найдены фрагменты карасов с елочным рельефным орнаментом, кувшинов, горшков с характерной для указанного времени орнаментацией, фрагменты черепиц, аналогичные вышеописанным, часть которых окрашена в красный цвет, обломки каменных крестов, схожих с найденными в помещении III, и овальный в сечении железный наконечник черенковой стрелы.

Помещение V расположено западнее помещения IV, параллельно ему. Размеры 7,15×3,05 м. Пол, образованный естественным выходом пемзы, выше пола помещения IV. Северная стена, являлась продолжением общей поперечной стены южного отсека, которая в отличие от стен помещений III и IV, проходила значительно выше пола, опираясь на вырубленные скальные породы, что лишний раз подтверждает, что этот участок в древности не использовался как жилое помещение.

Восточная и западная стены выложены из небольших кусков пемзы и сохранились чрезвычайно плохо; южная стена не сохранилась. Пол находится на одном уровне с сохранившейся южной оборонительной стеной крепости. По-видимому, это помещение перекрывало наружные стены крепости и выходило за ее пределы; такая же картина наблюдается и в ряде других помещений, описанных ниже.

Археологический материал, обнаруженный в помещении, немногочислен и в основном состоит из фрагментов черепиц описанного типа и грубых лепных мисок, датируемых ранним средневековьем. Встречаются также хорошо обтесанные камни, упавшие со стен второго этажа и, быть может, принадлежавшие раннесредневековой часовне.

Помещение VI расположено западнее помещения V, параллельно ему. Размеры 5,5×4,3 м. Узкая восточная стена, служившая одновременно и помещению V, выложена из небольших кусков пемзы. Южная стена, являвшаяся в то же время внешней крепостной, выложена из больших туфовых блоков. Западная стена, служившая и смежному помещению VII, по конструкции напоминающему помещению III, сложена из больших каменных блоков. С севера помещение не примыкало к массивной поперечной стене южного отсека, проходившей, как указывалось, выше пола, а было снабжено стеной, выложенной из мелких камней и имевшей чуть вогнутую форму. Помещение было разгорожено вертикально поставленной, слегка обтесанной глыбой пемзы на две небольшие комнаты, соединенные узкой дверью.

Пол первой комнаты выложен из маленьких кусков пемзы, пространство между которыми заполнено утрамбованной землей. Под

массивной западной стеной из небольших камней сооружена приступка длиной 5 м, шириной 0,7 м и высотой 0,8 м.

Вторая комната, расположенная севернее, повторяет по конструкции первую.

Помещение VII. Первоначальные размеры помещения не совсем ясны, так как в средние века оно было подвергнуто основательной реконструкции. Помещение разделено перегородкой на две небольшие смежные комнаты, соединенные друг с другом дверью. В южной комнате под восточной стеной сооружена каменная приступка наподобие приступки из помещения VI, идущая вдоль стены до перегородки. Северная комната уже. Разница в ширине комнат объясняется тем, что по периметру трех основных стен елочной кладкой, характерной для раннесредневековой архитектуры и известной по синхронным сооружениям Ацаваиа¹³ и Двина¹⁴, возведен дополнительный ряд стен. В восточной и западной стенах имеются небольшие полукруглые ниши для светильников. Под западной стеной, начиная с дверного проема, проходит узкая капавка, с одной ступенькой в 40 см. В северо-западном углу пола начинается полукруглый коридор, ведущий в пещеру, естественную или вырытую в лавовой толще, поверх которой проходит стена южного отсека. Стены коридора обложены мелкими камнями. Вся пещера засыпана булыжником, и ее размеры могут быть уточнены лишь после расчистки. Последняя может дать интересный материал, а также выявить, использовали ли пещеру в древности. Однако в ее своде имеются трещины, грозящие обвалом, что затрудняет расчистку.

Без сомнения, здесь налицо интересный комплекс жилых и хозяйственных помещений раннего средневековья. Найденный в помещении археологический материал однороден и состоит из фрагментов кухонной керамики, разных черепиц и других предметов, относящихся к V—VII вв. По-видимому, здесь, как и в других помещениях, древние предметы были уничтожены жителями средневекового поселения.

Помещение VIII, частично смежное с помещением VII, сооружено на скальном выступе. По конфигурации оно не вписывается в общий план крепости. Южная часть помещения перекрывала внешнюю оборонительную стену и даже выходила за ее пределы. Это свидетельствует о том, что в раннем средневековье крепость уже не функционировала, и на ее развалинах было сооружено незащищенное поселение. Стены помещения VIII сохранились чрезвычайно плохо; местами остались 1—2 ряда кладки из мелких камней, достигающие 0,5—0,6 м высоты. Помещение не параллельно поперечной стене, как помещения восточного крыла, а несколько наискосок, отклоняясь от них на 30—40°. Оно было снабжено колоннами, о чем свидетельствует сохранившаяся в его северо-западной части небольшая каменная база от деревянной колонны. Пол обмазан твердой глиной. В юго-восточной части в древней оборонительной стене была сооружена большая зерновая яма, для чего из стены вынута несколько крупных камней, поэтому яма и имеет неправильную форму. В ней под слоем наносной

¹³ Գ. Ա. Տիրացյան, Հաղապան ամրոցի 1962 թ. պեղումները, ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր» (Դաս. գիտ.), 1963, № 12:

¹⁴ Ա. Ա. Քալանթարյան, Դվին, I, Երևան, 1976, էջ 19, աղ. XIV, 2:

земли найдена в большом количестве пшеница, перемешанная с ячменем и серго¹⁶. Очевидно, здесь хранились пищевые запасы. Кроме того, можно заключить, что в раннем средневековье еще практиковали смешанные посевы для повышения урожайности в засушливые годы.

Помещение, по-видимому, имело деревянное перекрытие и черепичную кровлю, так как здесь найдено большое количество фрагментов различных черепиц, которые, как и черепицы, принадлежавшие часовне, архаичны и формой напоминают образцы из слоев V—VI вв. цитадели Двина и Айгвана. Обнаружено также большое количество фрагментов кухонной посуды.

Помещение IX расположено северо-западнее помещения VIII и занимает участок западного крыла между южной оборонительной стеной и скальным выступом, захватывая описанный древний бассейн. Стратиграфические наблюдения затруднены рядом факторов. Дело в том, что здесь имеется несколько строительных горизонтов, которые были разрушены и смещены в начале нашего столетия раскопками Х. Дадяна.

В раннем средневековье в яме-бассейне было сооружено небольшое помещение, пол которого, выложенный из больших каменных блоков, снятых со стен крепости, поднят на 1 м.

Северная и восточная стены помещения, выложенные из небольших камней, имеют полукруглую форму. Южная и западная стены не сохранились. В настоящее время на их месте видны стены древней ямы из вырубленных шлаковых пород. По кромке ямы на дневной поверхности сохранился один ряд кладки стены из больших, грубо обработанных камней, по которому можно заключить, что полуподвальное помещение имело форму неправильного круга.

По всей вероятности, помещения VIII и IX составляли единый жилой и хозяйственный комплекс, так как были разгорожены не стеной, а узкой перегородкой, сохранившейся частично. В помещении IX каких-либо предметов материальной культуры не обнаружено.

Раскопки средневекового поселения Ошакана показали, что оно на отдельных участках выходило за пределы бывшей крепости и функционировало по крайней мере до VII в. н. э.

Стены внутренних помещений, использовавшихся в средневековье, были оставлены в первоначальном виде и местами восстанавливались, без изменения в плане. Так, внешняя юго-восточная стена крепости, одновременно служившая стеной помещения IV, была восстановлена на всю высоту кладкой из мелких камней на глиняном растворе. Основанием же послужила древняя кладка из больших блоков, сохранившаяся до 2 м высоты. Здесь же на месте древнего контрфорса было сооружено небольшое помещение с тониром. Точно так же восстановлена северная стена крепости для использования помещения I. Здесь древняя стена, выложенная из крупных блоков, имеет толщину 2,45 м, в то время как реконструированная—всего 1,5 м.

Значительные изменения были произведены у западной стены, где предположительно находился вход в крепость. Осенью 1973 г. во время ее расчистки с внешней стороны была обнаружена хозяйственная яма глубиной 2 м и диаметром около 1 м, одной стороной при-

¹⁶ Определение профессора П. А. Кандиляна.

мыкавшая к крепостной стене, а с другой обложенная мелкими камнями и обмазанная глиной. В ней были найдены обломки плоских и полуцилиндрических черепиц и фрагменты горшков и кувшинов из светлой глины. Здесь, по-видимому, стояло сооружение, выходящее за пределы крепости. Все это говорит о том, что в раннем средневековье крепость была разрушена почти до основания, и на ее территории было образовано небольшое незащищенное поселение. Одни дома были построены внутри урартских сооружений (помещения IV—VI), другие были воздвигнуты на крепостной стене и даже выходили за ее пределы. Стены новых помещений выложены из мелких обломков туфа и шлака на глиняном растворе. Техника кладки везде одна и та же—«елочная», характерная для раннесредневековых сооружений.

Предметы материальной культуры, найденные при раскопках крепости Диди-конд, представлены небольшим количеством каменных и керамических изделий—фрагментами карасов, горшков, кувшинов, чаш и других сосудов, а также предметов, связанных со строительной техникой. Обнаружено большое количество фрагментов каменных равнокрылых крестов, украшенных различной орнаментацией (табл. VII, 1—9, II). Единственным металлическим изделием является железный искривленный наконечник стрелы (табл. X, 8).

Немногочисленные средневековые изделия (XI—XIII вв. н. э.), представленные в основном фрагментами различных сосудов со свернутыми венчиками и солонок, покрытых однотонной глазурью зеленого цвета, характерной для указанной эпохи, найдены вблизи поздней часовни и расположенного рядом с ней помещения II. Изделия не связаны с раннесредневековым поселением, так как в это время оно уже не существовало, и, по-видимому, могли быть занесены на Диди-конд паломниками, приходившими сюда на поклонение к развалинам старой часовни.

Предметы, относящиеся к раннему средневековью, обнаружены во всех помещениях древней крепости, используемых в раннем средневековье. Раннесредневековые слои глубиной до 1 м зафиксированы в помещениях II, III, IV, VII. Найденная здесь керамика делится на следующие группы.

Небольшой группой представлены фрагменты карасов с профилированными венчиками шириной 4—7 см, непосредственно соединяющимися с туловом, и с гладкой поверхностью. Отсутствие шейки характерно для аналогичных карасов из других памятников Армении V—VII вв. н. э. Некоторые венчики, как и на синхронных карасах из Мингечаура¹⁶, в нижней части украшены волнистыми вдавленными линиями. Другие сближаются с венчиками карасов, найденных в раннесредневековых слоях Айгевана, датируемых V—VIII вв.¹⁷ Тулова ошаканских карасов в основном орнаментированы, что типично для керамики из Ацавана¹⁸, Двина¹⁹, Айгевана и других раннесредневековых памятников Армении. Некоторые карасы украшены рельефными поясками со жгутовым орнаментом, над которыми нанесен вдавленный

¹⁶ Р. М. Вандов. Мингечаур в III—VIII вв. Баку, 1961, табл. III, с. 37.

¹⁷ Раскопки Б. Б. Пиотровского и С. А. Есаяна. Материалы не опубликованы.

¹⁸ Գ. Ա. Տրւագյան, նոյն աշխ., էջ 108.

¹⁹ Ա. Ա. Քալաբրաթյան, Դժիճի նյութական մշակույթը IV—VIII դդ., Երևան, 1970, աղ. ԿԿ, 1.

узор в виде запятых (табл. IX, 4, 8, 9). На одном венчике изображен вдавленный крест, чуть выше донныка другого сосуда помещен рельефный кружочек, по-видимому, знаки мастеров.

Горшки представлены в основном фрагментами закопченной кухонной посуды, преимущественно грубой ручной лепки. Встречаются также фрагменты сосудов, изготовленных на круге из хорошо отмученной глины, с прекрасно лощеной поверхностью (табл. IX, 1, 5, 7). Сосуды обоих типов представляют собой широкогорлые горшки с профилированными бортами, украшенные орнаментальными мотивами, характерными для раннесредневековой керамики Армении. Здесь встречаются почти все формы горшков, известные из слоев V—VII вв. н. э. синхронных памятников Армении и Закавказья (табл. IX, 12, 14). Как правило, по их венчикам проходят бороздки различных форм, что особенно характерно для сосудов, найденных при раскопках центрального квартала Двина²⁰ и раннесредневековых слоев Айгевана. Близость форм и орнаментальных мотивов керамики из Ошаканского поселения и указанных памятников позволяет датировать рассматриваемые горшки V—VII вв. н. э., тем более, что в керамических изделиях Армении VIII в. н. э. горшки с аналогичными венчиками уже не встречаются.

Некоторые венчики имеют бороздки и с внутренней стороны, аналогично венчикам из слоев III—IV вв. н. э. Арташата, что свидетельствует об их более раннем происхождении.

Фрагменты венчиков горшков средней величины, украшенных бороздкой, какие применялись лишь в раннем средневековье, найдены в четвертом помещении Ошаканского поселения. В верхних слоях третьего помещения найдены фрагменты венчиков, в основном округлой формы, однако встречаются и венчики заостренной скошенной формы.

Во втором помещении обнаружены фрагменты венчиков горшков, украшенных бороздками, ниже которых уже на тулове нанесен разнообразный, очень простой орнамент (табл. IX, 3)—волнистые линии, неглубокие бороздки и орнамент в виде запятых, встречающийся в орнаментальных мотивах карасов. На одном желтоватом фрагменте слабо наблюдается елочный орнамент.

По своей форме несколько отличается от остальных небольшой покрытый сажой горшок (инв. № 2579/16 ГИМА) с чуть заметным отогнутым наружу венчиком, прямыми без шейки бортами и плоским дном. Под венчиком проходит вдавленная линия, а на тулове слабо различается какой-то рельефный орнамент (табл. IX, 2). Орнамент на некоторых фрагментах горшков, найденных в 1974 г. во втором помещении, отдаленно напоминает римские цифры IIX (табл. IX, 10). Миндалевидные в сечении ручки найденных горшков отходят от края венчика и опираются на борта сосуда; встречаются также горизонтальные ручки, прикрепленные к венчикам, которые характерны для последнего этапа VII в. н. э.

Кувшины. При раскопках Ошаканского поселения найдено также небольшое количество фрагментов слабоощенных кувшинов желтого

²⁰ У. У. Քալաբրաբուրաբ, Գլխի կենտրոնական թաղամասի 1971—1973 թթ. պեղումները, Վրարի հասարակական գիտություններ 1975, № 7, էջ 96, աղ. III, 6, 9:

или красного цвета, украшенных вдавленными горизонтальными или волнистыми линиями и точечным или рельефным орнаментом, изготовленных на круге из хорошо отмученной глины. Горлышки сосудов в основном узкие, хотя встречаются также горлышки в виде трилистника (табл. X, 4, 16). Венчики скошенные или округлые, украшены линейным орнаментом. По форме венчиков и орнаментальным мотивам ошаканские кувшины сближаются с синхронными кувшинами из Двина.

Ручки кувшинов, округлые или мидалевидные в сечении, сохранились в значительно большем количестве. Все они, как правило, отходят от края венчика к верхней части тулова. Ручки с широкими бороздками по технике изготовления сближаются с ручками позднеантичных кувшинов Армении. Плоская в сечении длинная ручка, найденная под южной крепостной стеной, близка по отделке к ручкам античных сосудов (табл. X, 15). На другой ручке сохранился орнамент, напоминающий греческую букву «омега» (табл. X, 19).

Чаши, найденные в Ошакане, делятся на два типа—небольшие, изготовленные на круге из мелкозернистой глины, и глубокие, с прямыми бортами, изготовленные из глины с грубыми примесями (табл. X, 1—3, 5—7, 9—14). Чаши первой группы имеют округлые, реже скошенные венчики. Венчики сосудов второй группы вдавлены вовнутрь. Большая часть чаш покрыта ангобом и хорошо вылощена. Чаши обеих групп украшены бороздками, проходящими под венчиком,—орнаментом, характерным для рассматриваемой эпохи. По формам они сближаются с аналогичными чашами античной эпохи и являются их органическим продолжением. Влияние античного керамического производства наблюдается также в орнаментальных мотивах, технике ангобирования и лощения поверхности сосудов, почти не встречаемой в оформлении аналогичных сосудов из раннесредневековых слоев Двина. По-видимому, это объясняется локальным способом производства, характерным для гончаров из Ошаканского поселения, где, как увидим ниже, было найдено много античных погребений. В этом отношении Ошакан не является исключением—много ангобированных и лощеных сосудов (чаш, кувшинов и др.) найдено также в Гарни.

Влияние античного керамического производства на раннесредневековую ошаканскую керамику наблюдается и в оформлении днищ сосудов, имеющих крупные кольцевидные поддоны диаметром 4,5—6,6 см, довольно близкие к поддонам сосудов I—II вв. н. э., найденных на восьмом холме Арташата²¹ (табл. X, 17, 20).

В комплексах керамических изделий раннесредневековой эпохи из раскопок замка крепости имеется несколько фрагментов грубо изготовленных крышек различных сосудов. По всей поверхности ковшики диаметром 20 см, украшенной по краям легкими защипами (ГМА, инв. № 2580/8), проходит изображение слабо прочерченного креста; высокая ручка отбита (табл. IX, 13). Эта крышка, как и красная лощеная аналогичной формы (ГМА, инв. № 2579/5), изготовлена от руки из глины с грубыми примесями. Под внешней южной стеной крепости найден фрагмент квадратного сосуда с явными следами обжига с внутрен-

²¹ Ժ. Գ. Խաչատրյան, Ա. Գ. Կանեղյան, Արտաշատի VIII դարի շերտագրությունը, «Արարիկ հասարակական գիտություններ», 1974, № 9. տախտակ. II.

ней стороны, по-видимому, небольшого тигля (табл. X, 18). В помещении VIII найдены в 1974 г. фрагменты маслобойки с ручкой и небольшим отверстием (табл. IX, 15).

Почти во всех помещениях найдены фрагменты черепиц, покрывавших кровли помещений, но больше всего черепиц обнаружено в помещениях III и IV и в центре холма около раннесредневековой часовни, вместе с фрагментами крылатых крестов. Черепицы делятся на два типа—плоские и полуцилиндрические. Плоская черепица покрыта снаружи белым и красным ангобом, а с внутренней стороны—волнистыми бороздками. Она отличается от образцов, найденных в Двине и Звартноце, и черепицы, по настоящее время покрывающей церковь Кармавор в Аштаракском районе Армянской ССР (VII в. н. э.). Более широкая полуцилиндрическая черепица древнее по происхождению и непосредственно связывается с черепицей, найденной при раскопках слоев V—VI вв. н. э. Двина. Черепица прикреплялась к кровле известью, следы которой видны на некоторых фрагментах.

Каменные изделия, найденные при раскопках крепости, немногочисленны. К ним относятся небольшая каменная пробка, верхний жернов орнаментированной ручной мельницы со сквозным отверстием, небольшое пряслице и два терочника из пемзы.

В последнее время обогатились наши представления о ранних формах поливных сосудов Армении. Если в недавнем прошлом находки подобных сосудов были единичны, то в настоящее время они часто встречаются в керамических материалах Айгевана, Арташата, Армавира, Двина, Ошакана и других памятников Армении. Древние глазурованные сосуды изготовлены как из обычной глины, так и из каолина. Последние, таким образом, являются древнейшими образцами фаянсовых сосудов. Фрагменты глазурованных сосудов из раннесредневековых слоев замка-крепости Диди-кюнд по технике изготовления имеют много общих черт с материалами из древних памятников Армении (Арташат, Армавир), но в то же время отличаются от них. Они изготовлены из красноватой или желтоватой мелкозернистой глины и с внешней и внутренней стороны покрыты сине-зеленоватой поливой. Фрагменты поливной керамики, без сомнения, местного происхождения. По своему цвету и качеству глины они близки к аналогичной керамике патриаршего дворца V в. н. э. Двина²² и датируются тем же временем. Возможно, эти сосуды попали в Ошаканское поселение именно из двинского производственного центра.

Раскопки Ошакана имеют важное значение для изучения материальной культуры раннесредневековой Армении. Раскопанные материалы четко показывают, что Ошакан имел тесные связи с синхронными производственными центрами Араратской долины и их культурой и составляет с ними одну культурную группу.

²² Հարս Դաֆաղաբյան, Արամ Քալանթարյան, Դժբեր 1975—1976 թթ. պեղումները, «Իրարեր հասարակական գիտություններ», 1978, № 2, էջ 102:

ГЛАВА II

РАСКОПКИ ДВОРЦОВЫХ КОМПЛЕКСОВ

Раскопками Ошаканской экспедиции открыты новые, до настоящего времени неизвестные монументальные памятники урартской гражданской архитектуры. Эти памятники являются дворцовыми комплексами, представляющими исключительный интерес не только для архитектуры Ванского царства, но и для последующих эпох. Здесь впервые в чрезвычайно большом количестве встречаются молельни, святилища и другие культовые сооружения, раскрывающие не только архитектурно-планировочные особенности этих сооружений, но и идеологию их обитателей.

Судя по наблюдаемым остаткам стен дворцовые помещения Ошакана, занимавшие северные склоны малого холма, составляли четыре комплекса. Первый и второй расположены по оси север-юг с отклонением к востоку на 40°. Чтобы не вносить путаницу в ориентацию помещений, мы условно считаем их ориентированными с севера на юг. Третий и четвертый комплексы расположены в 150—200 м восточнее первых двух, перпендикулярно им¹.

Первый дворцовый комплекс, раскопанный в 1972—1975 гг., состоит из 14 помещений общей площадью 900 кв. м. (табл. XII). Раскопки второго комплекса, начатые в 1976 г. и пока не завершённые, выявили 24 помещения (16—38). Эти комплексы (табл. XI) соединяются посредством частично перекрытого двора (помещение XV), что было характерно для урартских крепостей². Внешние стены первого комплекса шириной 1,5—2,45 м местами едва выступают над окружающей местностью. С внутренней стороны их высота составляет 0,4—1,5 м.

Помещение I расположено в крайнем северо-западном углу. Его западная и северная стены являются в то же время внешними стенами крепости. С южной стороны оно смежно с помещением VI, а с восточной—II. Размеры 7,9×5 м. Стены сохранились на высоту 0,4 м. Пол как этого, так и других помещений для нивелировки склона засыпан шлаком и покрыт слоем утрамбованной земли высотой 20—30 см. Дверей не обнаружено. В северо-западном углу найдено два кромлеха (№ 1 и 2), сооружённых внутри комнаты после гибели дворца.

¹ Западнее второго комплекса на расстоянии 100—150 м наблюдаются отдельные камни, возможно, являющиеся остатками стен еще одного комплекса.

² К. Л. Оганесян. Аринберд, с. 24; А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 88.

Внутри помещения обнаружено несколько фрагментов больших урартских карасов, украшенных двумя рельефными жгутовыми поясками, фрагмент большого краснолощеного сосуда, украшенного рельефной линией и ногтевым орнаментом, и фрагмент большого грубого черного кувшина, покрытого сажей.

Помещение II, смежное с помещениями I, III и V, расположено восточнее первого. Северная стена является в то же время наружной стеной. Размеры 5,1×4,9 м. Дверным проемом связано с помещением V. Порог выложен мелкими камнями. На полу найдены фрагменты больших красных и коричневых карасов, украшенных рельефным жгутовым орнаментом, краснолощеного кувшинов, красных ангоброванных фиал, мисок с профилированными или округлыми бортами, грубых горшков, покрытых сажей, сосуда неизвестного назначения с широким плоским дном и округло суживающимися бортами, а также фрагмент верхнего камня ладьевидной зернотерки.

Помещение III, смежное с помещениями II, VI, расположено восточнее помещения II. Размеры 7,9×5 м. Имеет несколько неправильную форму. Южная стена, являющаяся продолжением стены помещения II, на расстоянии 3,1 м от юго-западного угла под прямым углом отходит 1,7 м и затем опять под прямым углом сворачивает на восток, образуя колено. Связано дверным проемом с помещением VI; другая дверь ведет наружу.

Здесь найдены пять целых и фрагментированных зернотерок, большое лоцило из речного гольша и сильно сработанными рабочими сторонами и неглубокая каменная ступка, а также фрагменты глубокой лощеной миски и два фрагмента грубых черных горшков, украшенных рельефными поясками с вдавленными косыми линиями и ногтевым орнаментом, покрытым сажей. Под полом, почти в центре помещения обнаружено погребение № 3. Другое погребение (№ 4) найдено под центральной частью северной стены, которая частично перекрывает его. Погребения под стенами или нивелированными полами урартских домов выявлены и при раскопках Аргиштихинили. Большое количество типично урартского инвентаря VIII—начала VII вв. до н. э. встречается на обширной территории к западу от холма³.

Помещение VI, длиной 11 м, шириной 1,9 м, является коридором, куда выходили помещения III, V, IX и X. Восточной стеной служит внешняя стена всего комплекса. Связано дверными проемами с помещениями I, IX, X. Пол, как и в помещении III, местами образован естественными выходами туфовых пород, неровности между которыми нивелированы утрамбованной землей. Здесь обнаружено небольшое количество керамики: фрагмент большого караса с треугольными выемками, типичными для урартских изделий, фрагменты широкогорлых кувшинов с округлыми выемками и фрагмент большого сосуда с двурядным косым ногтевым орнаментом. Кроме того, найдены фрагменты красных лощеных сосудов, украшенных снаружи прямыми линиями и овалами, а изнутри глубокими полукружиями, сосудов с рельефными линиями, мисок с округлыми и профилированными бортами и др. Самой интересной находкой является фрагмент двуручного кубка с втянутым туловом и высокой шейкой, аналогии к которому хорошо из-

³ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 50—51.

вестны в Армении по находкам из урартских и раннесармянских памятников.

Под южной стеной обнаружены четыре погребения—№ 5, 6, 7, 8, примыкающие к ней одной стороной; их остальные стены сложены из крупных туфовых блоков, снятых со стен рассматриваемых сооружений. Погребение № 39 обнаружено в дверном проеме, ведущем в помещение X.

Помещение V, смежное с помещениями II, IV, VI, VIII, расположено западнее помещения IV. Между восточной поперечной стеной, длина которой составляет лишь 1 м, и северной стеной оставлен проход шириной 1,7 м, соединявший помещение с помещением IV. Поперечная стена, сохранившаяся на высоту 0,9 м, будучи несущей, более массивная и имеет толщину 1,6 м. Помещение V связано дверными проемами с помещениями II, VI, VIII. Пороги выложены двумя плитами—из темно-красного и коричневого туфа. Дверные проемы с порогами, выложенными туфовыми плитами, а также мелкими камнями, обнаружены при раскопках Аргиштихинили⁴ и Тейшебаини⁵.

Здесь найдено небольшое количество фрагментированной керамики, а в северо-западном углу—плита из красного туфа размерами 1,2×1,25×0,3 м, явно культового назначения.

Помещение IV расположено южнее помещения I. Размеры 10,9×1,7 м. Под восточной стеной сохранилась частично разрушенная каменная приступка длиной 3,6, шириной 0,7 и высотой 0,9 м, какие встречаются и в других крепостях рассматриваемого времени. Так, пятиметровая скамья обнаружена под южной стеной помещения VIII дома № 6 Аргиштихинили⁶, в доме знатного урарта в Тейшебаини⁷, в крепости VI—V вв. до н. э. Пилор-пат, в селе Норашен Шамшадинского района⁸ и других местах. Скамьи-приступки сооружали также в центральной части Урарту (Ванская скала) и в Месопотамии (храм Нарамеина в Ашнунаке, дворец Саргона в Дур-Шаррукине). Позже они появились в ахеменидском Иране—Персеполе, Пасаргадах и Аринберде⁹. В южном углу рядом с приступкой имеется дверной проем, ведущий в помещение VII. Ширина проема 1 м, глубина 1,25 м. Порог дверного проема, как и все его основание, выложен мелкими камнями. Толщина внешней западной стены 1,5 м.

Помещение VII расположено южнее помещения IV. В качестве его западной стены выступала внешняя стена, а остальные стены служили одновременно смежным помещениям IV, VIII, XI. Размеры 8×4,3 м. Стены сохранились на высоту 0,8 м. Соединено дверным проемом шириной 0,9 м. У проема в пол вкопана небольшая грубая каменная чаша, по-видимому, служившая подставкой остродонных сосудов. Рядом с ней обнаружен прислоненный к стене каменный идол в виде круглого столбика с заостренной верхушкой.

Посередине помещения найден большой фаллос с частично отбитой

⁴ Там же, с. 104.

⁵ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1961, с. 111, 122.

⁶ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 117.

⁷ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 114.

⁸ С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976, с. 76. (далее—Древняя культура...).

⁹ К. Л. Оганесян. Указ. соч., с. 84, 85.

головкой. Под северной стеной, отделявшей его от смежного помещения IV, обнаружен очаг из четырех грубых камней со следами угля и золы, а рядом с ним у стены большая частично сломанная глиняная жаровня. Находки очага, фаллоса и идола-столбика свидетельствуют о том, что в Ошакане, как и в Аргиштихинили, имелись священные уголки. В этом помещении найдены также большая коричневая миска со слегка профилированными бортами, ручка красного кувшина и нижний камень зернотерки. В центре помещения обнаружено античное погребение (№ 18), сложенное из камней, снятых со стен.

Помещение VIII, смежное с помещениями V, VII, IX и XII, расположено восточнее помещения VII. Размеры 6,4×4,6 м. Соединено дверным проемом с помещением V. В северо-западной части дверного проема обнаружен закопанный в землю большой каменный подпятник, а около проема—сломанный туфовый фаллос, идол-столбик с округлой верхней частью, небольшая каменная ступка и подпятник. Найдено большое количество фрагментов небольших красных мисок с прямыми, иногда чуть вдавленными вовнутрь венчиками и неглубоких красных и серых мисок с профилированными бортами, а также фрагмент глубокой красной фиалы, фрагмент вытянутого кубка, украшенного рельефным пояском, кольцевое доньшко красного лощеного сосуда и фрагмент большого красного урартского караса, украшенного двурядным жгутовым орнаментом. В юго-восточном углу помещения обнаружено позднее погребение (№ 17), сложенное из каменных блоков, снятых со стен помещения.

Помещение IX, смежное с помещениями VI, VIII, X и XIII, расположено восточнее помещения VIII. Размеры 5,3×5,2. Стены сохранились на высоту 0,7 м. Соединено дверью с помещением XIII. На пороге уложена туфовая плита размерами 1,4×1,4×0,2 м, служившая ступенькой (табл. XIII, 1). Помещение IX по линии север—юг разделено перегородкой на две небольшие комнаты—IXa (10 кв. м) и IXб (11 кв. м), соединенные дверью шириной 0,7 м. На полу найдены фрагменты больших покрытых сажей горшков со скошенными венчиками и больших сосудов, украшенных рельефными поясками. В комнате IXa обнаружены два поздних погребения—небольшой каменный ящик с кувшином, в котором был похоронен ребенок (№ 19), и кромлех с кувшинным захоронением (№ 38). В комнате IXб раскрыт кромлех с вписанным каменным ящиком (погребение № 20).

Назначение этого помещения неясно. Его стены, сложенные из гладко отесанных туфовых блоков, и роскошное оформление дверного проема, ведущего в помещение XIII, явно говорят о том, что перед нами не жилое или хозяйственное помещение. Расположение этого помещения почти в самом центре дворцового комплекса, небольшие размеры и двойные двери позволяют выдвинуть предположение, что оно могло быть сокровищницей или хранилищем культовых предметов.

Помещение X, смежное с помещениями VI, IX и XIII, расположено восточнее помещения IX. Размеры 5,5×4 м. Восточной стеной служит внешняя стена комплекса. Соединено с помещением VI. При раскопках обнаружены фрагменты больших, покрытых сажей широкогорлых горшков с чуть заметными скошенными венчиками, больших сосудов, украшенных рельефными поясками, красных лощеных и грубых черных мисок с профилированными бортами, одна из которых снабжена кольцевой ручкой, и фрагмент розовой лощеной чаши с

вдавленным днищем. Кроме керамических изделий найден фрагмент большой, до одного метра длины, ладьевидной зернотерки.

Под западной стеной открыты три погребения (№ 9—11), а в дверном проеме, ведущем в помещение VI, как уже указывалось, — погребение № 39. Проем со стороны помещения X был забутован камнями, среди которых найдены фрагменты двух больших базальтовых чанов. Наиболее интересной находкой является фрагмент горлышка сосуда бледно-коричневого цвета, на котором темно-коричневой краской нанесены горизонтальные полосы. По-видимому, сосуд выпал из одного из погребений.

Помещение XI расположено в крайнем юго-западном углу дворцового комплекса. В качестве западной стены выступает внешняя стена комплекса, а остальные стены служат одновременно смежным помещениям VII, XII, XV. Размеры 7,5×3,4 м. Соединено дверным проемом размерами 1,65×1,1 м с помещением XII. На пороге уложены две большие гладко отесанные туфовые плиты (табл. XIII, 2). Рядом с дверным проемом в северо-западном углу обнаружена выгребная яма круглой формы глубиной 2 м (верхний диаметр 1 м, нижний—1,2 м), вырытая в твердом шлаке, что обеспечило стенкам хорошую сохранность. В яме найдены фрагменты ладьевидной зернотерки, ложило из речного гольша со следами сработанности на трех сторонах, грузило из черного туфа, в форме колесика с отверстием посередине и небольшое количество керамики.

Керамические изделия представлены фрагментами круглых очагов, диаметром 60—70 см, с невысокими бортами и массивными днищами, фрагментом горлышка одноручного кувшина с ручкой, украшенной вертикальной прорезью со ступенчатыми углублениями, фрагментами больших черных сосудов, украшенных рельефными поясками, косыми насечками, многорядными волнистыми линиями и косым точечным орнаментом, фрагментами тулов различных красных и коричневых сосудов со следами слабо нанесенного ангоба.

Наибольший интерес представляют два фрагмента бледно-голубых сосудов из стеклянной смальты, украшенных синими и желто-золотистыми волнистыми линиями и костяной инкрустацией в форме сердечка.

В помещении обнаружены два поздних погребения—одно (№ 14) у северной стены между ямой и дверным проемом, второе (№ 16) в юго-восточном углу.

Помещение XII, смежное с помещениями VIII, XI, XIII, XV, расположено восточнее помещения XI. Размеры 10,6×7,5 м, высота сохранившихся стен—1,1 м. Соединено дверьми с помещениями XI и XIII. Так как пол помещения XII ниже пола помещения XI, у дверного проема устроена ступенька из гладко отесанной туфовой плиты, по длине соответствующая плитам, уложенным в его основании. У дверного проема, ведущего в помещение XIII, в основании которого уложена большая туфовая плита, также имеется ступенька. Вдоль северной стены во всю ее длину устроена приступка высотой в 30 см, сложенная из грубых булыжников, обмазанных глиной, которая у входа в помещение XI имеет ширину 1 м, а у дверного проема, ведущего в помещение XIII,—0,85 м, что объясняется разницей в ширине углов. Это помещение, будучи самым просторным в дворцовом комплексе

(его площадь составляет около 80 кв. м), без сомнения, служило залом для проведения различных собраний и, быть может, культовых церемоний, о чем свидетельствует и приступка длиной почти в 10 м. Здесь найдено два обломка головок фаллосов. Почти вся территория помещения занята поздними погребениями (№ 28—32, 37, 48, 63 и 85).

Помещение XIII, смежное с помещениями IX, XII, XIV, XV, расположено восточнее помещения XII. Размеры 7,6×5,3 м, высота сохранившихся стен—1 м. Соединено дверьми с помещениями IX, XII, XIV, XV. Судя по его расположению оно играло роль обширного холла. Здесь найдены обсидиановый вкладыш серпа, точило из речного гольша и обломок фаллоса из рыжевато-го тупа. У входа в помещение XII обнаружено античное погребение (№ 71); другое античное погребение (№ 72) пристроено к стене помещения XIV.

Помещение XIV расположено в крайнем юго-восточном углу дворцового комплекса, восточнее помещения XIII, с которым соединено дверью. Смежно с помещениями X, XII, XIII, XV. Восточной стеной служит стена комплекса. Размеры 7,6×4,3. Высота сохранившихся стен доходит до 1 м. Здесь найдены три больших урартских караса (два в центре помещения, а третий в северо-восточном углу), от которых сохранились лишь нижние части. Положение сосудов говорит о том, что их не закапывали в землю, а ставили прислонив к стене. На Кармир-блуре также кроме огромного количества вкопанных в землю карасов в помещении XXXIII у дверного проема было найдено семь больших карасов, установленных на полу¹⁰. В помещении XIV обнаружены кроме того фрагменты грубого красного горшка с вздутым туловом, большого коричневого лощеного кувшина с рельефным пояском, черных сосудов, украшенных вдавленными волнистыми линиями и косыми вертикальными полосами, красных лощеных мисок с профилированными бортами и обломок фаллоса из коричневого тупа. Здесь раскопаны также четыре поздних погребения (№ 12—14, 21), сложенные из камней кладки стен. В третьем карасе, стоявшем в северо-восточном углу, найдены остатки черепа и другие человеческие кости без какого-либо сопровождающего инвентаря. По-видимому, разбитый карас был также приспособлен в античное время для захоронения.

Находки карасов и большого числа обломков керамической посуды показывают, что помещение XIV являлось хозяйственной кладовой первого дворцового комплекса Ошакана.

Помещение XV расположено южнее первого дворцового комплекса. Оно тянется вдоль всех помещений южной стороны почти на 30 м и смежно с помещениями XI—XIV (табл. XIV). Северная стена, являющаяся в то же время южной стеной первого комплекса, проходит по прямой; южная стена, образованная стенами сооружений второго комплекса, изогнута в соответствии с их формами. Поэтому ширина помещения колеблется от 4,4 до 6,2 м. Пол неровный. Его восточная часть на ширину 17 м от стены образована естественными выходами туфовых скал. Западная часть приподнята на 0,4 м засыпкой из камней и утрамбованной

¹⁰ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, III. Ереван, 1955, с. 15.

земли. Четыре двери с южной стороны ведут в помещения второго комплекса. Двор имеет два входа. По обе стороны первого входа шириной 1,65 м, находящегося в восточной части, с внутренней стороны поставлены башенки размерами 3,2×2,5 м. Северный выступ выдается на 0,4 м, образуя нечто вроде небольшого контрфорса шириной 1,5 м. Второй вход расположен в северной части западной стены второго комплекса. Во дворе найдены три ямы—две круглые, диаметром 1,2 м, в юго-восточном углу, а третья, почти прямоугольная (2,5×1,35×1,4 м), под северной стеной; последняя примыкает к помещению XII. Во всех трех ямах найдены фрагменты керамики, а в третьей яме—фрагмент бронзового браслета, фрагмент зернотерки, базальтовая чаша и два круглых каменных шара, возможно, гири.

Во дворе обнаружены два поздних погребения. Погребение № 40, представляющее собой каменный ящик, было пристроено к западной стене двора. Погребение № 107 занимало вышеуказанную нишу, закрытую камнем длиной 1,5 м и превращенную в свособразный склеп.

Помещение XVI, расположенное юго-западнее двора, выходит за внешнюю западную стену второго комплекса. Размеры 12,5×6 м. Стены оконтурены лишь с внутренней стороны. Ширина общей с помещением XVII стены 1 м. Все помещение было забито камнями, упавшими со стен, и обгорелой землей, свидетельствующей о сильном пожаре. На полу найдено большое количество фрагментов местной и урартской керамики, а также небольшой идол с отбитой головой, округлый торс которого имеет диаметр 0,2 м и высоту 0,5 м, и фрагмент зернотерки.

Помещение XVII расположено восточнее помещения XVI, внутри второго дворцового комплекса. Размеры 7×4,1 м. Связано широким дверным проемом с помещением XVIII. Помещение было сплошь засыпано камнями, упавшими со стен. В этом завале обнаружено два детских погребения в виде каменных ящиков. Сохранившаяся высота южной стены—2,2 м. В ее восточной части на высоте 1,3 м от пола была устроена подквадратная ниша глубиной 0,6 м, шириной 0,3 м и высотой 0,4 м. На полу найдено несколько кусков саманного кирпича и небольшой проволоочный браслет. Под завалом камней на глубине 1,7 м грунт резко меняется, превращаясь в мягкую землю, перемешанную с золой, по-видимому, нанесенной до разрушения стен. В этом слое найдено несколько черных чаш. В юго-западном углу обнаружено три караса, наполовину вкопанных в грунт, а около них—небольшой очаг из врытых в землю камней, между которыми осталось большое количество золы. Пол образован из нивелированного шлака, покрытого слоем мягкой утрамбованной земли глубиной 15 см, на которой обнаружено большое количество тростниковой золы. Около карасов найдено два крупных фаллоса. Два караса небольшие—высотой 1 и 1,2 м; в одном из них обнаружено истлевшее просо. Третий большой, с выступающим венчиком. Под шейкой и в верхней части проходит жгутовый орнамент, а срединная часть тулова украшена двумя рядами треугольных выемок, по семь в каждом ряду. Здесь же найдены зернотерки, фрагмент рога и кость со сквозным отверстием.

Помещение XVIII расположено восточнее помещения XVII. Связано дверными проемами с помещениями XVII, XXII и XXIV, а через последнее с коридором, ведущим во двор. Размеры 9,7×4,2 м. Пол в

восточной части почти наполовину выложен тонкими каменными плитами, промежутки между которыми, как и западная часть пола, заполнены утрамбованной землей.

Удлиненный дверной проем, ведущий в помещение XXII, образует небольшой коридор размерами $2 \times 2,1$ м. Впоследствии он был заложен, и вместо коридора образовалась своеобразная ниша. В центре ниши в землю был вкопан большой карас, по обе стороны которого были врыты два идола-столбика высотой 60—70 см. Около караса обнаружено 85 целых и фрагментированных ладьевидных и прямоугольных зернотерок, а посередине помещения—большая базальтовая ступка и три идола-столбика. Среди камней, упавших со стены, общей с помещением XXVII, найдено три фрагмента больших фаллосов. На полу найдено несколько терочников, точило, грузила и много урартской и местной керамики.

Помещение XIX, расположенное северо-восточнее помещения XVIII, смежно с помещениями XX, XXIV, XXII и коридором, ведущим во двор. Размеры $5,5 \times 3,2$ м. Связано дверным проемом с помещением XX. Порог возвышается на 0,2 м. Пол выложен отдельными каменными плитами, пространство между которыми обмазано глиной. Здесь найдено шесть целых и фрагментированных зернотерок, ложила, а в завале камней, упавших со стен, два идола-столбика, четыре разбитых фаллоса, зернотерка и фрагмент каменной чаши.

Помещение XX, расположенное восточнее помещения XIX, связано дверными проемами с помещениями XIX, XXII и XXV, а через последнее и вышеуказанный коридор—со двором и целым рядом других помещений. Размеры $8,1 \times 5,5$ м. В центре южной стены открыта круглая яма диаметром 1,2 и глубиной 1,2 м. Пол помещения на 0,6 м ниже пола помещения XIX, поэтому в дверном проеме этих смежных помещений сооружена двухступенчатая лестница из грубых камней. Перед дверным проемом смежного помещения XXV, где пол ниже на 0,7 м, положен плохо обработанный камень высотой 0,5 м, а перед дверным проемом, ведущим в помещение XXII, пол которого выше пола помещения XX на 0,3 м, сделана ступенька из мелких камней, засыпанная утрамбованной землей.

Пол помещения целиком был завален камнями, упавшими со стен. В этом завале найдено 11 идолов-столбиков, два обломка фаллоса и голова каменной антропоморфной статуи, явно использовавшиеся при реконструкции помещения. На полу большое количество фрагментов зернотерок и керамики. В юго-восточном углу обнаружен культовый очаг, сооруженный после конструкции здания. Для этого в восточной части помещения из мелких камней была возведена стена-перегородка, длиной 3,4 м и толщиной 0,5 м (высота сохранившейся части 0,7—1,2 м), а в нише, образовавшейся между ней и восточной стеной, из четырех, врытых в землю каменных столбиков высотой 0,5—0,7 м был сооружен очаг (размерами $1 \times 0,8$ со всех сторон, кроме северной), обложенный каменными плитами. По-видимому, ниша прикрывалась дверью, и поскольку само помещение тоже имело двери, можно говорить, что она была снабжена двойными дверями, видимо, образуя своеобразное капище. Под очагом обнаружена древняя выгребная яма. В помещении найдены зернотерка, каменная чаша, идол и много фрагментов керамики.

Помещение XXI примыкает к помещениям XX, XXII, XXX. Имеет чуть трапециевидную форму. Размеры 3,9×3,45 м. Оно изолировано от остальных помещений комплекса и имеет входную дверь во внешней восточной стене. Однако фактически это дверь смежного помещения, так как в этой части дворцовый комплекс расширяется к востоку. Пол почти на 0,5 м выше полов всех других помещений из-за выхода туфовых скальных пород.

Здесь раскопано множество зернотерок, каменных чаш, терочников, идолов-столбиков (2 экз.), фаллосов (4 экз.), грузило с отверстием, а также каменная статуя с отбитой головой. В большом количестве представлены фрагменты разнообразной керамики.

Помещение XXII, примыкающее к помещениям XVIII, XIX, XXX, XXXI, соединено дверными проемами с помещениями XVIII, XX и XXX. Размеры 6,3—6,25 м. Под восточной стеной обнаружены две ямы диаметром 1,1 и 1,12 м и глубиной 0,5 и 0,9 м. Впоследствии, во время реконструкции, в его западном углу была сооружена культовая площадка-платформа размерами 2,57×2,42×0,5 м. В ее западном углу найдена туфовая база, перенесенная сюда из помещения XXV и использованная как строительный материал.

На платформе обнаружено два очага. Прямоугольный очаг в северо-западном углу платформы, сложенный из семи гладких туфовых камней, состоял из двух камер, разделенных глиняной перегородкой. Его размеры 0,93×0,47 м, глубина—15 см. Дно и стенки обмазаны толстым слоем сильно обожженной глины. Второй очаг в юго-западной части платформ имел форму полуовала. Однако, поскольку восточная часть платформы сливается со скальным выступом, образующим пол, можно предположить, что восточная часть очага не сохранилась. В помещении найдены грузило, колесница, фаллос, много различной керамики, антропоморфная статуя.

Помещение XXIII, расположенное южнее помещения XVIII, отделено от него оконтуренным, но пока не раскопанным помещением. Размеры 6,5×4 м. Соединено с помещением XXXII дверным проемом, основание которого выложено мелкими камнями. В северной части помещения под стеной обнаружены четыре небольших вкопанных в землю караса диаметром 0,5, 0,7, 0,8, и 0,9 м с отбитыми верхними частями. Обломки тулов, лежавшие на дне карасов, украшены жгутовым орнаментом, проходящим под венчиком и в верхней части тулова.

В центре помещения по оси север—юг найдены два вкопанных в землю фаллоса с разбитыми головками. Другой фаллос высотой почти 1 м и диаметром 0,5 м во время реконструкции был использован в качестве углового камня для дверного проема. На полу найдены шесть фрагментов зернотерок, фрагменты чаш, фиал, крупного двуручного кувшина-кубка, рог с тремя отверстиями (по-видимому, псалий удил) и железный стержень.

Помещение XXIV расположено севернее помещения XVIII. Примыкает к помещениям XVIII, XIX, XXVII и к коридору, ведущему во двор. Размеры 4×3,9 м. Соединяется дверными проемами с помещением XVIII и коридором. На восточной стене на площади около 2,5 кв. м сохранились следы глиняной обмазки. В восточной части помещения, почти под дверным проемом, раскрыта яма в форме овала размерами 1,8×1 м и глубиной 1,2 м, вырытая в скальном грунте.

Восточная и южная стенки ямы образованы вырубленным скальным грунтом, а северная и западная обложены камнями. В центре помещения обнаружен небольшой очаг диаметром 0,5 м и глубиной 0,2 м, обложенный камнями и обмазанный глиной. Большое количество золы и обгоревшие стенки очага свидетельствуют о том, что им пользовались довольно часто. На полу найдено несколько целых зернотерок и большое количество фрагментов керамики. В завале упавших со стен камней на высоте до 0,7 м от уровня пола найдено 11 обломков зернотерок и ступки, 6 обломков фаллосов, 12 идолов-столбиков и другие культовые предметы, которые были использованы как строительный материал.

Помещение XXV является пока что самым большим из раскопанных помещений—его площадь составляет 150 кв. м. Размеры 15,5×9,5 м. Расположено между двором и помещением XX, севернее последнего. Смежно с двором и помещениями XIX, XX, XXVI. Соединено дверными проемами с помещением XX, двором и коридором, который связывает двор с помещениями XXIV, XXV и XXVII.

В восточной части найдены две каменные базы деревянных колонн диаметром 47—48 см. Их расположение и соотношение с площадью помещения четко указывают на то, что в древности здесь был восьмиколонный зал. Впоследствии при раскопках помещений XXII и XXXI были найдены еще две аналогичные базы, по-видимому, использованные как строительный материал при их реконструкции. Под южной стеной сооружена скамья-приступка из базальтовых камней длиной 6,2 м, шириной 0,65 м и высотой 0,42—0,53 см. Пол, покрытый утрамбованной землей и отдельными плитами, был ниже уровня двора на 0,2 м и уровня пола помещения XX на 0,45 м.

В помещении найдено 12 идолов-столбиков—девять в южной части, три в северо-восточном углу, много фрагментированных и целых зернотерок и ступок, большое количество битой керамики. Зал, по-видимому, в древности предназначался для различных торжеств, церемоний и собраний, но не являлся культовым сооружением, несмотря на найденных здесь идолов, поскольку, будучи проходным, не мог служить для отправления культовых и ритуальных церемоний.

Раскопками установлено, что зал вместе с рядом других сооружений погиб от пожара. Так, на полу было найдено большое количество золы, обгорелой земли и тростникового пепла. Впоследствии его восстановили, как и другие помещения. Колонны были убраны, а посредине помещения была возведена грубая поперечная стена-перегородка, делившая его на две части. Первая, выходящая во двор, по-прежнему соединялась с ним посредством дверного проема, вторая сообщалась со двором через коридор. В первом помещении неподалеку от дверного проема была возведена стена длиной 3,5 м, образовавшая с западной стеной, служившей и смежному помещению XXVI, небольшой закуток (аналогичный строению в помещении XX), внутри которого обнаружен глиняный очаг овальной формы с сечениями 1,0 и 0,5 м. Его стенки шириной 25 см и высотой 15 см на 5 см врыты в пол. Стенки и дно очага, обмазанные слоем глины толщиной 4—5 см, сильно обгорели от часто разводимого огня. Таким образом, после реконструкции зала здесь было устроено небольшое капище с двойны-

ми дверьми, аналогичное капищу помещения XX, но с очагом другой формы.

В юго-западной части второго помещения у входа в коридор, почти впритык к поперечной стене-перегородке, параллельно стене смежного помещения XXVI, была возведена массивная стена, назначение которой не вполне ясно, однако можно предположить, что она играла роль свособразного алтаря. В северо-восточной части помещения напротив перегородки был сооружен прямоугольный очаг размерами $0,7 \times 0,45$ м и глубиной 10 см, глиняные стенки которого также были врыты в землю. В западном углу стоял прямоугольный камень высотой в 0,5 м.

Помещение XXVI расположено западнее помещения XXV и смежно с помещением XXV, двором и коридором. Размеры $11,3 \times 6,1$ м. Соединено дверью с коридором. Около дверного проема в коридоре найден женский антропоморфный идол. Пол в южной и северной части образован выходами туфовых пород, а остальное пространство покрыто отдельными каменными плитами и утрамбованной землей. В южной части помещения в завале камней на высоте 0,6 м от пола обнаружен фаллос с человеческим лицом, а в юго-восточном углу—два идола-столбика. Найдены также фрагменты крупных и мелких зернотерок, каменной чаши, подпятник. Керамика представлена небольшим количеством фрагментов мисок, фиал и чаш. Под восточной стеной обнаружено античное погребение типа каменного ящика размерами $0,88 \times 0,6 \times 0,55$ м (№ 7), сооруженное после гибели дворцовых сооружений.

Помещение XXVII, представляющее собой зал площадью 100 кв. м, расположено западнее помещения XXIV и смежно с помещениями XVII, XVIII, XXIV, XXVIII и коридором, с которым связано дверным проемом. Размеры $11,5 \times 8,4$ м. В центре зала по оси восток—запад обнаружено восемь туфовых баз колонн, поставленных в два ряда. На полу раскопаны четыре ямы, перекрытые каменными плитами и заполненные золой, костями крупного и мелкого рогатого скота и фрагментами местной и урартской керамики. На полу помещения в завале упавших со стен камней найдено 25 идолов-столбиков и фаллосов; еще 9 фаллосов и идолов-столбиков и большая антропоморфная статуя найдены в кладке общей для помещений XVII и XVIII стены. По-видимому, этот колонный зал в древности служил святилищем для обоих комплексов и в нем были установлены многочисленные статуи, фаллосы и идолы-столбики, перед которыми совершались жертвоприношения. Без всякого сомнения, здесь горел очаг-жертвенник, золу из которого не выбрасывали, а засыпали в ямы, которые выкапывали по мере надобности, после того как очередная яма заполнялась «священным пеплом» и перекрывалась каменными плитами.

Зал погиб от пожара, о чем свидетельствуют остатки обгорелой земли и тростникового пепла, а позднее вместе с другими помещениями был восстановлен. Оставшиеся здесь идолы-столбики, фаллосы и антропоморфные статуи были использованы при возведении стен.

После реконструкции зала в его юго-восточном углу был отгорожен небольшой отсек, западная стенка которого перекрывала базу колонны и ямы № 1 и 2. В юго-западной части была устроена небольшая ниша, аналогичная нише из помещения XX, внутри которой был

установлен такой же очаг, размерами $0,7 \times 0,6$ м, с той лишь разницей, что здесь открытой была восточная стенка. Вдоль северной стены зала из камней и сухой земли была насыпана платформа длиной 10 м, шириной 3,6 м и высотой 0,5 м, под которой остались все четыре колонны второго ряда. С запада к платформе примыкала небольшая площадка, возвышавшаяся над ней на 0,2 м, за которой была возведена массивная стена, примыкавшая к урартской западной стене. От площадки к помещению с очагом вела дорожка из туфовых плит шириной 1 м.

Как видим, при реконструкции колонного зала бывшее святилище было превращено в капище с огнем. После гибели этих помещений у дверного проема из мелких камней было сооружено античное погребение (№ 116), имеющее форму ящика. В ямах № 1 и 2 найдено много местной и урартской керамики, а в яме № 1, кроме того, кривой урартский нож, зернотерки, грузила-колесики, терочки, подпятник, пробка из шлака и точило. Урартская керамика была найдена также между шестой и седьмой базами колонн над платформой.

Помещение XXVIII, расположенное севернее помещения XXVII, смежно с помещениями XXVII, XXIX и коридором. Размеры $11,5 \times 6,75$ м. Связано дверным проемом со двором, но не прямо, а через небольшой коридор, проходивший между внешней стеной и западной стеной помещения XXIX. Как уже указывалось выше, здесь, в западной стене, был сооружен второй вход для обоих комплексов, который вскоре был заложен, и часть коридора была превращена в священную нишу, где были установлены фаллосы и идолы, головки которых впоследствии были отбиты. Рядом с ними обнаружен фрагмент чернолаковой керамики. Вдоль северной стены помещения была сооружена скамья-приступка. Пол образован из утрамбованной земли, перемешанной с галькой, и отдельных туфовых плит. Кроме многочисленных фрагментов керамики здесь найдено большое количество битых и целых зернотерок, подпятник, квадратный камень с округлым отверстием (по-видимому, грузило мотыги), две небольшие ступки и зернотерки. В завале камней найдено несколько идолов-столбиков и голова антропоморфной статуи.

В этом же завале раскопано два детских античных погребения. Первое (№ 114), имевшее округлую форму и представляющее собой вырытую в земле яму размерами $1,2 \times 0,7$ м, обложено небольшими камнями, было засыпано грудой камней, среди которых найдено несколько фрагментов фаллосов. Второе (№ 115), представляющее собой каменный ящик размерами $1,4 \times 0,7$ м, перекрыто двумя плитами и также засыпано камнями, в которых встречены фрагменты фаллосов.

Помещение XXIX расположено севернее помещения XXVIII и смежно с помещениями XV, XXVIII, коридором и нишей помещения XXVIII. Размеры $6,5 \times 3,2$ м. Связано дверным проемом со двором. Пол в восточной части был выложен плитами, а в остальных покрыт утрамбованной землей. В завале камней обнаружено два разбитых фаллоса. В северной стене, со стороны двора, раскопано детское погребение, инвентарь которого был разграблен в древности.

Помещение XXX расположено южнее помещения XXI и смежно с помещениями XXI, XXII, XXXI, XXXVI. Размеры $7,9 \times 5,6$ м. Связано с помещениями XXII, XXXVI, а с одной стороны с нераскопанным по-

мещением, находящимся восточнее основной восточной стены. На пороге дверного проема, ведущего в помещение XXII, уложены две крупные туфовые плиты. Пол помещения к северу несколько покатый. В углу, смежном с помещением XXXVI, был обнаружен вырытый в земле очаг размерами 0,6×0,8 м с выложенными из камней стенками, которые подняты над полом на 0,2 м. В помещении найдено много разнообразной керамики, железный нож, два фрагмента фаллосов высотой 0,5 и 0,95 м, идол-столбик высотой 0,6 м, большое количество каменных чаш, точило и лошало.

Помещение XXXI является продолжением помещения XXX, от которого отделено проском шириной 4 м. Смежно с помещениями XXVI, XXX, XXXII и XXXIII. Размеры 9,5×7,0 м. Пол, как и в помещении XXX, дает перепад на 0,5—0,7 м в направлении к северу.

Кроме разнообразной керамики здесь найдено несколько обломков идолов-столбиков и фаллосов, высота которых достигала 1,2 м, подпятник и каменная чаша. Под южной стеной обнаружена каменная база размерами 0,3×0,4×0,36 м, по-видимому, перенесенная сюда из помещения XXV. В углу, примыкающем к помещениям XXIII и XXVI, раскопано два больших склепа, сложенных из небольших камней на глиняном растворе.

Помещение XXXII расположено южнее помещения XXXI и смежно с помещениями XXIII, XXXI, XXXIII. Размеры 7,0×3,8 м. Связано дверными проемами с помещениями XXXII и XXXIII. На пороге дверного проема, ведущего в помещение XXIII, уложены большие каменные плиты. Здесь найдено большое количество керамики и фрагмент прямоугольной туфовой ванночки.

Помещение XXXIII расположено восточнее помещения XXXII и смежно с помещениями XXXI, XXXII, XXXIV и XXXV. Размеры 7,0×5,5 м. Связано дверными проемами с помещениями XXXII и XXXV. Основание дверного проема, ведущего в помещение XXXII, выложено мелкими камнями, а порог проема, ведущего в помещение XXXV, — крупными плитами. В качестве угловых камней для дверного проема, ведущего в помещение XXXV, служили два фаллоса высотой 0,85 и 1 м, имевших в основании ширину 0,5—0,6 м. В нижней части одного из них имеются округлые выемки, возможно, указывающие на двуполость.

В помещении найдено множество фрагментов разнообразной керамики. В завале камней, упавших со стен, на высоте 0,2—0,5 м от пола найдено большое количество сломанных идолов-столбиков и фаллосов, среди которых четыре имели высоту по 1 м, и большое каменное изваяние, изображающее какое-то животное.

Помещение XXXIV расположено восточнее помещения XXXIII, смежно с помещениями XXXIII и XXXV. Размеры 4,4×3,2 м. Соединено с помещением XXXV дверным проемом, основание которого выложено туфовыми плитами. На полу найдено небольшое количество керамики.

Помещение XXXV расположено севернее помещения XXXIV и смежно с помещениями XXXIII, XXXIV и XXXVI. Размеры 9,0×3,15 м. Связано дверным проемом с помещениями XXXIII, XXXIV и XXXVI. На пороге двери, ведущей в помещение XXXVI, уложены небольшие камни. Найдено большое количество керамики, один идол-столбик и дощало.

Помещение XXXVI, раскопанное частично, расположено севернее помещения XXXV и смежно с помещениями XXX и XXXV. Связано дверными проемами с помещениями XXX и XXXV. Найдено большое количество керамики, а также каменный пестик от ступки, грузило, камешная чаша, отросток рога.

Помещение XXXVII расположено южнее помещения XXXV и смежно с помещениями XXXIV, XXXV. Размеры 10,2×6,4 м. В северной части восточной стены имеется дверной проем шириной 0,8 м, порог которого уложен двумя плитами. Эта дверь не наружная, а ведет в нераскопанное помещение. Раскопками не удалось выявить, является ли южная капитальная стена толщиной в 1,1 м внешней или стеной-крепидой отсека. За ней, с целью выяснения этого вопроса, была проведена траншея длиной 4 м, но поперечных стен пока не обнаружено.

Вторая дверь шириной в 0,9 м, сооруженная в западной стене, ведет в тупиковое помещение XXXVIII. Порог этого дверного проема уложен четырьмя небольшими плитами.

Под центральной частью рассматриваемого помещения XXXVI раскрыта яма диаметром 1,2 м и глубиной 1,5 м.

В этом помещении найдено три фаллоса, четыре идола-столбика и большое количество фрагментов различной керамики.

Особый интерес представляют два каменных изваяния. Одно из них—крупная туфовая плита с полукруглой верхней частью, напоминающая армянские средневековые надгробные камни. Однако в отличие от них в передней части имеется выступ какого-то животного с отбитой головой. С противоположной стороны—узкий выступ, как бы подчеркивающий хвост. На одной боковой стороне из-под шеи отходит рельефно высеченная, согнутая в колене нога животного.

Другую интересную находку представляет бесформенный камень кладки стены, в лицевой поверхности которого высечена конусообразная выемка, из которой рельефно высечена головка быка.

Помещение XXXVIII расположено западнее помещения XXXVII. Смежно с помещениями XXXIII, XXXIV, XXXVII и XXXIX. Размеры 10,7×6,4 м. Соединено дверным проемом с помещением XXXVII. Под северной стеной из туфовых камней сооружена скамья-приступка. Длина 6,5 м, ширина в западной части 1 м, в восточной—0,8 м.

Все внутреннее пространство помещения, почти на всю глубину (2,5 м), было заполнено сползшим с южных склонов холма мелким известковым естественным щебнем. Это служит косвенным доказательством того, что за южной стеной нет других помещений. На полу помещения, в завале камней, упавших с северной стены, было найдено два фаллоса, одно изваяние, наподобие вышеописанного животного в виде надгробного камня, и много фрагментов керамики.

Помещение XXXIX расположено западнее помещения XXXVIII. Смежно с помещениями XXXIII, XXXII и XXXVII. Размеры 9,4×5,4 м.

В отличие от других помещений оно сооружено не в срезе холма, а прямо на склоне. Исходя из этого уровень его пола выше уровня полов других помещений на 1—2,5 м. От стен этого помещения, кроме смежной с помещениями XXXIII и XXXII, сохранились лишь отдельные камни. Найдено несколько фрагментов керамики.

Судя по археологическому материалу и архитектурной планировке оба комплекса, без сомнения, сооружены в первой четверти VII в.

до н. э., в эпоху второго расцвета Урарту, однако несколько позже третьего и четвертого комплексов. Об этом свидетельствуют два урартских погребения, раскрытые в помещении III—одно (№ 3) под полом, другое (№ 4) под внешней северной стеной. Много урартских погребений под стенами и полами найдено и в Аргиштихинили, что объясняется расширением территории города¹¹.

Благодаря раскопкам в Ошакане удалось установить время функционирования этих сооружений. Урартские дворцовые комплексы существовали до начала VI в. до н. э. и, по-видимому, погибли одновременно с Тейшебаини и Аргиштихинили. Но их судьба ближе к судьбе Эребуни, так как в середине VI в. до н. э., в раннеармянскую эпоху сюда пришли новые хозяева, и здания были восстановлены с частичными изменениями внутренней планировки. Однако они также не имели продолжительной жизни, и через 120—150 лет, в конце V в. до н. э., окончательно были разрушены. Через некоторое время эти развалины, как и городские кварталы Тейшебаини, были превращены в античный могильник, где покойников хоронили в погребениях, сооруженных из камней, снятых или упавших со стен дворцовых сооружений.

Все это затрудняет уточнение четкой стратиграфии раскапываемых памятников. Так, культовые памятники эпохи Урарту—антропоморфные статуи, фаллосы и идолы-столбики—были использованы как строительный материал при восстановительных работах раннеармянского времени. Многие каменные изделия—зернотерки, ступки, чаши использовались и новыми хозяевами, а их сломанные части, обнаруженные в завалах камней, образовавшихся при втором разрушении памятника, также применялись как строительный материал.

Внутри помещений как с поверхности земли в виде подъемного материала, так и в слое встречается в большом количестве керамика, относящаяся к четырем группам и датированная тремя хронологическими периодами. Керамика первой и второй групп состоит из фрагментов урартских сосудов и синхронной им местной керамики VII—VI вв. до н. э., частично бытовавшей и в VI—V вв. до н. э. В третью группу входят различные изделия раннеармянского времени, часто встречаемые также при раскопках Эребуни, Аргиштихинили и раннеархеменидских памятников Армении и Закавказья. Четвертая группа представлена фрагментами сосудов античного времени. Как среди подъемного материала, так и в слое одновременно можно обнаружить предметы, относящиеся ко всем четырем группам, что чрезвычайно затрудняет уточнение стратиграфии памятника. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, почти во всех помещениях сооружены античные погребения, во-вторых, эти погребения подвергались ограблению (хотя уже потревоженные слои и не перемешивались, туда бросали черепки разбитых сосудов) и, в-третьих, жители Ошакана на протяжении многих столетий, вплоть до наших дней, извлекали отсюда камни для строительства. Лишь в двух случаях удалось обнаружить непо потревоженные урартские изделия—из ямы № 3 (помещение XV) и из ям и из-под платформ помещений XXVII, между колоннами № 6 и 7.

¹¹ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 50. 63.

Металлический инвентарь, найденный при раскопках дворцовых помещений, крайне незначителен. К его числу относится фрагмент кри-вого железного ножа с однолезвийным клинком и вогнутой спинкой, найденный в яме № 1 помещения XXVI (табл. XXXIV, 1). Подобные ножи хорошо известны по раскопкам Кармир-блур, Топрах-кале и Аргиштихинили¹². Фрагмент железного ножа с прямым односторонним лезвием и с тупой спинкой, со следами небольшого язычка для закрепления рукояти, найден на полу помещения XXX. Подобные ножи, относящиеся к урартской эпохе, известны из Аргиштихинили¹³, но ими пользовались и в раннеармянское время. В частности, аналогичный нож происходит из бердакарской крепости VI—IV вв. до н. э.¹⁴ Это обстоятельство, а также то, что второй нож найден на полу, дают возможность датировать его последним периодом функционирования ошаканских сооружений—V в. до н. э.

В помещении XXIII найден заостренный железный стержень со сломанным концом, назначение которого неясно.

К числу металлических изделий относится также несколько украшений. В яме № 3 двора найден бронзовый браслет, изготовленный из тонкой проволоки. Концы его несколько сплющены и имеют форму змеиной головки. Одна головка сильно заострена, как будто змея выгнула жало. Спинка браслета украшена двумя прямоугольными выступами и пересекающимися черточками. Подобные браслеты хорошо известны по находкам в Эребуни и Тейшебаини, а также в местных могильниках рассматриваемого времени (Астхадзор, Варденис, Кабер и т. д.). В помещении XXX неподалеку от ножа найдены небольшое железное кольцо с петелькой для застегивания на одном конце и бронзовая подвеска-лунница с небольшой петелькой в центре для подвешивания.

Малочисленность металлических изделий не говорит об их отсутствии в древности. Как увидим ниже, во многих помещениях часто встречались каменные точила, свидетельствующие, что здесь широко применялись железные ножи и другие изделия, которые перекопщики в отличие от фрагментов керамики не разбрасывали, а уносили с собой.

Небольшую, но характерную группу образуют каменные изделия—зернотерки, чаши, ступки, ложила и др.

В большом количестве найдены целые и фрагментированные базальтовые зернотерки (длина верхних камней 20—35 см, нижних—30—70 см) двух типов: большие прямоугольные и поменьше—ладьевидной формы, верхние камни которых в основном овальные с плоской рабочей и полукруглой тыльной частью (табл. XVI, 1).

Из пористого базальта и вулканического шлака изготовлялись ступки (табл. XXXVI, 3), песты, из речных голышей—терочки и ложила. Три небольшие прямоугольной формы ванночки из туфа, по-видимому, служили кормушками для животных. Найдены также

¹² Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, рис. 47; его же. Кармир-блур, I, Ереван, 1950, рис. 17; А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 89 а.

¹³ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 89 а.

¹⁴ С. А. Есян. Древняя культура..., табл. 72.

разнообразные каменные чаши, грубые или хорошо отшлифованные, с небольшим поддоном, хорошо известные по находкам в Эрбуни, Аргиштихинили и Тейшебаини. В эту группу входят два больших корыта длиной до 50—60 см, какие, насколько нам известно, впервые встречаются в урартских памятниках (табл. XVI, 2).

В помещении VII найден грубый чашеобразный предмет из черного туфа, по-видимому, служивший подставкой для остродонных сосудов, какие хорошо известны по материалам Аргиштихинили (табл. XXVIII)¹⁵.

Особенно интересна находка обсидианового вкладыша (табл. XV), составного серпа со слабо ретушированными краями. Подобные серпы, относящиеся к рассматриваемому периоду, часто встречаются в крепостях Северо-Восточной Армении—Тмбадире, Пилор-патс, Сев-сев-кареи Тахте и Бердакаре¹⁶. Еще ранее вкладыши составных каменных серпов были найдены Б. А. Куфтиным в погребениях бешташенского могильника¹⁷ и Б. Б. Пиотровским неподалеку от Цовинарской крепости¹⁸. Такие же вкладыши известны из слоев начала I тыс. до н. э. поселений Гарни¹⁹ и Двина²⁰, а также из одного погребения в Ноемберяне, датируемого IX—VIII вв. до н. э.²¹ Находки вкладышей четко показывают, что наряду с железными серпами, имевшими массовое распространение, пережиточно применялись также каменные составные серпы.

Самую большую группу находок из дворцовых комплексов образуют керамические изделия, включающие образцы как урартской и синхронной ей местной черной керамики, так и раннеармянской и античной керамики.

Урартская керамика представлена в основном многочисленными фрагментами различных сосудов, но они настолько малы, что хотя формы сосудов и угадываются, их невозможно восстановить полностью. Однако имеются также более крупные фрагменты частей тулова и венчиков, которые дают четкое представление не только о форме и размерах сосуда, но и о способе ангобирования, форме венчика и т. д.

Карасы представлены фрагментами венчиков и частей тулова красноватого цвета, они имели широкие, плоские в верхней части венчики, под которыми проходил жгутовый или рельефный орнамент (табл. XVII, 1—3,5). Карасы с подобными венчиками широко известны из раскопок крепостей на территории Араратской долины—Эрбуни, Аргиштихинили; особенно много таких сосудов—более 400 экземпляров—найдено в Тейшебаини, где они были врыты в полы винных хранилищ.

¹⁵ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 40.

¹⁶ С. А. Есаян, Древняя культура..., с. 164.

¹⁷ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 69.

¹⁸ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 141.

¹⁹ Э. В. Ханзадян. Гарни, вып. IV, Ереван, 1969, табл. XXXV.

²⁰ С. А. Есаян. Древняя культура..., с. 164.

²¹ Т. С. Хачатрян. Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа. Труды ГИМА, т. V, Ереван, 1959, с. 209.

Ничем не отличаются от описанных сосудов карасы из урартских крепостей Топрах-кала, Каялидере, Айкаберд, Норшун-тепе и др.

Нижние части трех карасов, прислоненные к стене, найдены в помещении XIV, а семь карасов—в помещениях XVII и XXIII. Все они за исключением одного из помещений XVII небольшие, и судя по сохранившимся образцам из помещения XVII имели высоту 1—1,2 м, как аналогичные карасы из Эребуни и Кармир-блур²².

Карас из помещения XVII (рис. табл. XV, 1), имевший высоту 1,5 м и диаметр тулова 1,2 м, на 0,8 м был вкопан в землю. Он был украшен двумя рядами выемчатых треугольников, по 7 фигур в каждом, и жгутовым орнаментом, проходившим вдоль верхней части тулова и под венчиком.

Таким образом, карасы найденные в помещениях Ошаканского дворцового комплекса, делятся на два типа: большие карасы, часто встречающиеся в урартских крепостях, предназначенные для хранения вина и зерна, и сравнительно маленькие. Последние имеют аналогии в Эребуни и Тейшебаини, но типологически ближе к образцам из Эребуни.

В заключение необходимо остановиться на фрагменте караса из помещения VIII, украшенного жгутовым орнаментом. В его верхней части сохранилась иероглифическая надпись в виде четырех кружочков, обозначающих урартскую меру объема—четыре акархи (около 1000 литров), которая в отличие от других урартских иероглифов написана не по вертикали, а по горизонтали, что, насколько нам известно, встречается впервые.

Следующую группу урартской керамики составляют *кувшины*. Несколько ручек одноручных красноангобированных кувшинов (табл. XVII, 6) найдено в яме №4 помещения XXVII. Мелкие фрагменты таких ручек обнаружены также в помещениях IV, XIX, XXI и др. Кувшины с подобными ручками хорошо известны из Кармир-блур, где лишь в одном небольшом складском помещении (№ 29) было найдено более 1000 экземпляров²³. При раскопках Кармир-блур обнаружен бронзовый сосуд, повторяющий форму этих керамических изделий²⁴. Подобные кувшины найдены в Аргиштихинили²⁵, Эребуни²⁶, Айкаберде²⁷, Топрак-Кале, Бастане, Северо-Западном Иране²⁸ и других урартских памятниках.

В помещении IX б найден фрагмент лошеного красноангобированного одноручного кувшина с округлым венчиком, ручка которого отходила от края венчика к основанию шейки (табл. XVII, 11). Подобные кувшины также были широко распространены в урартском керамическом производстве и в большом количестве представлены в

²² С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. II, табл. XX; вып. III, табл. XXXVIII.

²³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, III. Ереван, 1955, с. 12.

²⁴ Там же, с. 10.

²⁵ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 144, рис. 81.

²⁶ Գ. Իսախանյան, Հրեթունի բերդ-քաղաքի պեղումները, Երևան, 1971, աղ. XVII.

²⁷ Atif Erzen. Cavus tepe, I. Ankara. 1978, табл. XLII(a, в).

²⁸ Louis Vanden Berghe et Leon de Meyer, Urarty, Gent, 1982—1983, рис. 195—

перечисленных памятниках. Несколько фрагментов больших широкогорлых безручных кувшинов со вздутым или округлым туловом, покрытых красным или желтым ангобом с хорошо сохранившимся лощением, найдено в помещении XXV и яме № 4 помещения XXVII (табл. XVII, 8, 9, 12). Венчики округлые или слегка косо срезанные, дно плоское. Подобные сосуды также часто встречаются во всех урартских памятниках. Фрагмент большого горшка со вздутым туловом и округлым венчиком найден в помещении XXV (табл. XVII, 7). Поверхность бурая со следами сажи. На одном плечике сохранилось сквозное отверстие.

В помещении XXXIII обнаружен фрагмент небольшого тигля с массивными стенками красноватого цвета (табл. XVII, 15), относящегося к числу сравнительно редко встречаемых изделий. Он изготовлен из хорошо отмученной глины; тулово округло поднимается от округлого же днища; венчик срезан. Отдельные образцы тиглей известны из раскопок Кармир-блур.

К столь же редко встречаемым предметам относится красноангобированный сосуд, фрагмент которого найден в помещении III (табл. XVII, 13). На нем слабо вдавленными линиями нанесено изображение какого-то предмета, встречающееся на отдельных сосудах из Каялидере²⁹. В. А. Вайман считает, что это бурдюк—мера жидкого акарки³⁰.

При раскопках урартских сооружений найдены разнообразные миски, которые делятся на несколько групп.

К *первой группе* относятся краснолощенные миски с округлым туловом, переходящим в вогнутый вовнутрь округлый или заостренный венчик. В помещении XXV найдена чернолощенная миска с таким же туловом и широким плоским днищем (табл. XVIII, 1—4). Согласно С. Кролю подобные миски встречены в Узуб-тепе, Азагу Куруле и других урартских памятниках Ирана³¹. Известны они также из Айкаберда³², Аргиштихинили³³, Кармир-блур и других урартских памятников.

К *второй группе* относятся миски со скошенными вовнутрь или наружу венчиками. Они в основном красноангобированные с хорошим лощением; на некоторых экземплярах встречаются бурые пятна. Миска из помещения XXI отличается от остальных более светлым оттенком, а внутренняя сторона миски из помещения IX б, с округло вдавленным доньшком, лишена лощения. Исключение составляет миска из помещения II, окрашенная снаружи в желтый цвет и покрытая бурыми пятнами, а изнутри, как и все остальные, краснолощенная (табл. XVIII, 5—13, 16, 17). В желтый цвет окрашена и нижняя часть миски из помещения XVI. Миски этого типа бытовали длительное время, о чем свидетельствует керамический материал из погребения № 25 Ошакана. Подобные миски хорошо известны из Кармир-блур и

²⁹ С. А. Barney, A first season of excavations at the Urartian citadel of Kayalidere, Anatolian Studies, vol. XVI, Ankara, 1966, табл. XVI.

³⁰ В. А. Вайман. Урартская иероглифика: расшифровка знака и чтение отдельных надписей. В сб. «Культура Востока. Древность и средневековье», Л., 1978, с. 100.

³¹ S. Kroll. Keramik Urartäischer Festungen in Iran, Berlin, 1971, табл. 16, 17.

³² Afif Erzen. Указ соч., рис. 36/4.

³³ А. А. Маргирисян. Аргиштихинили, рис. 17.

Аргиштихинили. Встречены они и в урартских памятниках Ирана—Узуб-тепе, Ливар, Сангар-кале, Маленджина и др.³⁴

Третья группа представлена глубокими мисками с заостренным или прямым округлым венчиком. На образце из помещения XVI, покрытом желтым ангобом, имеются бурые пятна (табл. XVIII, 17), образец из помещения X, с округлым вдавленным дном, краснолощенный (табл. XVIII, 18).

Единичным экземпляром представлена глубокая миска с округлыми бортами и широким расширяющимся венчиком помещения X, покрытая глубокими вдавленными линиями, придающими ей рифленую форму. На тулове вдавленной линией прочерчен полумесяц (табл. XVIII, 15). Подобные миски в небольшом количестве найдены в Кармир-блуре³⁵.

Также единичным экземпляром представлена глубокая одноручная миска, покрытая бледно-красным ангобом, фрагмент которой, вымазанный сажей, обнаружен в помещении XVI. Ручка, начинающаяся от края венчика, отходит к почти прямому борту (табл. XVII, 10).

В сравнительно большом количестве представлены большие миски с округлым туловом, слабо профилированными бортами и округло выступающим венчиком (табл. XIX, 1—16). Все сосуды красноангобированные, с лощеной поверхностью. Исключение составляют две миски грубой ручной лепки бурого цвета (табл. XIX, 7) и одна миска, покрытая желтым ангобом (табл. XIX, 11), найденные в помещении XXXV. Несколько отличаются также краснолощенная миска из помещения VIII (табл. XIX, 10), внутренняя сторона которой покрыта черной краской и вылощена, и миска из помещения XXVII с краснолощенной верхней частью, нижняя часть которой, как и отдельные образцы второй группы, покрыта желтым ангобом. В эту группу условно можно включить фрагмент такой же красноангобированной миски с клеймом мастера в виде кружочка, часто встречающимся на керамике из Кармир-блур. Миски этой группы являются одними из самых распространенных в керамическом производстве Урарту. Они хорошо известны из раскопок Кармир-блур³⁶, Эребуни³⁷, Аргиштихинили³⁸, Ай-каберда³⁹, а также Рент-кале, Оглу-кале, Узуб-тепе, Хоя, Гиз-Кале и других урартских памятников Ирана⁴⁰.

Таким образом, урартская керамика встречается почти во всех помещениях обоих комплексов, хотя и не отличается большим разнообразием. Особенно большую группу составляют различные миски,

³⁴ S. Kroll. Указ. соч., табл. 16, 24, 27, 28.

³⁵ С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, I, Ереван, 1964, табл. IX, рис. 4.

³⁶ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, Ереван, 1944, рис. 45; Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. III, Ереван, 1972, табл. XXXIX.

³⁷ С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. II, Ереван, 1967, табл. XVIII—XIX.

³⁸ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 21, 65.

³⁹ Aflf Erzen Указ. соч., рис. 36, 35(5, 6) и др.

⁴⁰ S. Kroll Указ. соч., табл. 8, 12, 14, 16, 20 и послед.

характерные для памятников последнего периода Урарту, в частности, Кармир-блур, что имеет решающее значение для уточнения времени функционирования рассматриваемых комплексов. Характерным отличием урартской керамики Ошакана является то, что основная масса изделий красного цвета, хорошо ангобирована и имеет прекрасное лощение, а грубых слабо ангобированных сосудов мало. Необходимо отметить, что наряду с ними встречаются отдельные сосуды, покрытые желтым или красным и желтым, иногда и черным ангобом. То же самое, как увидим, наблюдается и в материалах погребения № 25, которые датируются поздней эпохой Урарту. Сосуды этого типа бережно сохраняются до середины VI в. до н. э.

Наряду с урартской керамикой в значительной мере, даже превышая ее количественно, бытовала местная черная керамика, которая, как отметил Б. Б. Пиотровский, встречается в Тейшебаини, образуя третью группу кармирблурской керамики, имеющей аналогии в могильниках VII—VI вв. из Лори-Севанского бассейна и других мест⁴¹.

Местная черная керамика из Ошакана разнообразна и имеет аналогии не только в памятниках, для которых характерна местная керамика Кармир-блур, но и во многих других недавно обнаруженных памятниках Армении, что особенно важно, в погребениях Ошаканского могильника, где похоронены люди, обслуживавшие урартские комплексы Ошакана.

Местная черная керамика делится на несколько групп.

Первую группу составляют однорукие кувшины, представленные фрагментарно. К числу их относится одноручный кувшин с отогнутым венчиком, фрагмент шейки которого найден в помещении XI. Ручка, начинаясь от края венчика, отходила к основанию шейки и была снабжена вертикальной прорезью и ступенчатыми углублениями. Шейка украшена вертикальными линиями (табл. XX, 1).

Подобные ручки найдены также в помещениях XX и XXII (табл. XX, 4, 6), причем ручка коричневого цвета с гладкой прорезью из помещения XXII, обнаруженная во втором верхнем слое на платформе с очагом, свидетельствует, что сосуды с подобными ручками доживают до V в. до н. э.

Ручка кувшина из помещения XXV напоминает витые ручки из трех жгутов, хорошо известные по памятникам VII—VI вв. до н. э. (табл. XX, 5). Ручки подобного типа часто встречаются в Кармир-блуре, Хртаноце, Астхиблуре и других памятниках рассматриваемого времени.

Другую группу местных сосудов образуют *горшки* черного цвета с красными или бурыми пятнами, реже красного цвета с черными пятнами, представленные фрагментами из помещений XVI, XXI, XXII, XXVIII и XXIX. Они в основном имели округлые вздутые, реже вытянутые тулова с низкими шейками и широкими отогнутыми венчиками. В основном сосуды гладкие, лишь некоторые украшены косым ногтевым или семячковым орнаментом (табл. XX, 7—9; табл. XXI, 1—6, 9).

⁴¹ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 193.

Небольшой группой представлены миски. Две глубокие черные миски со слабо профилированными бортами и округлым венчиком найдены в помещениях XXII (яма № 2) и XXIII (табл. XXI, 7, 8). На одном плечике третьего образца—глубокой черной миски, покрытой красными пятнами, с округлым венчиком, помещена вертикально поставленная округлая ручка (табл. XX, 2).

Серая лощеная миска с невысоким туловом, чуть округлыми бортами, вогнутым венчиком и округлым вдавленным доньшком найдена в помещении XXVII. Под венчиком проходит вдавленная линия, а тулово украшено вертикальными штрихами (табл. XXIV, 9). Первые три миски имеют архаические формы и датируются VII—VI вв. до н. э.; последняя найдена в верхнем слое помещения XXVII и относится к VI—V вв. до н. э.

Самую большую группу местной керамики VII—VI вв. до н. э. составляют *большие кувшины и небольшие карасы* преимущественно черного цвета с красными или бурыми пятнами, фрагменты которых найдены в помещениях VII, VIII, XVI, XX; XXII, XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXII и XXXIII. Встречаются также экземпляры серого, реже коричневого или желтоватого цвета. Большинство сосудов толстостенные, украшены рельефными поясками и вдавленным семячковым ногтевым орнаментом, а также многорядными волнистыми линиями, нанесенными гребенчатым штампом. Иногда встречается орнамент в виде вдавленных полукружий. Эти сосуды предназначались для хранения пищевых продуктов, о чем можно судить как по количеству найденных образцов, так и по тому, что они в основном обнаружены во втором комплексе, служившем хозяйственным нуждам обоих комплексов (табл. XXI, 10—12, табл. XXII, 1—8; табл. XXIII, 1—12, табл. XXIV, 1—8, 10).

Подобная керамика была широко распространена повсеместно в крепостях и поселениях Армении VII—VI вв. до н. э.—Айгеване, Мохраблуре, Кармир-блуре, Армавире и др. и, как правило, почти без всяких изменений бытовала и в VI—V вв. до н. э. В самом Ошакане эти сосуды встречаются как в слое VII (ямы помещения XXII, помещения XXIX, XXVII), так и в смешанных слоях, что дает возможность говорить об их бытовании и во втором периоде функционирования этих комплексов, однако мы рассмотрим их во избежание повторов с изделиями VII—VI вв. до н. э.

Раннеармянская керамика дворцовых сооружений Ошакана представлена фрагментами красноангобированных сосудов с блестящей или матовой поверхностью—разнообразными кувшинами, мисками и др., характерными для Араратской долины и других местностей (Севанский бассейн), где существовали урартские крепости и поселения.

Фрагменты кувшинов в основном представляют собой ручки различных форм, круглые или прямоугольные в сечении, с блестящей красноангобированной поверхностью (табл. XXV, 1—11). Встречаются образцы бледно-красного цвета, переходящего в желтоватый. В основном ручки гладкие, лишь две имеют глубокие вертикальные пазы (табл. XXV, 3, 11), отдаленно напоминая ручки одноручных урартских кувшинов, а одна снабжена небольшим шипастым выступом (табл. XXV, 7). Исключение составляет ручка коричневого цвета, украшенная вертикально расположенными овальными выемками (табл. XXV,

8). Найдены также части двух хорошо ангобированных двуручных кубков бледно-красного цвета с вытянутыми туловами и двумя круглыми и в сечении гладкими дугообразными ручками, снабженных шипастыми выступами (табл. XXVI, 1, 2). Такие кубки, появившиеся еще в урартскую эпоху, продолжали бытовать и в рассматриваемое время, о чем свидетельствуют находки аналогичных сосудов из раннеармянских погребений Тейшебаини⁴² и раннеахеменидских слоев в Эребуни⁴³. О широком распространении таких сосудов в раннеармянское время можно судить и по рельефу дворца Ксеркса в Персеполе, на котором изображены армяне с подобными кубками в руках, подносящие дань персидскому царю⁴⁴.

К керамике этой эпохи относится также небольшая группа безручных кувшинов красного или бледно-коричневого цвета со вздутыми или расширяющимися кверху туловами, суженными или прямыми шейками и прямыми или отогнутыми округлыми венчиками (табл. XXVI, 4, 10, 12; табл. XXVII, 1, 2). Все они, как правило, хорошо ангобированы и лишены орнаментации, кроме двух сосудов (табл. XXVI, 4, 7), украшенных прямыми и волнистыми линиями.

Самую многочисленную группу керамики рассматриваемого времени составляют миски различных форм. Среди них выделяются две красные хорошо ангобированные фиалы с резко профилированными бортами (табл. XXVII, 4, 5). Подобные фиалы в Армении и Закавказье хорошо известны по находкам в Гарни, Тейшебаини, Джрарате, Норашене, Айруме, Берде, Армавире, Кировабаде, Мингечауре и др.⁴⁵ Металлические фиалы близкой формы известны из Бешташена, Ахалгорийского и Алгетского кладов⁴⁶ и Персеполя⁴⁷.

Фиалы, как и другие керамические изделия, находят свои аналоги в керамике предшествующего времени, в частности, они схожи с чашами-фиалами урартского времени, которые были очень широко распространены в Армении, Закавказье и Иране и дожили в Гарни до I в.⁴⁸

Миски раннеармянского времени делятся на две большие группы—широкие, плоские и небольшие глубокие. По форме венчиков выделяются миски с округлыми или заостренными венчиками (табл. XXVIII, 1—7) и миски с отогнутыми как наружу, так и вовнутрь венчиками (табл. XXVII, 10—15; табл. XXVIII, 9—12). Сосуды обоих видов совпадают с урартскими.

⁴² А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини.

⁴³ С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории гор. Еревана, вып. II, Ереван, 1967, табл. XXVII, рис. 2.

⁴⁴ E. Schmidt. Persepolis, I, Chicago, 1953, табл. 29 A и B.

⁴⁵ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Новые данные о материальной культуре древней Армении. ИАН АрмССР, № 8, 1961, с. 76; А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 144; С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении, с. 156; Раскопки Г. О. Розендорфа близ г. Елизаветполя и селения Еленендорф. ОАК за 1903 г., с. 92; В. А. Спицин. Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29, 1909, с. 6; Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, с. 149—160.

⁴⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триаleti, с. 46.

⁴⁷ E. Schmidt, Persepolis, Chicago, 1967, табл. 68.

⁴⁸ Г. А. Тирацян. Урарту и Армения. ВОН АН АрмССР, 1968, № 2, с. 19; А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 6.

Миски, как правило, красноангобированные, с хорошим лощением, хотя в отличие от урартских образцов встречаются сосуды слабо-красного, желтоватого и серого цвета, зачастую лишенные лощения. Найдено также большое количество глубоких мисок с сильно отогнутыми заостренными или округлыми небольшими венчиками; подобные не встречается среди мисок предшествующего времени (табл. XXVII, 13—16).

Тигли представляют собой небольшие толстостенные сильно обожженные сосуды с матовой черной поверхностью, один с почти прямыми слегка вогнутыми стенками (табл. XXIV, 12), другой яйцевидный с небольшим сливом (табл. XXVI, 3).

Большое значение для определения времени функционирования всех дворцовых комплексов имеет открытая чаша, изготовленная из тщательно отмученной оранжево-охристой глины, от которой сохранился небольшой фрагмент шортика (табл. XXIX). Переход от венчика к корпусу образует небольшой выступ. Изнутри, до среза венчика включительно, он покрыт черным лаком; снаружи по охристому ангобу тем же лаком нанесена роспись; выступ под венчиком подчеркнут узкой черной линией; нижняя часть фрагмента также покрыта лаком. Между этими поясками на фоне ангоба помещена выполненная десятилепестковая вертикальная пальметка с пурпуровым «пестиком». Стебель пальметки, загибаясь вверх, заходит в зону, где, судя по насечке, на поверхности черепка была укреплена ручка чаши.

Прямые аналоги по качеству глины, форме и росписи ошаканской фрагмент находит среди образцов античной чернофигурной керамики аттического производства, в группе киликов-чаш для вина, одной из наиболее распространенных форм греческой столовой посуды. На протяжении многих веков форма и роспись киликов подвергалась различным изменениям, детальное изучение которых позволило провести их хронологическую классификацию, а в ряде случаев определить авторство. Декор и морфологическая специфика рассматриваемого фрагмента роднят его с мелкофигурными киликами типа «венчиковых» (рис. 49), для которых характерны акцентрированный переход от чуть отогнутого наружу венца к корпусу, довольно высокая ножка на основании с плоским поддоном и две диаметрально расположенные загнутые сверху петлевидные ручки, укрепленные непосредственно под венчиком. Роспись этих киликов довольно проста, но очень изящна. Под венчиком проходит тонкая лента, нанесенная черным лаком, лаком закрашена также нижняя половина корпуса, включая ножку, ее основание и ручки, за исключением узкого пояса в месте соединения с ножкой. Срез основания и поддон покрытия не имеют. Снаружи венчик обычно бывает украшен тонко очерченными фигурками птиц (преимущественно петушков) и зверей, реже встречаются изображения людей, божеств, сцены кентавромахии и т. д. На нижнем «фризе» под венчиком расположены отходящие от ручек пальметки, между которыми нередко помещена надпись с именем вазописца. Изнутри большинство образцов имеет сплошное лаковое покрытие, незакрашенным остается лишь небольшой диск на дне чаши, обычно украшенный па-

⁴⁹ J. D. Beazley, *Little—Master Cups*, „The Journal of Hellenic Studies“, vol. LII, p. II, London, 1932, с. 167—168, R. M. Cook, *Greek pottery painted*, London, 1960, с. 80, табл. 25A.

рой концентрических колец⁵⁰. Декорировка киликов выполнена черным лаком, с частичным применением пурпуровой, реже белой краски. Возникновение данного стиля росписи, просуществовавшего около 30 лет, относится к 560 г. до н. э.⁵¹ Имена некоторых вазописцев Аттики дошли до нас благодаря надписям на киликах. Известны, в частности, изделия, подписанные Тлесоном, сыном Неарха, Гермогеном и др.⁵² К росписи мелкофигурных киликов рассмотренного типа обращался и один из наиболее выдающихся представителей аттической чернофигурной вазописи—Экзегий⁵³.

Ставший популярным в Аттике тип киликов вскоре был заимствован и другими центрами керамического производства античного мира. Но роспись этих подражаний, в частности, ионикских мелкофигурных чаш, более эклектична, здесь нередко слиты воедино различные типы и варианты аттических декоров⁵⁴.

Фрагмент килика из Ошакана является пока еще единственной находкой ранней античной керамики в северо-восточном регионе исторической территории Армении, чем и объясняет большой к нему интерес. Однако, несмотря на свою уникальность, находка эта не представляется случайной. Ведь именно во второй половине VI в. до н. э. благодаря завоеванию Киrom Великим Малой Азии держава Ахеменидов, в состав которой входила и Армения (XIII—XVIII сатрапии), установила непосредственный контакт с Грецией и греческой культурой. Взаимные связи осуществлялись при содействии греческих городов Ионийского побережья (Милет, Эфес, Смирна и др.), подчинившихся персидскому владычеству.

О причастности Армении к этим связям наряду с ошаканским киликом свидетельствуют две милетские серебряные монеты V в. до н. э. из Эребуни и афинская тетрадрахма того же времени, найденная в Сисиане⁵⁵. К сожалению, ограниченный объем археологической информации препятствует изучению масштабов и специфики отношений (несомненно, опосредствованных) Армении с Грецией в VI—V вв. до н. э. Подобное исследование осложняется и слабой изученностью памятников южных и западных областей древней Армении.

Античная керамика, найденная при раскопках дворцовых поселений, как указывалось выше, по-видимому, попала в слой из разграбленных в древности погребений. Однако она встречается как на дневной поверхности, так и в нижних слоях на полу помещений, что свидетельствует также о перекопке помещений, производящейся большей частью при извлечении камней.

⁵⁰ J. D. Beazley. Указ соч., с. 168—169, табл. I—IX.

⁵¹ J. Boardman, Athenian Black figure vases, „The World of Art Library“, London, 1974, с. 59, табл. 113; 115; R. M. Cook. Указ соч., с. 80.

⁵² J. D. Beazley. Указ соч., с. 169—204.

⁵³ R. M. Cook. Указ соч., с. 80; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 140—141.

⁵⁴ R. M. Cook. Указ соч., с. 130—131.

⁵⁵ X. M. Мушегян. К истории денежного обращения античной Армении. В сб.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Союза. М., 1978, с. 135—136.

Античная керамика представлена остатками ури-кувшинов, в которых производились захоронения и которые попали в слон после того, как были разбиты при разграблении. К числу их относятся фрагменты большого широкогорлого кувшина, безручного кувшина бледно-коричневого цвета с массивными стенками и красноватой подкладкой (табл. XXX, 5) и безручного кувшина бурого цвета с низкой шейкой и слегка скошенным венчиком (табл. XXX, 6).

Интересны находки ручек больших кувшинов или небольших карасов, покрытых темно-красным (табл. XXX, 10) или желтоватым (табл. XXX, 9) ангобом. Эти ручки по форме несколько напоминают ручки вышеописанных двуручных кувшинов-кубков урартской и раннеармянской эпох, но больше них. Ручки таких размеров, насколько нам известно, впервые встречаются в материальной культуре Армении рассматриваемой поры. Их величина говорит о том, что эти кувшины-кубки применялись как погребальные урны. Эти находки, как и античные карасые захоронения, о которых речь пойдет ниже, подтверждают, что в античной Армении не делали специальных погребальных урн, а захоронения производились в обычной бытовой и даже парадной керамике, соответствующей возрасту погребенного.

К числу античной керамики относятся также разнообразные горшки, представленные почти полностью сохранившимся небольшим сосудом бурого цвета, покрытым густым слоем сажи, с шаровидным туловом, чуть заметной шейкой и небольшим округлым венчиком, явно кухонного назначения (табл. XXX, 1), фрагментами близких по форме горшков того же цвета, часть которых имеет более четко отмеченные шейки (табл. XXX, 8; табл. XXXIV, 13), и более крупным сосудом, украшенным семячковидным орнаментом (табл. XXXI, 2; табл. XXXIII, 1).

Кроме фрагментов горшков, найдены фрагменты частей тулова больших сосудов красного (табл. XXXI, 1, 6) и кремowego (табл. XXXI, 4) цвета, украшенных рельефными поясками с овальными выемками. Интересен фрагмент сосуда со слегка биконическим туловом и округлым венчиком, покрытый красным ангобом (табл. XXXII, 1). Единичным экземпляром представлен слив чайника, покрытый красным ангобом с хорошим лощением (табл. XXX, 3).

Самую большую группу античной керамики образуют фрагменты разнообразных мисок красного, розового и вишневого цвета. Один сосуд, представленный в сильно фрагментированном виде, снаружи был покрыт темно-красным ангобом, а изнутри—светлым, на который красной краской были нанесены две горизонтальные полосы. Это небольшие глубокие (табл. XXXI, 5; табл. XXXIII, 12—14; табл. XXXIV, 9, 12) и плоские (табл. XXX, 7; табл. XXXI, 7, 8; табл. XXXII, 3; табл. XXXIII, 2—11, табл. XXXIV, 4, 5, 7, 8, 10, 14, 15) миски с округлым туловом, загнутыми вовнутрь или наружу тонкими заостренными венчиками или слабо профилированными бортами.

В большом количестве найдены единичные сосуды, отличающиеся своими формами от остальных.

К их числу относятся фрагмент тулова фляги, покрытый ангобом кремowego цвета, на который красной краской нанесен орнамент в виде круга с отходящими от него прямыми отростками (табл. XXXII, 5), небольшая солонка бурого цвета с отогнутым венчиком и толстым

днищем (табл. XXX, 2) и небольшая черная кружка с красновагими пятнами, с высоким поддоном и прищемленным венчиком, образующим небольшой слив, ручка которой начинается от края венчика и отходит к основанию шейки (табл. XXX, 4). Вся эта керамика находит свои аналоги в керамике античной Армении и Закавказья, однако мы не анализируем ее, так как в последней главе, посвященной античным погребениям, такие же сосуды, но лучшей сохранности, подвергнуты тщательному анализу.

В заключение необходимо остановиться еще на одной небольшой группе изделий, обнаруженных в непосредственной близости погребений. В помещении XI в верхней части ямы найдено два фрагмента из голубого стекла, выпавшие из провалившегося пола погребения № 14. На них сохранился довольно небрежный орнамент в виде белой и желтой волнистых лент, полученных методом нанесения тонких стеклянных нитей на горячую основу сосуда, с дальнейшим повторным подогревом уже готового изделия. Подобная техника декорирования, весьма распространенная в античном мире, широко применялась в производстве так называемых «финикийских» флаконов, находки которых зарегистрированы во многих памятниках Армении⁵⁶. Однако ошаканский экземпляр как по цвету основы, так и по форме, насколько можно судить по обломкам, резко отличается от «финикийских» алебастров. Не имеет он прямых аналогий и в комплексе импортного стекла Армении. К сожалению, крайне неудовлетворительная сохранность сосуда не позволяет с достаточной степенью достоверности реконструировать его облик и определить технику изготовления. Все это в конечном счете затрудняет точную датировку находки. Все же, учитывая период наибольшего распространения примененного декора и некоторые разрозненные сопровождающие материалы, можно отнести ошаканский сосуд к позднеэллинистическому времени. Происходит он, видимо, из сиро-финикийского стеклодельческого региона.

Рядом с разграбленным погребением № 116, расположенным в дверном проеме помещения XXVII на высоте 35 см от пола, найдена отбитая ручка красного цвета в виде голсвки коня с четко отмеченными глазами и небольшими торчащими ушами. Здесь же обнаружены половинка каменной пуговицы и подвеска треугольной формы со сломанным ушком, поверхность которой украшена кружковым орнаментом (табл. XXXIV, 2, 3, 6). Все эти предметы явно были выброшены из погребения при разграблении.

Кроме предметов материальной культуры при раскопках дворцовых комплексов обнаружено большое количество культовых памятников—изваяний и святилищ, которые рассматриваются по своим функциональным назначениям.

Культовые изваяния в виде различных антропоморфных статуй фаллосов и идолов-столбиков и зооморфной скульптуры представлены различными образцами, которые, как указывалось при описании помещений, найдены в кладке стен или в завалах упавших камней, что затрудняет определение их культовой принадлежности.

Антропоморфные изваяния объемные с круглой головой, но лица и поверхность плоские.

⁵⁶ Ж. Д. Хачатрян. Стеклоделние в древней Армении (II—I вв. до н. э.). ИФЖ: 1975, № 1, с. 248—251, рис. 1, табл. I, 1, 6, 7.

Одна статуя найдена под стеной помещения XX в завале камней, упавших со стен. От нее сохранилась только голова с ровным верхом. Четко отмечен высокий лоб, длинный прямой нос, глубокие выемчатые глаза и уши (табл. XXXV, 1, XXXVII, 1).

Другая статуя из помещения XVI. От нее сохранились лишь нижняя часть головы и расширяющийся книзу торс в виде круглого столбика.

От третьей статуи, найденной в центре помещения XXVIII также в завале камней, сохранилась лишь голова. На плоском лице четко очерчен лоб, нос прямой, глаза обозначены глубокими впадинами. Особый интерес представляют небольшие уши с подвешенными серьгами, подчеркнутыми рельефными линиями (табл. XXX, 2).

Четвертая статуя с округлой головой найдена в верхней части помещения XXVII, смежной с помещением XVII. На плоском лице выступает крупный нос, круглые глаза едва намечены, рот прямой (табл. XXXV, 3).

От последней статуи, найденной в помещении XXI, сохранился лишь торс с нижней частью головы. Шея украшена полукруглыми линиями, имитирующими ожерелье (табл. XXXV, 4).

Как видим, все статуи найдены в завалах камней или в стене. Очевидно, что во второй период функционирования ошаканского дворца они уже не были предметами поклонения и использовались как строительный материал. Из-за этого обстоятельства очень трудно определить, с каким культом они были связаны. Однако находки аналогичных статуй в Кармир-блуре, Аргиштихинили, Кармир-берде, Кировакане, Базаберде и других памятниках Армении эпохи поздней бронзы и железа, часть которых украшена свастиками⁵⁷, позволяют предполагать, что ошаканские статуи были посвящены культу солнца. В то же время могли почитаться и как боги плодородия и домашнего очага, поскольку в помещениях, где они были обнаружены, найдено большое количество зерновых ям и карасов.

Ко второму типу культовых памятников Ошакана относится каменный идол из черного туфа, найденный у дверей помещения XXVI и представляющий собой фигуру сидящей женщины с узкой талией, широкими округлыми плечами и небольшим выступом, имитирующим голову. По форме он сближается с образцами, хорошо известными из доурартского поселения Кармир-блур, которые, по мнению А. А. Мартиросяна, были связаны с культом плодородия и домашнего очага⁵⁸. Несколько отдаленнее ошаканский идол связывается с глиняными статуями из Мецамора и фигурами из Хови и Дигоми, имеющими такие же боковые выемки, подчеркивающие талию⁵⁹. Этот идол, как и идолы, найденные ранее в Эребуни и Аргиштихинили, показывает, что в урартских крепостях и поселениях до VI в. до н. э. наряду с урартскими официальными богами почитались и статуи местных богов.

К третьему типу культовых памятников Ошакана относятся фал-

⁵⁷ С. А. Есаян. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980, с. 22—23, 30.

⁵⁸ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 74.

⁵⁹ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсамян. Мецамор. Ереван, 1973, с. 191.

лосы (табл. XXXV, 6—10), изготовленные из красного, рыжеватого или черного туфа, установленные в священных углах, около ям, карасов и у дверей помещений. Все фаллосы были разбиты еще в древности, и при раскопках найдены раздельно или головки, или стержни; иногда они, как и статуи, обнаруживаются в кладках стен или дверных проемов, реконструированных в V в. до н. э. Это обстоятельство четко показывает, что после гибели урартского государства культ фаллоса в Ошакане перестал существовать, хотя отдельные экземпляры известны в Армении в их античных памятниках. Вместе с тем в трех случаях—в помещении VII, священной пище двора и в помещении XXIII—разбитые фаллосы стояли на своих местах, свидетельствуя о том, что новые хозяева ошаканских дворцовых комплексов не всегда убирали фигуры старых богов, а ограничивались лишь тем, что разбивали их.

Кроме помещения VII первого комплекса фаллосы найдены и в других помещениях—VIII, XII (2 экземпляра), XIII и XIV. Значительно больше их найдено во втором комплексе. В помещении XVII рядом с тремя большими урартскими карасами и очагом обнаружены три крупные головки фаллосов, одна из которых достигала 1 м. По трем фаллосам найдено в помещениях XVIII, XIX, XX, XXIII, XXIV и XXVIII.

В помещении XXIII разбитый фаллос без головки, как и в помещении VII, стоял в центре, напротив четырех карасов, вкопанных в землю, а другой валялся у южной стены. В этом же помещении в кладку стены дверного проема была положена головка фаллоса длиной в 0,9 м. Судя по соотношению головок и стержней всех известных в Ошакане фаллосов (1:3), высота этого экземпляра должна была составить почти 3 м. Фаллос такого размера, насколько нам известно, впервые засвидетельствован в памятниках Армении и Закавказья.

Наиболее интересной находкой является головка фаллоса, обнаруженная в центре южной части помещения XXVI в завале камней стен на высоте 0,6 м от пола. На одной ее стороне изображено человеческое лицо с четко отмеченным крупным прямым носом, большими глазами и небольшими рельефными ушами.

Находки фаллосов, часто более одного экземпляра, почти во всех помещениях второго комплекса, свидетельствуют об их широком бытовании в урартское время, что пока не зафиксировано в других урартских памятниках.

До раскопок Ошаканского памятника фаллосы в основном были найдены на могильных плитах или в погребениях. По мнению Е. А. Лалаянца и Т. С. Хачатряна, эти каменные изваяния должны были оберегать погребенного от воздействия злых духов⁶⁰. А. А. Мартиросян и С. А. Есаян полагают, что фаллосы, символизирующие культ плодородия, будучи оберегом в погребальном обряде, продолжают символизировать также идею плодородия с заботой о продолжении рода и его благополучии⁶¹. В основе этого мистического акта лежат представления

⁶⁰ Ե. Ա. Լալայան, Դրսիրանների պեղումները Խորհրդային Հայաստանում, Երևան, 1931, էջ 201—216; Т. С. Хачатрян. Древняя культура Ширака. с. 150.

⁶¹ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаиня, с. 84; С. А. Есаян. Скульптура древней Армении, с. 36.

об обратимости, о смерти и воскресении. Что же касается фаллосов, установленных в помещениях, то они без сомнения символизируют культ плодородия, солнца, домашнего очага и благополучия.

С этой точки зрения очень интересен фаллос с человеческим лицом (табл. XXXV, 6) из помещения XXVI Ошакана, символизирующий бога плодородия. Хотя обычно фаллосы в Закавказье встречаются на обширной территории, такие образцы попадаются довольно редко. До настоящего времени в Армении известны один экземпляр из Артика и два беспаспортных экземпляра, хранящихся в Государственном историческом музее Армении⁶². По одному экземпляру происходят из Мугеранского и Урецкого могильников в Дагестане⁶³.

К четвертому типу культовых памятников, обнаруженных в Ошакане, относятся идолы-столбики (табл. XXXV, 11). Это плоские, квадратные или круглые столбики высотой 0,3—0,7 м с округлой или заостренной верхней частью, в основном плохо обтесанные, хотя имеются отдельные образцы с гладкой поверхностью. Несколько идолов-столбиков, как и у фаллосов, в основании имеют неглубокие выемки, указывающие на их двуполость. Идолы-столбики часто попадаются вместе с фаллосами, но иногда встречаются отдельно.

Как и фаллосы, идолы-столбики реже встречались в помещениях первого комплекса и в большом количестве (около 80 шт.) были найдены в помещениях второго. По всей вероятности, в первом комплексе они играли меньшую роль.

В первом комплексе идолы-столбики обнаружены лишь в помещении VII и в нише между двором и помещением XXVIII второго комплекса. Во втором комплексе пять идолов-столбиков найдено в помещении XVIII—два в дверной нише рядом с вкопанным в землю карасом, а три в центре помещения рядом с большой базальтовой ступкой. Идолы найдено в помещении XX в завале камней, упавших со стен. 11 идолов найдено в помещении XXII и по три—в помещениях XIX, XXI, XXIV, XXXVII и т. д.

Большинство идолов-столбиков обнаружено в тех же помещениях второго комплекса, что и фаллосы. По всей вероятности, они также имели культовое назначение и были посвящены богам плодородия и домашнего очага.

К числу культовых памятников Ошакана урартского времени относится хорошо обработанная туфовая плита размерами 1,2×1,25×0,3 м, найденная в северо-западном углу помещения V первого комплекса. Выяснить ее назначение помогают аналогичные памятники Армении и Закавказья, относящиеся к более раннему или позднему времени. В Армении наиболее ранней находкой подобного рода было квадратное сооружение со стороной 1,3 м, выложенное из плоских равносторонних плит и напоминающее очаг, однако без следов золы и пепла, обнаруженных в северо-западном углу помещения I доурартского поселения Кармир-блур. В его северную стенку с внутренней стороны была вделана продолговатая хорошо отглаженная плита из рыжеватого туфа размерами 46×34 см без каких-либо изображений.

⁶² С. А. Есаян. Скульптура древней Армении, с. 36, 58.

⁶³ О. М. Давудов. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 95.

Большое количество таких камней обнаружено и в других помещениях. По мнению А. А. Мартиросяна, этот уголок в целом очень напоминает участки основных жилищ, где помещались каменные антропоморфные идолы и продолговатый не детализированный камень, вделанный в стену, выполняя роль антропоморфного изваяния⁶⁴. Отдельные находки таких идолов найдены также в урартском слое Аргиштихинили⁶⁵.

Как видим, эти идолы-столбики известны в Араратской долине еще с конца II тыс. до н. э. Они, как и женские антропоморфные статуи, доживают до VI в. до н. э. и бытуют в Ошакане и Аргиштихинили, где наряду с официальными урартскими богами почитались и статуи местных богов, образуя сложный пантеон урартской религии. То же самое относится к ошаканской плите, которая и по размерам и по местоположению совпадает с кармирблурской.

Плиты несколько иного типа обнаружены при раскопках Аргиштихинили. Они имели продолговатую форму и были снабжены углублениями для установления в них ритуальных сосудов. Эти плиты, расположенные в углах помещений, также создавали своеобразные священные углы⁶⁶. Ошаканская плита, стоявшая в северо-западном углу помещения, по-видимому, являлась алтарем священного угла первого комплекса, на котором производились ритуальные возлияния. О ее принадлежности к урартскому времени свидетельствует и техника обработки камня, ничем не отличающаяся от техники обработки плит, уложенных на порогах или образующих ступеньки перед дверьми некоторых помещений. Подобные алтари-платформы, бытовавшие в Закавказье и в более позднее время, встречаются, в частности, в Двинском дворце V—VI вв. и в античных храмах Дедоплис Миидори близ села Арадеги Карельского района Грузинской ССР, раскопанных Ю. М. Гагошидзе. Однако они были посвящены не местным и урартским богам, а отражали иранские культы плодородия (богиня Анахит) и огня⁶⁷.

К последней группе культовых памятников Ошакана относятся три зооморфных изображения. Два из них, найденные в помещениях XXXVII и XXXVIII, представляют собой крупные прямоугольные туфовые плиты с округлой верхней частью, напоминающие армянские средневековые надгробные камни. Первая из них (длина 78 см, высота 56 см, ширина основания 32 см) в передней части имеет выступ шеи длиной в 20 см с отбитой головой. Из-под шеи отходит рельефно выполненная согнутая нога какого-то животного. В части крупы спина резко суживается, образуя небольшой заостренный куцый хвост какого-то животного (козы?) (табл. XXXVI, 1).

Второй камень имеет аналогичную форму (без шеи и других атрибутов). Лишь передняя часть по всей высоте, на расстоянии 20 см от края, сужена на 10 см (размеры 72×47×30).

⁶⁴ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 164.

⁶⁵ Устное сообщение Р. Торосяна.

⁶⁶ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 107.

⁶⁷ Ю. М. Гагошидзе. Раскопки языческого храмового комплекса на Дедоплис Миидори. Арх. экспедиция Гос. музея Грузии, т. V. Тбилиси, с. 79; *его же*. Стратег археологических раскопок храмового комплекса II—I вв. до н. э. Дедоплис Миидори в 1976—1977 гг. Арх. экспедиция Гос. музея Грузии. Тбилиси, 1978, с. 77.

Находка этих изваяний четко показывает, что в Урарту, наряду с антропоморфной скульптурой, применялась и зооморфная.

Третья находка представляет собой небольшой бесформенный камень кладки стены помещения XXXVIII: на лицевой поверхности его высечена конусообразная выемка, из которой выступает небольшая грубо отделанная голова быка (табл. XXXVI, 4). Подобные бычьи головки хорошо известны по материалам урартских комплексов, где они выступают в виде ручек из находок в Ване, Гуши, Алишаре и т. д.⁶⁸ Подобные ручки хорошо известны и на глиняных кувшинах из Кармир-блур и Двина. Находка ошаканского изваяния свидетельствует, что в урартском искусстве кроме ручек сосудов головка быка тоже являлась в виде небольших барельефов.

Исключительное значение для изучения следов древних культов и более поздней реконструкции имеют помещения XXVI и XXVII. Последнее представляет собой зал площадью около 100 м². В центре зала с востока на запад расположены в два ряда туфовые базы восьми колонн. На полу помещения расположены четыре ямы, перекрытые плитами и заполненные золой, костями крупного и мелкого рогатого скота и фрагментами битой и использованной местной и урартской керамики, а на полу в завале камней было найдено 25 идолов-столбиков и фаллосов; еще девять фаллосов и идолов видны в общей с помещением XVII стене. Этот колонный зал, по-видимому, был святилищем обоих комплексов, где были установлены многочисленные статуи, фаллосы и идолы-столбики, перед которыми совершались жертвоприношения.

Раскопки четко показывают, что зал уничтожен пожаром и позднее вместе с другими помещениями был восстановлен, а идолы, фаллосы и статуи были использованы как строительный материал. После реконструкции в юго-восточном углу зала был построен небольшой чулан, а в юго-западной части зала—небольшое помещение с очагом (размеры 0,7×0,6), сооруженным из четырех каменных столбов высотой в 0,5—0,7 м и трех каменных плит между ними, оставляющим открытой лишь восточную стенку. Вдоль северной стены зала—платформа из камней и сухой земли (длиной в 10, шириной 3,6 и высотой 0,5 м), перекрывшая все четыре колонны второго ряда. С запада к платформе примыкала небольшая площадка, возвышавшаяся на 0,2 м над платформой, а за нею массивная стена, примыкающая к урартской западной стене. Как видим, при реконструкции колонного зала святилище было превращено в капище с очагом.

Помещение XXV (площадью 150 м²) также представляло собой восьмиколонный зал. Первоначально оно имело три входа—главный со двора и второстепенный из коридора; третья дверь вела в помещение южного отсека. Под южной стеной тянулась высокая приступка-скамья, сложенная из крупных камней и обмазанная глиной. Отсутствие древних культовых сооружений и наличие трех дверей, делающих зал проходным, позволяют предполагать, что первоначально он служил для больших торжеств или собраний.

После реконструкции колонны этого зала были сняты (сохранились лишь две базы, при раскопках две другие найдены в помещениях

⁶⁸ Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1969, с. 58.

XXII и XXXI уже в виде строительного материала). По середине зала возведена поперечная стена, делящая его на два помещения, первое из которых имело вход со двора, а второе—через вышеуказанный коридор. В первом помещении, неподалеку от дверного проема, проведена к западной стене, общей с помещением XXVI, небольшая стена длиной в 3,5 м, образующая небольшой закуток (аналогичный строению в помещении XXVII), внутри которого находится овальный очаг размером 1,0×0,5 м. Его стенки имеют ширину 25 см и высоту 15 см, на 5 см они врыты в землю. Дно очага обмазано слоем глины толщиной в 4—5 см, как и стенки, сильно обгоревшие.

Таким образом, после реконструкции зала здесь появилось небольшое капище с двойными дверями, аналогичное капищу помещения XXVII, но с очагом другой формы. В северо-восточной части второго помещения, образованного разделением зала, под внешней стеной был сооружен прямоугольный очаг размером 0,7×0,45 м и глубиной 10 см. Он также имеет врытые в землю глиняные стенки, но в его западном углу стоял камень высотой в 0,5 м. Напротив очага под восточной стеной, как и в помещении XXVII, возведена дополнительная стена.

Этим не ограничивается сооружение новых культовых памятников. Очаг, совершенно аналогичный очагу помещения XXVII, сооружен в помещении XX вместе с небольшой поперечной стеной, позволившей устроить здесь двойные двери. Такая же картина наблюдается и в помещении XXII, где в западном углу была сооружена платформа размером 2,57×2,42 и высотой 0,5 м. На этой платформе обнаружено два очага. Один из них, в северо-западном углу, имел прямоугольную форму и состоял из двух камер, разделенных глиняной перегородкой. Он сложен из семи гладких туфовых камней, размеры его 0,93×0,47, глубина—15 см. Дно очага также обмазано толстым слоем обожженной глины. Второй очаг был сооружен в юго-западной части платформы, он походил на очаг первого помещения колонного зала XXV.

Итак, после реконструкции дворцовых комплексов на месте урартских святилищ и прилегающих помещений образуются три крупных храма-огня, размером в 100, 75, 75 м², и два малых храма, имеющих размеры прежних помещений. Внутри храмов сооружались очаги различной формы, что, вероятно, указывает на их ритуальное различие.

ГЛАВА III

РАСКОПКИ АНТИЧНОГО МОГИЛЬНИКА

При раскопках дворцового комплекса и в непосредственной близости от него были открыты погребения, заложенные уже после гибели дворцовых сооружений жителями поселения, по-видимому, занимавшего территорию современного села Ошакан. В результате определены конструктивные особенности погребальных сооружений и выявлены новые для указанного времени типы захоронений. Получен многочисленный, но прекрасный археологический материал.

Погребение № 1, выложенное из грубых базальтовых камней, расположено под западной внешней стеной помещения I. Оно обнесено полукругом кромлеха, пристроенного к центральной части указанной стены, диаметр кромлеха 3 м. Внутри кромлеха сооружен каменный ящик, размерами 1,05×0,7×0,6 м, направленный с севера на юг и одной стороной пристроенный к внешней стене. Погребение перекрыто двумя небольшими плитами. В нем обнаружено несколько сильно истлевших костей черепа, берцовых костей и костей таза, расположенных друг над другом. По всей вероятности, покойник был погребен в сидячем положении. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение № 2 расположено под северной внешней стеной помещения I и представляет собой каменный ящик, одной стеной пристроенный к указанной стене. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Перекрыто двумя небольшими плитами. Местами сохранились следы кромлеха. Размеры 0,9×0,6×0,5 м. Как и в погребении № 1, истлевшие кости скелета были расположены друг над другом. Очевидно, здесь также наблюдается захоронение в сидячем положении. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение № 5, представляющее собой каменный ящик, расположено в коридоре (помещение VI) под стеной, отделяющей его от помещений IX и X и использованной при сооружении погребения в качестве одной из стен. Направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Размеры 1,1×0,7×0,5 м. Плиты перекрытия отсутствовали. В погребении обнаружены сильно истлевший костяк, обсидиановый скребок трехгранного сечения со следами слабой ретуши и проволоочный витой браслет. На полу были заметны следы угля и золы.

Погребение № 6 расположено в том же коридоре в 0,6 м западнее предыдущего. Направлено с востока на запад с небольшим отклоне-

нием к северу. Представляет собой каменный ящик, сооруженный из туфовых блоков, снятых со стен помещений. Камни перекрытия отсутствовали. Скелет полностью истлел. Предметов не обнаружено. На полу сохранились следы угля.

Погребение № 7 расположено под продолжением стены, разделяющей помещения VIII и IX. Направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Размеры 1,2×0,7×0,5 м. Сооружено из туфовых блоков, снятых со стен помещений. Камни перекрытия отсутствовали. Кроме мелких костей скелета в погребении ничего не обнаружено. На полу сохранились следы угля.

Погребение № 8 расположено в проходе между помещениями V и VI, занимая почти все его пространство. Как и другие погребения, расположенные в коридоре, оно представляет собой каменный ящик, стены которого выложены из крупных блоков, снятых со стен помещений. Одной стороной пристроено к стене-перегородке между помещениями VIII и IX. Погребение направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Размеры 0,9×0,8×0,8 м. Кроме истлевших костей скелета в погребении обнаружены большая чаша, покрытая розовым ангобом, два проволочных браслета с прогибом, утолщенные нисходящие концы которых напоминают змеиные головки, и небольшая многогранная гемма из стекла с изображением лани.

Погребение № 9, расположенное в юго-западном углу помещения X, примыкает одной стороной к стене помещения XV. По конструкции схожа с предыдущими. Выложена из крупных туфовых блоков. Направлена с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Размеры 1,35×0,7×0,6 м. Перекрыто двумя плитами. Кроме истлевших костей скелета в погребении ничего не обнаружено. Видны следы золы.

Погребение № 10 расположено в помещении X параллельно погребению № 9 и имеет ту же конструкцию. Восточная стена и камни перекрытия отсутствовали. Размеры 1,4×0,6×0,6 м. В погребении кроме истлевших костей скелета никаких предметов не обнаружено.

Погребение № 11 расположено в помещении X. Имеет ту же конструкцию и направление, что и погребение № 9, размеры 0,96×0,7×0,7 м. Камни перекрытия отсутствовали, а восточный поперечный камень был свален. Костяк чрезвычайно плохой сохранности. В погребении обнаружено два массивных браслета с прогибом и с утолщенными сходящимися и расходящимися концами, три фрагмента круглого зеркала, три проволочные серьги и небольшая подвеска в виде грозди винограда. Кроме металлических изделий здесь найдено много каменных бус. Среди найденных предметов выделяются многогранная гемма из синего стекла с изображением ланей и круглая гемма из горного хрусталя со сценой битвы человека с кабаном. Найдено также небольшое количество крупных стеклянных и сердоликовых шаровидных и трубчатых бус. По-видимому, из этого погребения выпал небольшой фрагмент кувшинчика бледно-коричневого цвета, на котором темно-коричневой краской нанесены горизонтальные полосы.

Погребение № 12 находится в северной части помещения XIV и представляет собой каменный ящик, выложенный из крупных блоков. Направлено с востока на запад, размеры 1,5×0,7×0,7 м. Перекрытие отсутствовало. Плохо сохранившийся костяк лежал на левом боку

головой на восток с подогнутыми руками и ногами. В погребении обнаружены большая расписная двуручная фляга, украшенная концентрическими кругами с вписанным в центре крестом и извивающимися линиями, напоминающими змей, большая фиала, покрытая коричнево-красным ангобом, с внутренней стороны украшенная поясками в виде косых линий, нанесенных коричневой краской. На полу погребения найдены небольшие куски древесного угля.

Погребение № 13 находится в южном углу помещения XIV, по конструкции и направлению аналогично погребению № 12. Размеры 1,15×0,75×0,7 м. Погребение было перекрыто двумя тонкими плитами размерами 1,2×0,7×0,2 м и 0,8×0,6×0,2 м. Сильно истлевший костяк лежал на левом боку головой на восток с подогнутыми руками и ногами. Никаких следов инвентаря не обнаружено.

Погребение № 14 находится под западной стеной помещения XIV, рядом с дверным проемом. По конструкции и направлению аналогично погребению № 12. Размеры 1,0×0,55×0,4 м. Камни перекрытия отсутствовали. Плохо сохранившийся костяк лежал на левом боку с подогнутыми руками и ногами, головой на восток. В погребении обнаружен железный нож с небольшим язычком для закрепления рукояти, маленькая проволочная серьга и небольшая пастовая бусина. На полу найдены кусочки древесного угля.

Погребение № 15 находится в помещении XI между ямой и дверным проемом. Направлено с востока на запад. Размеры 1,2×0,7×0,7 м. Плохо сохранившийся костяк лежал на левом боку головой на восток с подогнутыми руками и ногами. Погребение в виде каменного ящика выложено крупными блоками, снятыми со стен, неровности в которых выложены мелкими камнями. Среди последних обнаружен фрагмент головки туфового фаллоса. В погребении найдены большая красноощенная фиала и расписная фляга типа найденных в погребении № 12, отличающиеся от них орнаментацией. Пол погребения частично осел с западной стороны на яму, выкопанную в древности в помещении XI. В верхней части ямы найдены два фрагмента сосуда, изготовленного из прозрачного голубого стекла, на которых сохранился довольно небрежный орнамент в виде белой и желтой волнистых лент, полученный методом нанесения тонких стеклянных нитей на горячую основу сосуда с дальнейшим повторным подогревом уже готового изделия. Подобная техника декорирования, весьма распространенная в античном мире, широко применялась в производстве так называемых «финикийских» флаконов, находки которых зарегистрированы во многих памятниках Армении¹. Однако, насколько можно судить по обломкам, ошаканский экземпляр как цветом основы, так и формой резко отличается от «финикийских» образцов. Не имеет он прямых аналогий и в комплексе импортного стекла Армении. К сожалению, крайне неудовлетворительная сохранность сосуда не позволяет с достаточной достоверностью реконструировать его облик и определить технику изготовления, что в конечном счете затрудняет точную датировку находки. Все же, учитывая период наибольшего распространения примененного декора и некоторые разрозненные сопровождающие матерна-

¹ Ж. Д. Хачатрян. Стеклоделие в древней Армении (II—I вв. до н. э.). ИФЖ, 1975, № 1, с. 248—251, рис. 1, табл. I, 1, 6, 7.

лы, ошаканский сосуд можно отнести к позднеэллинистическому времени. Происходит он, видимо, из сиро-финикийского стеклодсельского региона.

Погребение № 16 находится в южном углу помещения XI. Направлено с востока на запад. Размеры 1,25×0,7×0,7 м. Представляет собой каменный ящик, выложенный из крупных блоков. Перекрыто двумя плитами. Истлевший костяк, судя по расположению костей, лежал головой на восток с подогнутыми руками и ногами. Следов инвентаря не обнаружено.

Погребение № 17 находится в центре восточной стены, в углу помещения VIII. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Выложено в виде каменного ящика из крупных блоков. Размеры 1,35×0,8×0,7. Было перекрыто двумя плитами. Костяк чрезвычайно плохой сохранности. Следов инвентаря не обнаружено.

Погребение № 18 находится в центре западной части помещения VII и представляет собой каменный ящик. Направлено с востока на запад с отклонением к северу. Размеры 1,2×0,7×0,6 м. Перекрыто двумя плитами. Кости совершенно истлели. Никаких следов инвентаря не обнаружено. На полу сохранились следы золы.

Погребение № 19 находится под западной стеной помещения IXa, рядом с дверным просом, ведущим в помещение XIII. Направлено с севера на юг. Размеры 0,7×0,5×0,6 м. Стены погребения обложены небольшими туфовыми плитами. Перекрытие отсутствовало. В погребении обнаружен сплюснутый бронзовый браслет с закрученными концами.

Погребение № 20 находится в помещении IXa, у восточной стены. Представляет собой кромлех диаметром 2,5 м с вписанным каменным ящиком. Направлено с востока на запад. Размеры 1,2×0,7×0,7 м. Перекрыто двумя плитами. Кроме истлевших детских костей в погребении ничего не обнаружено.

Погребение № 21 находится в 50 м западнее дворцового помещения. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Размеры 1,9×1,4×0,5 м. Перекрыто двумя плитами. Стены выложены мелкими камнями. Внутреннее пространство заполнено большими камнями, среди которых найден фрагмент туфового фаллоса. Под завалом камней обнаружено два скелета плохой сохранности, лежащие на спине, головами в противоположные стороны. Инвентарь состоял из двух красных кувшинов с бурыми пятнами, стеклянной грушевидной колбы, двух проволочных браслетов со сходящимися концами и двух небольших серег.

Погребение № 22 находится в 200 м юго-восточнее дворцового комплекса у дороги, ведущей в детский санаторий. Направлено с востока на запад с отклонением к югу. Размеры 1,3×0,8×0,7 м. Выложено в виде каменного ящика из больших туфовых блоков. Перекрытие отсутствовало. В погребении, по-видимому, разграбленном, кроме мелких истлевших частей скелета и небольших кусков древесного угля ничего не обнаружено.

Погребение № 23 находится в 5 м восточнее погребения № 22. По конструкции и направлению схоже с погребением № 22. Размеры 1,1×0,8×0,6 м. Погребение разграблено.

Погребение № 24 находится в 10 м северо-восточнее погребения

№ 22. По конструкции и направлению схоже с ним. Размеры $1,00 \times 0,6 \times 0,45$ м. Погребение разграблено.

Погребение № 26 находится в 200 м восточнее дворца. По конструкции схоже с погребением № 22. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Размеры $1,25 \times 0,75 \times 0,75$ м. Стены выложены из туфовых блоков. Камни перекрытия отсутствовали. Погребение разграблено. На полу сохранились следы золы.

Погребение № 27 находится в помещении XIV, рядом с дверным проемом, напротив погребения № 14. По конструкции и направлению аналогично погребениям № 12—14. Судя по размерам ($0,75 \times 0,5 \times 0,4$ м) погребение детское. Камни перекрытия отсутствовали. Сохранились лишь отдельные кости скелета, по которым можно судить, что покойник лежал головой на восток.

Погребение № 28 находится в северо-восточном углу помещения XII, рядом с дверным проемом, ведущим в помещение XIII. По конструкции схоже с погребением № 12. Одной стороной пристроено к стене помещения VIII, для чего была разрушена приступка, идущая вдоль нее. Направлено с севера на юг с отклонением к востоку. Размеры $1,00 \times 0,7 \times 0,6$ м. Стены выложены из туфовых блоков. Перекрытие отсутствовало. Следов инвентаря не обнаружено. Пол покрыт толстым слоем обгорелой земли.

Погребение № 29 находится в южном углу помещения XII. Имеет форму каменного ящика. Направлено с востока на запад с отклонением к северу. Размеры $1,2 \times 0,9 \times 0,7$ м. Стены выложены из туфовых блоков. Перекрытие отсутствовало. Кроме мелких костей истлевшего скелета ничего не обнаружено.

Погребение № 30 находится в центре помещения XII. По конструкции и направлению схоже с погребением № 29. Размеры $1,1 \times 0,6 \times 0,5$ м. Стены выложены из блоков. Перекрыто двумя плитами. Следов инвентаря не обнаружено.

Погребение № 31 находится в центре помещения XII, рядом с погребением № 30, с которым схоже по конструкции и направлению. Перекрытие отсутствовало. В погребении обнаружено два небольших браслета со сходящимися концами и небольшая бусина из голубой смальты.

Погребение № 32 находится под центральной частью южной стены помещения XII. По конструкции и направлению схоже с погребением № 29. Размеры $1,1 \times 0,6 \times 0,7$ м. Перекрытие отсутствовало. Истлевший скелет лежал на левом боку с согнутыми руками и ногами, лицом к югу. На руке обнаружен проволочный браслет с прогибом, расходящиеся концы которого украшены насечками, рядом найдены два браслета, две проволочные серьги, два фрагмента железного перстня и низка пастовых бус, несколько бус имеют форму зуба.

Погребение № 34 находится в 60 м юго-восточнее дворцового помещения. Направлено с севера на юг с отклонением к западу. Размеры $1,4 \times 1,35$ м. В грунтовую яму заложен карас размером около 1,0 м, обложенный по краям двумя рядами крупного булыжника. Верхняя часть горла с венчиком с одной стороны была отбита с целью поместить труп и снова вставлена. Кроме истлевших костей скелета в карасе найдены небольшие кусочки древесного угля; днище покрыто обгорелой землей.

Погребение № 35 находится рядом с погребением № 33. Направлено с востока на запад с отклонением к северу. По форме схоже с погребением № 34. В разбитом каресе вместе с истлевшими костями скелета обнаружен небольшой краснолощенный кувшинчик.

Погребение № 36 находится в северном углу помещения XII, напротив дверного проема, ведущего в помещение XI. Погребение грунтово-воз в виде ямы, куда вертикально заложен карас, закрытый сверху небольшой плитой и засыпанный землей. Инвентарь погребения состоял из различных украшений. На руке скелета обнаружен фрагмент плоского колечка и два проволочных браслета с расходящимися концами. Концы одного сделаны в форме змеиных головок, концы другого украшены насечками. Между ними был вдет браслет, образованный из небольших белых и голубых бочковидных и шаровидных пастовых бусин. На шее найден колоколовидный бронзовый предмет с колечком для подвешивания, с бронзовыми трубчатыми бусинами в центре. Кроме того, здесь найдено ожерелье из круглых сердоликовых и плоских дисковидных прекрасно отшлифованных бусин, а также круглые бочковидные бусы из голубой с желтыми прожилками смальты и пирамидообразная стеклянная бусина с отверстием для подвешивания.

Наибольший интерес представляют 35 золотых украшений—полукруглые пуговицы с петельками для пришивания, по-видимому, нашитые на одежду дисковидные плоские пластинки с закругленными концами и полугранатовидные подвески с такими же концами, украшенные мелкой зернью.

Погребение № 37 находится рядом с погребением № 28 в восточной части помещения XII, напротив дверного проема помещения XIII. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к югу. Размеры 0,9×0,6×0,6 м. Представляет собой каменный ящик, выложенный из туфовых блоков, в который была заложена большая маслобойка с захоронением. Перекрытие отсутствовало. Инвентарь состоял из самой маслобойки, внутри которой вместе с истлевшими костями скелета найдены три сердоликовые и одна костяная бусины и две небольшие бронзовые серьги.

Погребение № 38 находится в помещении IXa, рядом с погребением № 19. Одной стороной пристроено к стене, отделяющей помещение IXa от помещения VIII. Выложено в виде полукруглого кромлеха диаметром 2,5 м, внутри которого в грунтовую яму был положен большой кувшин, перекрытый плоской туфовой плитой. В нем оказались истлевшие кости детского скелета без сопровождающего инвентаря.

Погребение № 39 находится в дверном проеме помещения X, ведущем в коридор. Направлено с востока на запад с отклонением на 30° к северу. Размеры 0,75×0,6×0,5 м. Представляет собой каменный ящик, стены которого выложены из туфовых блоков. Перекрыто двумя плитами. Для укрепления стены в проеме была произведена засыпка камней, среди которых, как указывалось выше, найдено два фрагмента больших каменных чаш. В погребении обнаружены две крупные бронзовые серьги с заходящими концами, на одну из которых было вдето небольшое колечко, а на другую—подвеска в виде четырехгранного стерженька с заостренным концом и колечком в верхней части для подвешивания. На полу сохранились следы золы и кусочки древесного угля.

Погребение № 40 находится под западной стеной помещения XV и представляет собой каменный ящик. Одной стороной пристроено к указанной стене. Направлено с севера на юг, с отклонением к востоку. Размеры $1,1 \times 0,8 \times 0,5$ м. Выложено из туфовых блоков. Кроме истлевших костей скелета ничего не обнаружено.

Погребение № 41 находится в 7 м от внешней восточной стены помещения III. Направлено с востока на запад. Размеры $1,7 \times 1,1 \times 1,6$ м. Стены выложены крупными необработанными камнями. Перекрыто двумя плитами. В погребении оказался треснувший по горизонтали карас, горловина которого была отбита для легкости труповложения и поставлена рядом, вместе с костями крупного рогатого скота. В карасе оказался сравнительно хорошо сохранившийся скелет без сопровождающего материала.

Погребение № 63 находится в помещении XII, рядом с погребением № 29, и имеет форму каменного ящика. Направлено с востока на запад. Выложено из крупных блоков; камни перекрытия отсутствовали. Размеры $1,3 \times 0,6 \times 0,7$ м. Костяк полностью истлел. Найден лишь небольшой фрагмент проволочной серьги.

Погребение № 64 находится в центральной части углового выступа внешних стен помещений XI и XV. Для его устройства из выступа было снято несколько камней, и образовавшееся углубление было использовано как погребение, стенами которому служили камни кладки выступа. Погребение было перекрыто извлеченными же камнями. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к югу. Скелет полностью истлел. Здесь найдены фрагменты небольшой миски и витой браслет, схожий с найденным в погребении № 5.

Погребение № 71 находится в помещении XIII под стеной, отделяющей его от помещения XIV, и имеет форму каменного ящика. Направлено с севера на юг. Размеры $1,3 \times 0,5 \times 0,5$ м. Перекрытие отсутствовало. Кроме истлевших костей скелета ничего не обнаружено.

Погребение № 72 находится в помещении XIII рядом с дверным проемом, ведущим в помещение XII. Имеет форму каменного ящика, рядом с которым сохранились отдельные камни круга кромлеха. Направлено с севера на юг. Размеры $1,1 \times 0,6 \times 0,5$ м. Перекрытие отсутствовало. Вместе с сильно истлелым костяком найдены два змеиных головных проволочных браслета с прогибом.

Погребение № 109 расположено в центре помещения XVII. Представляет собой небольшой каменный ящик размерами $1,1 \times 0,6 \times 0,5$ м. Ориентировано с востока на запад. Перекрыто завалом камней: кроме костей детского скелета ничего не обнаружено.

Погребение № 110 расположено рядом с погребением № 109. Оно устроено в виде ямы в завале камней и засыпано крупными камнями. Внутри обнаружены истлевшие детские кости, небольшая грубая фляга (табл. XLVII, 13, 14) и фрагмент браслета с прогибом.

Погребение № 111 расположено под западной стеной помещения XVIII, отделяющей его от помещения XVII, на глубине 0,7 м от дневной поверхности. Захоронение было произведено в небольшом карасе, приклонном горлом к стене и обложенном со всех сторон камнями. Внутри кроме истлевших костей ничего не обнаружено.

Погребение № 112 расположено под той же западной стеной помещения XVIII на глубине 0,7 м. Захоронение произведено в большом

кувшине, прислоненной к стене горловиной. Внутри обнаружены истлевшие детские кости и небольшой серебряный проволочный браслет.

Погребение № 113 расположено в крайнем северном углу двора (помещение XV). Оно образовано двумя стенами двора и большой плитой из красного туфа. Ориентировано с севера на юг. Размеры 2,5×1,5×1,0 м. Перекрытие и южная стена не сохранились. Внутри погребения, по-видимому, разграбленного в древности, кроме отдельных костей ничего не обнаружено.

Погребение № 114 расположено в 2,5 м от западной стены помещения XXVIII. Было устроено в завале камней, упавших со стен, и засыпано камнями и обломками фаллосов. Внутри бесформенной ямы найдены истлевшие детские кости и инвентарь, состоящий из небольшого кувшинчика, серьги и конической подвески (табл. XLVII, 7а, 12).

Погребение № 115 расположено в 3 м восточнее погребения № 114. Имело форму каменного ящика. Перекрыто двумя небольшими плитами. Ориентировано с востока на запад. Размеры 2,4×0,6×0,6 м. В центре погребения обнаружен детский скелет в скорченном положении лицом к северо-западу. Под черепом найдены две серьги, пастовые и стеклянные бусы и печать-многогранник из синего стекла с изображением коня и сидящей на его крупе птицы (табл. XLVII, 11). На руках найдены два змеиноголовых браслета с прогибом на спинке.

Погребение № 116 расположено в помещении XXVII перед дверным проемом. Представляет собой каменный ящик, выложенный из мелких камней. Размеры 1,8×1,7×0,7 м. Ориентировано с востока на запад. Перекрытие отсутствовало. Погребение было разграблено в древности.

Погребение № 117 расположено под восточной стеной помещения XXVI. Представляет собой каменный ящик, выложенный крупными камнями первого комплекса. Размеры 0,9×0,6×0,55 м. Ориентировано с востока на запад. В центре погребения обнаружен крупный мужской скелет в скорченном положении, лежащий головой на запад, лицом к северу. Рядом найден небольшой сосуд со сливом. Пол погребения покрыт золой и обгорелой землей. По-видимому, перед захоронением производилось очищение камеры посредством огня.

Погребение № 118 расположено в помещении XXX под стеной, отделяющей его от помещения XXXIII. Представляет собой большой склеп, состоящий из двух параллельных камер. Высота сохранившихся стен—1,2 м, выложены из мелких туфовых камней на глиняном растворе. Их толщина 20—25 см. Размеры 2,5×3,0×1,0 м. Перекрытие отсутствовало. Камеры ориентированы с юга на север. Погребение разграблено в древности, лишь во второй камере найден небольшой фрагмент язычка железного ножа с гвоздем для закрепления рукоятки.

Как видим, погребения античного могильника разнотипны. Из 41 раскопанного погребения 30 представляют собой каменные ящики, как правило, выложенные массивными прямоугольными туфовыми блоками, снятыми, по-видимому, со стен дворцовых сооружений, или более тонкими плитами и необработанными камнями (табл. XXXVIII, XXXIX, 1). Конструкция и размеры каменных ящиков одинаковы: все они ориентированы с севера на юг или с востока на запад. Некоторые из них пристроены к стенам помещений или устроены в дверных проемах, и поэтому их направление смешено в соответствии с направлениями

стен и просмов. Все каменные ящики были перекрыты одной-двумя плитами, но значительная часть их в древности была снята, а погребения разграблены. Костяки сохранились плохо, и поэтому установить характер труположения трудно. Судя по погребениям № 14—16, в которых костяки сохранились лучше, погребенный лежал на левом боку с подогнутыми руками и ногами.

В погребениях обнаружено много угля. В некоторых случаях дно погребения было покрыто толстым слоем обгорелой земли. Поскольку найденные остатки скелетов и изделия из сжогжены, можно предположить, что это следы не кремации, а священного очищающего огня. Подобное явление отмечено также в синхронных погребениях Арташата².

Среди каменных ящиков своей конструкцией выделяется погребение № 21 со стенами, образованными двумя рядами кладки из мелких камней, обнесенных засыпкой из таких же камней, перекрытой двумя плитами.

Кроме каменных ящиков в дворцовом комплексе открыто несколько кромлехов (погребения № 1, 2, 30, 33 и 72). Внутри них находились каменные ящики, сложенные из крупных грубых булыжников и перекрытые небольшими плитами (табл. XXXIX, 2). Захоронения подобного типа среди античных погребений Армении, насколько нам известно, встречаются крайне редко. В Айгешате (Эчмиадзинский район) Р. Т. Торосьяном³ был раскопан круглый в плане кромлех с каменным ящиком в центре, датируемый I в. до н. э. Кромлех с кувшинным захоронением, датируемый античным временем, известен из раскопок И. Карапетяна в Карцахпюре. Здесь найден небольшой карас, вертикально уложенный в грунтовую яму, выкопанную в углу одного из помещений, и обнесенный полукругом кромлеха⁴.

Диаметр кромлехов Ошакана небольшой—2,6—3 м. Судя по расположению костей в кромлехах № 1 и 2 скелеты находились в сидячем положении. Характер труположения в остальных кромлехах установить не удалось, так как кости сильно истлели.

В дворцовом комплексе и в непосредственной близости от него обнаружен ряд карасных захоронений (табл. XXXIX, 4—6). Погребение № 38, являющееся захоронением ребенка, представляет собой кромлех с вписанным каменным ящиком, в который был помещен крупный кувшин с отбитой в древности верхней частью (табл. XXXIX, 3). Захоронения в погребениях № 34—36 были произведены в небольших карасах, размещенных в грунтовых ямах. Два первых были уложены горизонтально и обложены крупным булыжником, а их горловины были перекрыты небольшими плоскими плитами (табл. XXXIX, 5). Карас из погребения № 36 был помещен в грунтовую яму в вертикальном положении (табл. XXXIX, 6), что несколько напоминает карасное захоронение из кромлеха № 38. Остальные карасы (погребения № 19, 37 и 41) были положены в каменные ящики и также перекрыты плитами (табл. XXXIX, 4), что, насколько нам известно, встреча-

² Ժ. Դ. Խաչատրյան, Դիակիրումը Հայաստանում (Վ. Բ. Կ. II—Վ. Բ. III դդ.), «Երասիրտի ամսագրի 1975 թ. հ. 2, էջ 66».

³ Լ. Քարապետյան, Զ. Տեր-Մատթեոսով, Ուշնեոլիտեան ժամանակաշրջանի բամբարանները Երասիրտի շրջանի Այգեշատ գյուղում, ՊԲՀ, 1976, № 2.

⁴ Материалы не опубликованы.

ется в Армении впервые. В погребении № 19 захоронение было произведено в крупном сплюсненном горшке, в погребении № 37—в крупной маслбойке, а в погребении № 41—в небольшом карасе.

В некоторых случаях, чтобы легче было поместить покойника в карас, у сосуда отбивали горловину, а затем снова вставляли на место или ставили рядом с карасом. В Арташате также при захоронении в карасе отбивали горловину сосуда. Карасные захоронения широко известны в Армении и Закавказье—Гарни, Норатусе, Нор-Баязете, Ахтале, Мингечауре, Нахичеване, Исмаилинском, Агдамском, Куткашенском районах Азербайджана и Степанакертском районе Нагорно-Карабахской автономной области, Дабла Гоми, Парцханаканеви, Самтавро, Дапнари⁵ и в других местах. Однако здесь отбивали не горловину сосуда, а днище или боковую сторону. В ряде случаев сосуды разбивали вдоль центра тулова, а иногда оставляли целыми.

Завершая рассмотрение конструкций погребений античного могильника, следует добавить, что в 200 м к северу от дворцового комплекса, левее дороги, ведущей от села к детскому санаторию, при земляных работах было разрушено несколько десятков погребений античного времени. В открытой траншее на глубине 0,5—1,5 м от дневной поверхности были четко видны каменные ящики и карасные захоронения. Мы не вводим их в общую нумерацию погребений, однако немногочисленные находки, собранные при осмотре местности или переданные нам населением, мы рассматриваем наряду с общим комплексом, указывая при этом их происхождение (табл. XL, 1—9).

Погребальный инвентарь античного некрополя составляют керамика в небольшом количестве, железный нож, каменный скребок и сравнительно большое количество различных украшений.

Керамический материал представлен различными карасами красного или черного цвета, большой маслбойкой, флягами, фиалами, кувшинами и чашами. Часть карасов и маслбойка, использованные в качестве погребальных урн, представляют собой сосуды, бывшие в употреблении, даже треснувшие.

Карасы имеют расширяющееся кверху тулово, низкую шейку с широким плоским венчиком (табл. XLVI, 2—4). Все они имеют высоту 0,9—1,2 м, диаметр горла 32—36 см и, как правило, лишены орнаментации. Лишь карас из погребения № 36 в нижней части тулова украшен широким рельефным поясом (табл. XLVI, 2).

Большой интерес представляет маслбойка, по форме напоминающая аналогичные сосуды I тыс. до н. э. Это крупный широкогорлый сосуд из желтой глины, с округлым вздутым туловом (размеры 62×47×16), короткой шейкой и крупным округло отогнутым венчиком

⁵ Б. Н. Аркелян. Гарни. II Ереван, 1957, с. 16; Ե. Լալաշան, Գո Մրաների պեղումները Խորհրդային Հայաստանում, Երևան, 1931, էջ 73, J. de Morgan. Mission Scientifique au Caucase, t. I, Paris, 1889, рис. 21. С. М. Казиев. Альбом кувшинных погребений, Баку, 1960; Т. И. Голубкина. Находки кувшинных погребений в Нахичеванской АССР. ДАН АзССР, т. VIII, Баку, 1952, № 8, с. 451; ее же. Археологические исследования и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане, ИАН АзССР, 1959, № 16, с. 15; М. Иващенко. Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии. ИАН АзССР, Баку, 1947, № 1, с. 73; Н. Ш. Кигуридзе, Г. А. Лордкипанидзе. Археологические исследования в Дапнари, 1969 г., М., 1970, с. 365 и т. д.

(табл. XI.VI, 1). На одном плечике в наиболее расширяющейся части тулова имеется сквозное отверстие с сохранившимися следами кольцевого выступа. Рядом с отверстием была помещена крупная ручка, отбитая в древности. С внутренней стороны стенки и днище маслостойки гладкие. Такие маслостойки известны из Армавира и Арташата.

Наиболее интересными находками являются две расписные фляги из погребений № 12 и 15 со слегка скруглым туловом и вздутыми боками, короткой шейкой с чуть отогнутым наружу венчиком. На плечиках расположены две плоские петлевидные ручки. Сосуд из погребения № 12 кремового цвета и украшен концентрическими кругами, нанесенными красной краской, с вписанным крестом в центре. На боковых сторонах под ручками нанесены извивающиеся линии, напоминающие змей (табл. XLI, 8). Орнамент фляги желтого цвета из погребения № 15 более сложный (табл. XLIII, 1, 2). На одной стороне красной и темно-коричневой краской нарисованы три концентрических круга с 3—4-мя квадратами того же цвета внутри. В квадраты вписаны круги, в центре которых изображена птица с высокой шеей, кривым клювом и четко выраженными глазами. Черточками отмечено оперение хвоста. Рядом с птицей нарисована фигура, напоминающая сердце, пронзенное стрелой, древко которой завершается петлевидным выступом. На другой стороне сосуда той же краской нанесены четыре концентрические окружности, в центре которых помещены сильно стилизованные птицы, изображенные вниз головой, между которыми расположено древо жизни. Подобные сосуды хорошо известны по материалам эллинистических центров Армении—Армавира, Гарни, Арташата, Двина, Ацавана⁶. Аналоги к ним часто встречаются в синхронных памятниках Закавказья, Северного Причерноморья, Малой Азии, Северного Двуречья и других мест⁷.

Вместе с флягами в тех же погребениях Ошакана обнаружены две краснолощенные фиалы с высокими бортами, заостренным венчиком, небольшим туловом и плоским днищем (табл. XLI, 7, XLIII, 3). Экземпляр из погребения № 12 с внутренней стороны украшен четырьмя прямыми линиями, нанесенными коричневой краской, образующими квадрат, от которого к венчику отходят косые тонкие линии. Фиалы подобной формы широко известны в памятниках Армении и смежных областей. Наиболее ранние их прототипы встречаются в урартских памятниках (Эребуни, Аргиштихинили, Кармир-блур и

⁶ Б. Н. Аракелян. О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира. ИФЖ, 1969, № 4, с. 169, табл. II; Г. А. Тирацян. О расписной керамике древней Армении. ИФЖ, 1965, № 3, с. 277; *его же*. Древнеармянская керамика из раскопок Армавира. ИФЖ, 1971, № 1, с. 222; *его же*. Հացափան ամրոցի 1962 թ. պեղումները, ՀՍՍՀ ԳՍ «Տեղեկագիր», 1963, № 12, էջ 108. Ժ. Գ. Խաչատրյան, Հայրաստանում գտնված գունազարգ խեցեղենի մի քանի նմուշներ, ՊԲՀ, 1966, № 1, էջ 253, Գ. Քոչարյան, Գլխի հեղինակական շրջանի խեցեղենը, սկրաբեր հասարակական գիտություններ, 1974, № 5, էջ 83—84, նկ. 1:

⁷ Г. Ниорадзе. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940, рис. 39; А. И. Рзаев. Художественная керамика Кавказской Албании, Баку, 1964, с. 37; А. И. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г., КСИИМК, вып. 103, рис. 4, 6; В. Hrouda, Tell-Hallaf, Berlin. 1962, табл. 72, № 54 и т. д.

т. д.)⁸. Особое распространение фиалы получают в памятниках раннеармянского (ахеменидского) времени. В Армении они найдены в Джрабате, Тейшебани, Атарбекяне, Берде, Норашени и др.⁹.

В Грузии встречаются глиняные, серебряные и стеклянные фиалы, датируемые VI—V вв. до н. э. (Дабла Гоми, Казбегн, Алгетн, Трналети, Так-Килиса и др.)¹⁰.

Фиалы продолжают бытовать и в античную эпоху. Кроме Ошакана они известны из Гарни, Армавира, Джуджевана и др.¹¹ Такие сосуды часто встречаются в памятниках Азербайджанской ССР (Кировабад, Ханлар, Мингечаур и т. д.)¹².

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что подобные чаши-фиалы были весьма широко распространены в памятниках Закавказья, Ирана и Армянского нагорья с VII—IV вв. до н. э. вплоть до начала нашей эры.

Как уже отмечалось, находки сходных чаш в Кармир-блуре и Аргиштихинили дают основание считать их предшественницами рассматриваемых чаш послеурартского времени. Ошаканские же фиалы, найденные вместе с расписными флягами и другими хорошо датируемыми изделиями, следует отнести к более позднему времени—III—I вв. до н. э.

Керамические изделия, в частности, широкогорлый безручный кувшин красного цвета с бурыми пятнами, одно плечико которого украшено изображением креста (табл. XLIII, 6), и фрагмент аналогичного кувшина, украшенный ногтевым орнаментом (табл. XLIII, 10), обнаружены также в погребении № 21. Оба они находят близкие аналоги в памятниках первых веков до н. э.: особенно часто такие сосуды встречаются в погребениях Гарнийского некрополя¹³.

Для установления датировки погребения № 21, как и верхнего рубежа Ошаканского некрополя вообще, важное значение имеет находка стеклянной колбы грушевидной формы с низкой шейкой и эт-

⁸ Б. Б. Пиотровский. Вавское царство, М., 1959, с. 189; А. А. Мартиросян. Аргиштихинили. Ереван, 1974, рис. 21, 25; Г. А. Тирация. Урарту и Армения. К вопросу о преемственности материальной культуры, Вестник общ. наук, 1968, № 2, с. 17, 20.

⁹ А. О. Мнацаканян. Г. А. Тирация. Новые данные о материальной культуре древней Армении. ИАН АрмССР, 1961, № 8, с. 76; А. А. Мартиросян. Город Тейшебани. Ереван, 1961, с. 144; С. А. Есаян. Могильник раппеармянского времени в поселке Берд Шамшадлинского района. ИФЖ, 1969, № 4, с. 226; его же. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении, с. 156.

¹⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Трналети. Тбилиси, 1941, с. 46; Ю. М. Гагошидзе. Памятники раннеантичной эпохи из Ксапского ущелья. Тбилиси, 1964, с. 97.

¹¹ А. Ч. Խաչատրյան, Կ. Չ. Կարապետյան, էջ 225, երկերի Հայաստանի ճ.բ.տ. VII—I հարկերի Խնդրեղեղի գերեզմանի մասին, ՊՐՀ, 1970, № 2, էջ 269—278, Г. А. Тирация. Древняя керамика из раскопок Армавира, с. 221.

¹² Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, с. 149; Т. С. Пассеж. Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2, с. 177; С. М. Казиев. Альбом кувшинных погребений, с. 21, табл. XII.

¹³ Б. А. Аракелян. Гарни, I, рис. 29, вып. II, рис. 16а.

битым венчиком (табл. XLIII, 9). Подобные сосуды хорошо известны по находкам в Гарнийском некрополе, Вагаршапате и других местах, где они датируются I—III вв. н. э.¹⁴

Завершая рассмотрение керамических изделий, необходимо отметить находку фрагмента бледно-коричневого кувшинчика из погребения № 11, горлышко которого украшено горизонтальными темно-коричневыми линиями. Сосуды такого типа редко встречаются в Армении и являются привозными изделиями. К керамике античного времени относятся также несколько сосудов, переданные нам жителями села Ошакан вместе с браслетом с прогибом, которые были найдены ими во время строительных работ. Они ничем не отличаются от описанных и датируются тем же временем.

Кроме керамики, как уже отмечалось, при раскопках Ошаканского некрополя найдены железный нож, обсидиановый скребок и большое количество украшений. Нож имеет одностороннее лезвие со слегка приподнятым кверху острием и небольшой чуть округлый язычок для насадки рукояти (табл. XLI, 9). Подобные ножи известны из погребений античного времени в Гарни¹⁵, Мингечауре¹⁶, а также в Енокаване, где они найдены в сопровождении монеты Августа¹⁷ и т. д.

Обсидиановый скребок имеет треугольное сечение и слабо ретушированные края (табл. XLI, 4). Подобные скребки и вообще обсидиановые орудия очень редки в памятниках указанного времени. Являясь пережиточным типом каменных орудий, они изредка встречаются на протяжении всего I тыс. до н. э.

Украшения представлены разнообразными бронзовыми и железными браслетами, серьгами, кольцами, подвесками, бусами из стекла, пасты и полудрагоценных камней, геммами и др. В большом количестве встречены золотые изделия. Браслеты в основном простые, проволочные (табл. XLI, 2, 3, XLII, 9, 10, XLIII, 7, 8, XLIV, 3, 15, 18, XLV, 1, 2, XLVII, 2, 9, 10). Среди них выделяются найденные в погребениях № 8, 11, 32 браслеты с перегибом (табл. XLI, 2, 3, XLII, 9, 10, XLIV, 3, 15, 18, XLVII, 7, 9, 10) и с утолщенными концами, напоминающими шаровидные выступы браслетов с прогибом из Кармир-блур¹⁸, Редкин-лагеря¹⁹ и утолщения на золотых и серебряных браслетах из Ахалгорийского клада, Канчаети и Алгети²⁰. Однако на грузинских экземплярах утолщения не гладкие, а рубчатые. Такие же браслеты с прогибами и утолщениями на концах известны из Казбека²¹.

Некоторые браслеты с прогибом, как и аналогичные браслеты из

¹⁴ Б. Н. Аракелян. Гарни, II. Ереван, 1957, рис. 33, 2—3; Б. Н. Аракелян, Г. А. Тирацян, Ж. Д. Хачатрян. Стекло древней Армении. Ереван, 1969, рис. 93, 98.

¹⁵ Б. Н. Аракелян. Гарни, II, с. 46; табл. 12а, 12б.

¹⁶ И. Г. Нариманов, Г. М. Асланов. Об одной группе погребальных памятников Мингечаура, МКА, Баку, 1962, № 4, с. 231.

¹⁷ Сборы С. А. Есяяна.

¹⁸ А. А. Мартиросян. Город Тейшебани, рис. 62.

¹⁹ С. А. Есяян, Г. А. Оганесян. Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея. Ереван, 1969, табл. III, рис. 10, 12.

²⁰ Ю. М. Гагошидзе. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья, с. 89.

²¹ Н. С. Уварова. Могильники Северного Кенказа. МАК, VIII, рис. 142, 143.

Джрарата²², Гегадриа, Алпата, Бжни, Нор Баязета, Джуджевана и т. д.²³, имеют концы в виде зменных головок. Эти браслеты, как отмечает Б. А. Куфтин, воспроизводят характерный контур ахемендских роскошных золотых браслетов типа браслетов из Аму-Дарийского клада, царского погребения в Сузах и др., получивших широкое распространение во всем Закавказье, но не проникших севернее Кавказа²⁴. Подобные украшения, отличающиеся от ранних более тонкой формой, бытовали и в последующие века и часто встречаются в Гарни²⁵, кувшинных погребениях Мингечаура, датируемых II—I вв. до н. э.²⁶, а также во многих памятниках Грузии (Триалети, Нерондереси, Цалки, Дабла Гоми и т. д.)²⁷.

В комплексе Ошаканского античного могильника найдены также браслеты иной формы. К числу их относятся впервые встречаемые на территории Советской Армении браслеты с так называемыми связанными концами, обнаруженные в погребениях № 5, 64 (табл. XLI, 1, XLIV, 17). Подобные браслеты с концами из двойной и единичной проволоки хорошо известны по памятникам Северного Кавказа, Далагау, Комунты и др.²⁸ Встречаются они также в Западной (Уреки, Кучкис-Абано, Чхороцку и Кладести) и Восточной (Самтавро) Грузии и Центральном Дагестане²⁹. Особенно близки к ошаканским браслетам с парными связанными концами золотые браслеты из с. Бори Кутаисской губернии, датируемые, так же, как и урекские браслеты, на основании найденных золотых монет и ряда других изделий концом I тыс. до н. э.³⁰

Для датировки браслетов из Ошакана важное значение имеет подобный браслет, обнаруженный Г. О. Розендорфом неподалеку от Ханлара, в сырцовой гробнице, вместе с римской монетой³¹. В том же могильнике браслеты со связанными проволочными концами в сопровождении серебряных монет Фраата (70—57 гг. до н. э.) и Орода (57—38 гг. до н. э.) были впоследствии найдены Я. И. Гуммелем³².

²² А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Указ. соч., табл. II.

²³ С. А. Есаян. Бронзовые браслеты Гос. музея истории Армении. ИАН АрмССР, 1964, № 2, с. 90.

²⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, с. 32.

²⁵ Б. Н. Аракелян. Гарни, II, рис. 44.

²⁶ С. М. Казиев. Альбом кувшинных погребений, табл. XXXVII; его же. О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях. МКА, III, Баку, 1953, рис. 4.

²⁷ Б. А. Куфтин. Указ. соч., с. 33.

²⁸ П. С. Уварова. Указ. соч., рис. 60, табл. СХХ, рис. 5, 6, табл. СХХV, рис. 2.

²⁹ Н. В. Хоштария. Археологические исследования Уреки. Материалы по археологии Грузии, вып. I, Тбилиси, 1955, с. 66, рис. 13.

³⁰ Евг. Придик. Новые кавказские клады. Доклады, читаемые на Лондонском международном конгрессе историков в 1913 г. Пт., 1914, с. 17, табл. II, рис. 315.

³¹ Г. О. Розендорф. Раскопки в Елизаветпольской губернии, ОАК, СПб., 1906, с. 95.

³² Я. И. Гуммель. Археологические очерки, с. 195, фиг. 3, рис. 2; К. Алиев. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я. И. Гуммелем в 1929. МКА, VII, Баку, 1973, табл. 5.

Приведенные аналогии позволяют говорить о том, что описанные браслеты получили широкое распространение не ранее середины I в. до н. э. Следовательно, ошаканские экземпляры можно отнести к I в. до н. э. и I в. н. э.³³

В погребальных комплексах античного могильника (погребение №11, 32, 36) найдены также простые проволочные кольцевые браслеты с расходящимися или заходящими друг на друга концами, которые повсеместно встречаются в могильных комплексах всех эпох и не могут служить датированным элементом.

Интересно отметить, что в одном из карасных захоронений на руку погребенного (погребение №36) между двумя проволочными браслетами с расходящимися концами был виден своеобразный браслет-ожерелье из двух рядов пастовых бус бочковидной и круглой формы (табл. XI.V, 3). Подобные браслеты, сделанные из бусин, нанизанных на проволоку, известны из ранних материалов Винагади и Ханлара³⁴.

В погребении №19 найден небольшой проволочный браслет с замкнутыми концами, один из которых закручен в петельку наподобие височных колец, а другой сломан (табл. XLIII, 4).

В погребениях №11, 14, 32, 37, 39, 63 обнаружено большое количество мелких колец и серег, изготовленных из тонкой, круглой в сечении проволоки с чуть утолщенными, сходящимися концами, некоторые из них украшены насечками (табл. XLI, 10, XLII, 3, 6, 7, XLIV, 1, 2, 7, 9, 10, XLVII, 1, 3). В погребении №39 найдены фрагмент железного перстня (табл. XLIV, 16) и две бронзовые серьги со сходящимися концами, в верхней части украшенные насечками. В центре серьги помещена небольшая прямоугольная подвеска с округлым яблочком в нижней части (табл. XLIV, 12, 13). Такая же подвеска найдена в погребении №11.

Большой интерес представляют фрагменты бронзового зеркала, представляющего собой диск диаметром 6 см с хорошо полированной лицевой поверхностью (табл. XLII, 8). Зеркала такого типа часто встречаются в погребениях античной эпохи Гарнийского некрополя³⁵.

В числе украшений в Ошаканском античном могильнике найдено большое количество каменных и пастовых бус различной формы (табл. XLII, 4, XLIV, 4, 11, XLV, 3—6, XLVII, 4, 8). Среди найденных изделий выделяются три многогранные геммы-печати из синего стекла и круглая печать из горного хрусталя. Стекланные печати имеют форму параллелепипеда, переходящего в верхней части в усеченную пирамиду. По продольной оси проделано круглое сквозное отверстие для нанизывания на нитку. В отличие от древних каменных или металлических гемм, требовавших высокого мастерства и значительной затраты труда, в античное время мастера стали изготавливать более простые литые стекланные печати³⁶. На обеих стекланных геммах изображены лани.

³³ Duga—Eugoros, Loncon, 1946, с. 30, 88, табл. XXXVI, LVII.

³⁴ Ш. Г. Садыгзаде. Древние украшения Азербайджана. Баку, 1971, табл. XXV, рис. 6, 7.

³⁵ Б. Н. Аракелян. Гарни, II, с. 77.

³⁶ М. И. Максимова. Стекланные многогранные печати, найденные на территории Грузии. Вестник ИИМК, вып. X, Тбилиси, 1941, с. 76.

На одной из гемм животное показано художником в быстром беге, с подогнутыми ногами, коротким хвостом, высоко поднятой головой и откинутыми ушами (табл. XLI, 6). На другой печати (табл. XLII, 2) лань с развевающейся гривой и повернутой назад головой догоняет лев, изображенный в сильно стилизованном виде, который правой лапой бьет по крупу преследуемое животное. Эта сцена, известная по изображениям на геммах из Гарни³⁷ и Аркетн³⁸, была широко распространена в сюжетах малоазийских гемм.

Стеклянные геммы в большом количестве встречаются в Армении³⁹, Грузии⁴⁰ и реже в Азербайджане⁴¹.

На хрустальной гемме выгравирована сцена борьбы человека с кабаном (табл. XLII, 1). По технике изготовления она резко отличается от стеклянных гемм и сближается с более древними резными каменными печатями. Подобная печать той же формы и с тем же орнаментом найдена при раскопках Арташатского могильника.

Особо следует отметить находки 35 золотых украшений из карасного захоронения № 36—полукруглых пуговиц с петельками на внутренней стороне для пришивания к одежде, листовидных пластин с закругленными концами и полугранатовидных подвесок с такими же концами, украшенных мелкой зерпью. Такие же пуговицы, датируемые IV—III вв. до н. э., найдены в Гарни⁴², а дисковидные пластины известны по материалам разграбленных погребений в Самадло⁴³, в одном из которых обнаружено около 300 мелких золотых украшений, погребальные ложа и другие предметы, датируемые III в. до н. э. Эти находки, являющиеся связующим звеном между погребениями раннеантичной и позднеантичной эпох и относящиеся к IV—III вв. до н. э., имеют важное значение как для датировки рассматриваемого карасного погребения, так и для установления верхнего рубежа Ошаканского некрополя.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что античный некрополь Ошакана возник на развалинах дворцовых сооружений VII—V вв. у основания северного склона малого холма Диди-конд. Это произошло, по всей вероятности, в конце IV или, скорее, в III в. до н. э., о чем свидетельствует ряд фактов, в частности, наличие в инвентаре расписных фляг и мисок, которые появляются в это время.

Ошаканский некрополь функционировал до II—III вв. н. э., на что указывают находки дутой стеклянной колбы, хорошо известной по находкам в Гарни, Вагаршапате и других местах, а также находки браслетов со связанными концами.

³⁷ Ժ. Ռ. Խաչատրյան, Հայաստանում հայտնաբերված քարե և քարե կերպեր, ՊՐԶ, 1965, № 1, էջ 274, նկ. 2.

³⁸ М. Н. Лордкипанидзе. Иберийские копии малоазийских гемм. Вестник отл. общ. наук АН ГССР, 1963, № 6, табл. II, № 18.

³⁹ Ժ. Ռ. Խաչատրյան, Указ. соч.

⁴⁰ М. Н. Лордкипанидзе. Геммы Гос. музея Грузии, т. III, Тбилиси, 1961.

⁴¹ И. А. Бабаев. О трех стеклянных многогранных печатях, найденных в Мингечауре. Археологические исследования в Азербайджане. Сб. статей, Баку, 1965, с. 128.

⁴² Устное сообщение Ж. Д. Хачатряна.

⁴³ Б. Гагошидзе. Памятники эллинистического времени из Самадло. ВМГ XXVII—В, Тбилиси, 1967, с. 85, табл. II.

Раскопками были открыты погребения различных типов: каменные ящики, грунтовые карасные захоронения, карасные захоронения, обложенные камнями, помещенные в каменные ящики или кромлехи. Наличие кромлехов в античную эпоху, насколько нам известно, впервые засвидетельствовано в Ошаканском некрополе. До сих пор подобная форма погребальных сооружений считалась характерной для более ранних эпох. Можно предположить, что наблюдаемое здесь разнообразие обрядов и форм захоронения, а также богатство инвентаря отдельных погребений отражают социальную структуру общества.

Инвентарь Ошаканского античного некрополя содержит ряд интересных находок. Некоторые из них тяготеют к более раннему периоду, другие являются традиционными изделиями рассматриваемого времени, среди которых есть предметы, впервые встречаемые в Армении (браслеты со связанными концами, золотые бляшки, дисковидные подвески, мотив росписи на фляге и др.).

Раскопки античного некрополя Ошакана не только вводят в научный оборот материалы еще одного античного памятника, но и дают возможность выявить новые типы погребений, изучить разнообразные предметы погребального инвентаря и получить новые сведения о культурах древнего ошаканского населения. Они обогатили наши знания об уровне развития и характере материальной культуры Армении в античную эпоху.

ГЛАВА IV

ПОГРЕБЕНИЯ УРАРТСКОЙ ЭПОХИ

При раскопках дворцовых комплексов и Ошаканского могильника обнаружено несколько погребений с урартским инвентарем, которые имеют различные конструкции. Так, погребение № 3, обнаруженное в помещении III, вырублено в скальном грунте пола этого помещения, что встречается впервые и не повторяется в погребениях других эпох. Погребение № 25, представляющее собой крупный склеп (стены из небольших туфовых блоков правильной формы с грубо тесанной лицевой поверхностью и перекрытое поперечно уложенными плитами), также встречается впервые и не имеет аналогий. Другие погребения ничем не отличаются от остальных погребений Ошаканского могильника, что, на наш взгляд, объясняется тем, что они принадлежали не урартам, а местной племенной знати, широко пользовавшейся урартскими изделиями.

Погребение № 3, расположенное в западном углу помещения III, представляет собой каменный ящик, вырубленный в скальном грунте. Направлено с севера на юг с сильным отклонением к западу. Стенки образованы вырубленными скалами, неровности в которых (а их особенно много с восточной и северной стороны) выложены большими туфовыми камнями. Размеры 2,2×1,1×0,7 м.

Камни перекрытия отсутствовали. Костяк, судя по отдельным фрагментам костей, по-видимому, находился в лежачем положении, головой на юго-восток. При сооружении дворцового помещения погребение для нивелировки пола было засыпано камнями и землей. Тогда же, по-видимому, оно было разграблено.

Найденные здесь керамические изделия представлены ручкой красного лощеного кувшина с выемчатой вертикальной канавкой, оформлением и способом ангобирования характерной для позднеурартских сосудов, несколькими фрагментами черной и красной лощеных мисок с сильно профилированными бортами, фрагментами венчика черного кувшина, украшенного вертикальными лощеными линиями и фрагментами черного кувшина, украшенного вдавленными горизонтальными линиями. Обнаружен также фрагмент сосуда бледно-желтого цвета с темно-желтыми полосами, нанесенными вместо росписи. Сосуд явно относится к более позднему времени—первым векам до н. э.—и мог попасть в погребение из материалов античного могильника.

Погребение № 4 расположено в центре северной части дворцового помещения III. Ориентировано с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Погребение представляет собой каменный ящик, выложенный из узких длинных плит. Южная его сторона четко наблюдалась на полу помещений, а северная перекрыта внешней стеной указанного помещения, причем таким образом, что восточная боковая стенка наблюдалась и в кладке стены и под полом помещения.

Следов перекрытия и скелета не обнаружено. Внутри, по-видимому, разграбленного погребения найден красный закопченный светильник с небольшим сливом для фитиля с отбитой задней стенкой. В поперечной стенке имеется одно отверстие для фитиля (табл. XLVIII, 13). Подобные светильники широко известны по находкам в Эребуни. Аргиштихинили и особенно Кармир-блуре, где они встречаются десятками. Имея одну и ту же форму, они отличаются лишь количеством отверстий—некоторые экземпляры были снабжены 2-3 отверстиями. Ошаканский светильник относится к наиболее простой форме. Здесь обнаружен также фрагмент нижней части тулова большого черного кувшина.

Погребение № 25. Интересным сооружением Ошаканского могильника является погребение № 25 (табл. LV, 1), представляющее собой большой каменный склеп, расположенный в 200 м северо-восточнее дворцового комплекса и ориентированный с востока на запад с отклонением к северу до 40°. Внутренние размеры склепа 3,1×1,9×1,45 м. Стены были выложены из туфовых блоков среднего размера и перекрыты тремя плитами размерами 1,8×1,5×0,25; 1,8×1,00×0,29 и 1,8×1,00×0,25 м, которые, как и блоки стен, были вырублены здесь же, на месте естественных выходов пород красного туфа. До глубины 0,7 м склеп был пуст, а нижняя часть была заполнена землей, в которой встречались мелкие камни, принесенные талыми водами, просочившимися сквозь щели перекрытия.

В склепе обнаружено 27 скелетов очень плохой сохранности, находившихся в сидячем положении вплотную друг к другу, так что все помещение склепа было заполнено. Лица погребенных были обращены на юго-восток. Хотя скелеты сильно истлели, анатомический порядок костей не был нарушен—черепные кости находились непосредственно над костями таза и ног. Столь плотное расположение костяков позволяет предположить, что умершие были похоронены одновременно. Возможно, смерть последовала в результате эпидемии или, скорее, военных столкновений, на что указывает отсутствие в склепе детских костей.

Можно утверждать, что никто из погребенных не являлся слугой или пленным, сопровождавшим своего господина, чтобы прислуживать ему в потустороннем мире. На это указывает как плотное расположение скелетов (в групповых захоронениях обычно между слугой и господином оставлено какое-либо пространство), так и то, что при каждом погребенном был обнаружен сопровождающий инвентарь. Кроме того, рядом с каждым скелетом или под ним найден обломок большого глиняного саркофага. Очевидно, хоронить в глиняных саркофагах стали уже с начала VI в. до н. э., но так как в данном случае в один, даже большой склеп невозможно было поместить 27 саркофагов, захоронение в гробах было имитировано, для чего был разбит и положен с

умершими один глиняный саркофаг. Саркофаг имеет подтреугольную форму с округленными углами и высокие, чуть расширяющиеся кверху борта, украшенные в верхней части рельефным пояском. Длина саркофага 114 см, ширина—56 и 26 см, высота—88 см (табл. XLVI, 5).

Саркофаги найдены и в других урартских памятниках. В Аргиштихинили обнаружены каменные саркофаги с урартским погребальным инвентарем¹. Глиняные ваннообразные саркофаги зафиксированы при раскопках Алтын-Тепе². Знаменитый саккызский клад в Зивие обнаружен в бронзовом саркофаге в форме ванны³, борта которого были украшены резьбой, изображающей типичную для ассирийских памятников сцену приношения дани, и фигуркой козла, стоящего на розетке со сложным узором, также характерной для ассирийского искусства⁴.

Обнаруженный при раскопках склепа археологический материал состоит из различных керамических изделий, предметов вооружения и украшений.

Керамика представлена в основном урартскими изделиями—разнообразными кувшинами, мисками и чашами. На четырех одноручных кувшинах с округлым вздутым туловом и низкой шейкой, покрытых красным ангобом, видны черные пятнышки, характерные для урартской техники наложения ангоба и обжига (табл. XLVIII, 4, XLIX, 5—7). Аналогии к этим сосудам хорошо известны из Тейшебаини, Эрбуни, Аргиштихинили и других урартских памятников. Два кувшина имеют горло ойнохон, что еще более сближает их с урартскими изделиями. Однако ручки сосудов не плоские с углубленной прорезью, как у урартских образцов, а круглые в сечении, что позволяет связывать их с изделиями VI—V вв. до н. э. Верхняя часть одного экземпляра украшена глубокими вертикальными линиями; центральная часть тулова опоясана пятью горизонтальными линиями. Эти украшения напоминают орнаментику VII—VI вв. до н. э., особенно характерную для сосудов из Хртапоца, Дилижана, Астхиблур и других памятников Армении⁵.

Два других кувшина широкогорлые, с округлыми венчиками. На плечиках размещены трубчатые сливы, придающие им форму чайника с носиком (табл. XLVIII, 1, XLIX, 4). Верхний конец слива одного экземпляра соединен с венчиком, а ручка круглая в сечении. Ручка другого сосуда уплощенная; верхняя часть тулова украшена горизонтальным елочным орнаментом, сходным с орнаментом, широко распространенным в Северо-Восточной Армении в VI—V вв. до н. э.

Вторую группу сосудов погребения составляют четыре целых и фрагментированных красноангобированных кубка с вытянутым туловом, высокой шейкой и двумя вытянутыми ручками, снабженными

¹ Устное сообщение А. А. Мартиросяна.

² Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, с. 24.

³ Там же, с. 25.

⁴ М. А. Дандамаев, Б. Г. Луконин. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 92.

⁵ А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, табл. XI; С. А. Есаян, Г. А. Огинесян. Указ. соч., табл. XXXVIII, XI, XVI; С. А. Есаян. Астхиблурский могильник, табл. 1С1.

шишковидными выступами (табл. XLIX, 1, 2). Они обнаруживают сходство с сосудами, найденными при раскопках городских кварталов Тейшебаини, цитадели города Эребуни и урартского погребения в Ереване⁶, что в совокупности с новыми находками из Аргиштихинили позволяет датировать ранние образцы подобных сосудов VIII в. до н. э.⁷ Однако судя по аналогам из раннеармянских погребений, расположенных на развалинах городских кварталов Тейшебаини, они продолжали бытовать и в раннеармянское время.

6-7-ю экземплярами представлены безручные лощеные кувшины с округлым вздутым туловом, низкой шейкой и чуть выступающим округлым венчиком (табл. XLVIII, 6, 8—10, 12). На поверхности трех экземпляров, покрытых красным ангобом, также встречаются черные пятна, характерные для урартского производства. К той же группе относятся два аналогичных черных сосуда со слегка лощеной поверхностью. Такие сосуды были распространены в VII—VI вв. до н. э. Они встречаются как в урартских памятниках в сопровождении типично урартской керамики, так и в местных погребальных комплексах указанного времени. Особняком стоит кувшин, покрытый бледно-желтым ангобом, не находящий пока аналогий среди урартских древностей и, по-видимому, относящийся к более позднему периоду—VI в. до н. э.

Значительную группу составляют миски и чаши, покрытые красным ангобом, на лощеной поверхности которых также хорошо видны черные точки и пятна, свидетельствующие об их урартском происхождении. По оформлению эти сосуды делятся на два типа. К первому относятся пять плоских мисок разной величины с плоским или чуть вдавленным днищем, округлым расширяющимся туловом и небольшими сильно профилированными бортами (табл. L, 3, 5, 6, 9, 14). Второй тип мисок представлен глубокими или плоскими широкими мисками с плоским, чуть выступающим нешироким днищем, расширяющимся округлым туловом, крупным округлым, чуть вдавленным вовнутрь венчиком (табл. L, 7, 8, 10, 12, 15). Под венчиком одной глубокой миски проходит канавка, а под венчиком плоской—вдавленная линия. Все эти сосуды по форме очень напоминают аналогичные изделия, обнаруженные при раскопках цитадели Тейшебаини, и датируются VII—началом VI вв. до н. э.⁸

По технике нанесения ангоба и обжига ничем не отличаются от мисок шесть небольших чаш (табл. L, 1, 2), которые также относятся к VII—началу VI вв. до н. э. и имеют аналоги в Эребуни, Аргиштихинили и Тейшебаини⁹. Среди них выделяется небольшая, покрытая красным ангобом чаша с чуть вдавленным днищем, округлым туловом, слегка профилированными краями и небольшим расширяющимся

⁶ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 267.

⁷ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 18, 69.

⁸ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур (альбом). Л., 1970, 109; С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, II. Ереван, 1967, табл. XXIV; вып. III, табл. XXIX.

⁹ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 18; С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. II, табл. XVIII; вып. III, табл. XI.

округлым венчиком. Четыре небольшие чаши, покрытые красным ангобом, имеют плоское или чуть вдавленное днище, чуть расширяющееся округлое тулово, вдавленный вовнутрь округлый венчик. Под венчиком одного экземпляра проходит вдавленная линия, а второй снабжен горизонтально поставленной округлой в сечении ручкой (табл. L, 11).

Кроме керамики урартского происхождения, обнаружены также черные сосуды, представляющие собой изделия местного производства. К их числу принадлежит небольшая черная миска-фиала с прекрасным лощением. Она имеет небольшое плоское днище, округлое тулово, сильно профилированные борта и чуть заметный округлый венчик (табл. XLVIII, 7). По форме этот сосуд приближается к чашам-фиалам V—IV вв. до н. э., хорошо известным по материалам Джаррата, Ноемберяна, Берда и других мест¹⁰, и, но-видимому, является их прототипом. Керамика местного производства представлена также миска с широким плоским днищем, расширяющимися прямыми и чуть округлыми бортами и чуть заметным округлым венчиком (табл. L, 4, 13, 16). По форме близки к ним две чаши красного и черного цвета с широким днищем.

Встречаются также единичные образцы сосудов. К ним относятся две кружки красного и черного цвета, одна с низким, другая с высоким туловом, чуть суженной шейкой и выступающим округлым венчиком (табл. XLVIII, 3). Подобные находки часты в погребальных комплексах Армении VII—VI вв. до н. э. и изредка попадаются среди материала, относящегося к V в. до н. э.

Интересен небольшой ангобированный кубок розовато-желтого цвета с плоским дном, округлым туловом и чуть расширенной шейкой, завершающейся небольшим округлым венчиком. Как форма сосуда, так и техника нанесения ангоба позволяют отнести этот кубок к несколько более позднему времени и датировать его VI в. до н. э. Единичным экземпляром представлен и небольшой карасовидный кувшинчик (табл. XLIX, 3), аналоги которого встречаются в Тейшебаини и Аргиштихинили¹¹.

Часть металлических изделий, обнаруженных в погребении № 25, как и керамика, архаична и тяготеет к VII в. до н. э. Так, здесь найден фрагмент железного ножа со следами гвоздей в месте закрепления рукояти. Подобные ножи обнаружены и в более ранних погребениях Ошакана. Появившись в IX—VIII вв. до н. э., они бытовали до середины I тысячелетия до н. э. Аналоги их можно найти в матерналах Норатуса, Нор-Ареша, Мухана, Астхадзора и др.¹²

Весьма частыми находками в погребении № 25 являются украшения. К их числу относятся бронзовые и серебряные браслеты, среди которых выделяются тонкие браслеты с плоскими разомкнутыми концами, украшенными насечками и точками и напоминающими по форме змеиные головки (табл. XLI). Подобные браслеты хорошо извест-

¹⁰ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Новые данные о материальной культуре древней Армении. ИАН АрмССР, общ. науки, 1961, № 8, с. 76; А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 144; С. А. Есян. Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района. ИФЖ, 1969, № 4, с. 286.

¹¹ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 48, рис. 14, 111.

¹² А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 208 и сл.

ны из Арин-берда, Кармир-блур, Атарбеяна, Джрарата, Одзуна, Цамакаберда и многих других памятников VIII—V вв. до н. э.

Другую группу украшений образуют круглые в сечении серебряные и бронзовые серьги с заостренными концами и округлыми ромбовидными утолщениями в центре (табл. LIII, 7—14; LIV, 18—22). Такие же серьги обнаружены в погребениях № 73 и № 77 Ошаканского могильника, инвентарь которых представлен урартскими изделиями позднеурартской эпохи. Подобные золотые серьги из золота встречаются в Кармир-блуре¹³, а из бронзы—в Эребуни. Небольшие кольца с заходящими друг на друга концами (табл. LIII, 1—6) типичны для раннеармянского времени.

Следующая группа украшений представлена бронзовыми фибулами с полушаровидно-коническими головками и привесной железной или бронзовой иглой (табл. LIV; 24, 25), какие в Ошакане обнаружены также в погребениях № 46 и № 73. Аналогичные фибулы хорошо известны из Севанского бассейна, Кармир-блур, Норашена, Диллжана и других памятников VII—V вв. до н. э.¹⁴

Из других изделий следует отметить сердоликовые и пастовые бусы, напоминающие урартские (табл. LIV, 3—6, 8—12, 14). Шаровидная вишневого цвета бусина с прекрасно шлифованной поверхностью имеет аналоги среди находок из Кармир-блур¹⁵. Круглая плоская бусина-подвеска розового цвета с молочной сердцевинкой и скошенными шлифованными краями прямых аналогий в памятниках рассматриваемого времени, насколько нам известно, не имеет.

В Ошаканском погребении обнаружено также несколько роговидных каменных блях со сквозным отверстием в центре (табл. LIV, 1—2). Подобные изделия широко представлены в материалах Кармир-блур, где найдены замечательные экземпляры, украшенные кружковым и штриховым орнаментом¹⁶.

Особо следует остановиться на двух печатях. Каменная гиревидная печать с небольшим ушком для подвешивания, по форме напоминающая урартские печати, отличается от них небольшой навесной шляпкой под отверстием (табл. LIV, 7). На лицевой стороне печати изображен летящий грифон с растопыренными лапами и коротким торчащим хвостом. Над фигурой животного проходит гирлянда из косых линий. Этот сюжет, несколько напоминающий урартские, резко отличается от них иконографически. По-видимому, подобные печати, выполненные в более неяркой манере, относятся к позднему времени. На лицевой стороне бронзовой гиревидной печати с небольшим ушком для подвешивания на фоне выполненных штрихами треугольников и косых линий изображен крест. Эта печать имеет элементы сходства с урартскими печатями, но отличается от них сухостью рисунка. По-видимому, и эта печать является несколько более поздней, чем урартские экземпляры (табл. LIV, 13).

¹³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, III. Ереван, 1955, с. 20, рис. 14.

¹⁴ Ե. Արմաշի, Գամրակների պեղումների հորհրդային Հայաստանում, рис. 153.

Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, II. Ереван, 1962, 18; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян. Каталог археологических предметов Диллжанского краеведческого музея, табл. XIV.

¹⁵ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I. Ереван, 1950, рис. 51.

¹⁶ С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, III, табл. XXXVI, рис. 2, 3.

Особый интерес представляют бронзовые наконечники стрел скифского типа (табл. LII, 2—13), хорошо известные по матерналам раскопок Кармир-блур и принадлежавшие, по мнению Б. Б. Пиотровского, врагам, обстреливающим крепость Тейшебаини в конце VII—начале VI вв. до н. э. Участь Тейшебаини постигла и урартские крепости Топрах-кале и Хайкаберд, о чем свидетельствуют находки там аналогичных стрел¹⁷. Подобные стрелы часто встречаются в Аринберде, Ноемберяне, Акнере и во многих других местах¹⁸ и в крепостях VI—V вв. до н. э. (Астхи-блур, Тмбадир, Норашен), также разрушенных врагами¹⁹.

Как известно, наконечники стрел скифского типа были широко распространены в VII—VI вв. до н. э. в Средней Азии, Северном Причерноморье, на Дону, в Закавказье, хотя сравнительно реже они встречаются и в памятниках Vв. до н. э.²⁰ Находки в Ошаканском погребении № 25 бронзовых наконечников стрел, совершенно аналогичных наконечникам, которые обнаружены в Тейшебаини, обстрелянном и разрушенном скифами, позволяет датировать это погребение началом и даже серединой VI в. до н. э. По мнению Б. Б. Пиотровского, высказанному им в частной беседе, ошаканские стрелы могли принадлежать воинам, принимавшим участие в штурме Тейшебаини.

Важное значение как для датировки самого погребения, так и для определения времени сооружения дворцового комплекса, обитатели которого, несомненно, были похоронены в Ошаканском некрополе, имеют черенки железных трехгранных стрел (табл. LII, 10). В Армении одновременно бытовали два варианта стрел этого типа—с опущенными концами в виде небольших усиков или же со срезанными концами. Стрелы со срезанными концами встречаются в ахеменидском слое Аринберда вместе с трехгранными и двуперыми стрелами скифского типа и с железными стрелами, ромбовидными в сечении²¹. Найдены они также в Бердакаре²² и Кармир-блуре²³.

Особенно много таких стрел встречено в Армавире и Арташате, где они датируются III—II вв. до н. э., и в более поздних памятниках²⁴.

В Кархемыше при раскопках дома, разрушенного в 604 г. до н. э., обнаружены ранние образцы железных трехлопастных наконечников²⁵.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, с. 240.

¹⁸ С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, с. 48.

¹⁹ С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении, табл. 26, 53, 62.

²⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА, № 100, 1961, с. 41.

²¹ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 24.

²² С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976, табл. 78.

²³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I, с. 19; А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 136; А. А. Вайман, Г. А. Тирацян. Кармирблурский некрополь эллинистического времени. ВОН АН АрмССР, 1974, № 6.

²⁴ Г. А. Тирацян. Древнеармянская керамика из раскопок Армавира. ИФЖ, 1971, № 1, с. 226.

²⁵ С. L. Wooley. Carchemich, p. II. London, 1921 (repr. 1969), табл. 22.

В завалах погребений Султан-теле, датируемых концом VII—началом VI вв. до н. э.²⁶, они встречаются в сопровождении каменных бус и биконических блях типа найденных в рассматриваемом погребении № 25. Ранние железные наконечники стрел найдены также в Персеполсе²⁷. Находки в Ошакане подобных стрел свидетельствуют о том, что они появляются на Армянском нагорье не ранее начала или середины VI в. до н. э. Об этом же говорят и проведенные аналогии из ближневосточных памятников, относящихся ко времени после гибели ассирийского царства.

Железные стрелы принадлежали представителям племен, принимавших участие в уничтожении урартских крепостей Араратской долины, скорее всего, Тейшебаини, поскольку сходство ошаканских наконечников стрел со стрелами, найденными в Тейшебаини, просто поразительно. По-видимому, железные наконечники стрел, найденные в погребении № 25 Ошаканского могильника, являются самыми ранними в Армении и, насколько нам известно, во всем Закавказье.

В заключение необходимо остановиться еще на одной находке. Среди украшений, найденных в погребении, имеется несколько плоских квадратных янтарных бусин темно-коричневого цвета. Наиболее древние янтарные бусины в Армении зафиксированы в погребениях эпохи поздней бронзы Лчашсна²⁸ и Гегарота²⁹ (XIV—XIII вв. до н. э.).

Янтарные бусы, относящиеся к концу II—началу I тыс. до н. э., были найдены в погребениях Триалети и Самтавро и Ходжалинских курганах (Карабах)³⁰. Все образцы мелкие за исключением сравнительно крупного ходжалинского образца призматической формы, просверленного по всей длине. Особенно много янтарных бус было обнаружено при раскопках Лорибердского могильника³¹. Много янтарных бус, относящихся к первой половине I тыс. до н. э. было встречено как при раскопках урартских памятников, так и в погребениях местных жителей, в том числе по одному экземпляру в богатейших комплексах Кармир-блур³² и Аргиштихинили.

В Закавказье найдены янтарные бусы, относящиеся и к более поздним эпохам. К числу их принадлежат несколько бусин из погребений раннеахеменидского времени Триалети³³, Куланурхвского могильника и 60 круглых, гиревидных, прямоугольных и иных форм бусин из античных погребений близ Сухуми³⁴.

Вопрос о происхождении янтаря в древнем Закавказье остается открытым. Многие исследователи полагают, что янтарь проник сюда из

²⁶ *Seton Lloyd*, *Sultantepe*, p. II, *Anatolian Studies*, vol. II, London, 1954, с. 106 107, рис. 6(4, 6).

²⁷ *E. Smidt*, *Persepolis*, II, табл. 76.

²⁸ Материалы не опубликованы.

²⁹ *А. А. Мартиросян*, *Армения в эпоху бронзы и раннего железа*, с. 90.

³⁰ *Б. А. Куфтин*, *Археологические раскопки в Триалети*, с. 42; *К. Х. Кушнарва*, *Ходжалинский могильник*, ИФЖ, 1970, № 3.

³¹ *С. Г. Дзведжян*, *Лори-берд*, Ереван, 1981, с. 71.

³² *Б. Б. Пиотровский*, *Кармир-блур*, вып. III, Ереван, 1955, с. 51.

³³ *Б. А. Куфтин*, *Указ. соч.*, с. 42.

³⁴ *М. М. Трапш*, *Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР*, Сухуми, 1962, с. 73; *его же*, *Труды*, вып. 2, Сухуми, 1969, с. 193.

восточносредиземноморских стран, с которыми еще с III тыс. до н. э. был установлен интенсивный товарообмен. В Средиземноморье, в частности, в Грецию (Микены), где было найдено огромное количество бус, согласно некоторым крупным исследователям, в том числе известному английскому археологу Гордону Чайлду, янтарь поступал с севера, (из Дании), проделывая путь через всю Центральную Европу³⁵.

По-видимому, также из привозного янтаря сделана прекрасная статуя ассирийского царя Ашшурнасирапала, изображающая могущественного владыку в образе верховного жреца босым, с непокрытой головой, призванная напоминать богам об их жреце и слуге, а для смертных служить объектом почитания³⁶.

Однако нужно отметить, что существует и так называемый восточный янтарь, известный в Афганистане, Казахстане и во всех закавказских республиках. Впервые янтарь в Армении был обнаружен в районе села Котигюх (Шаваршаван) Ноемберянского района профессором Т. А. Джрбашьяном, исследование которого были продолжены кандидатом геолого-минералогических наук В. Б. Сейраняном³⁷. Котигюхские образцы янтарных смол очень хрупки и не имеют промышленного значения, но не исключено, что в древности отдельные мелкие поделки были изготовлены из местного, а более крупные и качественные—привозного сырья.

Итак, погребение № 25 представляло собой групповую могилу. Найденные при раскопках предметы материальной культуры (безручные и одноручные урартские кувшины, миски и чаши, двуперсы и трехгранные стрелы скифского типа) обнаруживают поразительное сходство с материалами VII—VI вв. до н. э. Наряду с ними в погребении найдено небольшое количество изделий, свидетельствующих о несколько более поздней дате погребения. К их числу относятся сосуды с округлыми в сечении ручками, желтый кувшинчик и розовый кубок, покрытые ангобом, отличающиеся от урартских, которые датируются VI в. до н. э., а также трехгранные железные наконечники стрел, впервые встречаемые в памятниках Армении и Закавказья.

Находки этих стрел позволяют утверждать, что погребение не может относиться к урартскому времени, так как среди многих сотен образцов, обнаруженных при раскопках урартских крепостей Араратской долины и центральной части Урарту, наконечников стрел подобной формы нет. Поэтому, несмотря на большое количество урартских изделий, Ошаканское погребение следует датировать началом—серединой VI в. до н. э.

Находки обломков глиняного саркофага свидетельствуют о появлении обычая хоронить умерших в глиняных или каменных гробах, что подтверждается находками аналогичных саркофагов в Ариштихили и Алтын-тепе.

Анализ материалов погребения № 25 Ошаканского могильника дает возможность по-новому объяснить наличие урартской керамики

³⁵ Гордон Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 115—116.

³⁶ Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья. Л.—М., 1958, с. 256—257.

³⁷ В. Б. Сейранян. Золотистый камень моря. Промышленность Армении, 1981, № 6, с. 76.

в крепостях раннеармянского времени. Прежде находки в раннесармянских памятниках урартских сосудов связывались с наличием урартского слоя. Теперь же появились основания считать, что эти изделия пережиточно сохранились и в более позднюю эпоху.

Погребение № 59. Находится в центре могильного поля третьего участка Ошаканского могильника, на восточном склоне малого холма, в 750 м от дворцовых комплексов. Направлено с севера на юг с отклонением к востоку. Внутренние размеры 3,4×3,1×1,45 м. Диаметр круга кромлеха 8,2 м. Стены выложены из больших блоков с максимальным размером до 3 кв. м, поверх которых проходит двухрядная кладка из крупного туфа и булыжника. Перекрыто тройным ложным сводом. По диагонали перекинуты три плиты, через них, накрест, перекинуты четыре плиты, а восьмая плита уложена сверху. Большая часть нижних плит лежит на земле, создавая противовес, верхние постепенно выдвинуты вперед. В южной части погребения был сооружен дромос. Склеп на высоту 1,2—1,3 м был заполнен мелким шлаком, покрывающим всю территорию вокруг него. В древности погребение было разграблено. Грабители проникли в погребение через отверстие в южной части, откуда был снят один камень под плитой. Разгребав шлаковую засыпку, которая, по-видимому, была ниже, они развернули изделия и скелеты и отобрали ценные, в основном металлические предметы. Значительная часть керамики была перебита и черепки разбросаны, так что части сосудов, перемешанные с костями, выходили из разных углов погребения. Это обстоятельство не дало возможности установить характер труположения. Однако тот факт, что в погребении обнаружено 11 черепов, позволяет предположить, что покойники были захоронены в сидячем положении.

Под южной стенкой, в противоположной от дромоса стороне, сохранились следы золы и мелких углей, свидетельствующие о том, что погребение очищалось огнем. Следы огня не являются свидетельством кремации, так как кости не обуглены. Здесь же найдены два каменных фаллоса.

Погребение было разграблено в III в. н. э. Свидетельством этого является находка в шлаковой засыпке под отверстием, откуда пробрались грабители, трех серебряных сасанидских монет Варахрана I (274—276 гг. н. э.), очевидно, выпавших из их карманов.

Обнаруженный в погребении материал состоит из фрагментов различных сосудов, разбитых при ограблении, железного оружия и большого количества украшений (табл. LVI—LXII, LXIII, 1—7).

Урартская керамика погребения № 59 представлена разнообразными глубокими мисками с профилированными бортами и небольшими чашами с аналогичными или округлыми бортами (табл. LVI, 4, 7, 9, 13, 14, LVII, 4—10, LVIII, 6, 7, 9, LIX, 1, 3—5, LXIII, 1—7). Для последних характерны вдавленные вовнутрь или слегка выступающие наружу венчики. Все они за исключением одной черной чаши и одной черной миски покрыты красным ангобом и хорошо залощены. Подобная керамика находит широкие аналогии среди керамических материалов Аргиштихинили и Тейшебаини. В нижней части тулова черной миски сохранилось клеймо мастера в виде трех горизонтальных линий (табл. LXIII, 7), соединенных слева одной вертикальной линией. Урарт-

ские сосуды с подобными метками часто встречаются в керамических комплексах Кармир-блур.

Вместе с ними найден фрагмент крупной фиалы с такой же англобированной поверхностью и с каннелюрами на бортах. Этот сосуд напоминает бронзовые ребристые чаши, хорошо известные по материалам Кармир-блур. Появление подобных керамических сосудов, по мнению Б. Б. Пиотровского³⁸, было вызвано стремлением урартских гончаров копировать формы металлической посуды. Аналогичные фиалы часто встречаются при раскопках Эребуни³⁹.

В этом же погребении найдена глиняная курильница в виде небольшого кувшина на высокой трубчатой ножке, имеющая аналогии в Кармир-блуре⁴⁰ и Аргиштихинили⁴¹ (табл. LVII, 3).

Наибольший интерес среди керамических изделий склепа представляет кувшин с отбитой шейкой, в нижней части покрытый красным ангобом. Верхняя часть сосуда украшена каннелюрами и покрыта ангобом кремового цвета. Выступы каннелюр украшены шахматным орнаментом красного цвета, а в углублениях между ними проведены три вертикальные линии того же цвета, которые, полукругло соединяясь друг с другом, образуют своеобразные гирлянды, очерчивающие каннелюры (табл. LVII, 2). Этот кувшин относится к группе расписных урартских сосудов и несколько сближается по своей ornamentации с сосудом типа аск, найденным в Кармир-блуре. На обоих сосудах роспись выполнена на ангобе кремового цвета, а те части сосудов, которые лишены росписи (на аске—горло и ручка), покрыты красным ангобом. Об их близости свидетельствует также шахматный орнамент. Б. Б. Пиотровский, говоря об урартском происхождении аска, отмечает, что «этот сосуд с первого взгляда показался привезенным из Средиземноморья или Ирана, но более внимательный анализ отчетливо выявляет в нем черты, характерные для урартской керамики»⁴².

С аском и ошаканским кувшином сближается и другой расписной сосуд из Кармир-блур—кубок в форме сапожка, украшенный бурой росписью в виде шахматного узора и кружочков по светло-кремовому ангобу⁴³.

Привозным, по вероятности, является вытянутый флакончик из белого фаянса с невысоким горлом и округлым венчиком, покрытый голубой глазурью (табл. LXII, 2). На одном плечике имеется вертикально поставленная ручка со сквозным отверстием. Горлышко украшено темно-коричневой полоской⁴⁴.

Фаянсовые сосуды обнаружены и в других погребениях Ошакана. Так, в погребении № 75 найдена небольшая фаянсовая мисочка на трех ножках с небольшой ручкой со сквозным отверстием, также изготов-

³⁸ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, с. 189.

³⁹ Там же, с. 189, 193.

⁴⁰ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, с. 23.

⁴¹ А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, рис. 70.

⁴² Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, с. 191.

⁴³ Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, с. 109.

⁴⁴ С. А. Есаян, Находки урартских изделий в Ошаканском могильнике. Сб. «Древний Восток и мировая культура», М., 1981, с. 95.

ленная из белой пористой массы и покрытая голубой поливой; доньшко украшено косыми и волнистыми линиями и полукружьями, нанесенными такой же поливой более темного цвета. Голубой поливой покрыта и мисочка из белого фаянса, обнаруженная в погребении № 99. Доньшко сосуда кольцевое; борта украшены крестовидным орнаментом, нанесенным желтой поливой. Такой же плохо сохранившийся орнамент на внешней поверхности миски.

Фаянсовые сосуды различных форм в настоящее время хорошо известны из многих памятников Армении и Закавказья: Кармир-блур, Кировакана, Двина, Айгевана, Мецамэра, Ширакавана, Лори-берда, Ходжали, Ханлара, Самтавро, Триалети, Диагоми, Мели-геле, Трели и др.⁴⁵ Большинство исследователей считает эти изделия привозными из Ассирии или Египта, в последнем случае непосредственно или через родосских мастеров, где широко копировались египетские изделия и становились предметами мировой торговли.⁴⁶

Нам кажется, что не все находки вышеуказанных изделий из памятников Армении и Закавказья являются привозными. Для правильного понимания этого вопроса, на наш взгляд, необходимо остановиться на термине «фаянс» в приложении к древнему производству.

Б. Б. Пиотровский под термином «фаянс» условно называет пасту, пористую керамическую массу, покрывающуюся глазурью.

Ю. Л. Шапова, основываясь на богатом материале многих исследователей, полагает, что для древних изделий фаянса можно исключить глазурирование как самостоятельную операцию и что часть египетских фаянсов изготовляли в один прием. Все физические и декоративные свойства они приобретали одновременно вместе с обжигом основы в течение одной термической операции⁴⁷.

Анализ вышерассмотренного материала показывает, что в памятниках Армении и Закавказья встречается фаянс двух видов: 1) изготовленный из классического «фаянса» — белой пористой массы с глазурированной двухсторонней поверхностью, к которым относятся находки из Ошакана, Айгевана, Кармир-блур, Лори-берда, Ходжали, Триалети и т. д. и 2) сосуды, изготовленные из обычной местной гли-

⁴⁵ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III, с. 21; Г. Караханян, В. Мирзоян. Древнее захоронение с поливной керамикой. ВОН АН АрмССР, 1976, № 11, с. 71—73; Ч. Ղաֆիղադրանի, Դժի՛ն քաղաքը Թև Կրտ շենքուհները, II. Երևան. 1982, էջ 118, ա XII, ն4. 3—4; С. Г. Деведжян, Лори-берд, с. 53—54; К. Х. Кушнарeva. Археологические работы 1954 г. в окрестностях Ходжали ТАЭ. МИА № 67, М.—Л., 1959, с. 384; А. А. Спицин. Археологические раскопки Э. Рэслера в Елизаветпольской губернии в 1901 г. ИАК, вып. 16, СПб., 1902, с. 5; F. Bayerns. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde Kaukasien, ZPE, Berlin, 1835, с. 34; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, с. 52; К. Н. Пицхелаури, Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV—VII вв. до н. э.), Автореф. докт. дисс., Тбилиси, с. 55; Р. Абрамишвили, И. Султанишвили, К. К. Кохиани, Н. Окропиридзе. Тбилиси, Археологические памятники, I. Тбилиси, с. 18, табл. X; J. de Morgan, Mission Scientifique en Perse, vol. IV, Paris, 1896, с. 105, табл. V.

⁴⁶ Р. М. Джанполадян. О трех образцах стекла из Кармир-блур, СА, 1961, № 1, с. 307—309.

⁴⁷ Ю. Л. Шапова. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983, с. 61.

ны, к числу которых относятся изделия из того же Айгвана и Триалети⁴⁸.

Между этими двумя типами имеется принципиальное различие. Так, при изготовлении керамики исходным и основным материалом является глина, к которой в качестве добавок и допесков прибавляют песок, известь и т. д. В фаянсах же песок и щелочные земли выступают в качестве основных и к ним прибавляются щелочи, а глинозем присутствует в стекле и фаянсе в качестве несобязательной добавки. Следовательно, между исходными материалами керамики и фаянса постепенного перехода нет—это качественно различные искусственные смеси.

Исходя из вышесказанного «фаянсовые» изделия Арменни и Закавказья можно подразделить на два основных вида: 1) фаянсовые изделия из белой пористой массы, которые, на наш взгляд, являются импортными и 2) сосуды из обычной глины, покрытые глазурью, которые имеют местное происхождение и выполнены под влиянием импортных изделий.

Металлический инвентарь и украшения погребения 59 представлены небольшим железным ножом (табл. LX, 28) и небольшим гвоздевидным предметом (табл. LX, 23), многочисленными бронзовыми и одной каменной пуговицами и различными украшениями: браслетами, кольцами, серьгами, фибулой и двумя трубочками. Кроме металлических украшений найдено много крупных сердоликовых и агатовых прекрасно отшлифованных бус и еще большее количество пастовых бус, часть которых изготовлена из стеклянной смальты. Найдено также небольшое количество раковин каури (табл. LX, 1—22, 24—27, LXI, LXII, 1, 3, 4).

Все эти изделия хорошо известны по находкам в Кармир-блуре, что имеет важное значение для датировки погребения. Особо следует остановиться на двух глиняных хорошо обожженных квадратных пластинах, которые украшены изображением льва в точечном обрамлении. Эти пластины были обтянуты тонкой золотой фольгой, следы которой четко наблюдались на обеих пластинах (табл. LIX, 6, 7).

Интересна также золотая обкладка какого-то предмета с плетеным орнаментом (табл. LIX, 2).

Погребение № 62 находится в 6 м западнее погребения № 59. Оно направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. По конструкции аналогично погребению 59. Размеры 4,5×3,5×1,7 м. Круг кромлеха—8,5 м. Плиты перекрытия отсутствовали. Они были разбиты и часть их в виде крупных изломанных камней и массы отщепов была обнаружена на дне погребения. Истлевшие кости скелетов были разбросаны, однако по сохранившимся фрагментам в черепных костях можно предположить, что здесь было захоронено 10—12 человек. Инвентарь погребения был разграблен, и среди отщепов и шлака, заполнившего погребение, было обнаружено несколько фрагментов керамических изделий и небольшое количество украшений.

Керамические изделия в основном представлены фрагментами и частично сохранившимися сосудами местной керамики черного цвета. Небольшой группой здесь представлены крупные и небольшие узко-

⁴⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. XX.

горлые безручные кувшины, украшенные шевронами из слабо нанесенных линий. Внутреннее пространство заполнено косыми линиями или вертикальными точечными линиями. Встречаются также фрагменты кувшинов, украшенные горизонтальными, косыми или волнистыми линиями, а также семейковидным орнаментом. Кроме кувшинов здесь же найдены фрагменты небольших мисок, украшенных линейным орнаментом. Найдена также крупная глубокая красная миска с широким плоским дном с загнутым вовнутрь округлым венчиком. В единственном числе найден горшок грубой ручной лепки, украшенный ногтевым орнаментом (табл. LXIV, 5—11).

Керамический инвентарь погребения 62 близок по фактуре и оформлению с инвентарем погребения 59 и также имеет архаичные черты.

Найденные украшения в основном состоят из различных сердоликовых вишневого и розового (малинового) цветов и агатовых бус, имеющих шаровидную и муштучную форму с хорошо отшлифованной поверхностью. Кроме каменных бус найдено небольшое количество крупных пастовых бус трубчатой формы и раковин каури. Найдена также крупная гиревидная подвеска из голубой пасты, украшенная зерной и крестовидным орнаментом, аналоги ее известны из Кармир-блур, Ахлатяна и Атарбеяна⁴⁹, а также несколько металлических изделий: крупная бронзовая фибула, верхняя дугообразная часть которой имеет витую форму, золотая трубчатая бусина и небольшая гривновидная серьга с завернутыми петлевидными концами, которая встречается также в Кармир-блуре (табл. LXV).

Раскопки урартских погребений, кроме обнаруженных богатых комплексов, значительно пополнивших наши представления о замечательной культуре Ванского царства, дали также новые материалы о формах этих погребений. Вместе с тем материалы погребений № 59 и № 62 свидетельствуют о широком проникновении урартской материальной культуры в среду местной племенной знати, что ранее наблюдалось по материалам Астхадзорского, Лорибердского и Головинского могильников. Особенно примечательно, что материалы погребения № 25 четко показывают, что урартская культура здесь бытовала еще в первые десятилетия VI в. до н. э.

⁴⁹ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III, табл. IV, рис. 13.

ГЛАВА V

МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА

В 200—250 м восточнее первого и второго дворцовых комплексов начинаются могильные поля, которые покрывают все склоны большого холма Диди-конд, за исключением участка, застроенного дворцовыми сооружениями, и, огибая малый холм, занимают также его южные склоны. Они начинаются у подошвы холма и доходят до середины склонов; верхние, более крутые склоны и вершины холмов свободны от сооружений. Могильные поля сплошь покрыты бессистемными погребениями. Особенно густо расположены они на восточных и южных склонах. Здесь наблюдаются погребения нескольких типов: крупные курганы с невысокой каменной насыпью, камеры которых представляют собой большие склепы, перекрытые двух-трехступенчатым ложным сводом, кромлехи с вписанными каменными ящиками и отдельно сооруженные каменные ящики. Подавляющее большинство этих сооружений относится к эпохе раннего железа, и лишь несколько погребений датируется эпохой поздней бронзы и временем широкого освоения железа.

Изучение этих погребений не только дополняет наши представления о богатой культуре племен Армянского нагорья, но и дает много интересных сведений об их строительной технике и верованиях.

Погребение № 33 находится напротив погребения № 25 и представляет собой каменный ящик. Расположено рядом с дорогой, ведущей к детскому санаторию. Ориентировано с севера на юг. Размеры 1,65×0,9×0,6 м. Стены выложены из мелких камней. Перекрыто крупными туфовыми плитами. Костяк полностью истлел. В погребении обнаружено четыре крупных черных покрытых сажой горшка со вздутым туловом, украшенным горизонтальными линиями и неглубоким ногтевым орнаментом, низкой шейкой и округлым, сильно выступающим венчиком. Днища широкие, плоские. Одно днище по краям украшено полукруглыми насечками (LXVI, 4—7).

Найдены также две черные лощеные глубокие миски с округло подымающимся туловом, прямыми или несколько суженными бортами и прямым или округлым венчиком (табл. LXVI, 8, 9).

В инвентарь погребения входят, кроме того, несколько случайно найденных местными жителями сосудов—два черных горшка, украшенных полукруглыми арочными линиями и косым горизонтальным

орнаментом, и черная глубокая миска с округлым венчиком (табл. I.XVI, 1—3).

Погребение № 42 находится в 12 м восточнее погребения № 33. Представляет собой крупный каменный ящик, ориентированный с севера на юг. Размеры 3,15×1,2×0,9 м. Стены выложены из крупных необработанных камней. Перекрыто тремя крупными туфовыми плитами. Сильно истлевший костяк лежал в скорченном положении, головой на север, лицом к востоку. Инвентарь, расположенный в южной части погребения у ног костяка, состоял из бурых и черных матовых или лошенок кувшинов, горшков, кубков и мисок. Сосуды в основном гладкие; лишь некоторые из них украшены точечным, семячковидным и линейным геометрическим орнаментом (табл. LXVII, 1—13).

Рассматриваемые ниже погребения № 43—55 расположены скученной группой в 10—20 м восточнее погребения № 42 и тянутся с юга на север по склону холма.

Погребение № 43 расположено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Размеры 1,25×0,8×0,8 м. Стены до глубины 0,6 м из туфовых плит, поверх которых уложено 1—2 ряда мелких камней. Перекрыто тремя плитами. Внутри найдено несколько костей истлевшего детского скелета. Инвентарь, состоящий из одного истлевшего горшка и небольшого черного узкогорлого кувшинчика, был расположен в центре погребения (табл. LXX, 1, LXXIII, 3).

Погребение № 44 направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Размеры 1,4×0,8×0,7 м. По конструкции схоже с погребением № 43, с тем отличием, что южная стена выложена не из плит, а из битых туфовых камней. Перекрыто двумя плитами. Скелет почти полностью истлел, лишь в юго-западной части погребения найдено несколько берцовых костей. В том же углу обнаружена небольшая миска (табл. LXX, 3).

Погребение № 45 направлено с севера на юг с небольшим отклонением к западу. По конструкции схоже с погребением № 44. Размеры 1,5×1,00×0,9 м. Перекрыто двумя плитами. Скелет полностью истлел, лишь по изредка встречающимся костям можно предположить, что он находился в лежачем положении.

Керамический инвентарь, заложенный в северо-восточном углу, состоял из трех горшков (табл. LXX, 2, 4, 6). Кроме керамики найдены три крупные оловянные бляшки и более 10 мелких оловянных пуговиц. Найдено также большое количество различных бус и подвесок. Основную их часть составляют мелкие рубленые и более крупные бочковидные и ромбовидные бусы из розового сердолика. Найдены также мелкий бисер из серой пасты, более крупные трубчатые ромбовидные и шаровидные бусы и несколько синих стеклянных бусин. Металлические украшения представлены небольшими плоскими дисковидными и крупными трубчатыми бусами, изготовленными из олова, и двумя аналогичными золотыми бусинками, а также золотыми подвесками в виде небольшого якорька, лунницами и фрагментом колечка с вписанным крестом.

Кроме указанных украшений найдена крупная бронзовая игла в виде стерженька с отверстием в верхней части (табл. LXVIII, 1—14).

Погребение № 46 направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку, по конструкции схоже с погребением № 45. Раз-

меры $1,4 \times 0,9 \times 0,7$ м. Перекрыто двумя плитами. Скелет полностью истлел. В южной части найдены крупный безручный лощеный кувшин красного цвета и небольшая черная лощеная миска (табл. LXX, 5, 8). На месте грудной клетки обнаружены несколько мелких рубленых сердоликовых бусин и разбитый панцирь моллюска перловицы. Чуть выше, у предполагаемого места шеи, найдены две небольшие зубчатые шейные гривны, одна с петлевыми, другая с заостренными прямыми концами. Здесь же обнаружено два массивных змеиноголовых браслета с четко подчеркнутыми деталями-глазами, открытым ртом, ноздрями и выступающими ушами. Найдены также две фибулы, серьга с тремя витыми выступами и две подвески с цепочкой—одна в виде полулунья, другая прямоугольная, чуть поодаль—небольшое бронзовое втульчатое копьё с листовидным наконечником с четко проходящим по всей длине срединным ребром (табл. LXIX, 1—11).

Погребение № 47 направлено с севера на юг. По конструкции схоже с предыдущими. Размеры $1,3 \times 1,00 \times 0,8$ м. В погребении, частично разрушенном бульдозером, по-видимому, было два скелета. Один лежал нетронутым на левом боку с подогнутыми ногами и руками. Череп другого обнаружен в южной части погребения. Найденная керамика расположена в юго-восточном углу и состоит из двух сосудов—крупного бурого широкогорлого кувшина, украшенного сетчаткой, извивающимися вертикальными линиями, напоминающими змей, и горизонтальными линиями, нанесенными лощением, и небольшого двуручного кувшинчика с крышкой, тулово которого украшено глубокими каннелюрами (табл. LXX, 7,9).

Кроме керамических изделий в погребении найдены массивный кольцевой зубчатый браслет, бронзовая стрела с небольшими усиками, булавка, увенчанная тремя бараньими головками, и низка сердоликовых бус, среди которых выделяются крупные и более мелкие шаровидные и частично рубленые бусы. Найдено также несколько штук мелкого бисера из голубой пасты. Лучшими экземплярами являются несколько шестигранных и одна крупная трубчатая, отличающаяся хорошей шлифовкой бусины (табл. LXXI, 1—4).

Погребение № 48 направлено с севера на юг с отклонением на восток. Размеры $1,3 \times 1,00 \times 0,9$ м. По конструкции напоминает предыдущие. Перекрыто двумя плитами. Скелет полностью истлел. В северо-западном углу найдены два истлевших и один сохранившийся горшок (табл. LXX, 10).

Погребение № 49 направлено с севера на юг. По конструкции напоминает предыдущие. Размеры $1,3 \times 0,9 \times 0,8$ м. Перекрыто двумя плитами, во время строительных работ сдвинутыми бульдозером. Сильно истлевший скелет без черепа лежал на левом боку с согнутыми ногами и руками. Керамика, состоящая из безручного кувшина, украшенного зигзагом и линейным орнаментом, и горшка, украшенного семячковым орнаментом (табл. LXXII, 7, LXXIII, 5), была расположена в северо-западном углу. В центре погребения найден фрагмент железного втульчатого копьё (табл. LXXII, 1).

Погребение № 50 направлено с севера на юг с сильным отклонением к востоку. По конструкции напоминает предыдущие. Размеры $1,00 \times 0,7 \times 0,6$ м. Перекрыто небольшой плитой, вторая плита снята в древности. Скелет сильно истлел, были видны лишь отдельные кости,

В северном углу найдены горшок и миска (табл. LXXII, 2; LXXIII, 4), а на месте груди—крупная трубчатая бусина из голубой смальты с утолщением в срединной части (табл. LXXII, 6).

Погребение № 51 направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. По конструкции напоминает предыдущие. Северная сторона заложена мелкими камнями. Погребение было перекрыто одной крупной, несколько сдвинутой плитой размерами 1,5×1,3×0,3 м. Размеры самого погребения 1,3×1,00×0,8 м. По-видимому, оно было разграблено в древности, так как кости истлевшего скелета были разворочены. В северо-западном углу найден разбитый горшок, украшенный двухрядным семячководным орнаментом (табл. LXXII, 3).

Погребение № 52 направлено с севера на юг, по конструкции схоже с предыдущими. Размеры 1,3×0,8×0,6 м. Перекрыто двумя плитами. Плохо сохранившийся скелет лежал на левом боку с подогнутыми руками и ногами, головой на север. На груди найдено несколько пастовых бусин и два фрагмента каких-то истлевших железных изделий. В юго-западном углу погребения найдены серый лощеный кувшин, украшенный линейным орнаментом, и черный горшок, украшенный ногтевым орнаментом (табл. LXXII, 4, 5).

Погребение № 53 направлено с востока на запад с отклонением к северу. По конструкции схоже с предыдущими. Размеры 1,35×0,7×0,9 м. Было перекрыто одной плитой. Восточная стена в древности была частично разобрана, и через образовавшееся отверстие в погребение, по-видимому, проникли грабители, унесшие инвентарь и разбросавшие кости скелета. В погребении найдены черепки двух разбитых горшков, а в центре—проволочный браслет с заходящими друг на друга концами (табл. LXXII, 8; LXXIII, 6, 8).

Погребение 54 направлено с севера на юг. По конструкции схоже с предыдущими. Размеры 1,15×0,9×0,8 м. Скелет полностью истлел, лишь в северо-западной части погребения найдено несколько зубов, мелкий бисер и несколько сердоликовых бусин (табл. LXXII, 10).

Следующая группа погребений (№ 55—61) находится восточнее погребений № 43—55, в непосредственной близости от крупных урартских склепов № 59 и 62.

Погребение № 55 направлено с севера на юг с небольшим отклонением к западу. По конструкции напоминает предыдущие. Размеры 1,3×0,85×0,75 м. Перекрыто одной плитой, поверх которой шла небольшая каменная насыпь. Инвентарь не обнаружен. Часть южной стены, как и в погребении № 51, в древности была снята, и через образовавшееся отверстие сюда проникли грабители.

Погребение № 56 направлено с севера на юг. По конструкции напоминает предыдущие. Размеры 1,15×0,85×0,7 м. Перекрыто двумя плитами. Истлевший скелет лежал на левом боку, головой на северо-запад, с подогнутыми руками и ногами. На месте грудной клетки найдена одна пастовая бусина. Кувшин и бронзовая игла найдены под восточной стеной погребения (табл. LXXII, 9, 11, 12).

Погребение № 57 направлено с востока на запад с небольшим отклонением к северу. По конструкции аналогично предыдущим. Размеры 1,5×1,1×1,2 м. Перекрыто двумя плитами. Скелет лежал на левом боку, с подогнутыми руками и ногами, головой на восток. Инвентарь погребения, расположенный под восточной стеной, состоял из

двух черных лощеных кувшинов с линейным орнаментом и каннелюрами, двух горшков, украшенных ногтевым орнаментом, и двух мисок (табл. LXXIII, 2, 7; LXXIV, 1—2).

Погребение № 58 направлено с севера на юг с отклонением на запад. По конструкции напоминает предыдущие. Размеры 1,4×0,9×0,8 м. Перекрыто двумя плитами. Скелет не сохранился; судя по находкам отдельных зубов голова была обращена на северо-запад. Инвентарь состоял из двух мисок, горлышка разбитого кувшина, фрагментированного кувшинчика и фрагмента железного втульчатого копья (табл. LXXIV, 3, 4).

Погребение № 60 направлено с востока на запад с отклонением к югу. По конструкции напоминает предыдущие. Размеры 1,8×1,2×1,00 м. Перекрыто двумя плитами. По-видимому, погребение разграблено в древности, так как часть северной поперечной стены, выложенной из мелких туфовых блоков, была разрушена. Скелет чрезвычайно плохой сохранности. В погребении найдены фрагменты железного ножа, на плоском язычке которого сохранились следы гвоздя для закрепления накладок. Здесь же найдены фрагменты железных копий, бронзового браслета и серьги, а также железный стержень, по-видимому, фрагмент черенка наконечника стрелы, три сердоликовые и несколько пастовых бусин (табл. LXIII, 8—14).

Погребение № 61. При расчистке камней перекрытия погребения № 60 на одной из плит было обнаружено детское погребение, направленное с востока на запад с отклонением к северу. Размеры 0,75×0,7×0,5 м. Перекрыто двумя маленькими плитами. Стены также выложены из небольших тонких плит. Костяк полностью истлел; встречались лишь мелкие кости. В погребении найдены два горшка, одноручный кувшинчик (табл. LXIV, 1, 2) и большое количество украшений: змеиноголовые браслеты, браслеты со сходящимися концами, шейная гривна, подвески в виде розетки и множество бронзовых и пастовых бус, в том числе несколько образцов типа «домино» (табл. LXXV, 1—10).

Погребение № 65 находится на южном склоне Диди-конда напротив современного кладбища. Направлено с востока на запад. Размеры 4,2×3,1×1,8 м. Западная и часть северной стены, как и перекрытие, разрушены экскаватором при извлечении шлака. Основания сохранившихся стен выложены из крупных блоков, поверх которых уложены крупная плита и булыжники. Оконечности боковых стен рядом с входом заложены крупными плитами высотой до 1,8 м, что наблюдалось и в погребениях № 59 и 62. Сохранившаяся часть свода образована заложеными друг на друга выступающими плитами, причем нижняя выступает всего на 0,2 м, а третья, верхняя,—на 1,1 м. Следовательно, боковые плиты с обеих сторон выступали на 2,2—2,4 м, оставляя для четвертой завершающей плиты, заложеной поверх них, расстояние не более 1,3—1,5 м. Исходя из того же расчета и судя по обнаруженным на месте камням высота стен достигала 1,8 м, то есть, высота погребения, считая от центральной плиты свода, составляла не менее 2,8—3 м.

Ковшом экскаватора была полностью расчищена центральная часть погребения, и лишь по углам удалось обнаружить два фрагмента черепов погребенных и небольшое количество изделий, свидетель-

ствующих о групповом захоронении и богатстве сопровождающего инвентаря.

При исследовании были найдены маслобойка, небольшой одноручный кувшин и фрагмент миски (табл. LXXVII, 1, 2, 4). Кроме керамики обнаружены два бронзовых наконечника стрел с широко раставленными усиками и квадратным заостренным черенком. На одном из них сохранились остатки кожи, предохранявшей древко от расщепления. Здесь же найдена небольшая вогнутая бляха, украшенная вдавленной линией, с внутренней стороны снабженная мостиком для пришивания. Обнаружено также много украшений. К числу их относятся крупная бронзовая булавка в виде заостренного стержня, верхний край которой украшен вдавленными линиями, и большое количество шаровидных сердоликовых, пастовых и стеклянных бус. Особый интерес представляют золотые бусы. Четыре экземпляра трубчатые, с поверхностью, украшенной винтовым орнаментом, а пятый в форме цилиндра, изготовлен из тонкого листа и украшен многорядными короткими штрихами, отделенными друг от друга горизонтальными линиями.

Кроме того в погребении найдены костяная трубочка, украшенная шевронами с точечным заполнением, и деревянная втулка. Интересной находкой являются части деревянного ложа, которые будут описаны вместе с креслом из погребения № 78 (табл. LXXVI, 1—10).

Погребение № 66 находится на восточном склоне Диди-конда, между погребением № 65 и крупными урартскими склепами № 59 и 62. Представляет собой кромлех диаметром 8 м, выложенный из двух рядов камней, в центре которого была вырыта грунтовая яма овальной формы, направленная с востока на запад. Размеры 2,2×1,4×0,6 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 67 находится рядом с погребением № 66. Представляет собой кромлех диаметром 1,7 м, в центре которого находилась грунтовая яма овальной формы, направленная с востока на запад с отклонением к северу. Размеры 1,2×1,0×0,8 м. Перекрыто двумя плитами. В центре средней плиты стоял небольшой туфовый фаллос с отбитой головкой. Скелет полностью истлел, сохранились лишь мелкие фрагменты костей. В западной части погребения обнаружены четыре горшка, украшенные ногтевым орнаментом. Два из них покрыты сажей (табл. LXXVII, 3, 5—7).

Погребение № 68 находится рядом с погребениями № 66 и 67. Направлено с запада на восток с отклонением к северу. Представляет собой каменный ящик с заложеной восточной поперечной стеной, выложенный из туфовых блоков. Перекрыто тремя плитами. Размеры 1,5×1,3×0,9 м. Скелет истлел. Под восточной стеной найдены четыре обсидиановые стрелы миндалевидной формы с полукруглой выемкой, а под западной стеной—три сосуда: небольшой кувшин, горшок, украшенный точечным вдавленным и ногтевым орнаментом, и одноручная миска (табл. LXXVIII, 1—3, 4—7).

Погребение № 69 находится рядом с погребениями № 59 и 62. Представляет собой каменный ящик, вписанный в круг кромлеха диаметром 4 м. Выложено из туфовых блоков, лишь восточная стена заложена мелкими камнями. Перекрыто тремя плитами. Направлено с востока на запад с отклонением к северу. Размеры 1,5×1,3×0,9 м. Погребение не было заполнено землей; погребальный инвентарь был

сложен вдоль южной стены и в центре погребения. Два истлевших скелета лежали рядом в северо-западной части на левом боку в скорченном положении. В погребении найдены крупное, частично истлевшее втульчатое копье, фрагмент железного ножа, крупная бочковидная агатовая недопросверленная и небольшая шаровидная сердоликовая бусины, проволочный браслет с насечками и массивный змеиноголовый браслет (табл. LXXVIII, 8—10, 13—14). Найдены также карас, крупные безручные и одноручные кувшины, горшок, кружка и две миски (табл. LXXVIII, 11—12; LXXIX, 1—7).

Погребение № 70 находится рядом с погребением № 69. Имеет ту же конструкцию и ориентацию. Размеры 2×1,35×1,4 м. Разграблено в древности.

Погребение № 73 находится рядом с погребениями № 58 и 59. По конструкции и ориентации схоже с ними. Разграблено в древности. При исследовании была найдена бронзовая игла и низка сердоликовых бус (табл. LXXIX, 8, 9).

Погребение № 74 находится рядом с погребением № 67. По конструкции напоминает крупные склепы, но уже них, Размеры 5×1,8×1,5 м. Перекрыто двумя крупными плитами. Камера, ориентированная с востока на запад, разграблена в древности. При исследовании найдены фрагментированный железный нож и две бронзовые бляшки (табл. LXXX, 1—3).

Погребение № 75 находится в 25 м южнее погребения № 60. Представляет собой крупный каменный ящик, выложенный из больших туфовых блоков и перекрытый тремя плитами. Погребение находилось ниже дневной поверхности на 1—1,5 м (по склону), и снаружи не имелось никаких признаков его существования. Оно было раскрыто бульдозером при извлечении шлака и разграблено рабочими. После досмотра и расчистки оказалось, что погребение имеет размеры 2,1×1,4×1,1 м. Направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. В погребении найдены фрагменты деревянного ложа, глиняных сосудов, браслет и небольшое количество бус (табл. LXXX, 4). Наиболее интересной находкой является небольшая фаянсовая мисочка на трех ножках, описанная с урартским сосудом из погребения № 59, и небольшая трубчатая золотая бусина.

Погребение № 76 находится в 16 м южнее погребения № 65. По конструкции схоже с погребением № 75, размеры 1,3×0,9×7,5 м. Направлено с севера на юг с отклонением к востоку. Перекрыто двумя плитами. Разграблено в древности.

Погребение № 77 находится в 2 м севернее погребения № 75. Размеры 1,5×1,3×1,5 м. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к югу. В отличие от остальных погребений оно было вырыто в шлаковом грунте. Одна стена была образована твердой шлаковой породой, а с трех сторон, где грунт был рыхлым, погребение было обложено небольшими камнями, поверх которых были уложены тонкие плиты. Здесь оказалось два истлевших скелета, уложенных в скорченном положении головами на юго-восток. Инвентарь размещен отдельно. В юго-восточном углу были поставлены три миски и кружка; там же найдены две иглы, булава и большое количество бус. В юго-западном углу были поставлены две миски, два горшка и один кинжал. Найдены также бляшка, проволочный и пластинчатые браслеты (табл. LXXXI, 1—4, LXXXII, 1—9, LXXXIII, 1—9).

Погребение № 78 находится в 30 м северо-восточнее погребения № 65. Имеет ту же конструкцию, что и погребение № 65 и прочие большие склепы; обнесено кругом кромлеха диаметром 15 м. Размеры 5,1×4,1×1,8 м. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к югу. Стены выложены крупными блоками размерами 1,25×1,0; 1,3×1,3 и 1,15×1,3 м, поверх которых уложены сравнительно мелкие камни, нивелирующие их поверхность. Выше их с обеих сторон выступают плиты свода перекрытия, образующие трехступенчатый ложный свод. При досмотре погребения на поверхности земли была видна лишь часть плиты свода северной поперечной стены, а при расчистке оказалось, что центральные плиты южной стороны свода в древности были разбиты и погребение было разграблено. Внутреннее его пространство было заполнено мелким шлаком. Исходя из того, что погребение № 59, хотя и разграбленное, представило нам богатый материал, а также для определения его конструктивных особенностей было решено расчистить погребение. По-видимому, в момент грабежа оно было совершенно свободным от земли, и грабители смогли взять весь инвентарь, оставив лишь несколько сломанных керамических и деревянных изделий, а также небольшое количество сердоликовых бус, сохранившихся в расщелинах шлакового грунта погребения (табл. I.XXXIII, 11).

В центральной части боковых стен на расстоянии 2 м от углов были поставлены три вертикальные деревянные стойки (от четвертой остались лишь следы), сохранившиеся на высоту 0,5—0,7 м и являющиеся, по-видимому, остатками подпильного навеса, перекрытие которого в виде истлевших кусков дерева и мелких прутьев было разбросано на полу.

Судя по истлевшим остаткам костей здесь было захоронено два человека со скорченными руками и ногами, головами обращенными друг к другу. Между ними найдены небольшие ножки и части стоек деревянного ложа, а также фрагменты деревянных чаш. Оставшаяся в погребении битая керамика в основном была найдена в западной и северной частях погребения. Здесь же обнаружено небольшое количество бус и фрагмент браслета.

Погребение № 79 находится в 11 м южнее погребения № 78. Направлено с востока на запад с отклонением к северу. Размеры 2,1×1,6×1,4 м. Перекрыто двумя плитами. Стены выложены из крупных гуфовых грубо отколотых плит, поверх которых идет двух-трехрядная кладка из отщепов того же камня. Восточная стена, где находился вход в погребение, была заложена мелкими камнями. Погребение на 0,2—0,3 м было заполнено просочившейся землей. Местные жители, откинув небольшой камень между плитами, проникли вовнутрь и разграбили его. При досмотре удалось выявить, что погребенный лежал на деревянном ложе, отдельные части которого обнаружены внутри погребения. Удалось найти также несколько черепков керамики и сердоликовых бусин (табл. LXXXIV, 1, 3).

Погребение № 80 находится в 19 м восточнее погребения № 78. Направлено с севера на юг с отклонением к востоку. Размеры 1,15×0,75×0,6 м. Перекрыто тремя небольшими плитами. Истлевшие кости скелета, лежавшего головой на север, лицом к западу, обнаружены в центре погребения. Погребение было заполнено затверделой глиной,

затрудняющей расчистку. В северо-западном углу найдены два горшка, а в центре—бронзовый браслет и небольшое количество бус (табл. LXXXIV, 2; 4—6).

Погребение № 81 находится в 11 м юго-восточнее погребения № 78. Направлено с востока на запад с отклонением к северу. По конструкции аналогично погребению № 80. Размеры 1,4×1,00 м. Перекрыто одной плитой. Костяк полностью истлел. В центре погребения в восточном углу найдены четыре горшка, оловянная пуговица и несколько сердоликовых бусин (табл. LXXXV, 1—5).

Погребение № 82 находится в 21 м восточнее погребения № 80 и в 40 м от погребения № 78. Направлено с севера на юг. Размеры 1,3×1,00×0,8 м. Стены выложены из туфовых плит. Перекрыто двумя небольшими плитами. Погребение было заполнено твердой глинистой землей. После расчистки выяснилось, что оно было разграблено в древности.

Погребение № 83 расположено в 28 м северо-восточнее погребения № 82. Направлено с севера на юг. Размеры 1,6×0,8×0,9 м. Перекрыто одной плитой. Судя по истлевшим костям захоронение детское. В центре погребения найдены два черепка от разных горшков.

Погребение № 84 находится в 17 м западнее погребения № 78 и представляет собой крупный курган с каменной насыпью диаметром 16 м, высотой 0,7 м. Склеп размерами 5×2,95 м направлен с востока на запад, с небольшим отклонением к югу. Его стены выложены из крупных, грубо отколотых плит длиной 1,2—1,5 м и высотой 1—1,35 м. Поверх плит для выравнивания были уложены крупные камни. Погребение было перекрыто трехступенчатым ложным сводом высотой 3,3 м от пола, поверх которого была уложена плита перекрытия. Эта плита, по-видимому, была снята еще в древности, и вся камера оказалась заполненной крупным и мелким шлаком. На глубине 2,3 м начали выходить черепки черных и расписного сосудов, кости крупного и мелкого рогатого скота и человеческие зубы. Хотя по зубам невозможно определить количество погребенных, можно предположить, что здесь имело место групповое труположение именитых людей, о чем свидетельствуют находки золотой серьги и бусины. Раскопки показали, что это богатое захоронение было разграблено еще в древности. Так, фрагменты расписного сосуда были найдены на расстоянии 1,5—2 м друг от друга (табл. LXXXV, 6—9).

Погребение № 85 находится между погребениями № 78 и № 84, но не по прямой линии, а несколько севернее. Оно представляет собой курган с каменной насыпью, аналогичный кургану № 84, но в отличие от него имело перекрытие в виде двухступенчатого южного свода. Курганная насыпь несколько меньше и доходит до 11 м. Склеп, размерами 5×2,5×2 м, направлен с востока на запад с небольшим отклонением к югу. Плиты перекрытия полностью отсутствовали. Склеп был заполнен шлаком. После расчистки выяснилось, что погребение было разграблено в древности. Кости скелетов погребенных были разбросаны и к тому же полностью истлели, поэтому оказалось невозможным установить положение трупа и количество погребенных. На полу погребения найдены одна золотая пластина, два бронзовых браслета и много битой керамики. Керамический материал был подвергнут реставрации; он представлен широкогорлыми и узкогорлыми лощеными кувшинами.

украшенными сетчаткой и лошеными вертикальными линиями, горшками, прекрасным черным лошеным до блеска двуручным кувшином, украшенным каннелюрами, крупными кувшинами, по размерам сближающимися с небольшими карасами, мисками и небольшим горшком со сливом чайника (табл. LXXXV, 10, 11; LXXXVI, 1—9; LXXXVII, 1, 4, 7).

Погребение № 86 находится в 13 м южнее погребения № 78 и представляет собой каменный ящик размерами $1 \times 1,6 \times 0,8$ м. Направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Погребение было перекрыто двумя плитами. Вдоль северной стены в два ряда уложены пять сосудов, рядом с которыми найдены небольшой бронзовый браслет и сердоликовые бусы. Скелет полностью истлел, но по сохранившимся следам видно, что он лежал в скорченном виде, головой на север. На полу были видны следы угля.

Керамический инвентарь представлен фрагментированным двуручным кувшинчиком, двумя горшками, украшенными ногтевым орнаментом, косыми и волнистыми линиями, и двумя мисками (табл. LXXXVII, 2, 3, 5, 6, 8; LXXXVIII, 1, 2).

Погребение № 87 находится в 43 м севернее погребения № 78 и представляет собой каменный ящик размерами $1 \times 1,8 \times 0,9$ м. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Перекрыто тремя плитами. Судя по истлевшим костям скелет лежал в скорченном положении лицом к северу-востоку. На месте рук найдены три бронзовых змеиноголовых браслета, а у головы серьга. На месте груди, рядом, был уложен фрагмент одноручного кувшина (табл. LXXXVIII, 4, 5, 7).

Погребение № 88 находится в 7 м восточнее погребения № 78. Представляет собой небольшой кромлех диаметром 4 м. Рядом с ним находится другой такой же кромлех—№ 90. Между их стенами найдена битая керамика в виде черепков черных кувшинов и горшков, а также кости крупного рогатого скота, свидетельствующие о тризне, совершенной при захоронении. Внутри кромлеха находится вписанный каменный ящик размерами $1 \times 1,3 \times 0,8$ м, направленный с востока на запад с небольшим отклонением к югу. Погребение расположено на глубине 1,5 м от дневной поверхности и перекрыто двумя плитами, поверх которых каменная насыпь. Скелет полностью истлел, но небольшое пространство, занимаемое им, позволяет предполагать, что он должен был быть уложен в скорченном положении лицом к северу или югу. Под центральной частью южной стены найдены три кувшина, два горшка и одна миска с несколькими бусинами внутри. На месте груди найдены две ажурные подвески в виде птиц, бронзовый браслет с заходящими друг на друга концами, четыре оловянные пуговицы и большое количество бус (табл. XC).

Керамические сосуды представлены крупными горшками, украшенными линейным орнаментом, кувшином с трапециевидными ручками и глубокой миской (табл. LXXXVIII, 3, 6, 8; LXXXIX, 1—3,5).

Погребение № 89 представляет собой кромлех с диаметром круга 15 м, стены которого соприкасаются со стенами кромлеха № 90. В кромлех вписан каменный ящик размерами $1,2 \times 1,8 \times 0,9$ м, направленный с востока на запад. Погребение было перекрыто тремя плитами, над которыми каменная насыпь высотой 0,7 м. Под центральной

частью южной стены погребения найдены восемь сосудов, небольшой кинжал, два бронзовых браслета, низка бус и три серебряные бляшки.

Керамические изделия представлены тремя мисками, крупными кувшинами и горшками, покрытыми линейным и ногтевым орнаментом; донышки некоторых сосудов украшены концентрическими кругами, точечным и ногтевым орнаментом. Особенно интересен бронзовый кинжал с плоским подтреугольным клинком и вильчатой цельноотливной рукоятью (табл. LXXXIX, 4, 6—9; XCI, 1—6; CXII, 1—4).

Погребение № 90 расположено в 33 м севернее погребения № 78 и представляет собой кромлех с диаметром круга 4 м, с вписанным погребением, вырытым в шлаковом грунте. Не имело камней перекрытия и было заполнено шлаком. Погребение имеет овальную форму (длина—2,1 м, ширина в центре—1,3 м, глубина—0,9 м) и направлено с востока на запад. Найдены истлевшие кости четырех скелетов, лежавших на спине, между которыми были уложены грубый горшок, украшенный ногтевым орнаментом, и каннелюрированный кувшинчик (табл. XCIII, 1, 2).

Погребение № 91 находится в 1 м восточнее погребения № 90 и также представляет собой кромлех с диаметром круга 6 м с вписанным грунтовым погребением. Погребение, также вырытое в шлаковом грунте и не имевшее каменного перекрытия, было заполнено мелкими камнями, в центре которых был установлен квадратный камень высотой 1 м, выступавший над погребением на 0,3 м. Погребение имеет овальную форму (длина—2,1 м, ширина в центре—1,6 м, глубина—1 м) и направлено с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Под центральной частью северной стены найдены два истлевших черепа (остальных костей скелетов не обнаружено), а рядом с ними—несколько битых сосудов, два браслета, фибула и несколько бус (табл. XCIII, 3—6).

Погребение № 92 находится в 15 м западнее погребения № 91 и представляет собой крупный склеп размерами 3×5×3 м, перекрытый трехступенчатым ложным сводом. Направлено с севера на юг. Погребение было разграблено в древности, а верхняя часть боковых стенок была разрушена при добыче шлака, так что сохранились лишь поперечная стена и боковые стенки (на высоту 1—1,5 м). При исследовании обнаружен небольшой материал, состоящий из крупного узкогорлого кувшина и нескольких фрагментов различных сосудов (табл. XCIII, 7).

Погребение № 93 находится в 8 м севернее погребения № 91 и представляет собой кромлех с диаметром круга 2,2 м с вписанным каменным ящиком. Внутри кромлеха шел второй круг, выложенный из двух фаллосов и семи квадратных плит длиной от 0,33 до 0,7 м. Между внутренним кругом и плитами перекрытия обнаружены черепки четырех битых сосудов и следы обгорелой земли и золы, свидетельствующие о проведении тризны после завершения обряда захоронения.

Каменный ящик направлен с севера на юг. Размеры 1,1×1,4×0,8 м. Перекрыт двумя плитами. Под восточной стеной найдена одна миска и несколько битых сосудов. Около миски обнаружены бронзовый нож в виде бритвы, игла со сломанным ушком и несколько сердоликовых бусин (табл. XCIV, 1—4).

Погребение № 94 находится в 5 м севернее погребения № 93 и представляет собой каменный ящик размерами 1×1,3×0,8 м, перекрытый двумя плитами. Направлено с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Плохо сохранившийся скелет лежал в центре погребения с подогнутыми руками и ногами, лицом к юго-востоку. У головы уложены три кувшина, украшенные косыми и горизонтальными линиями, один горшок с ногтевым орнаментом и фрагмент миски. Здесь же найдены бронзовое втульчатое копьё с перьевидным наконечником, игла, крупный браслет, сердоликовые и сурьмяные бусы и три ажурные подвески (табл. XCIV, 5—8; XCV, 1—2; XCVI, 1—4).

Погребение № 95 находится в 7 м севернее погребения № 94. Представляет собой каменный ящик, перекрытый двумя плитами и направленный с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Восточная и западная стена сооружены из трех плит каждая, северную и южную образуют твердые породы шлака. Размеры 1×1,4×0,8 м. Скелет полностью истлел, лишь в центре погребения удалось обнаружить несколько фрагментов от тазовых костей. Инвентарь, в основном уложенный в северо-восточном углу, состоял из крупной маслбойки, двух горшков, украшенных волнистыми и горизонтальными линиями, фрагмента бронзового пояса, бронзового втульчатого копья, кольцевых браслетов, бронзового стержня, подвески, сердоликовых бус (табл. XCVII, 1—4; XCVIII, 1—6).

Погребение № 96 находится в 3 м западнее погребения № 94 и представляет собой каменный ящик размерами 1,2×1,6×1 м. Перекрыто двумя плитами, направлено с севера на юг с небольшим отклонением к западу. Инвентарь, уложенный в центральной части погребения, состоял из поставленных в ряд черных лощеных кувшинов, украшенных сетчаткой и вертикальными штрихами, трех горшков, миски и небольшой красной солонки (табл. XCVIII, 5—11).

Погребение № 97 находится в 30 м южнее погребения № 77. Представляет собой каменный ящик, перекрытый двумя плитами. Размеры 1,2×2,2×1 м. Ориентировано с востока на запад с отклонением к югу. В северном углу вертикально был поставлен крупный фаллос из черного туфа. В центре погребения найдены истлевшие кости взрослого и ребенка. В юго-восточной части обнаружены 12 сосудов—разнообразные кувшины, горшки и миски, украшенные короткими штрихами, ногтевым и кружковым орнаментом, волнистыми и прямыми линиями. Доньшки некоторых мисок украшены крестовидным орнаментом, нанесенным лощением. В центре погребения найдены бронзовое кольцо, небольшая бляшка, навершие посоха в виде округлой, оконтуренной бронзой алебастровой рукояти с отходящим четырехгранным стержнем для забивания в древко и несколько сердоликовых бусин (табл. XCIX 1—12; С, 1—4).

Погребение № 98 находится севернее погребения № 97 и представляет собой каменный ящик размерами 1×1,6×0,9 м. Перекрыто тремя плитами. Направлено с востока на запад. Скелет полностью истлел. Инвентарь состоял из двух кувшинов, маслбойки, кружки и миски, украшенных линейным орнаментом, а также двух браслетов, бронзовой иглы и низки бус (табл. CI, 1—9).

Погребение № 99 находится в 15 м северо-восточнее погребения № 100 и 8 м южнее погребения № 77 и представляет собой каменный

ящик размерами $1,3 \times 1,6 \times 0,9$ м. Перекрыто двумя плитами. Ориентировано с севера на юг. У восточной стены обнаружены два черпа, а возле каждого из них — по одной бронзовой булавке и секач. В центре погребения и у западной стены найдены пять кувшинов и горшков, кружка и небольшая фаянсовая чаша. Здесь же найдены бронзовые серьги, четыре бронзовые подвески и небольшое количество бус (табл. CI, 10—13; CII, 1—5; CIII, 1—3, CIV, 1—7).

Погребение № 100 находится в 15 м севернее погребения № 99 и представляет собой каменный ящик размерами $1,3 \times 1,7 \times 0,9$ м. Перекрыто двумя плитами. Ориентировано с севера на юг. Инвентарь, состоявший из двух кувшинов, двух горшков, миски, бронзового браслета и нескольких сердоликовых бусин, был уложен под западной стеной (табл. CV, 1—7).

Погребение № 101 находится между погребениями № 99 и № 100 на расстоянии 1 м от каждого из них и представляет собой каменный ящик размерами $1,2 \times 1,8 \times 0,9$ м. Перекрыто двумя плитами. Ориентировано с севера на юг. Судя по истлевшим костям покойник лежал в центре погребения с подогнутыми руками и ногами, лицом к северо-востоку. Инвентарь, состоящий из горшка, миски, бронзового ножа в виде бритвы, бронзового долота и наконечника стрелы, был уложен в центре погребения. Рядом найдены бронзовая фибула и несколько сердоликовых и пастовых бусин (табл. CV, 8, 9; CVI, 1—6).

Погребение № 102 находится в 3 м восточнее погребения № 101 и представляет собой каменный ящик размерами $1,3 \times 1,7 \times 0,9$ м. Перекрыто двумя плитами. Ориентировано с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Скелет полностью истлел. Весь инвентарь обнаружен в юго-восточном углу. Он состоял из трех бронзовых наконечников стрел, наконечника кинжала, пинцета, браслета, серьги и нескольких сердоликовых и пастовых бусин. Керамические изделия представлены двумя горшками, кувшином с трансцевидной ручкой и небольшим стакановидным кубком, украшенным многорядным елочным орнаментом (табл. CVII, 1—12).

Погребение № 103 находится в 5 м севернее погребения № 65 и представляет собой двухрядный кромлех диаметром 3,9 м. С западной стороны ко внешнему ряду камней кромлеха примыкает прямоугольная пристройка, где обнаружены следы огня, кости и зубы крупного рогатого скота. Вписанное в кромлех погребение представляет собой каменный ящик размерами $1,9 \times 2,6 \times 1,6$ м, ориентированный с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Камни перекрытия отсутствовали: погребение было разграблено. Лишь в юго-восточном углу найдены небольшой черный лощеный кувшинчик и миска (табл. CVIII, 1, 4).

Погребение № 104 находится в 3 м севернее погребения № 99 и в 6 м южнее погребения № 101. Представляет собой кромлех с диаметром круга 3,2 м. Вписанное в него погребение представляет собой каменный ящик размерами $1,1 \times 1,6 \times 0,9$ м. Перекрыто двумя плитами. Ориентировано с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. В центре погребения найдены следы полностью истлевшего костяка. Инвентарь, состоящий из трех черных лощеных кувшинов, горшка и двух мисок, обнаружен в центре погребения под северной стеной. На месте грудной клетки найдены два проволочных браслета и несколько сердоликовых бусин (табл. CVIII, 2, 3, 5—10).

Погребение № 105 находится в 7 м западнее погребения № 99 и представляет собой кромлех с диаметром круга 3,5 м. Вписанное погребение является каменным ящиком размерами $1 \times 1,75 \times 0,8$, перекрытым двумя плитами. Ориентировано с севера на юг. Дно погребения в северной части на расстоянии 1 м от стенки было обмазано слоем глины толщиной 1—1,5 см. Покойник лежал на этом своеобразном полу в скорченном положении, головой на восток. Около головы найдены два кувшина, горшок и миска. В глине были сделаны углубления для донышек сосудов. На свободной от глины части погребения видны следы угля (табл. CVIII, 11—14).

Погребение № 106 находится в 1 м северо-восточнее погребения № 102 и представляет собой кромлех с диаметром круга 3,2 м. Вписанное в кромлех погребение является каменным ящиком размерами $1,4 \times 1,65 \times 1$ м, перекрытым тремя плитами и ориентированным с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Скелет полностью истлел. Инвентарь отсутствовал. На полу погребения сохранились следы угля.

Погребение № 107 находится в 4 м юго-восточнее погребения № 103 и представляет собой кромлех с диаметром круга 3,2 м с вписанным каменным ящиком, размерами $0,8 \times 1,5 \times 0,8$ м, перекрытым двумя плитами и ориентированным с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Хотя скелет и истлел, можно было различить отдельные детские кости. Инвентарь, состоящий из невысокого черного лощеного кувшина и трех мисок, был уложен в северо-западном углу (табл. СІХ, 1—4).

Погребение № 108 находится в 3 м западнее погребения № 86. Представляет собой кромлех с диаметром круга 3,5 м с вписанным каменным ящиком. Размеры $1,1 \times 1,5 \times 0,8$ м. Ориентировано с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Скелет полностью истлел. Инвентарь, состоящий из трех кувшинов, горшка, кружки и миски, был уложен в северо-восточном углу (табл. СІХ, 5—10).

Как уже отмечалось, погребения Ошаканского могильника относятся к трем разным хронологическим эпохам: эпохе поздней бронзы, раннего железа и широкого освоения железа.

Памятники эпохи поздней бронзы представлены немногочисленным материалом из погребений № 85, 88, 89, 95.

Найденный здесь материал представлен замечательными черными лощеными безручными кувшинами, горлышки и верхние части тулова которых украшены сетчаткой, косыми линиями, нанесенными лощением, и вдавленными горизонтальными линиями. Найдены также большие горшки с шаровидным и чуть вздутым туловом с крупными округлыми венчиками; некоторые из этих сосудов снабжены небольшими трапезиевидными ручками. Все они черного цвета с хорошо сохранившимся лощением. Особенно примечательны обнаруженные в погребении № 85 небольшие кувшинчики (3 экз.), которые были прикреплены к плечикам разбитых кувшинов, образуя своеобразные керносы. Характерно, что эти миниатюрные кувшинчики орнаментированы геометрическим лощеным орнаментом, наподобие вышеуказанных безручных кувшинов. Среди инвентаря погребения № 85 найдены два крупных безручных кувшина, которые по своим размерам сближаются с небольшими карасами. Оба они имеют гладкую черную лощеную поверхность,

и лишь верхняя часть тулова украшена горизонтальными и волнистыми линиями. К редким находкам относится черный лощеный кувшин, украшенный прямыми и волнистыми линиями, с небольшим сливом на одном плечике, что дает возможность причислить этот сосуд к типу сосудов-чайников.

К группе горшков относятся также три крупных сосуда из погребения № 88 с вздутым черным блестящим туловом и небольшим выгнутым венчиком. Эти горшки украшены многорядными горизонтальными и одной волнистой линиями, а один экземпляр—ногтевым орнаментом. На доннышке одного сосуда имеется ногтевой орнамент.

Совершенно аналогичная керамика встречается в погребении № 89, где найдено большое количество таких же крупных горшков, доннышки которых украшены сложными розетками, образованными из ногтевого, семячковидного и штрихового орнамента. Вместе с ними найдены три глубокие миски с черной лощеной поверхностью, украшенные одной-двумя линиями, проходящими под венчиком.

Аналогичная керамика обнаружена в погребении № 95, где кроме близких по форме безручного кувшина и горшков встречена крупная маслобойка в форме небольшого караса типа найденных в погребении № 85, с тем отличием, что на одном плечике имеется кольцевой выступ с отверстием, предназначенным для определения степени готовности масла (XCVIII, 2).

Вся эта группа керамики хорошо перекликается с керамикой Лчашена, Артика, Кармир-берда, Гегарота, Элара, Мецамора, Хурджин-Хогера и других памятников Армении эпохи поздней бронзы¹. Хотя сосуды по форме и орнаментальным мотивам ближе к керамике первой фазы, отдельные предметы и часть металлического инвентаря поздние, что дает возможность датировать эти погребения XIII—XII вв. до н. э.

К числу поздних изделий относится великолепный двуручный кувшин с блестящей до зеркального блеска лощеной поверхностью. Доннышко сосуда кольцевидное, а верхняя часть украшена глубокими каннелюрами, придающими сосуду рифленую форму (табл. LXXXVI, 5).

Разнообразен металлический инвентарь рассмотренных погребений. В погребении № 85 найден фрагмент бронзовой гладкой налобной пластины, широко распространенной во второй фазе поздней бронзы. Здесь же встречено несколько более поздних предметов. Так как погребение было разграблено и весь инвентарь разбит и переверошен, положение трупа установить не удалось. Можно лишь предположить, что до разграбления здесь было произведено вторичное захоронение, во время которого вместе с керамикой был положен один змеиноголовый браслет (табл. LXXXVI, 1).

¹ А. А. Мартirosян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, рис. 38, 42, 44; Т. С. Хачатрян. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975, рис. 94—101; Է. Վ. Խանգաղյան, Էլար-Դարանի, Երևան, 1979, № 111—120, Ե. Վ. Խանգաղյան, Կ. 2. Միրոսյան, Ե Ս. Պետրոսյան, Մեծամոր, Երևան, 1979, № 27—28; С. Деведжян. Лори-берд, табл. XIV—XVI; С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении, табл. 91.

Говоря об инвентаре позднебронзовой эпохи, нужно отметить находку в погребении № 88 двух небольших ажурных подвесок в виде итичек с кольцами на спине для подвешивания. Эти фигурки, хотя и встречаются в комплексах XIV—XIII вв., более характерны для памятников второй фазы эпохи бронзы и раннего железа (табл. ХС, 1, 2).

Особенно примечательна находка небольшого бронзового кинжала с широким подтреугольным клинком с проходящим по всей длине средним ребром (табл. ХСІ, 1). Концы плоской рукоятки вильчатой формы плотно охватывают плечики клинка. Как известно, вильчатые рукоятки также встречаются в эпоху бронзы. Их ранние образцы найдены в Лчашене, но наш экземпляр значительно ближе к эчмиадзинскому мечу XIII—XII вв. до н. э.², к тому же его несколько неряшливая форма явно указывает на позднее происхождение. Все сказанное позволяет датировать эти комплексы последней фазой эпохи поздней бронзы—концом XIII—XII вв. до н. э.

Погребения эпохи раннего железа также не относятся к одному периоду. Значительная их часть датируется IX—VIII вв. до н. э., но среди них имеется несколько погребений, относящихся к XI—X вв. до н. э. К их числу принадлежат погребения № 97 и № 99. Инвентарь погребения № 97 состоит из различных кувшинов, горшков и мисок, украшенных ногтевым, линейным, волнистым орнаментом. Внутренняя сторона трех мисок украшена крестообразным орнаментом, нанесенным лощением (табл. ХСІХ, 1—12).

Кроме керамики, носящей архаичные черты, большое значение для датировки имеет алебастровая пряжка, в которую вставлена бронзовая шляпка с отверстием в нижней части и которая напоминает ониксовые пряжки из Толорского могильника, датируемого XI—X вв. до н. э.³ Близко к этому времени по технологии изготовления навершие посоха, округлая рукоять которого, изготовленная из алебастра, надета на четырехгранный бронзовый стержень и оконтурена с обеих сторон бронзовыми вставками. Конец стержня выступает из рукоятки на 10 см для вдевания в деревянный посох (табл. С, 1).

Более четко датируется погребение № 99. Инвентарь его состоит из двух безручных кувшинов, украшенных линейным орнаментом, крупного горшка, украшенного ногтевым орнаментом, кружки, небольшой маслостойки и глубоких мисок. Небольшую группу образуют три сосуда с трапециевидными ручками, украшенные сетчаткой, нанесенной лощением, и небольшой каннелюрированный кувшинчик с двумя отверстиями на расширенном венчике для привязывания крышки (табл. СІ, 13, СІІ, 2, 3). Здесь же найдена небольшая фаянсовая чаша, описанная ниже вместе с фаянсовым сосудом из погребения № 59. Здесь лишь хочется добавить, что находка этой чаши позволяет предположить, что фаянсовые сосуды попали в Армению и Закавказье не в VIII—VII вв. до н. э., а несколько ранее и подтверждают мнение К. Н. Пшхелаури о том, что глазурированная керамика проникает в За-

² С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, с. 81.

³ А. О. Мнацаканян. Находка предметов бронзового века в селении Толоре (в Запегзуре) Армянской ССР. КСИИМК, вып. 54, 1954, рис. 44; А. А. Мартиросяч. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 146.

кавказье к концу II тыс. до н. э., так как в Самтаврском могильнике она встречается в сопровождении бронзовых мечей⁴. Мы не останавливаемся здесь на анализе нескольких обычных украшений—браслетов, серег и бус, а также бронзовой иглы, которые являлись широко распространенными изделиями и не могут играть определенной роли при датировке. В то же время определенное значение имеет другая группа украшений—подвески в виде широких полулунки с колечками в верхней части для подвешивания (табл. CIV, 1, 4, 7), сближающиеся с аналогичными подвесками из Толорса и Вардакара, материалы которых, как уже отмечалось, датируются XI—X вв. до н. э.⁵

Вместе с ними найдены изделия, не встречаемые ранее. К их числу относятся две крупные булавки в виде округлых стержней с листовидными округлыми головками с углублениями в центре. Новостью является прямоугольный клинок с отверстием на языке для закрепления рукояти с выемчатым нижним концом. Без всякого сомнения, этот предмет не мог служить оружием, а был скребком для обработки дерева или кожи (табл. CIII, 1—3).

Инвентарь погребений IX—VIII вв. до н. э. весьма многочислен, и поэтому рассмотрим его не по отдельным комплексам, а по типам.

Безручные кувшины делятся на несколько групп. Здесь можно встретить крупные безручные кувшины со вздутым, почти биконическим туловом и чуть заметной шейкой, переходящей в округлый венчик (погребение № 42), или высоким вытянутым туловом и низкой четко отмеченной шейкой с чуть заметным венчиком.

Гораздо больше безручных кувшинов близкой формы, но меньших размеров с низким вздутым туловом и срезанным венчиком (погр. № 42) или несколько более вытянутой формы (погребения № 43, 46, 47, 48).

К группе безручных кувшинов относятся сосуды с округло вздутым туловом и высокой шейкой с округлым венчиком (погребения № 42, 52, 57, 68, 69, 92, 94, 101, 103, 108). Здесь мы встречаем как небольшие сосуды с гладким, лишенным орнамента или украшенным простым линейным орнаментом туловом, так и более крупные, украшенные волнистыми, косыми линиями и вдавленными горизонтальными поясками. Интересен сосуд из погребения № 58, тулово которого украшено глубокими вдавленными линиями, приближающийся по орнаментации к каннелюрированным сосудам Армении начала I тыс. до н.э. (табл. LXXIV, 1).

Единичным экземпляром представлен сосуд баночной формы с вытянутыми, чуть округлыми стенками и со слегка суживающейся шейкой с заостренным венчиком, найденный в погребении № 42 (табл. LXXVII, 4). В этой группе особенно примечательной находкой является уникальный расписной широкогорлый кувшин из погребения № 84 (цв. табл. V). Его горло и нижняя часть, покрытые красным ангобом,

⁴ К. Н. Пицхелаури. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979, с. 41.

⁵ А. О. Мнацаканян. Указ. соч., рис. 41; Т. С. Хачатрян. Комплекс бронзовых предметов из селения Вардакар (Арктикский район). ИАН АрмССР, 1961, № 3, рис. 6.

имеют блестящую поверхность. На верхней части тулова, покрытой красной ангобом и слабо залощенной красной и черной краской прорисованы вертикальные полосы, заполненные сетчаткой и точечным орнаментом, вписанными друг в друга многогранными углами, косыми линиями и точками, косо расположенными заштрихованными треугольниками и ромбами. На одном плечике красной краской изображены идущие друг за другом три фигуры бессаровых коз с подчеркнутыми фаллосами и длинными стилизованными туловами. Тонкие передние ноги вытянуты, задние слегка подогнуты. Головы небольшие, с подчеркнутыми ушами и изогнутыми назад крупными ветвистыми рогами. Под мордами всех животных висят какие-то предметы, нанесенные черной краской, отдаленно напоминающие ветви деревьев.

Безручные кувшины хорошо известны по материалам памятников Армении начала 1 тыс. до н. э. Они в основном датируются IX—VIII вв. до н. э., хотя некоторые формы продолжали бытовать и в VII—VI вв. до н. э. Безручные кувшины аналогичной формы найдены в доурартском поселении Кармир-блур и Норатуса⁶, Кармир-бсрда, Еревана⁷, Редкин-лагеря, Иджевана⁸ и др.

Небольшую группу образуют одноручные кувшины, найденные в погребениях № 61, 69 и 77. Кувшин из погребения № 69 имеет характерное вздутое тулово, резко суженную шейку и расширяющийся венчик. Круглая в сечении ручка начинается от края венчика и, изгибаясь, отходит к плечу (табл. LXXIX, 1). В погребении № 77 найдены два кувшина с крупным, несколько приземистым туловом, широким низким горлом и крупным округлым венчиком. Петлевидные ручки, начинаясь от края венчика и несколько возвышаясь над ним, опускаются к основанию шейки. По своей форме эти кувшины, несмотря на большие размеры, напоминают скорее широко распространенные в эту эпоху кружки (табл. LXXXIII, 4, 10).

В погребении № 102 обнаружен небольшой черный кувшин с трапециевидной ручкой на одном плечике, тулово которого украшено глубокими горизонтальными прямыми и одной волнистой линиями (табл. CVII, 10). Эти кувшины, появившись еще в эпоху поздней бронзы, получают широкое распространение в эпоху железа. Они встречаются в памятниках Севанского бассейна, Северо-Восточной Армении, Араратской долины и др., пережиточно бытуя и в раннеармянское время.

Одну из больших групп керамики из ошаканских погребений раннежелезной поры образуют черные лощеные миски, найденные в погребениях № 33, 44, 46, 50, 57, 65, 68, 86, 88, 91, 93, 96—98, 99, 100, 101, 104, 105, 107, 108, которые делятся на два основных типа—широкие плоские и глубокие. Борты у них прямые, несколько вогнутые вовнутрь или, наоборот, с широко откинутыми венчиками. Почти все сосуды гладкие, лишь отдельные экземпляры из погребений № 65, 68, 100, и 104 украшены заштрихованными треугольниками, глубоким вер-

⁶ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, рис. 69, 76.

⁷ С. А. Есаян. Ереван (Археологический очерк). Ереван, 1969, табл. 24, 25, 29, 30.

⁸ С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении, табл. 107, 108, 120, 125.

тикальным ногтевым орнаментом и широкими заштрихованными полосами. Две миски из погребений № 68 и № 99 имеют вертикально поставленные ручки со сквозным отверстием, причем последняя снабжена невысоким поддоном. Эти сосуды были широко распространены в рассматриваемое время и не требуют подробного анализа.

Последней сравнительно небольшой группой являются кружки, найденные в погребениях № 65 и № 83. Если кружки из погребения № 98, имеющие форму вышеописанных кувшинов, были широко распространены в рассматриваемое время, то кружка из погребения № 65 с фигурной ручкой и косо поставленными глубокими каннелюрами, придающими ей неповторимый вид, резко отличается от них.

Имеются также единичные экземпляры сосудов, редко встречающихся в Ошаканском могильнике. К числу их относятся небольшая маслосеялка из погребения № 98 с горизонтально поставленной ручкой, шипастым выступом на плечике и отверстием в центре, тулово которой украшено волнистыми и прямыми линиями (табл. СІ, 6), и сосуд баночной формы со стенками в виде цилиндра, внешние стороны которого украшены многорядным елочным орнаментом, найденный в погребении № 102 (табл. СVІІ, 12).

Вся керамика этой группы черная, лощеная или матовая, реже серая, изготовлена на круге и является продуктом массового ремесленного производства, предназначенным для рынка. Сосуды большей частью гладкие, без какой-либо орнаментации. Вместе с тем некоторые экземпляры украшены сетчаткой, широкими полосами, нанесенными лощением, шахматным узором и т. д.—традиционным орнаментом позднебронзовой поры, пережиточно сохранившимся в орнаментальных мотивах раннежелезной поры.

Предметы вооружения из Ошаканского могильника представлены немногочисленной группой кинжалов, копий и пожей, причем последние включены в эту группу условно, так как они скорее являются орудиями, а не предметами вооружения.

Наконечники копий представлены различными типами, не всегда поддающимися классификации. К их числу относится прекрасно сохранившийся бронзовый листовидный наконечник из погребения № 46 с широкой раструбной втулкой, с округлым, четко видимым срединным ребром (табл. LХІХ, 7). Подобные копья, хорошо известные по находкам в памятниках эпохи поздней бронзы, бытовали до VI в. до н. э. Листовидные копья, относящиеся к рассматриваемому времени, найдены в Астхадзоре, Айриванке, Эларе, Акнере, Камо и др., причем, как правило, в одном и том же памятнике встречаются как бронзовые, так и железные образцы⁹. Однако наш экземпляр в отличие от всех известных до настоящего времени копий имеет втулку, которая не является продолжением пера, а имеет свернутые края, в основании прикрывающие перо.

Второе бронзовое копьё происходит из погребения № 94. Оно имеет узкий перьевидный наконечник и такую же узкую втулку с отверстием для закрепления древка (табл. ХСVІ, 1). Подобные копья в Армении появляются еще в эпоху поздней бронзы, о чем свидетельствует находка из Лчашена, но широкое распространение получают в начале

⁹ С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении, с. 20—22.

I тыс. до н. э. (Камо, Ангехакоте, Горисе, Акнере, Леникане, Дилижане, Джархече и др.)¹⁰.

Три других копья, найденных в погребениях № 49, 58 и 68—железные, причем от первых двух сохранилась лишь раструбная втулка, а от третьего—втулка и небольшая часть пера, которая даст возможность лишь предполагать, что эти наконечники аналогичны вышеописанному и входят в группу листовидных копий начала I тыс. до н. э.

Кинжалы также представлены небольшой группой. К их числу относится бронзовая ажурная головка от кинжала севан-карабахского типа из погребения № 102. Подобные кинжалы часто встречаются в памятниках Армении конца II—начала I тыс. до н. э., причем в памятниках IX—VIII вв. до н. э. такие кинжалы уже имеют железный клинок с бронзовыми обоями и навершиями¹¹.

В погребении № 77 найден кинжал с закругленным клинком, имеющим ромбовидное сечение, и с плоским язычком для насадки рукояти (табл. LXXXII, 1).

Наконечники стрел в Ошаканском могильнике встречаются в отдельных комплексах, причем здесь, как повсеместно в памятниках Армении и Закавказья, найдены и каменные, и бронзовые образцы. Каменные наконечники (4 экз.) изготовлены из обсидиана (погребение № 68). Все они миндалевидной формы, хорошо ретушированы и в нижней части имеют полукруглую выемку для закрепления древка (табл. LXXVIII, 4—7). Подобные стрелы, датируемые рассматриваемой эпохой, хорошо известны из Камо, Макарашена, Редкии-лагеря, Леникана и др.¹² Бронзовые стрелы более разнообразны и встречаются сравнительно чаще. Так, стрелы из погребения № 65 имеют круглый наконечник с широко раскинутыми крыльями и круглым ребром, продолжение которого образует четырехгранный черенок. На черенке одной стрелы сохранилась древесная кора, обвивавшая древко и предохранявшая его от расщепления (табл. LXXIV, 1, 2). В Армении и Закавказье подобные стрелы известны из Степанавана, Норатуса, Айриванка, Самтавро, Дманиси, Мингечаура и др. Бронзовый наконечник из погребения № 101 имеет ту же форму, но его крылья очень короткие и образуют еле заметные округлые выступы. Два таких же наконечника обнаружены в погребении № 102. Здесь же найден третий бронзовый наконечник с плоским подтреугольным пером, короткими крыльями и коротким черенком для насадки древка (табл. CVII, 1—3).

Ножи, найденные в рассматриваемых погребениях, представлены четырьмя экземплярами. Два бронзовых ножа с прямым клинком с закругленным сверху острием и коротким язычком для насадки рукояти, найденные в погребениях № 93 и № 101 (табл. XCIV, 1; CVI, 3), напоминают ножи-бритвы, хорошо известные по многим памятникам Армении и Закавказья. Что же касается железных ножей, то один из них (погребение № 69) фрагментирован, а второй, из погребения № 75, повторяет форму бронзовых (табл. LXXVIII, 5; LXXX, 1).

До описания довольно большой группы украшений следует остановиться на небольшой группе бронзовых игл, найденных в погребениях

¹⁰ Там же, с. 16—20.

¹¹ Там же, с. 73—77.

¹² Там же, с. 45—46.

№ 54, 73, 93, 94, 98. Все они изготовлены из заостренных стержней и в верхней части имеют ушко с отверстием для нитки. Иглы из погребений № 54 и № 94 длинные, толстые, а остальные сравнительно короткие. Подобные иглы в Армении хорошо известны из Головинно, Редкин-лагеря, Астхи-блуря, Хртаноца, Лусадзора и многих других памятников рассматриваемого времени¹³ (табл. LXXII, 11, LXXIX, 9, XCVI, 2, CI, 8).

Украшения из Ошаканского могильника представлены изделиями: бляхами, пуговицами, браслетами, кольцами, фибулами и т. д.

Бляхи и пуговицы, являвшиеся частью одежды, одновременно выступали как украшения, а при определенном количестве—и как детали доспехов. В погребении № 45 найдены бляхи и небольшие пуговицы (10 экз.) полукруглой формы, с внутренней стороны снабженные небольшим мостиком для пришивания. Круглая бляха такой же полукруглой формы обнаружена в погребении № 65, но по своей конструкции она резко отличается от всех известных до настоящего времени блях Армении. В ее центре проделано крупное сквозное отверстие, куда заложен штырь с шляпкой, нижний конец которого имеет сквозное прямоугольное отверстие для пришивания (табл. LXXVI, 4). К ней приближаются образцы из погребений № 75, 77 и 81—крупная бляха, украшенная концентрическими кругами с изображением креста на лицевой поверхности, и три более мелкие пуговицы с гладкой поверхностью.

Все эти изделия хорошо известны из памятников Армении эпохи поздней бронзы—Лчашена, Артика, Лори-берда, Хурджин-Хогера, Дилижана и др. и бытуют также в эпоху железа.

Браслеты делятся на несколько типов.

К первому типу относятся два замечательных цельнолитых браслета из погребения № 46 с широко расходящимися концами, которые украшены змеиными головками с четко отмеченными глазами и полуоткрытыми ртами (табл. LXIX, 1, 2). Такой же змеиноголовый браслет происходит из погребения № 91. Остальные браслеты проще. В погребениях № 94 и № 101 найдены браслеты со сходящимися концами, № 77 и № 98—с заходящими друг на друга концами, а в № 98—кольцевой. Все они кроме змеиноголовых, которые встречаются сравнительно редко, являются довольно распространенным погребальным инвентарем и встречаются повсеместно в погребальном инвентаре эпохи железа. Змеиноголовые браслеты хорошо известны из Муханнат-тапа, Армавира, Астхадзора, Атарбекяна, бжни, Вардениса, Одзуна, Кобера и многих других синхронных и более поздних урартских памятников¹⁴ (табл. XCIII, 3, LXXXI, 3, 4, CI, 1, 4, CV, 2).

Дугообразные фибулы с украшенными рельефными выступами краями найдены в погребениях № 46 (2 экз.) и 91; одна гладкая фибула найдена в погребении № 101.

Подобные фибулы, являющиеся редкостью в эпоху раннего железа, были широко распространены в VII—VI вв. до н. э. и встречаются в

¹³ С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении, с. 210.

¹⁴ Ս. Ա. Եսայան, Հայաստանի պեղուման հանդարանի րրոնդե ապարանքաները, ՀՍՍՀ ԳԱ Տեղեկագիր (Հաս. պատ.). 1964, № 2, էջ 89:

Дилижане, Акнере, Хртанопе, Мусиери, Кармир-блуре, Лори-берде, Севанском бассейне и т. д.¹⁵

Остальные украшения—стержневые булавки, прямоугольные подвески, тонкие проволочные браслеты, колосовидные медальоны с различными сердоликовыми, агатовыми и пастовыми бусами, были повсеместно распространены и в большом количестве встречаются в погребальных комплексах рассматриваемого времени.

В заключение необходимо остановиться на находках деревянных изделий, в частности, на замечательном кресле из погребения № 78 (табл. СХХ, 2). Это кресло имеет четыре круглые ножки с сечением 3,5 см, которые в нижней части несколько расширены для устойчивости и доходят до 6,5—7 см. В верхней части ножки принимают квадратную форму (размеры 6×6 см), а затем, суживаясь, изогнуто поднимаются, образуя подлокотники. В каждой ножке проделано четыре сквозных отверстия размерами с внутренней стороны 3×3 см, а с внешней 2×2 см, куда были заложены по две поперечные и продольные квадратные в сечении планки размерами 4×4,5, образующие остов кресла. Длина поперечных планок 55 см, а продольных 77 см. Таким образом, сидение кресла занимало около 0,25 м². С внутренней стороны в поперечных планках проделано по шесть соединяющихся друг с другом горизонтальных и вертикальных отверстий длиной 3,5 см и шириной 1 см. Такие же отверстия имеются на продольных планках, но число их здесь доходит до восьми с каждой стороны. Через эти отверстия проходили переплетающиеся ремни основы сидения, остатки которых сохранились в углублениях планок.

Наличие кожаной основы свидетельствует как о мягкости и упругости сидения, так и о том, что на нем мог поместиться лишь один человек, так как, несмотря на внушительные размеры кресла, двойм невозможно было устроиться на стягивающемся к центру ремненным переплетении. На внутренней стороне подлокотников также сохранились крупные пазы длиной 9,5—10,5 см и шириной 1—1,2 см, в которые вкладывались соединяющие их планки. Такая конструкция говорит о том, что в кресле можно было сидеть, опустив ноги, а при желании полуджечь на нем, опираясь на подлокотники, которые, без сомнения, покрывались мягкой основой.

Обнаружение этого кресла представляет большой интерес. До настоящего времени мы не располагали предметами домашней обстановки, если не считать части табуреток из Кармир-блур и два трона из Вана. Правда, в последние годы в Западной Армении найдено много урартских votивных пластинок с изображениями различных тронов, в частности, тронов, принадлежавших богам Ванского царства, на которых художники-граверы изображали подлинные царские троны, в значительной мере обогатившие наши представления об урартской мебели, но наше кресло является поистине уникальной подлинной находкой.

¹⁵ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 274; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян. Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея, Ереван, 1969, табл. XXXIX, XLV; С. А. Деведжян. Лори-берд, с. 63; Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур II, рис. 18; J. de Morgan. Указ. соч., с. 117 в. Արարայն, նշվ. աշխ., նկ. 153—155;

Сказанное, конечно, не говорит о том, что при раскопках вообще не встречено аналогичных деревянных изделий. В Лчашенских погребениях найдены десятки погребальных лож почти такой же конструкции. Это небольшие прямоугольные топчаны на таких же круглых ножках, с рамами, имеющими ременное переплетение, длина которых достигала 1,2—1,5 м, ширина—0,6—0,8 м¹⁶. Близкие лежа найдены при раскопках в Цамакаберде и Арктикском могильнике. Т. С. Хачатрян, проводивший раскопки Арктикского могильника, в первом издании книги, посвященной культуре древнего Артика, считает, что это погребальные лежа, на которые клали покойников¹⁷, а во втором утверждает, что этими деревянными конструкциями перекрывали погребенных¹⁸. Однако, как показывают раскопки Лчашена, где на некоторых ложах были найдены черепа, а под ложами—костики, провалившиеся после того, как ременное перекрытие истлело, эти изделия служили погребальными ложами, а не конструктивными перекрытиями. Это подтверждает конструкция аналогичного лежа из Редкин-лагеря, изготовленного, по описанию Ф. Байерна, из сосновых досок, на котором лежала «богатая дама» с многочисленными украшениями. Это ложе с квадратными ножками высотой около 20 см действительно не могло прикрывать погребенных, а его размеры—длина 1,23, ширина около 60 см¹⁹—четко показывают, что на нем спокойно мог поместиться покойник, уложенный в скорченном положении.

Ошаканское кресло, несомненно, также было использовано как погребальное ложе, поскольку трудно представить, чтобы кресло-трон служило перекрытием.

Хотя находка этого ложа в Ошакане уникальна, в ряде погребений (№ 65, 75, 77, 88 и др.)²⁰ также были найдены остатки боковых планок из тополя и клена с выемками для ременного переплетения, которые не только свидетельствуют о том, что в погребальных обрядах в Ошаканском могильнике широко применялись погребальные лежа, но и о том, что этот обряд, получивший распространение еще с эпохи поздней бронзы, продолжал бытовать в эпоху железного века.

В погребении № 78 кроме кресла и множества бесформенных остатков дерева найдены две деревянные миски (табл. СХVIII). Широкая миска (диаметр 28 см, высота 7 см) с чуть заметным округлым, двусторонне выступающим венчиком и широким дном имеет овально выступающий поддон размерами 11×13 см. На одном плечике сделана прямоугольная выемка размерами 3×2×0,3 см для закладывания ручки; ручка не сохранилась. На противоположной стороне поддона к венчику тянется неширокий рельсфный выступ. Миска резной ручной работы, дополнительно отшлифованная с наружной и внутрен-

¹⁶ А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, № 2, с. 147.

¹⁷ Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, с. 23.

¹⁸ Т. С. Хачатрян. Культура древнего Ширака. Ереван, 1975, с. 139.

¹⁹ F. Bayerns. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien, Berlin, 1885, с. 13, рис. 7.

²⁰ Определение В. А. Паланджяна. Определение других деталей и предметов приводится в статье в конце книги.

всей сторон. От второй миски, также ручной работы, сохранились лишь нижняя часть тулова и поддон высотой 3 см.

Как уже указывалось, в Ошаканском могильнике кроме погребений эпохи поздней бронзы и раннего железа были раскопаны также погребения эпохи широкого освоения железа. К их числу относятся три погребения—№ 47, 61, 87. Вместе с тем необходимо указать, что хотя инвентарь погребения № 46 рассмотрен с материалами погребений IX—VIII вв. до н. э., он, как нам кажется, относится к несколько более позднему времени, в частности, замечательный красноангобрированный кувшин (табл. LXX, 5) может датироваться VIII—VII вв. до н. э.

Инвентарь погребения № 47 состоит из безручного кувшина бурого цвета, тулово и шейка которого украшены сетчаткой, вертикальными линиями, нанесенными лощением и напоминающими змей, и вдавленными горизонтальными линиями (табл. LXX, 7). Здесь же найден небольшой кувшинчик черного цвета с вертикально поставленными ручками со сквозным отверстием и с крышкой, увенчанной плоской ручкой со сквозным отверстием в центре. Тулово кувшина украшено прямыми вертикальными полосами (табл. LXX, 9).

Оба сосуда своими формами тяготеют к ранним образцам, но металлический инвентарь более поздний. Здесь мы не останавливаемся на бронзовой стреле с короткими крыльями и четырехгранным черенком типа вышеописанных и на крупных прекрасно отшлифованных сердоликовых бусах, которые известны по многим памятникам первой половины I тыс. до н. э. (табл. LXX, 1, 4). Для датировки погребения большое значение имеет крупный кольцевой четковидный браслет (табл. LXXI, 3), хорошо известный по находкам из Игдыра и Хртноца, и прекрасная булава, увенчанная головками трех баранов, аналоги ее известны из Кармир-блур²¹ (табл. LXXI, 2).

Инвентарь погребения № 61 также имеет позднюю датировку. Керамические изделия представлены двумя сосудами—приземистым горшочком и небольшим черным одноручным кувшином, с округлым туловом, высокой, слегка суженной шейкой и округлым венчиком. На одном плечике вертикально поставлена плоская ручка со сквозным отверстием, напоминающая по форме ручки кувшина из погребения № 47.

Металлический инвентарь состоит из трех змеиноголовых браслетов, хорошо известных по находкам в урартских памятниках, и четвертого проволочного браслета, поверхность которого, как и одного из змеиноголовых, украшена глубокими пазами. Найдены также небольшая проволочная гривна и много настовых бус, среди которых имеется несколько бусин типа «домино», хотя изредка, но встречающихся в памятниках эпохи раннего железа и получивших широкое распространение в VII—VI вв. до н. э. (табл. LXXV).

Инвентарь погребения № 87 состоит из разбитого двуручного кувшина, украшенного горизонтальными линиями, и двух тонких проволочных браслетов, концы которых украшены стилизованными змеиными головками. Особенно примечательна находка фрагментированной серь-

²¹ А. А. Миртиросян. Раскопки в Головинно. Ереван, 1954, с. 23; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III. Ереван, 1955, с. 18, рис. 12.

ги с утолщением в центре, аналогичной золотым серьгам из Кармир-блур²² (табл. LXXXVIII, 4, 5, 7).

Таким образом, раскопки Ошаканского могильника дали прекрасный материал, относящийся к эпохе поздней бронзы—эпохе широкого освоения железа. Здесь кроме предметов материальной культуры раскопаны замечательные сооружения—склепы племенных вождей, покрытые двух-трехступенчатым ложным сводом. Все они были разграблены в древности, однако по их конструкции и даже по отдельным находкам можно судить об их богатстве, о полной варварского великолепия культуре племен, населявших территорию современного Ошакана. В то же время они свидетельствуют о глубоком социальном неравенстве. О богатстве погребального инвентаря свидетельствуют, в частности, и остатки золотых украшений, которые из-за малочисленности не анализируются, а лишь приводятся в цветных таблицах. Вместе с тем отдельные находки—змеиноголовые и четковидные браслеты, серьги, булавки и др.—указывают на тесные связи с культурой Ванского царства не только во время функционирования дворцовых комплексов, но и в раннеурартскую эпоху—IX—VIII вв. до н. э. Ярким свидетельством этого является вышеописанный расписной сосуд из погребения № 84. Хотя изображения коз относятся к числу редких и не характерны для урартского искусства, фон сосуда (красный и кремевый) полностью совпадает с фоном урартского расписного кувшина из погребения № 59, сосуда типа аск и глиняных сапожков из Кармир-блур.

Малочисленность погребений эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа и обилие погребений эпохи раннего железа объясняются не интенсивностью бытования могильника в указанную эпоху, а лишь тем, что раскопана незначительная часть могильника, где насчитывается около одной тысячи различных погребений, дальнейшее изучение которых даст, без сомнения, много новых и интересных находок.

²² Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III. рис. 14.

Приложение

А. Г. КАНЕЦЯН

АРХИТЕКТУРА УРАРТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ОШАКАНА

Новую страницу в историю урартской архитектуры вписывают памятники древнего Ошакана. Систематические раскопки Ошакана выявили уникальные по своему строительному искусству и архитектурно-объемному решению крепостные и дворцовые сооружения.

Хотя степень сохранности и недостаточная изученность урартских памятников Ошакана не дают возможности полностью выявить и изучить как конструкции, так и архитектурно-планировочное решение, примененные в древности урартскими зодчими, строительные остатки позволяют нам составить определенное мнение об урартских памятниках Ошакана.

Расположение крепости выявляет фортификационные принципы, которыми руководствовались строители при выборе места. Она была построена на возвышенности по единому плану и повторяла формы рельефа, в результате чего ее стороны не равны между собой (длина—43, 70 и 42, 25 м, ширина—38 и 37, 20 м); в плане крепость приближается к квадрату (табл. СХ).

Все пространство крепости было разделено на две части мощной поперечной стеной шириной 2,30 м. Северо-западная часть (длина—33 и 37,90 м, ширина—16,70 и 17,20 м), не имевшая делений, представляет собой чуть покатый склон, покрытый после разрушения крепости твердым слоем выветренного вулканического шлака, на котором не сохранилось следов каких-либо сооружений.

Северо-западный угол западной стены между первым и третьим контрфорсами сильно поврежден средневековыми застройками, из которых до нас дошла лишь хозяйственная яма. Видимо, здесь находился урартский вход в крепость. О наличии урартского входа свидетельствует и изрезанный в плане контрфорс, создающий светотеневую игру благодаря разнице в размерах уступов (0,50 и 1,00 м) и придающий входу монументальность и торжественность. Башня-уступ такого типа по всему периметру оборонительной стены больше не встречается; судя по заниженности рельефа в западном углу этот уступ явно был сделан с целью укрепления конструкции. На наиболее покатом участке местности поставлены башни с уступами, образовавшие

площадку для обороны входа. Интересно, что вход находился не на оси, а сдвинут ко второму контрфорсу, что увеличивало площадь обстреливаемого пространства: такое построение четко наблюдается в Аргиштихинили, Тейшебани и других урартских крепостях. Проем предполагаемого входа 2,30 м, что соответствует толщине оборонительной стены.

Из фундамента продольных стен сохранилось всего два камня, поэтому невозможно определить место и размеры дверного проема на восточную половину крепости.

В юго-западном углу на глубине 2—3 м от дневной поверхности раскрыто помещение, представляющее в плане прямоугольный треугольник, катеты которого, равные 10, 60 и 7,80 м, составлены внутренней стороной внешней стены, а гипотенуза выбита в грунте. Очевидно, оно служило складским помещением. Выше, в юго-восточном углу, сохранилась круглая яма диаметром 1,70 м, вырытая также в лавовом грунте и обмазанная глиной, служившая, видимо, бассейном для воды. В дальнейшем, в средневековье, на оборонительной стене урартской крепости были сооружены помещения, примкнувшие к бассейну. Это свидетельствует о том, что в средневековье в этой части урартская оборонительная стена уже не существовала.

Вторая половина крепости была расчленена на три части стенами, толщиной 2,30 м, перпендикулярными к внутренней продольной стене. Средний участок, шириной 14,40 и 15,10 м и длиной 22,20 и 22,40 м, не был выровнен. Как видно, это был двор. Здесь имеется скольный выступ с вырубленной площадкой, в юго-восточной части которой, прослеживаются следы раннесредневековой часовни. В соответствии с положением площадки часовня несколько смещена к югу. Стены часовни, имеющей не совсем четкую форму (длина 6,60, ширина 2,80 м), сложены из мелких туфовых блоков бутовой кладкой. Толщина стен 1,00 м, у абсиды она доходит до 1,40 м.

Судя по местоположению часовни здесь первоначально возвышалось урартское культовое святилище. В пользу этого свидетельствуют также зола и кости крупного рогатого скота, найденные в двух комнатах помещения II.

По всей вероятности, эти комнаты, расположенные в западной части двора, где рельеф занижен, входили в древний храмовый комплекс и являлись его подсобными помещениями. Комнаты смежны между собой, небольших размеров—2,30×5,10 и 4,80×2,00 м, ширина дверного проема между ними 1,10 м.

Комнаты, находящиеся в углу, образуются поперечными и перпендикулярными стенами и примыкают к помещению I северной части крепости и к пространству, о котором говорилось выше. Толщина двух других стен 2,00 и 1,80 м. В северо-восточной части двора находится обширное помещение, площадью 260 кв. м (ширина 11,20, длина 22,30 и 23,10 м), также не имевшее членений и, видимо, являвшееся залом. Оно образовано внешними оборонительными стенами и стеной, перпендикулярной к поперечным основным стенам, от которых остался лишь фундамент. Кладка северной оборонительной стены местами сохранилась в 2—3 ряда. Пол помещения образован из нивелированного вулканического шлака.

Третий отсек восточной части крепости образован внешней обо-

роительной стеной и стеной толщиной 2,25, длиной 24,20 м, возведенной непосредственно на скальном выступе.

Для закладки балок перекрытия стена на скальном выступе резко суживается, до 1,50 м, что указывает на наличие в прошлом второго этажа. О том же свидетельствуют капитальные стены толщиной 2,10 и 2,00 м, служившие несущими конструкциями и не имевшие дверей, которые делили первый, или подвальный, этаж на три помещения. Первое из них—помещение III, размерами 7,20×2,50 м—образовано восточной и южной внешними оборонительными стенами и стеной толщиной 2,00 м, сохранившейся на высоту более 1,00 м и не имевшей проемов, что свидетельствует об отсутствии коммуникации с двумя другими комнатами. Это обстоятельство дает возможность предполагать, что в них можно было попасть через люк сверху при помощи деревянной лестницы. Люки служили также для освещения. В северной части помещения имеется яма круглой формы (диаметр в нижней части 1,30 м), относящаяся к средневековому периоду.

Пол IV помещения не нивелирован, в нем имеется много неровностей. Размеры помещения довольно велики—ширина 7,20 и 7,40, длина—13,60 м. IV помещение урартского слоя, как и III не имеет дверных проемов; видимо, входом в него также служил верхний люк. Поскольку пол не был выровнен, можно считать, что это подсобно-хозяйственное помещение.

В средневековье здесь были поставлены две стены толщиной 1,50 м, отличающиеся строительной техникой; таким образом, появилось три подсобных помещения (IV—VI).

Перекрыть большое пространство IV помещения поперечно уложенными балками, как в других случаях, конструктивно было невозможно. Можно предположить, что здесь были установлены 2—3 колонны, несущие тяжесть междуэтажного перекрытия, или же, скорее, что, в средней части, где скальный выход довольно высок, был установлен с той же целью большой центральный пилон, аналогично Кармир-блuru и Аргиштихинили (табл. СХI).

Последнее, крайнее западное урартское помещение VII имеет, как и восточное (III), удлиненную форму (длина 7,20, ширина 4,20 м), пол нивелирован. Как и два предыдущих, оно образовано с одной стороны оборонительной стеной, а с другой—продольной и поперечной стенами. Помещение было перекрыто поперечно уложенными балками. В нем также прослеживаются средневековые перестройки, а входом, как и в предыдущих случаях, в древности служил люк сверху. Средневековые перестройки в этой части крепости говорят о том, что жизнь здесь в этот период была довольно оживленной.

В урартский период крепость имела мощные наружные оборонительные стены толщиной 2,50—2,65 м, выложенные из крупных, хорошо отесанных блоков черного и красного туфа на глиняном растворе, которые одновременно служили, как говорилось выше, стенами внутренних помещений. С наружной стороны они дополнительно были укреплены контрфорсами, выступающими на 1,00, 1,10, 1,50 м.

Техникой кладки стены Ошаканской крепости напоминают «мидис» с очень большим запасом прочности, характерный для известных урартских крепостей.

Размеры камней и способ их обработки в разных участках крепости

постной стены различны. Камень обработан гладкой теской из крупных блоков размерами 1,00—1,20 или 0,50—0,80 м*, а в юго-западной части крепостной стены—такой же чистотесаной каймой, с шубой, при этом величина камней уменьшается. На некоторых камнях посередине рустовки имеются круглые выступы, часто встречающиеся на камнях внутренней стены двора Тейшебаини. Наиболее ранние образцы рустовки в Армении отмечены на сооружениях второго периода урартского государства в Топрак-Кале и Аргиштихинили-Армавире¹. М. В. Никольский, изучавший в прошлом веке камни из армавирской крепости, писал, что рустовка характерна для армавирских камней, на которых высечены надписи². Этим самым он отверг положение о поздней датировке стен крепости Аргиштихинили-Армавира.

Уровень обработки камня довольно высокий, заметны следы применения долота и бучарки.

Северная стена крепости снабжена тремя контрфорсами одинаковой величины (3,50 м), расположенными на расстоянии 7,70 м друг от друга, и небольшой башней, сооруженной в северо-западном углу крепости.

Западная стена также укреплена аналогичными контрфорсами различных размеров (от 3,00 до 4,80 м) и небольшой угловой башней-крепидой, заходящей за южную стену. Естественные подступы, как было отмечено выше, бесспорно, говорят о том, что именно здесь, между вторым и третьим контрфорсами западной стены, находился вход в крепость (табл. СХIV).

Южная стена крепости укреплена одним контрфорсом размерами 4,30 и 1,52 м и выступом помещения III. Она наиболее уязвима, так как перед ней имеется большая открытая площадка, куда можно подняться по кручам восточного и южного склонов холма. Видимо, это пространство в урартский период входило в комплекс оборонительных сооружений крепости, чем и можно объяснить наличие в восточной стене, имеющей всего 1,50 м длины и являющейся второй внутренней оборонительной стеной, лишь одного контрфорса. Интересен тот факт, что именно эта часть стены по толщине, составляющей 2,20 м, не совпадает с остальными оборонительными стенами.

В южной части восточного отсека, где, как говорилось выше, глубина раскопа местами доходила до 3,00 м, дверных проемов не было обнаружено. С одной стороны перегородочные стены примыкали к оборонительной стене, а с другой—на высоте 3,00 м упирались в скальный выступ.

Результаты раскопок, заниженности рельефа, конструктивные особенности отсека подтверждают мнение о том, что в этой части крепость была двухэтажной.

Помещения III и VII перекрывались поперечно уложенными балками, образующими основу пола второго этажа, в котором были со-

* Теска камней Ошаканской крепости поразительно напоминает теску камней внутренних стен недавно обнаруженного в Ереване урартского колумбария.

¹ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, с. 211; Б. II. Аракелян. О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира. ИФЖ, № 4, с. 103, рис. 4.

² М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья. Материалы по археологии Закавказья, вып. V, М., с. 57. 1896.

оружены люки-лазы в подвальные помещения. Перекрытие свободного пространства между помещениями III и VII, в древности образующего помещение IV, как указывалось выше, опиралось на колонны. На нем возвышался зал с аналогичной площадью. Членение зала, полом которого служило перекрытие, на небольшие помещения, маловероятно, так как несущие колонны первого этажа не выдержали бы тяжести каменных перегородочных стен. Перекрытие второго этажа центрального зала, как и других помещений, было плоским, так как сооружение ложного свода мешало бы защитникам крепости свободно передвигаться по кровле.

Второй этаж, видимо, освещался через окна, расположенные под крышей внутреннего фасада. Наличие второго этажа дает возможность предполагать, что наружные оборонительные стены южной части крепости, а следовательно, и других частей, возвышались на 8—9 м до крыши второго этажа и, без сомнения, поднимались еще на 1,00—1,50 м, образуя общую высоту 9—10 м.

Помещение I шириной 11,20 м, вероятно, было перекрыто поперечными балками, и для поддержания балочных перекрытий необходимы были четыре стойки-колонны, разумеется, деревянные, в ширину и десять в длину. Перекрытие было плоским, что давало возможность свободно передвигаться по всему периметру оборонительной стены. Это огромное помещение освещалось через боковые проемы, также выходившие на двор.

Большое западное пространство, очевидно, было перекрыто частично. Перистильный двор, характерный для урартского периода, как видно, был образован открытой средней частью пространства и колоннадой, установленной по периметру оборонительной стены и несущий перекрытие. Такой двор мы встречаем в Арин-берде. К сожалению, это пространство было начисто вывстрено, а как сами колонны, так и их базы уничтожены. Большую роль в этом сыграла и средневековая перестройка.

Жилой площадью крепости фактически являлся второй этаж южного крыла восточного отсека, состоявший из нескольких комнат общей площадью 125 кв. м, где могли разместиться в лучшем случае несколько десятков воинов и жрецов, обслуживавших древнее святилище. В этих условиях непонятно функциональное назначение крупного зала и западного полукрытого пространства, составлявших более 25% всей площади крепости. По-видимому, они использовались не гарнизоном, а служили лишь убежищем, где в момент опасности находили приют жители дворцовых комплексов, которые вместе с воинами гарнизона могли выдержать штурм и даже кратковременную осаду, дожидаясь помощи от урартских крепостей Араратской долины.

Наружные архитектурные формы крепости, судя по имеющимся материалам, решены лаконично, в соответствии с прямоугольным планом сооружения.

Учитывая небольшие размеры крепости и отсутствие больших складских и жилых помещений, можно предположить, что Ошаканская крепость в военное время могла служить лишь сторожевым пунктом, в мирное же время, видимо, была летней резиденцией урартских правителей Араратской долины.

Дворцовые сооружения Ошакана расположены на северных скло-

нах холма Днди-конд. Строительство городов и поселений у подножья холма, на котором высилась крепость-цитадель, занимавшая доминирующее положение, было типичным для Урарту. Так построены столица государства Тушпа, города и поселения урартов. Этот строительный принцип, широко распространенный в странах Древнего Востока, был представлен в Армении еще в доурартскую эпоху циклопическими сооружениями.

Все пространство северного склона, судя по сохранившимся из поверхности следам, состояло из четырех комплексов, занимавших по осевой ориентации различное положение (табл. СХV).

Первый и второй комплексы расположены по оси север—юг, третий и четвертый—западнее, перпендикулярно им, на расстоянии 150—200 м. Как они были связаны между собой, нам пока неизвестно. Раскопки дали возможность установить, что первый и второй комплексы соединялись посредством удлиненного двора длиной 26,70 м шириной от 4,40 до 6,20 м. В западной части двор был выше; здесь, очевидно, имелось перекрытие, что было характерно для урартских крепостей. Площадь всего двора 174 кв. м, он имел два входа—с востока и с запада. Первый вход шириной 1,65 м сооружен в восточной части внешней оборонительной стены (табл. СХIII). По обе его стороны стояли небольшие декоративные башенки, традиционные для урартской и древневосточной архитектуры и придающие центральному входу монументальный вид. Второй вход, расположенный в северной части западной стены второго комплекса, был соединен с двором небольшим коридором. Однако вскоре он был заложен, и образовавшаяся ниша, где были установлены фаллосы и идолы, получила культовое назначение. Кроме основных центральных входов были раскрыты и второстепенные.

Нами были раскрыты первый комплекс полностью и значительная часть второго. Если первый комплекс, судя по четкой прямой планировке, был сооружен по единому заранее обдуманному плану и не подвергался в дальнейшем реконструкции, то на втором комплексе прослеживаются следы перестроек: не все комнаты имеют четкие формы. Из-за неровности рельефа склон нивелирован стенами толщиной от 1,40 до 1,60 м, идущими с запада на восток, в результате чего были образованы три горизонтальные террасы. Ступенчато расположенные стены несли конструктивную тяжесть и одновременно служили крепидой строительных площадок. Такое построение крепостных объектов было отмечено И. А. Орбели еще в 1916 г. в Ване и Хайкаберде, а затем К. Л. Оганесяном в Тейшебани и А. А. Мартиросяном в Аргнштихинили-Армавире³.

Как говорилось выше, дворцовые комплексы были сооружены на склоне холма, где, естественно, не могло быть одинаковых ровных площадок для полов.

В первом комплексе, где склон сравнительно ровный, полы устраивались посредством нивелировки туфовых пород; лишь отдельные неглубокие выемки были заполнены утрамбованной землей.

³ Н. Я. Марр, И. А. Орбели. Доклады. Издание Русского археологического общества. Пг., 1922, с. 10; К. Л. Оганесян. Кармир-блур IV (Архитектура Тейшебани). Ереван, 1955, с. 9; А. А. Мартиросян. Аргнштихинили, с. 77.

Гораздо сложнее устройство полов во втором комплексе. Здесь имеются перепады рельефа, как между отдельными комнатами (между полами помещений XXX и XXII—75 см, между полами помещений XXX и XXXI—60 см), так и в самих помещениях (в помещениях XXXIV и XXXII перепад между восточной и западной стороной составляет 50 см, в XXXIII помещении—80 см, а в помещении XXXVI—70 см).

Здесь обнаружены полы трех видов. В большинстве помещений пол был из утрамбованной земли; местами наблюдаются следы глиняной обмазки толщиной 5 см (помещения XXXII, XXXIV, XXXVI). В помещениях XXVIII, XXVI пол вымощен каменными плитами неправильной формы, пространство между которыми было заполнено утрамбованной землей. В остальных помещениях комплекса полы образованы из утрамбованного щебня и земли.

Строительная техника кладки стеч дворцовых комплексов существенно отличается от крепостных. Стены дворцовых комплексов были выложены панцирной кладкой из бутовых камней туфа и речного глышца небольшой величины с заполнителем на глиняном растворе. Чистотесаный камень в дворцовых комплексах использовался максимально экономно в тех местах, где стены образовывали угол, и при устройстве дверных проемов, т. е. там, где стена подвержена более быстрой порче.

Стены дворцовых комплексов уже стен крепости. Толщина внешней стены—1,50, промежуточных—1,10—1,40 м.

Стены первого комплекса, имеющего четкую планировку, сложены из крупных груботесаных блоков туфа прямоугольной или квадратной формы на глиняном растворе. Стены помещений XVII, XXVI и XXVIII второго комплекса сложены из небольших туфовых камней грубого откола и речных глышней и обмазаны тонким слоем глины, как в Аргиштихинили.

Толщина фундамента и цокольной части стен обоих комплексов 0,60—1,00 м, максимальная высота—2,50 м. В настоящее время трудно сказать, возвышались ли каменные стены до кровли или переходили в кладку из сырцового кирпича, следы которого встречаются только в помещении XVII. Однако, поскольку 10—15% извлекаемого грунта состоит из камней кладки стен, бесспорно, что она была значительно выше сохранившегося уровня.

Своеобразно решены дверные проемы. В первом комплексе по обе стороны проема во всю глубину были уложены два крупных камня, а порог был выложен чистотесаными туфовыми плитами. Проемы дверей второго комплекса были сооружены из сравнительно мелких камней, а пороги в основном были выложены мелкими камнями, обмазанными глиной, и лишь изредка—туфовыми плитами. В первом комплексе на пороге были установлены 1—2 ступеньки из чистотесаных блоков, а во втором, несмотря на большой перепад полов,—груботесаные камни.

При раскопках обоих комплексов обнаружено большое число подпятников, из которых лишь один находился у дверного проема (помещение VIII). Это крупный туфовый камень размерами 30×32×22 см с выемкой в центре (диаметр—6, глубина—5 см), на которой наблюдаются следы вращения дверной оси. Находки подпятников свидетель-

ствуют, что двери ошаканских дворцовых комплексов укреплялись на подвижной заостренной оси. В Аргиштихинили также встречались остатки деревянных дверей⁴, диаметр осей которых соответствует диаметру выемки ошаканского подпятника.

В четырех помещениях (IV, XII, XXV, XXVIII) вдоль стен устроены скамьи-приступки, сложенные из туфсовых или базальтовых камней, обмазанных глиной. Подобные скамьи-приступки встречаются в доурартском поселении Кармир-блур⁵, Аргиштихинили⁶ и крепости Пилор-Пат⁷.

Кровли ошаканских сооружений были деревянными, крытыми тростником с глиняной обмазкой. Об этом свидетельствуют следы древесного угля с тростниковой золой, наблюдаемые во многих помещениях.

Помещения с небольшим пролетом в основном имели плоскую кровлю, а колонные залы XXV, XXVII и помещения III, XII, XXI и XXVIII, имеющие большие пролеты, несли кровлю с ложным сводом типа армянского азарашена. Перекрытия с ложным сводом были снабжены фонарем размером 1—1,50 кв. м, а остальные помещения, вероятно, освещались через боковые верхние окна, расположенные над ярусами крыш или в стенах фасадов, как в Тейшебаини. Лишь небольшие помещения V, IX, XXXIV, XXXVI, расположенные в центре комплексов, освещались через двери, ведущие в другие помещения, или светильниками.

Первый комплекс, почти квадратной конфигурации (длина сторон 26, 26,70, 26,80 и 27,50 м), находился в самой нижней части склона холма. Это пространство ограждено внешней стеной и двумя незначительными уступами (глубиной 30 см и 1,00 м) в северной части. Восточная внешняя стена тоже имеет два уступа—1,70 и 3,00 м, на западной и южной стенах уступов нет. Южная стена толщиной 1,60 м, выходящая во двор, является несущей. Толщина других внешних стен 1,50 м, кроме части северо-западной стены, имеющей толщину 1,80.

Планировка этого комплекса очень четкая. Комнаты, кроме III и XII, небольшие.

Весь комплекс был разделен на три неравные части с отдельными входами, и это дает основание предположить, что в древности они друг с другом не сообщались. Каждая часть делилась в свою очередь на более мелкие помещения.

Первая часть состояла из комнат IX а, IX б, XI, XII, XIII, XIX, расположенных по оси восток—запад, с выходом во двор-коридор (ширина дверного проема—1,60 м). Длина самой большой комнаты (XII)—10,60 м, ширина 7,60 м. Здесь была обнаружена скамья-приступка. Судя по размерам комнаты она была перекрыта ложным сводом

⁴ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 94. 163; Интересно отметить, что наиболее ранние формы подобных подпятников, встречающиеся нами в Шепавите, в Армении появляются еще в эпоху ранней бронзы.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I. Ереван, 1950, с. 37; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, с. 207.

⁶ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 109, 143.

⁷ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1961, с. 10; С. А. Есян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976, с. 33.

(азарашеном). К сожалению, баз колонн не обнаружено, так как в дальнейшем комната стала частью античного некрополя. Размеры остальных комнат позволяли им иметь плоскую кровлю.

Вторая часть комплекса состояла из пяти комнат и удлиненного коридора. Попастъ в нее можно было через дверь в восточной стене. Дверной проем, шириной 1,00 м, открывался непосредственно в III комнату, площадью 82,19 кв. м. Видимо, здесь также был установлен ложный свод, поскольку ширина комнаты не давала возможности перекрыть ее плоским перекрытием. Остальные четыре комнаты небольших размеров. И наконец, третью часть первого комплекса составляли, видимо, комнаты, I, IV, VII, в которых не было раскрыто дверных проемов; так как северо-западный угол очень разрушен, то мы можем предположить, что входная дверь находилась именно здесь.

Второй комплекс, соединенный при помощи двора-коридора с первым, состоит из многочисленных комнат, сообщавшихся между собой, кроме комнаты XXII. Восточная часть комплекса пока не раскопана; возможно, дальнейшие раскопки позволят нам представить планировку урартских зодчих в целом.

Если в южной стене двора, стене первого комплекса, очень ровной имелся один дверной проем, то в противоположной стене, т. е. стене второго комплекса, сильно изрезанной, было четыре дверных проема.

Интересно, что, несмотря на различие строительной техники, все помещения имеют четкую планировку с учетом прямых углов, кроме помещений XXV, XXVI, XXVIII, XXIX, которые обращены ко двору, и комнат XXX, XXXI. Все эти комнаты построены очень неряшливо и имеют неправильную форму. Это обстоятельство дает возможность предположить, что именно эти комнаты являются результатом дальнейших реконструкций.

Судя по архитектуре и строительной технике, а также археологическому материалу дворцовые комплексы, сооруженные в первой четверти VII в. до н. э., существовали до падения Урартского государства, когда они частично были разрушены и сожжены. По-видимому, несколько десятилетий после этого они оставались необитаемыми, но уже в середине VI в. до н. э. здания были восстановлены с некоторым изменением внутренней планировки. Так, в дверные проемы ряда помещений в качестве угловых камней были уложены фаллосы, стоявшие некогда в священных углах и святилищах бывших дворцов. Исключительное значение для изучения древних культов и их более поздней реконструкции имеют помещения XXV и XXVII. Последнее представляет собой зал площадью около 100 кв. м. В центре зала с востока на запад расположены в два ряда туфовые базы восьми колонн. На полу помещения раскопаны четыре ямы, перекрытые каменными плитами и заполненные золой, костями крупного и мелкого рогатого скота и фрагментами местной и урартской керамики. На полу в завале камней, упавших со стен, найдено 25 идолов и фаллосов, а девять фаллосов и идолов прослеживаются в общей с помещением XXVII стене (табл. CXVI). Этот колонный зал, видимо, служил святилищем для обоих комплексов; в нем были установлены многочисленные статуи, идолы и фаллосы, перед которыми совершались жертвоприношения.

Раскопки ясно показывают, что зал пострадал от пожара и позднее вместе с другими помещениями был восстановлен. Находившиеся здесь идолы и фаллосы были использованы как материал для кладки стен. При реконструкции в юго-восточном углу зала был сооружен небольшой чулан, западная стена которого перекрывала базу колонн и ямы 1 и 2. В юго-западной части зала было построено небольшое помещение, а внутри него—очаг размерами 70×60 см, состоявший из четырех каменных столбиков высотой в 50—70 см и трех каменных плит между ними. Вдоль северной стены зала была насыпана платформа из камней и сухой земли длиной 10 м, шириной 3,60 м и высотой 50 см, перекрывающая все четыре колонны второго ряда. С запада к платформе примыкала небольшая площадка, возвышающаяся на 20 см над платформой, а за нею—массивная стена, примыкавшая к урартской западной стене. От площадки к помещению с очагом вели дорожка из туфовых плит шириной в 1 м. Как видим, при реконструкции колонного зала бывшее святилище было превращено в капище с очагом.

Помещение XXV площадью в 150 кв. м также представляло собой восьмиколонный зал. Первоначально оно имело три входа: главный—со двора, второй—из коридора и третий, который вел в помещение южного отсека. Под южной стеной тянулась высокая скамья-приступка, сложенная из крупных камней, обмазанных глиной. Отсутствие древних культовых сооружений и наличие трех дверей, делающих зал проходным, позволяет предположить, что первоначально он служил для торжеств или собраний. Во время реконструкции, произведенной во втором строительном периоде, колонны были снесены (сохранились лишь две базы, при раскопках две другие базы найдены в помещениях XX и XXXI уже в виде строительного материала). В зале была возведена поперечная стена, делившая его на два помещения, из которых первое имело вход со двора, а второе—через вышеуказанный коридор. В первом помещении недалеко от дверного проема к западной стене, общей с помещением XXVI, проведена небольшая стенка длиной 3,50 м, образовавшая закуток, где найден глиняный овальный очаг размерами 0,50×1,00 м; его стенки толщиной 25 см и высотой—15 см на 5 см врыты в землю. Дно очага, как и стенки, сильно обгоревшее, обмазано слоем глины толщиной 4—5 см. Таким образом, после реконструкции зала здесь появилось небольшое сквозное капище с двумя дверями, аналогичное помещению XXXII, но с очагом другой формы. В северо-восточной части второго помещения, образованного при разделении зала, под внешней стеной был сооружен прямоугольный очаг размерами 45×70×10 см, глиняные стенки которого также были врыты в землю; в западном углу помещения стоял камень высотой 50 см. Напротив очага под восточной стеной, как и в помещении XXVII, возведена дополнительная стенка.

Новые культовые сооружения появились и в других местах. Очаг, совершенно аналогичный очагу из помещения XXXVII, был сооружен в помещении XXII, в западном углу которого была возведена платформа размерами 2,42×2,57×0,50 м. На этой платформе обнаружены еще два очага. Один из них, расположенный в северо-западном углу платформы, был сложен из семи гладких туфовых камней (размеры 47×93×15 см), имел прямоугольную форму и состоял из двух камер,

разделенных глиняной перегородкой. Второй очаг был сооружен в юго-западной части платформы и напоминал очаг из первого помещения колонного зала XXV.

Итак, после реконструкции дворцового комплекса на месте урартских святилищ и прилегающих помещений возникли три крупных храма огня площадью 100,75 и 75 кв. м и два малых, соответствующих размерами прежним помещениям. В них были сложены очаги разной формы, что, очевидно, указывает на их функциональное различие.

Назначение остальных комнат пока неясно из-за ограниченности фактического материала. Очевидно, раскопки юго-западной стороны второго дворцового комплекса дадут ответ на многие неясные вопросы и позволят полностью восстановить архитектурную планировку этого уникального творения урартских зодчих.

В. А. ПАЛАНДЖЯН

ДРЕВЕСНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ РАСКОПОК В ОШАКАНЕ

В раскопках окрестностей села Ошакан Аштаракского района обнаружены деревянные изделия, которые были переданы нам для определения пород растений. В нашем распоряжении имелось 16 образцов из двух погребений, датируемых началом I тысячелетия до н. э. Деревянными образцами являются разные части кресла—ножки, рама, подлокотники, несколько фрагментов посуды и шипа с ажурной головкой. Следует отметить, что весь материал сохранился плохо, продырявлен насекомыми. Они не окрашивались, видимо, вследствие глубоких биохимических изменений в строме оболочек древесных клеток. Образцы изучались на стереоскопическом микроскопе при падающем свете, анализы доведены до рода.

При определении древесины особое внимание обращали на ширину годичных колец, расположение водопроводящих элементов в толще годичного слоя, толщину стенок сосудов, размеры механической ткани—толщину оболочек и диаметр их просветов, представленность ранней и поздней древесины и т. д.

Прирост дерева в толщину—сложный биологический процесс, связанный с координацией ряда биохимических и морфогенетических реакций. Он отличается определенной способностью к гомеостазу и хорошо реагирует на конкретные условия обитания, на погодные изменения года и т. д.¹

В биологической науке существует сравнительно новое направление—дендроклиматология, которая на основании изучения ширины годичных колец восстанавливает хронологию климатических изменений в течение сотен лет². Нам кажется, что в подобных работах следует

¹ А. А. Яценко-Хмелевский. Дендриндикация как метод глобальной оценки влияния антропогенного воздействия на окружающую среду. Тез. докл. на III Всес. конф. по дендроклиматологии. «Дендроклиматические исследования в СССР», 1973.

² И. В. Ловелиус. Изменчивость прироста деревьев. Л., «Наука», 1979.

обратить внимание не только на размеры годичных колец, а и на строение отдельных тканей древесины, их соотношение в толще годичного слоя, что даст возможность более глубоко ознакомиться с условиями времени произрастания данных растений.

Исследованные нами образцы древесины из двух погребений (№ 75 и № 65) относятся к пяти родам различных семейств—ясень (*Fraxinus* L. сем. *Oleaceae* Benth. et Hook.), тополь (*Populus* L. сем. *Salicaceae* Lindl.), самшит (*Euxis* L. сем. *Buxaceae* Dum), ильм (*Ulmus* L. сем. *Ulmaceae* Mirb.) и тисс (*Taxus* L. сем. *Taxaceae* Lindl).

При этом ножки кресла из погребения № 78 и полностью рама сделаны из древесины ясеня, а подлокотники—из тополя. Различные фрагменты, относящиеся к креслу из погребения № 65, определены как ильм и тисс. Шип сделан из древесины самшита, а миски—из ясеновой древесины. Все эти породы, за исключением самшита, неоднократно встречались в раскопках Армении.

При микроскопическом анализе выявлено, что куски ясеновой древесины имеют довольно широкие, равномерно развитые годичные кольца с хорошо выраженной ранней и поздней древесиной, с обильной крупнопросветной вазоцентричной паренхимой, которая к внешней границе кольца становится многочисленной, крыловидной и сомкнутокрыловидной. Сосуды ранней древесины очень крупные, с простыми перфорациями. Строение ясеня в данных образцах, по нашему мнению, довольно мезоморфное и, как следует полагать, климатические условия произрастания данных деревьев были достаточно влажными, с дождливой весной и продолжительной осенью.

Присутствие ясеня в данном районе не случайно, так как он всегда был широко распространен по всему Закавказью³. Ясень твердолиственная порода умеренных широт. Древесина его отличается высокими механическими показателями, декоративна, хорошо полируется и при нагреве способна гнуться. Ясеновая древесина нашим предкам известна с давних времен. Еще урарты для дресвок стрел выбирали ясень⁴. Древесина ясеня и сейчас используется в сельскохозяйственном машиностроении, для изготовления рукоятей инструментов, в судостроении, на дверные коробки, двери, плинтусы, паркет и др.

Тополь, из древесины которого сделаны подлокотники кресла, широко культивируется в умеренных областях всего земного шара. Он образует стройные, прямые стволы, а древесина его при низком весе имеет довольно высокие механические свойства. Цвет древесины слабо-желтый или белый, хорошо принимает краску.

Использование тополя в Закавказье имеет многовековую традицию и играет огромную роль в жизни народов Закавказья, особенно в его безлесных районах⁵. Тополевые балки зарегистрированы еще в раскопках бронзового века около г. Ханлар (АзССР), в могильниках XI—

³ А. Л. Тахтаджян. Ботанико-географический очерк Армении. Труды БИИ АРМФАН, 1941.

⁴ В. А. Паланджян. Урартские дресвки стрел. В кн.: Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III (приложение).

⁵ С. А. Туманян. Древесные остатки из раскопок Кармир-блур. В кн.: Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III (приложение).

X вв. до н. э., в раскопках урартской крепости Тейшебани VII в. до н. э., в раскопках Арии-берда и т. д.

Тополь широко использовался в быту народов Урарту. Во многих селах и городах Араратской равнины деревянные конструкции жилых домов и хозяйственных построек выполнялись из древесины тополя. Не удивительно, что армянское название тополя—«барди» означало строительный материал⁶. Следовательно, наличие древесины тополя в данных раскопках весьма естественно.

При микроскопическом анализе годовые кольца его равномерно широкие. Сосуды крупные, расположены в толще годового слоя свободно, а переход от ранней к поздней древесине незаметен. Сердцевидные лучи многочисленные, однорядные. Механические элементы крупнопросветные, тонкостенные.

На основании анализов можно сказать, что ясень и тополь произрастали в одних и тех же условиях среды, благоприятных для их роста.

Древесина самшита в наших исследованиях встречается впервые. На Кавказе имеется два вида самшита— *Vixus colchica* Pojark. и *V. hirsuta* Pojark. первый из которых с довольно широким ареалом распространения. Он встречается на Западном и Восточном Кавказе, в Центральном и Юго-Западном Закавказье. Оба вида распространены главным образом в сырых тенистых местах. Следует полагать, что самшитовые деревья в Араратской равнине ни в древние времена, ни в настоящее время в естественных условиях не росли. Следовательно, они привозные. Как отмечает А. А. Яценко-Хмельовский, ареал самшита даже тысячелетия тому назад вряд ли значительно отличался от нынешнего⁷.

Древесина самшита была одним из наиболее ценных и любимых материалов, которая наряду с черным деревом упоминалась у многих писателей античности. Она использовалась для резных работ, драгоценной мебели, музыкальных инструментов и т. д.

Древесина самшита светло-желтая, очень декоративна и полируется как слоновая кость. Механические свойства ее высокие, она очень тяжелая, крепкая и твердая. Эти качества древесины определяются ее анатомическим строением. Годовые кольца самшита очень узкие, сосуды расположены рассеянно, в основном одиночно (табл. CXVII, 1), чрезвычайно малы, округлы, толстостенные с лестничными перфорациями. Механическая ткань выражена толстостенными волокнистыми трахедами, лучи гетерогенные, преимущественно трехрядные. Тяжелая паренхима обильная, метатрахеальная. Объем полостей сосудов и волокнистых трахей в древесине составляет 30%, лучи—в среднем 10%, а плотная масса, т. е. общий объем клеточных оболочек—60%. Такое строение и структура элементов древесины в толще годового слоя обуславливает высокие механические свойства древесины самшита. Следует полагать, что нахождение самшита в раскопках с. Ошакан носит эпизодический характер. Вероятно, он доставлен сюда мастером-знатоком по обработке древесины и использован весьма целенаправленно.

⁶ Г. А. Капанцян. О взаимоотношении армянского и лазо-мегрельского языков. Ереван, 1952.

⁷ А. А. Яценко-Хмельовский. Древесины Кавказа, т. I, 1954.

Обнаруженные из погребения № 65 древесные остатки разных частей кресла относятся к ильму и тиссу. Ильм, как в историческом прошлом, так и сейчас, растет на территории Армении.

Древесина ильма известна армянам с древнейших времен. Они высоко ценили достоинства ильмовой древесины, ее декоративность, упругость и способность противостоять гниению.

Остатки деревянных изделий из ильмовой древесины обнаружены в раскопках Лчашена, Ария-берда, Кармпр-блур, Мецамора, Ширакавана, Армавира как на различных изделиях, так и в постройках домов. Древесину ильма использовали и в Древней Греции на технические нужды и на резные работы⁸, в древнем Хорезме—для приготовления луков⁹, в старой Гяндже—на гробовые доски и т. д. Ясно, что декоративность древесины и ее технические свойства обусловлены анатомическим строением элементов древесины. В толще годичного слоя крупные сосуды ранней древесины образуют кольцо просветов, сосуды и трахеиды поздней древесины, группируясь, формируют непрерывные волнистые линии, создавая так называемый «ульмовидный» рисунок (табл. CXVII, 2). В исследованных фрагментах годичные кольца довольно широкие. Ранняя древесина представлена несколькими рядами вертикально вытянутых крупных сосудов и постепенно переходит в позднюю. Сосуды поздней древесины не очень мелкие, окружены крыловидной и сомкнуто-крыловидной паренхимой. Строение данных образцов свидетельствует о благоприятных условиях тех времен для произрастания ильма.

Тиссовые деревья хорошо известны нашим предкам как источник высококачественной древесины издавна. На Кавказе изделия из тисса констатируются в поселениях бронзового века либо в качестве инкрустирующего материала в головках кинжалов и мечей, либо в дорогой мебели, в изготовлении арок кузовов колесниц, что свидетельствует о высокой оценке ими декоративных свойств древесины. Мебель из тисса обнаружена также в раскопках Древнего Египта, а в Риме она использовалась и на резные изделия. В России тиссовая древесина известна с X века н. э. как материал для мебели, резных работ, посуды и т. д.¹⁰

Древесина тисса с красновато-коричневым ядром, годичные кольца извилистые и хорошо выделяются на всех распилах. Она очень декоративна, отличается высокими механическими свойствами, способностью полироваться.

Тисс, или красное дерево, нигде на Кавказе не образует значительных древостоев, растет он или в виде отдельных деревьев среди других древесных пород, или же образует небольшие рощи. Одна из таких рощ имеется в ущелье реки Тарсачай, в 100 км от оз. Севан. Можно предполагать, что тиссовая древесина доставлена на место древнего поселения из этой рощи.

⁸ В. А. Паланджян. Деревянные повозки из раскопок у селения Лчашен Севанского района Армянской ССР. Труды Гос. ист. музея Армении, т. V, 1959.

⁹ С. А. Туманян. Древесные остатки из раскопок древнего Хорезма. Изв. АН АрмССР, биол. и сельхоз. науки, VII, № 9, 1954.

¹⁰ В. Е. Вихров. Деревянные изделия древнего Новгорода. Тр. Ин-та леса АН СССР, т. XXXVII. М., 1958.

Таким образом, обобщая данные исследований, можно сказать, что древние армяне в своей хозяйственной деятельности использовали в основном те породы, которые произрастали на этой же территории. Нахождение тополя, ильма, ясеня в дажных и часто в других раскопках Армении показывают, что они широко произрастали на территории Армении. Какие же свойства этих пород привлекали внимание наших предков при изготовлении изделий—твердость, декоративность или цвет? Судя по использованию древесины, можно полагать, что древние мастера вполне владели столярным мастерством и ценили по достоинству ее технические свойства.

Из более твердой древесины ясеня сделаны основные части кресла, а подлокотники—из сравнительно легкой и светлой древесины тополя. Второе кресло сделано из высококачественной древесины ильма и тисса. К сожалению, нам неизвестно, к каким частям кресла относятся исследованные фрагменты из тиссовой и ильмовой древесины. Исходя из некоторых ценных свойств этих пород, можно утверждать, что владелец кресла из погребения № 65 был более знатного происхождения, чем владелец из погребения № 78.

Миски разных размеров сделаны из ясеновой древесины, а шип с ажурной головкой—из самшитовой. Видимо, мастера тогда уже владели очень тонким инструментом, с помощью которого обрабатывали такую твердую и крепкую древесину, как самшит.

Изученный нами материал, несмотря на скудность, все же позволяет представить основные лесообразующие породы трехтысячелетней давности. К сожалению, фрагменты деревянных изделий были небольших размеров и содержали не более 10 годичных колец, что затрудняло более точное определение условий среды. Тем не менее, широкие равномерно развитые годичные кольца с широкой ранней древесиной, с постепенным переходом к поздней, крупнопросветными и тонкостенными механическими элементами, большими сердцевидными лучами, обильной тяжелой паренхимой свидетельствуют, что тот период отличался более влажным, благоприятным для данных растений климатом, с дождливой весной и продолжительной, умеренной осенью.

В. Г. ОГАНЕСЯН

О РЕСТАВРАЦИИ ДЕРЕВЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ОШАКАНА

Из археологических раскопок Ошакана в 1977 г. в лабораторию Государственного музея истории Армении поступили фрагменты деревянного предмета и деревянные миски. Они были полуразложившиеся, истлевшие, поврежденные многочисленными жучками, покрытые слоем грязи, земли и известковых наслоений. Поступивший материал был сухим и сильно крошился.

Для закрепления и консервации дерева, как известно, в различных лабораториях применяются различные методы: пропитка

дерева растворами воска, парафина¹, желатина², цапонлака³. Как показала наша практика, пропитка сухой древесины растворами желатина, цапонлака нежелательна, так как они обладают плохой обратимостью, недостаточной эластичностью, и потому их применение в реставрации и консервации дерева нецелесообразно.

В нашей лаборатории был опробован и метод постепенной пропитки сухого дерева трехпроцентным раствором бутирала, предложенный реставратором Государственного Эрмитажа Е. Румянцевым⁴.

В реставрации ошаканской сухой древесины нами использована эпоксидная смола, разбавленная в толуоле. В лаборатории в первую очередь были проведены следующие работы: очистка при помощи мягких щеток, где было возможно, остатков земли и частично известковых наслоений (табл. СХІХ), в труднодоступных местах земля, предварительно пропитанная ксилолом, удалялась ланцетом. После очистки каждого фрагмента при помощи капельницы фрагменты подвергались пропитке эпоксидной смолой, разбавленной в толуоле. Фрагмент ставился торцом в ванночку, сделанную из алюминиевой фольги под размер фрагмента, и накрывался полиэтиленовой пленкой с небольшим отверстием наверху. Над отверстием закрепляли бутылочку со смесью. Жидкая смола проникала каплями во внутренние слои древесины до тех пор, пока с нижней стороны не появлялся раствор смолы и фрагмент полностью увлажнялся.

При такой пропитке фрагменты древесины хорошо закрепляются с внутренней стороны, и на их поверхности не появляется блеск, характерный при пропитке древесины, погруженной в раствор. После полной пропитки укрепленного фрагмента и придания ему механической прочности капельница отключается. Полиэтиленовая пленка остается на фрагменте до полного отверждения состава, так как пленка предохраняет от быстрого испарения спиртоводных растворов.

Полностью высохшие фрагменты подвергаются окончательной очистке. Истлевшие и образовавшиеся от разложения древесины раковины заполняются смесью эпоксидной смолы (с добавлением ксилола и наполнителя древесной муки), которая не только укрепляет древесину, но и обладает защитными свойствами от действия жуков-точильщиков.

Методом заполнения эпоксидной смолой пользуются также в ГДР и в Польше (для заполнения камня)⁵, однако мы начали работы

¹ Г. Картер. Гробница Тутанхамона. М., 1959, с. 104.

² А. Скотт. Очистка и реставрация музейных экспонатов. М.—Л., 1935; В. Е. Вихров, Ю. В. Вихров, В. А. Борисов, С. Казанская. Сохранность древесины из раскопок Берестья. СА, 1973, № 4, с. 277—279.

³ А. В. Кирьянов. Применение разъемных гипсовых форм для археологических раскопок, КСИИМ, вып. 49, 1953, с. 133—142; *то же*, Реставрация археологических предметов. М., 1960.

⁴ Евг. Румянцев. Применение синтетических смол для закрепления и консервации древних предметов при археологических работах. Труды Гос. исторического музея Армении, т. V, Ереван, 1959, с. 139—200.

⁵ W. Domasłowski. Badania nad Strukturalnym Wzmocnieniem kamieni rozwirowami żywile epoksydowych, „Biblioteka muzealnictwa“, XV, 1966, p. 266; Möller Roland,—

этим методом для заполнения рыхлого сухого археологического дерева до ознакомления с ними.

Потемнение смолы с течением времени не особенно влияет на внешний вид археологического предмета. Наблюдения за заполненными смолой фрагментами велись в течение шести лет (1977—1983) и показали полное отсутствие жуков-точильщиков и их ячеек, а также, что фрагменты, оставшиеся в неотопливаемом помещении, на сквозняке, в летние и зимние месяцы, не дали видимых изменений в размерах. Вычищенные и пропитанные фрагменты были измерены для определения дальнейшей их усадки, а в 1983 году окончательно собраны.

Подборка фрагментов и определение общего вида предмета обнаружили, что предмет представляет собой кресло, у которого сохранились три ножки (фрагментарные) и полностью отсутствует четвертая. Сохранились также поперечные перекладины трех сторон кресла, фрагменты четвертой и подлокотников.

Сиденье кресла было сделано из кожаных полосок, переплетенных сеткой. В углублениях деревянных перекладин, куда вставлялись концы кожаной сетки, обнаружены два небольших фрагмента истлевшей кожи, которые из-за небольших размеров и плохого состояния не удалось сохранить. При сборке кресла для большей прочности перекладины покоятся на фанерных основаниях, вырезанных по конфигурации перекладин. Четвертая ножка схематически представлена деревянным кусочком (табл. СХХ).

Вместе с креслом в лабораторию поступили фрагменты деревянной миски, которые также очищены и восстановлены эпоксидной смолой на ксилоле с добавлением древесной муки (табл. СХVIII). Миска в течение долгих лет опыта, как и остатки кресла, не дала усадки и сохранила размеры, имеющие при находке.

Steinkonservierung, Denkmale in Thüringen, Weimar, 1973, p. 172—184: *М. Н. Лебель*. Консервация античной скульптуры из камня. Художественное наследие, 3(33). М. 1975.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО—Археологические открытия.
БИН АРМФАН—Биологический институт Армянского филиала Академии наук.
ВОН—Вестник общественных наук АН АрмССР.
ГИМА—Государственный исторический музей Армении.
ДАН—Доклады Академии наук СССР.
ИАН—Известия Академии наук СССР.
ИАК—Известия Археологической комиссии.
ИИМК—Институт истории материальной культуры АН СССР.
ИФЖ—Историко-филологический журнал АН АрмССР.
КСИИМК—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
МКА—Материальная культура Азербайджана.
ОАК—Отчеты Археологической комиссии.
СА—Советская археология.

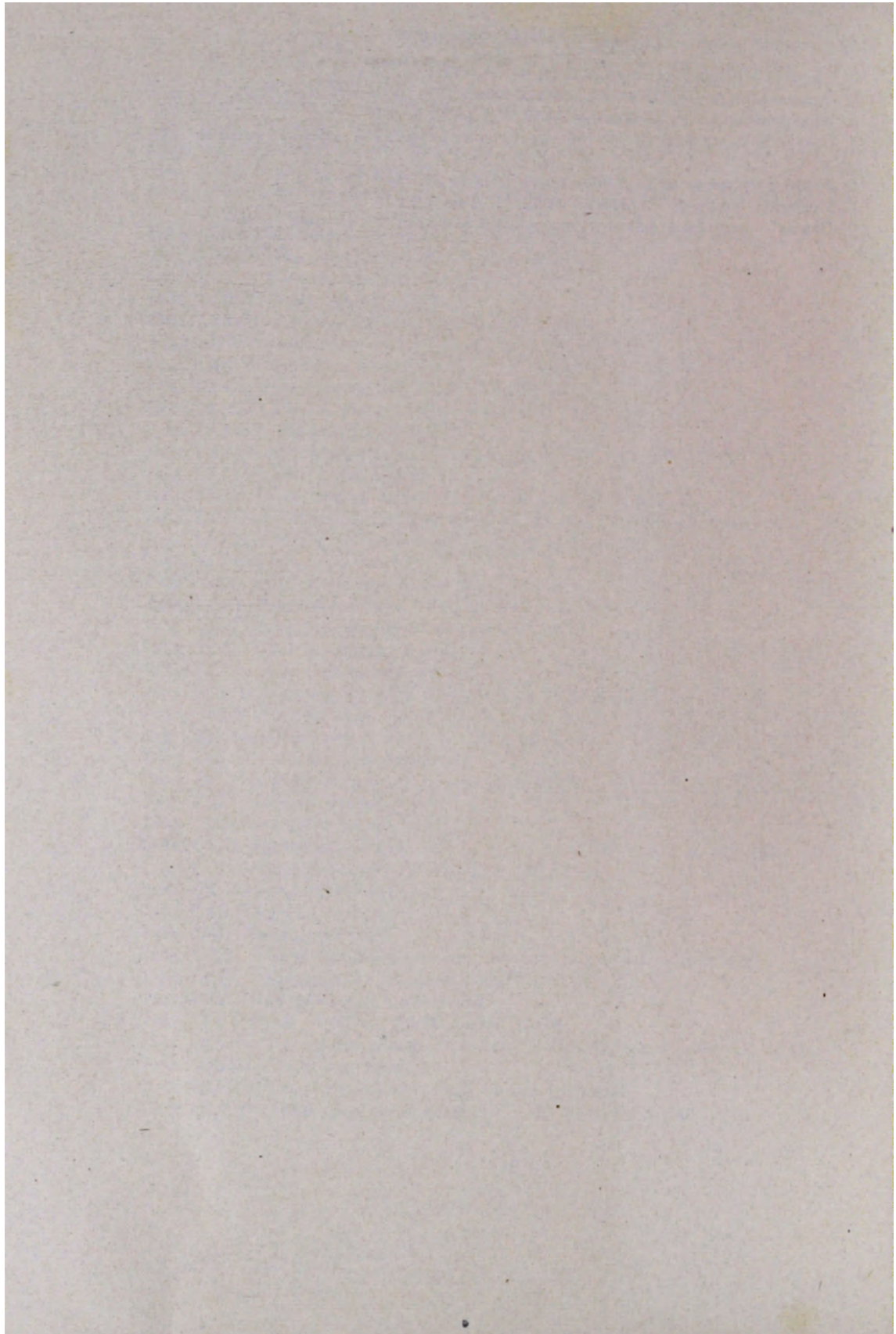
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

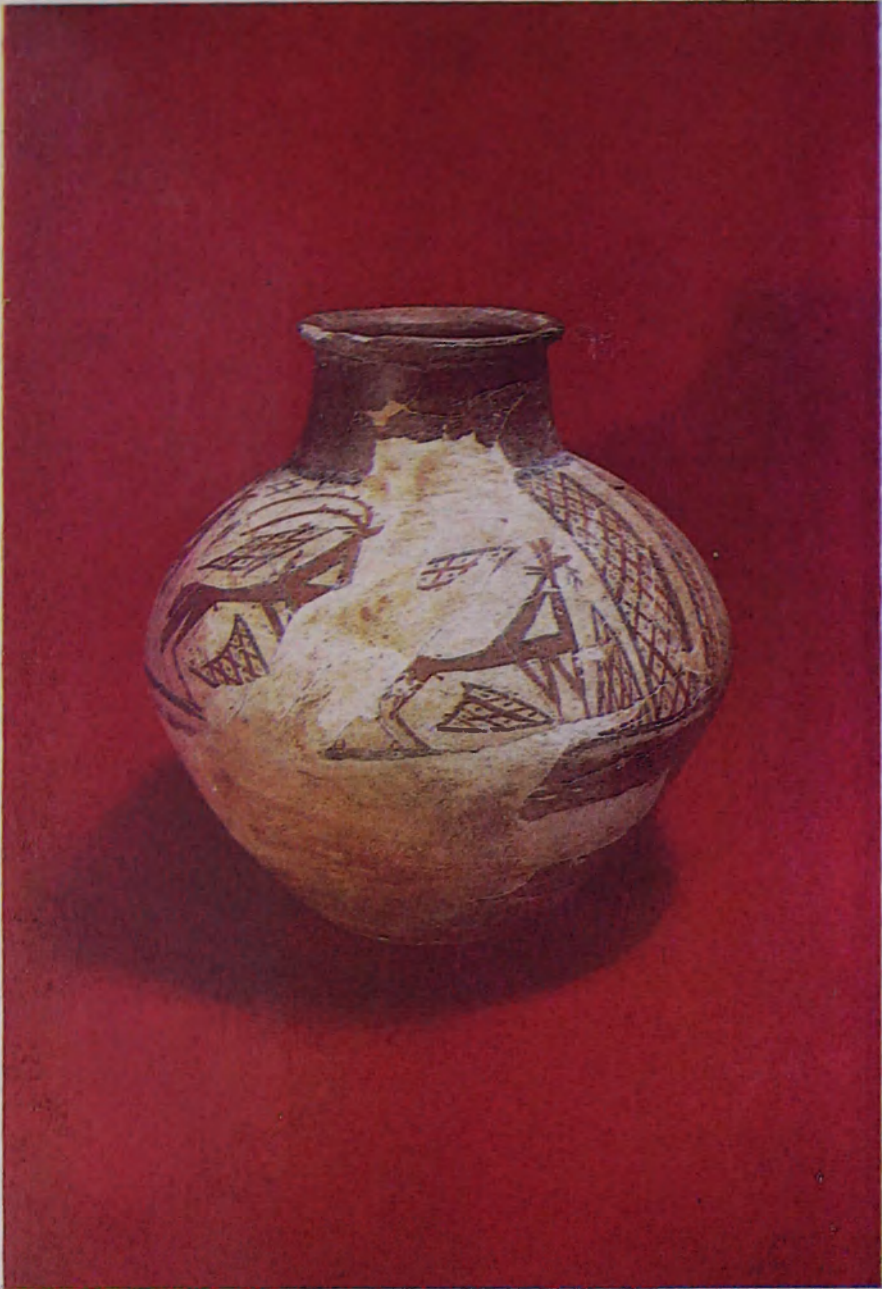
- Табл. I. Диди-конд. вид с юга-востока.
Табл. II. 1. Диди-конд. вид с запада; 2. Вид крепости до начала раскопок.
Табл. III. План крепости Диди-конд.
Табл. IV. Вид внешних стен крепости.
Табл. V. 1. Вид помеш. I крепости; 2. Вид степ помеш. II крепости; 3. Идол из помеш. I крепости.
Табл. VI. 1. Вид помеш. III крепости; 2. Вид помеш. IV крепости.
Табл. VII. Фрагменты крылатых крестов из средневековой часовни крепости.
Табл. VIII. Фрагменты архитектурных деталей средневековой часовни.
Табл. IX, X. Фрагменты средневековой керамики из крепости.
Табл. XI. План дворцовых комплексов Ошакана.
Табл. XII. Вид раскопок дворцовых комплексов Ошакана.
Табл. XIII. 1, 2. Дверные проемы и ступеньки помеш. IX.
Табл. XIV. Вид помеш. XV в процессе раскопок.
Табл. XV, 1, 2. Карасы из помеш. XVII; 3. Браслет из ямы I помеш. XV; 4. Каменный вкладыш серпа из помеш. X.
Табл. XVI. 1. Зернотерки и ступки из различных помещений; 2. Каменное корыто из дверного проема помеш. IV.
Табл. XVII—XIX. Фрагменты урартской керамики из различных помещений.
Табл. XX—XXIV. Фрагменты местной черной керамики из различных помещений.
Табл. XXV—XXVIII. Фрагменты керамики раннеармянского времени из различных помещений.
Табл. XXIX. Фрагмент расписного киллика из помеш. XV.
Табл. XXX—XXXIV. Античные материалы из различных помещений.
Табл. XXXV—XXXVI. Каменные статуи, фаллосы, идолы и ступка из различных помещений.
Табл. XXXVII. 1. Каменная статуя из помеш. XXVII; 2. Кувшинное захоронение в помеш. IX.
Табл. XXXVIII. Античные погребения в дворцовых помещениях.
Табл. XXXIX. Формы античных погребений Ошаканского могильника.
Табл. XL—XLV, XLVII. Инвентарь античных погребений Ошакана.
Табл. XLVI. 1—4. Античные погребальные урны, 5. Глиняный саркофаг из погребения 25.
Табл. XLVIII—LIV. Инвентарь погреб. 25.
Табл. LV. 1. Погребение 25, 2. Погребение 59. Вид после раскопок.
Табл. I.VI—LXII. Инвентарь погреб. 59.
Табл. LXIII, 1, 3. Инвентарь погреб. 59; 3—13. Инвентарь погреб. 60.
Табл. LXIV. Инвентарь погреб. 59 (1, 2, 4) и 60 (3,5—11).
Табл. LXV. Инвентарь погреб. 62.

- Табл. LXXVI. 1—3. Случайные находки, найденные при сооружении жилых домов села Ошакан; 4—9. Инвентарь погреб. 63.
- Табл. LXXVII. Инвентарь погреб. 42.
- Табл. LXXVIII. Инвентарь погреб. 45.
- Табл. LXXIX. Инвентарь погреб. 46.
- Табл. LXX. Инвентарь погреб. 43 (1), 45 (2, 3, 4, 6), 46 (5, 8), 47 (7, 9), и 48 (10).
- Табл. LXXI. Инвентарь погреб. 47.
- Табл. LXXII. Инвентарь погреб. 49 (1, 7), 50 (2, 4, 6), 52 (3,5), 53 (8), 54 (10, 11) и 56 (9, 12).
- Табл. LXXIII. Инвентарь погреб. 43 (1, 3), 57 (2), 50 (4), 49 (5), 53 (6, 8) и 57 (7).
- Табл. LXXIV. Инвентарь погреб. 57 (1, 2) и 58 (3, 4).
- Табл. LXXV. Инвентарь погреб. 61.
- Табл. LXXVI. Инвентарь погреб. 65.
- Табл. LXXVII. Инвентарь погреб. 65 (1) и 67 (2—7).
- Табл. LXXVIII. Инвентарь погреб. 68 (1—3) и 69 (4—13).
- Табл. LXXIX. Инвентарь погреб. 69 (1—7) и 73 (8, 9).
- Табл. LXXX. Инвентарь погреб. 74 (1—3) и 75 (4).
- Табл. LXXXI—XXXIII. Инвентарь погреб. 77.
- Табл. LXXXIV. Инвентарь погреб. 79.
- Табл. LXXXV. Инвентарь погреб. 81 (1—5), 84 (6—9) и 85 (10, 11).
- Табл. LXXXVI. Инвентарь погреб. 85.
- Табл. LXXXVII. Инвентарь погреб. 85 (1—4,7) и 86 (2, 3, 5, 6, 8).
- Табл. LXXXVIII. Инвентарь погреб. 86 (1, 2), 87 (4, 5, 7) и 88 (3, 6, 8).
- Табл. LXXXIX. Инвентарь погреб. 88 (1—3) и 89 (4,6—9).
- Табл. XC. Инвентарь погреб. 88.
- Табл. XCI—XCII. Инвентарь погреб. 89.
- Табл. XCIII. Инвентарь погреб. 90 (1, 2), 91 (3—6) и 92 (7).
- Табл. XCIV. Инвентарь погреб. 93 (1—4) и 94 (5—8).
- Табл. XCV—XCVI. Инвентарь погреб. 94.
- Табл. XCVII. Инвентарь погреб. 95.
- Табл. XCVIII. Инвентарь погреб. 95 (1, 3, 4) и 96 (2,5—11).
- Табл. XCIX—C. Инвентарь погреб. 97.
- Табл. CI. Инвентарь погреб. 99 (1, 8—13) и 98 (2—7).
- Табл. CII—CIV. Инвентарь погреб. 99.
- Табл. CV. Инвентарь погреб. 100 (1—8) и 101 (8, 9).
- Табл. CVI. Инвентарь погреб. 101.
- Табл. CVII. Инвентарь погреб. 102.
- Табл. CVIII. Инвентарь погреб. 103 (1, 4), 104 (2, 3, 5—11) и 105 (12—14).
- Табл. CIX. Инвентарь погреб. 107 (1—4) и 108 (5—10).
- Табл. CX. План урартской крепости.
- Табл. CXI. Реконструкция помещ. 4—6.
- Табл. CXII. Разрез крепости с севера на юг.
- Табл. CXIII. Реконструкция восточного фасада дворцовых сооружений.
- Табл. CXIV. Реконструкция западной стены крепости.
- Табл. CXV. План дворцовых сооружений.
- Табл. CXVI. Разрез северной стены помещ. XXVII.
- Табл. CXVII. 1. Годичные кольца самшита; 2. «Ульмавидный» рисунок пальма.
- Табл. CXVIII. Деревянная миска.
- Табл. CXIX. Детали деревянного кресла до реконструкции.
- Табл. CXX. Деревянное кресло в процессе и после реконструкции.

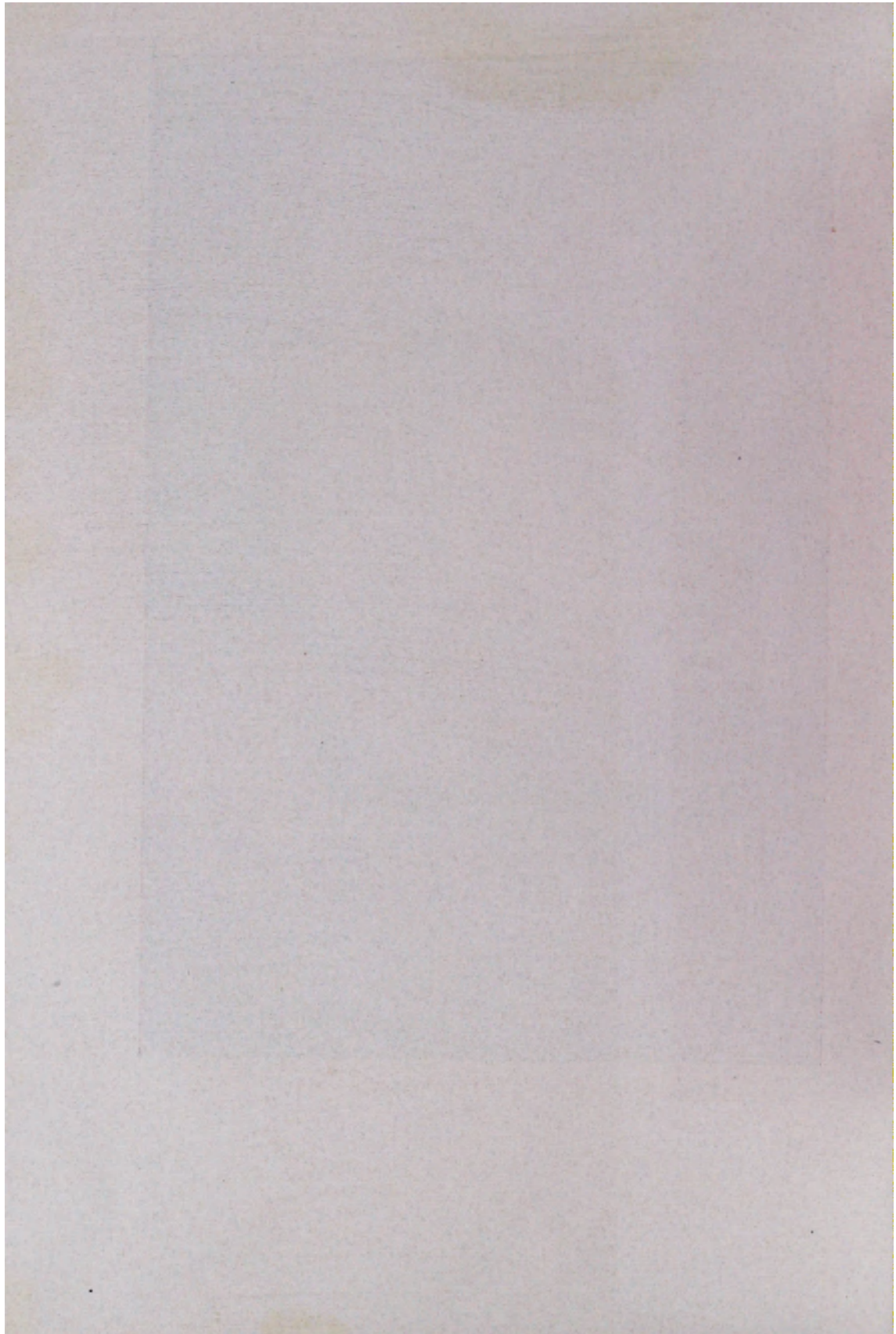
ЦВЕТНЫЕ ВКЛАДКИ

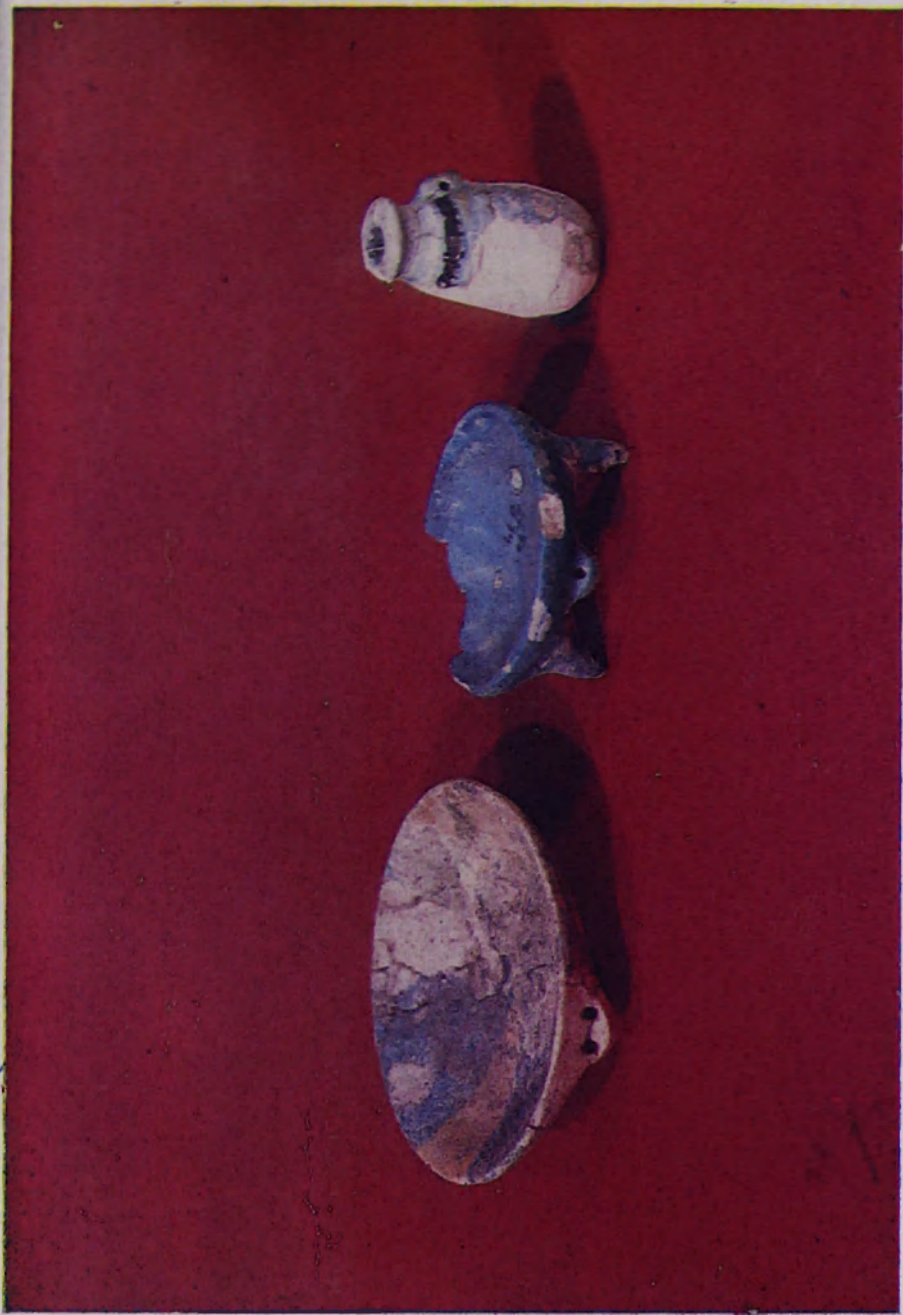
1. Расписной кувшин из погребения № 84. IX—VIII вв. до н. э.
2. Глазурованные сосуды из погребений №№ 59, 77, 99. X—VIII вв. до н. э.
3. Расписной сосуд из погребения № 59. VII в. до н. э.
4. Глиняные пластинки, обтянутые тонкой золотой фольгой. Погребение № 59. VII в. до н. э.
5. Золотые пуговицы из караского погребения № 36. II—I вв. до н. э.
6. Расписная фляга из погребения № 12. II—I вв. до н. э.
7. Пиалы и расписная фляга из погребений №№ 12 и 15. II—I вв. до н. э.

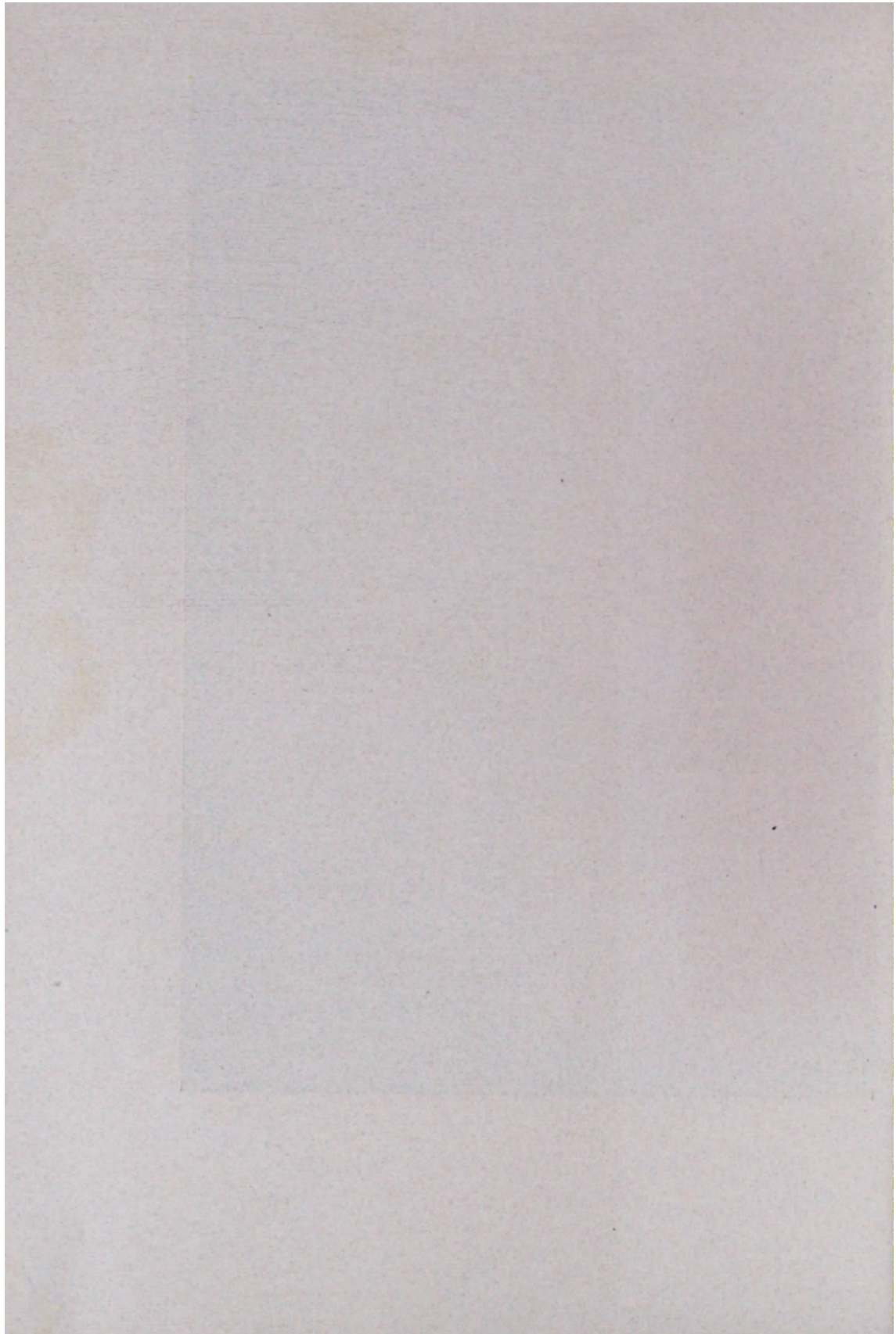

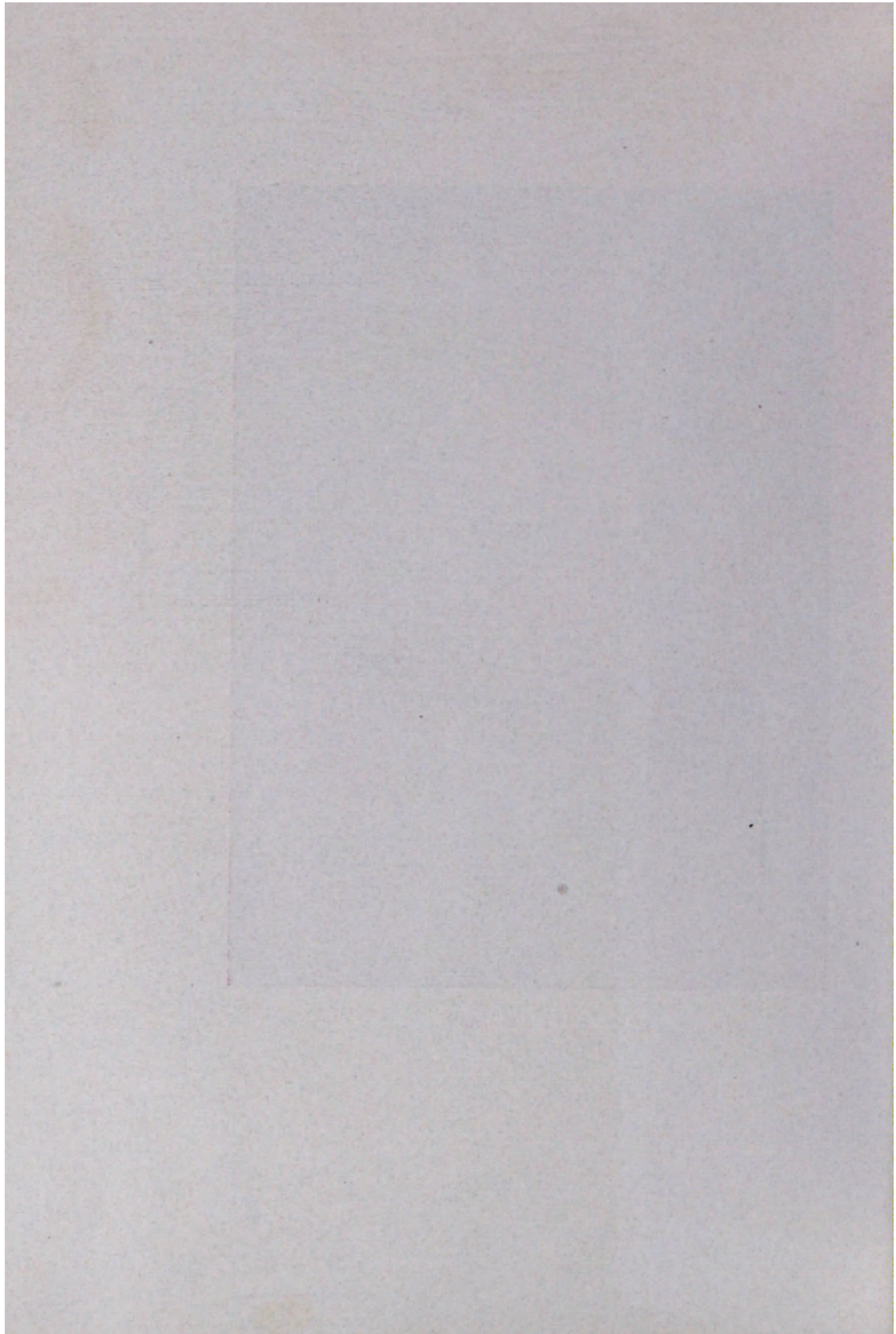
1900-1901

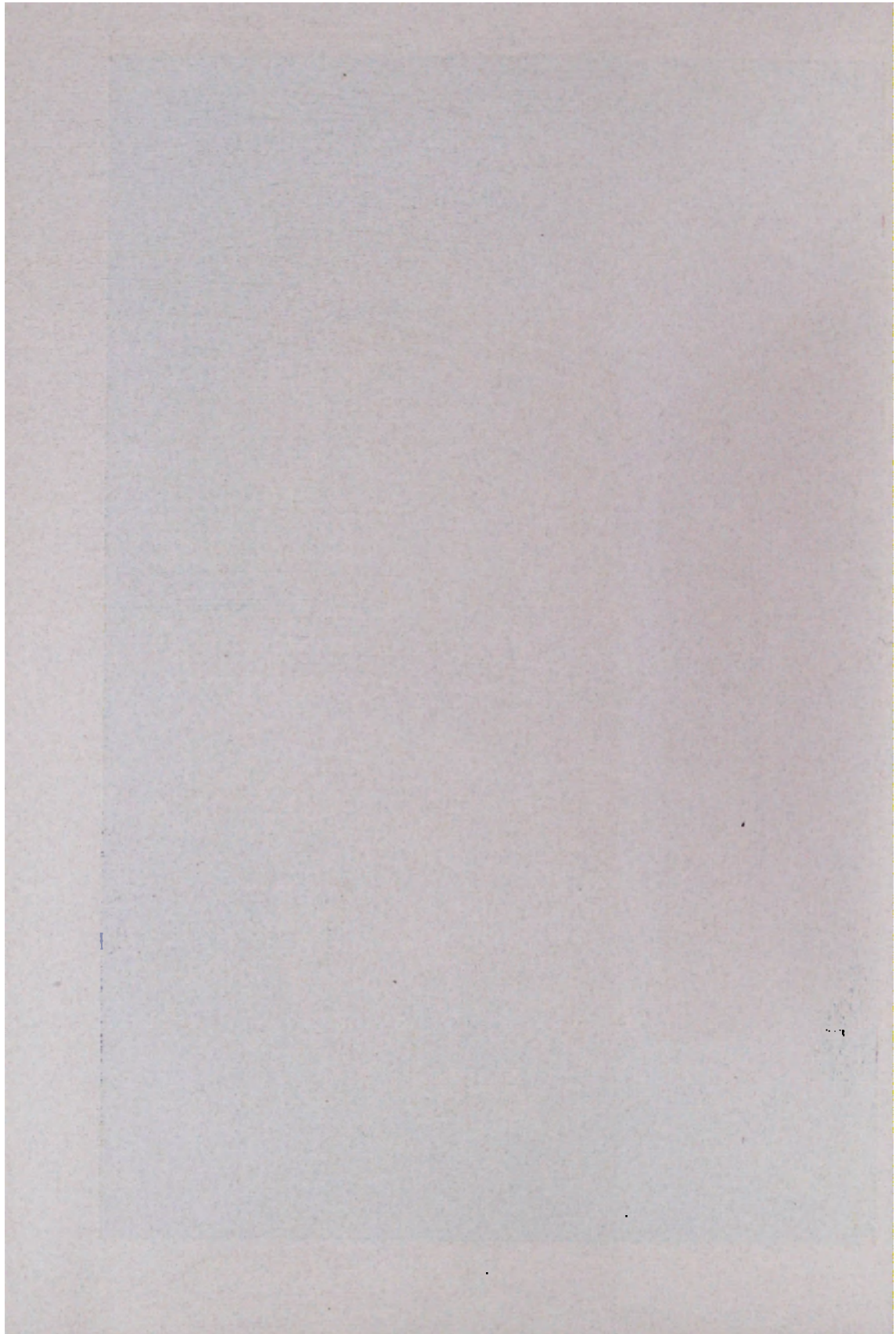

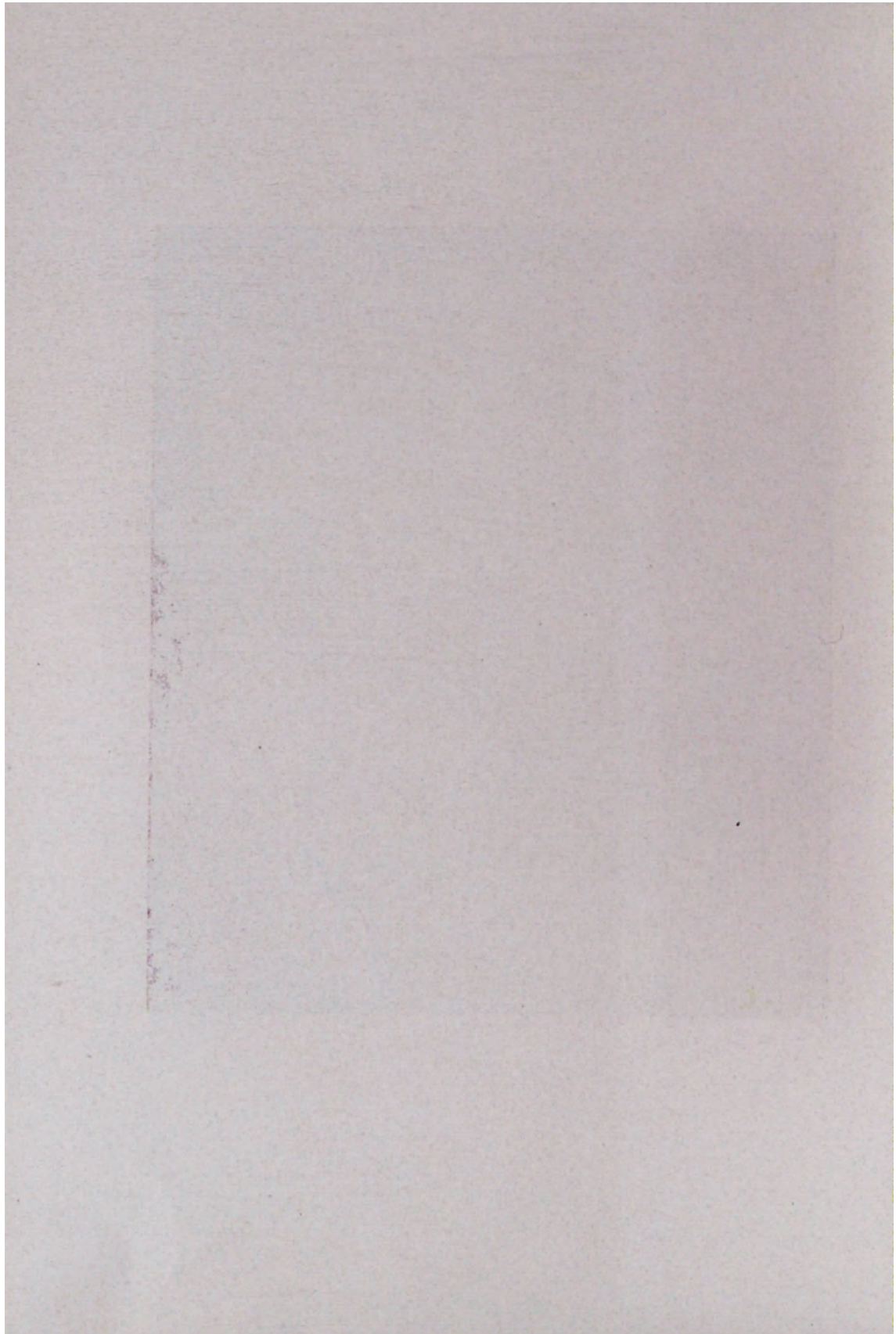

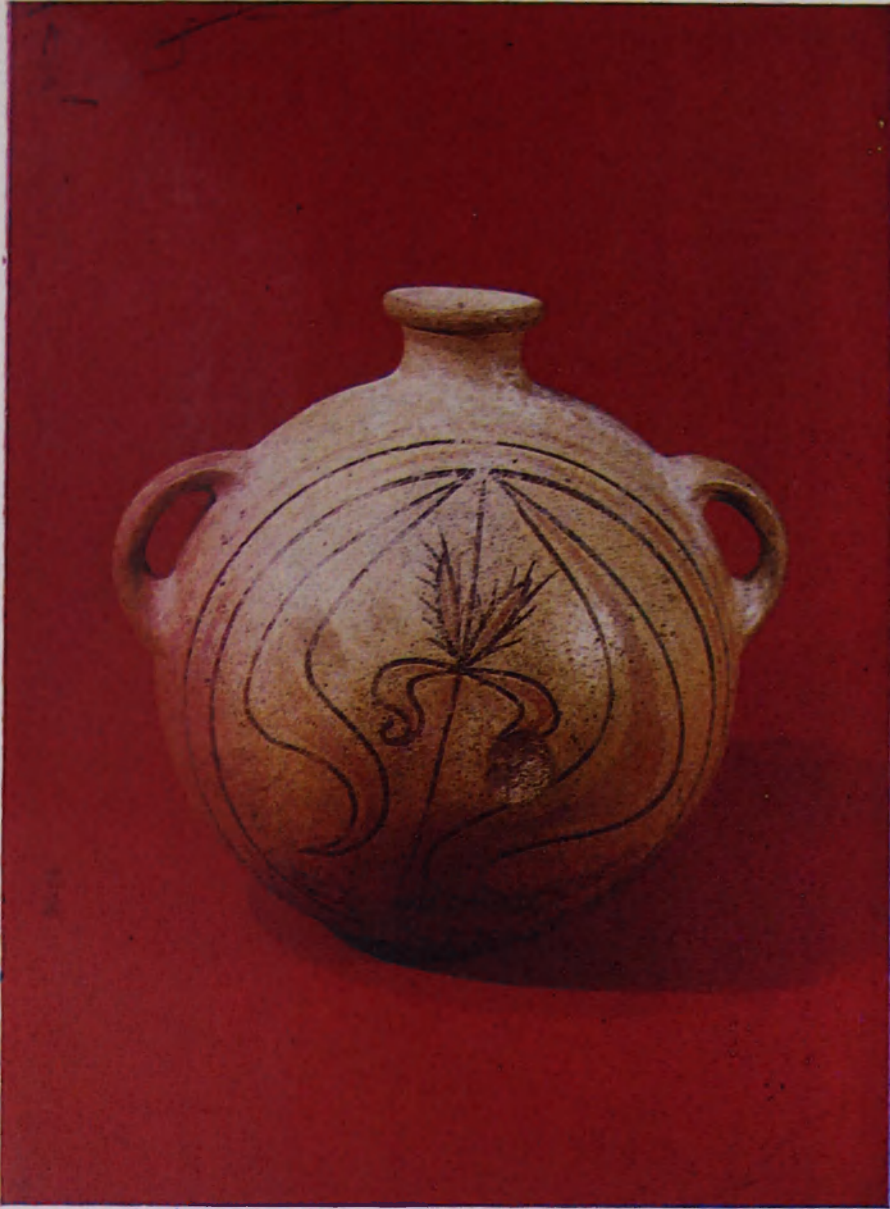

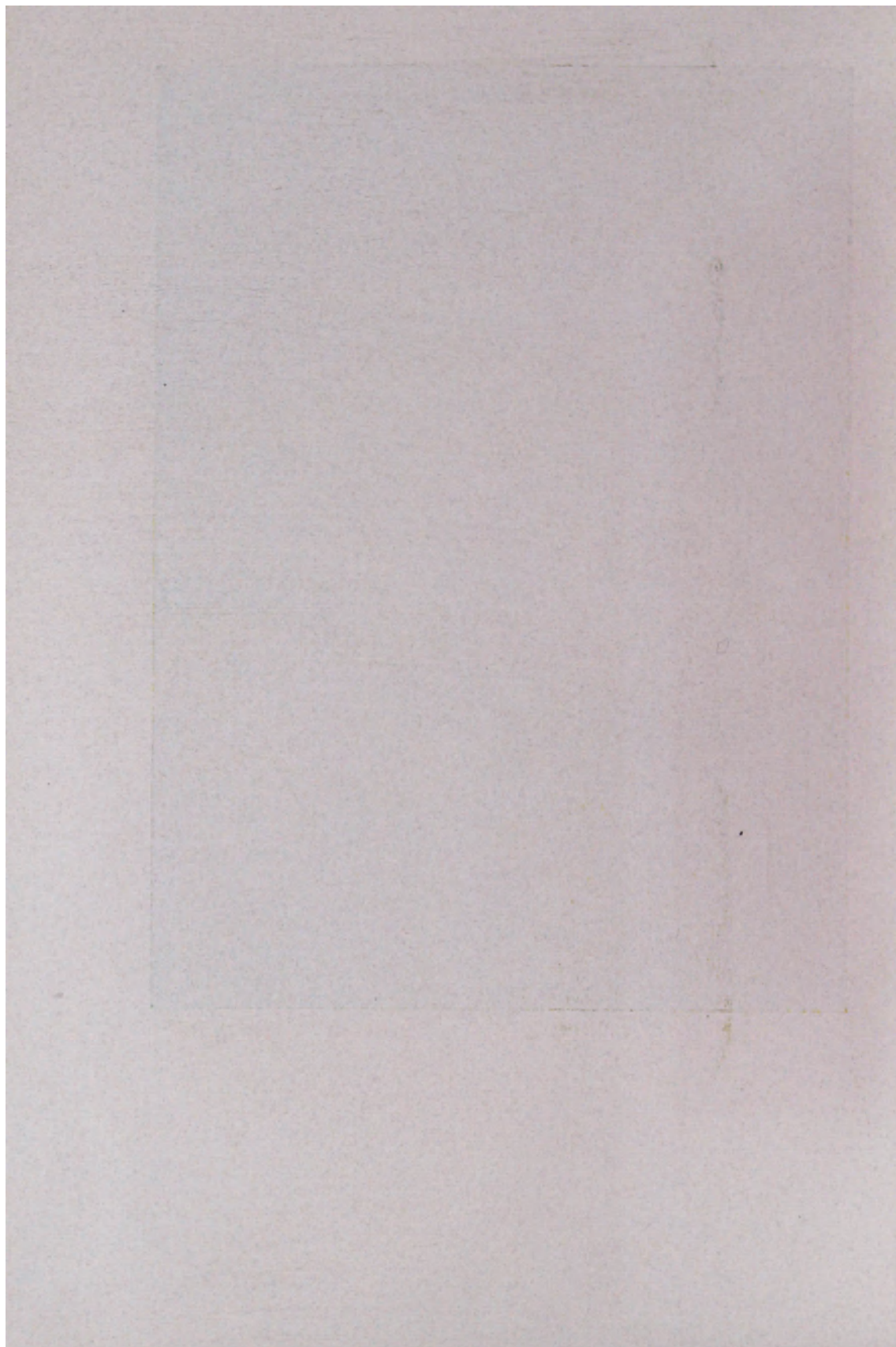

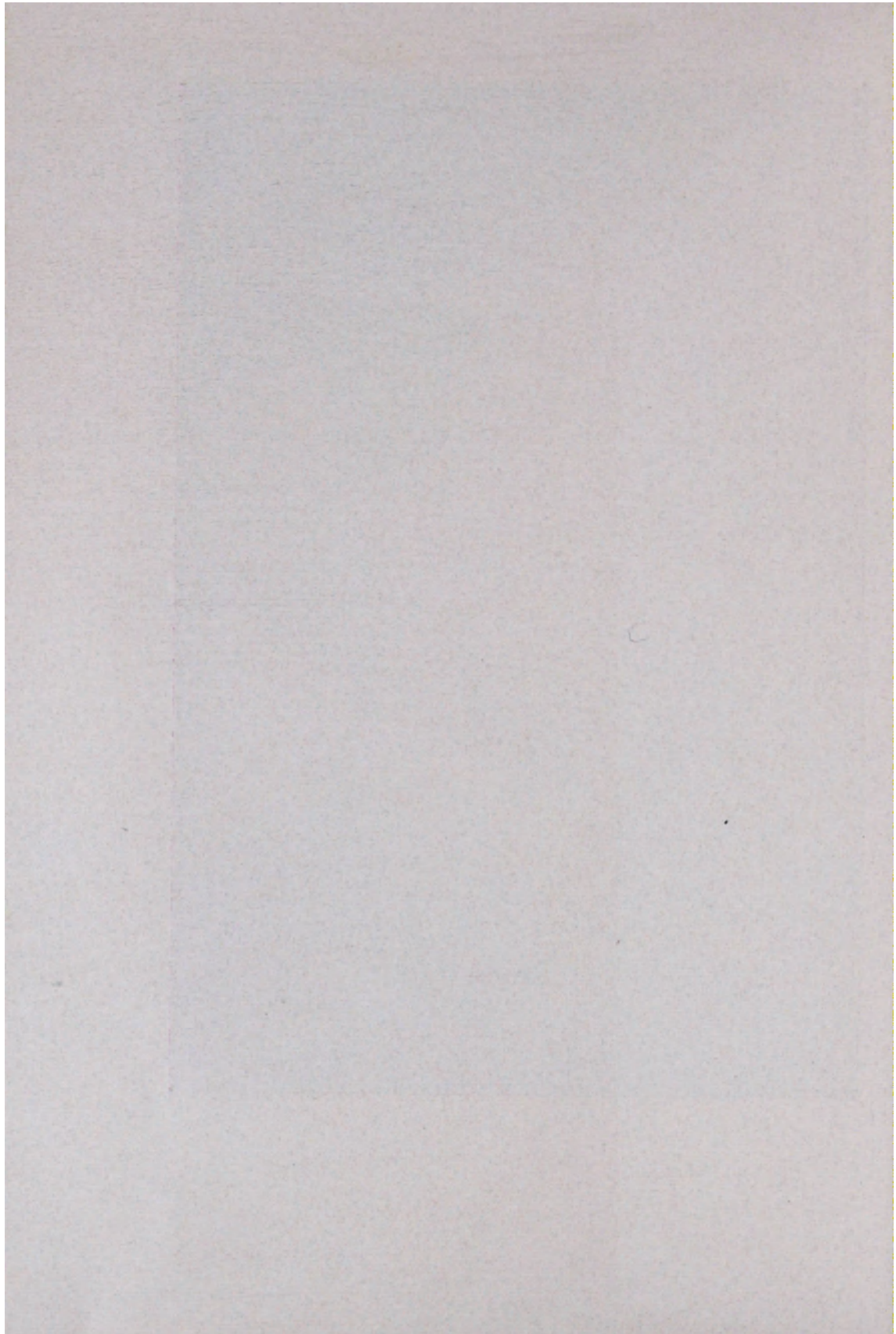

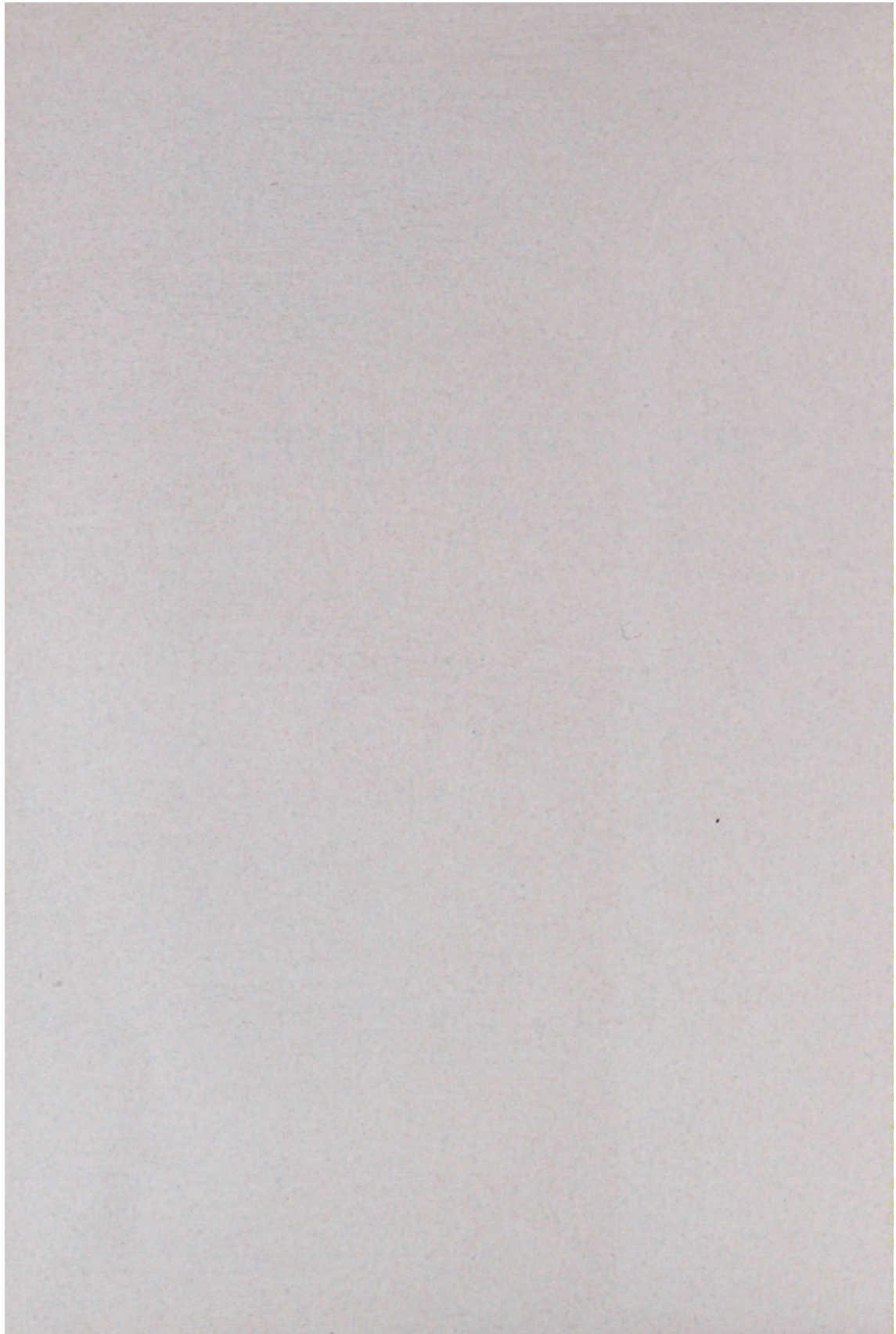

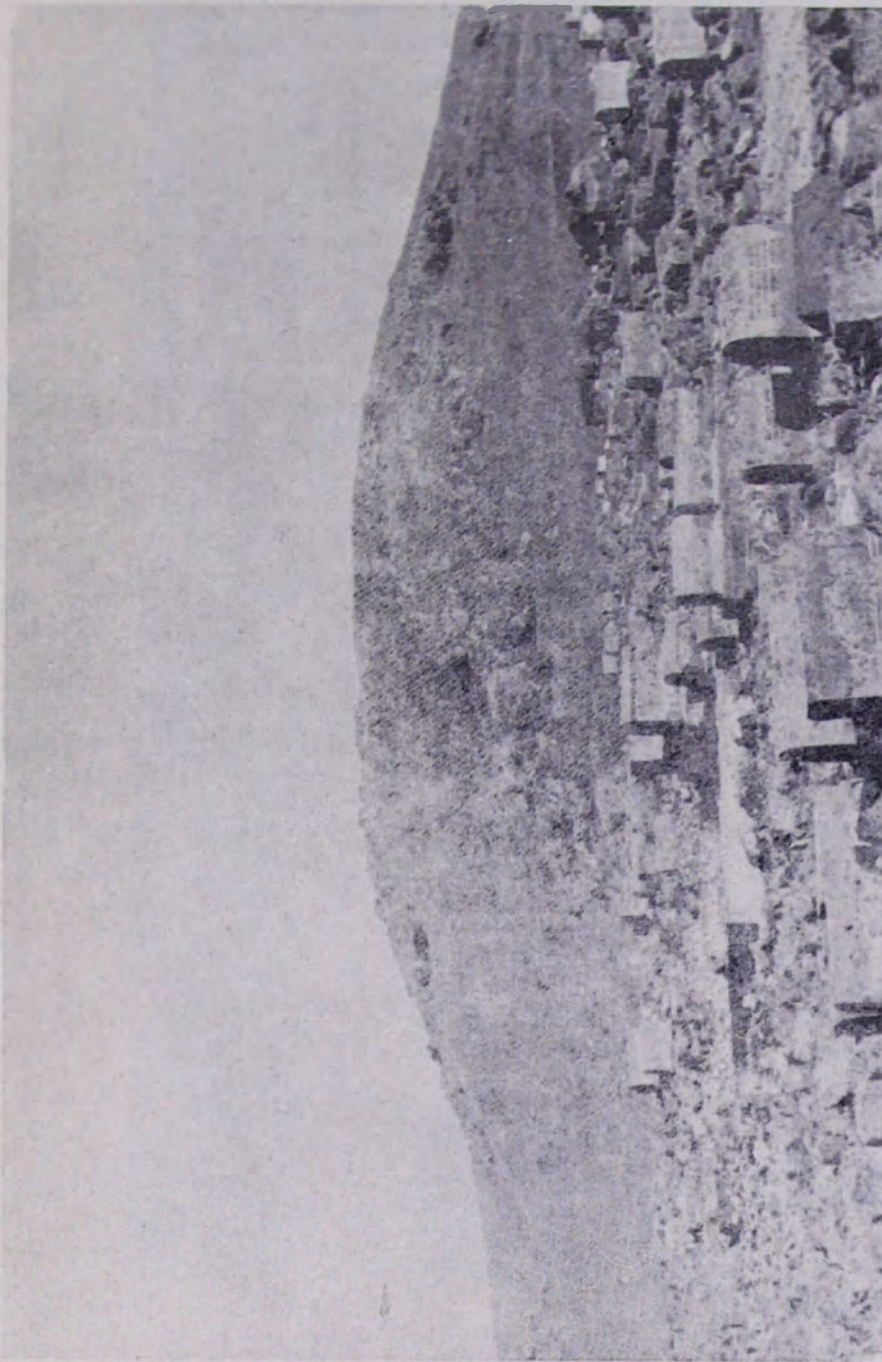

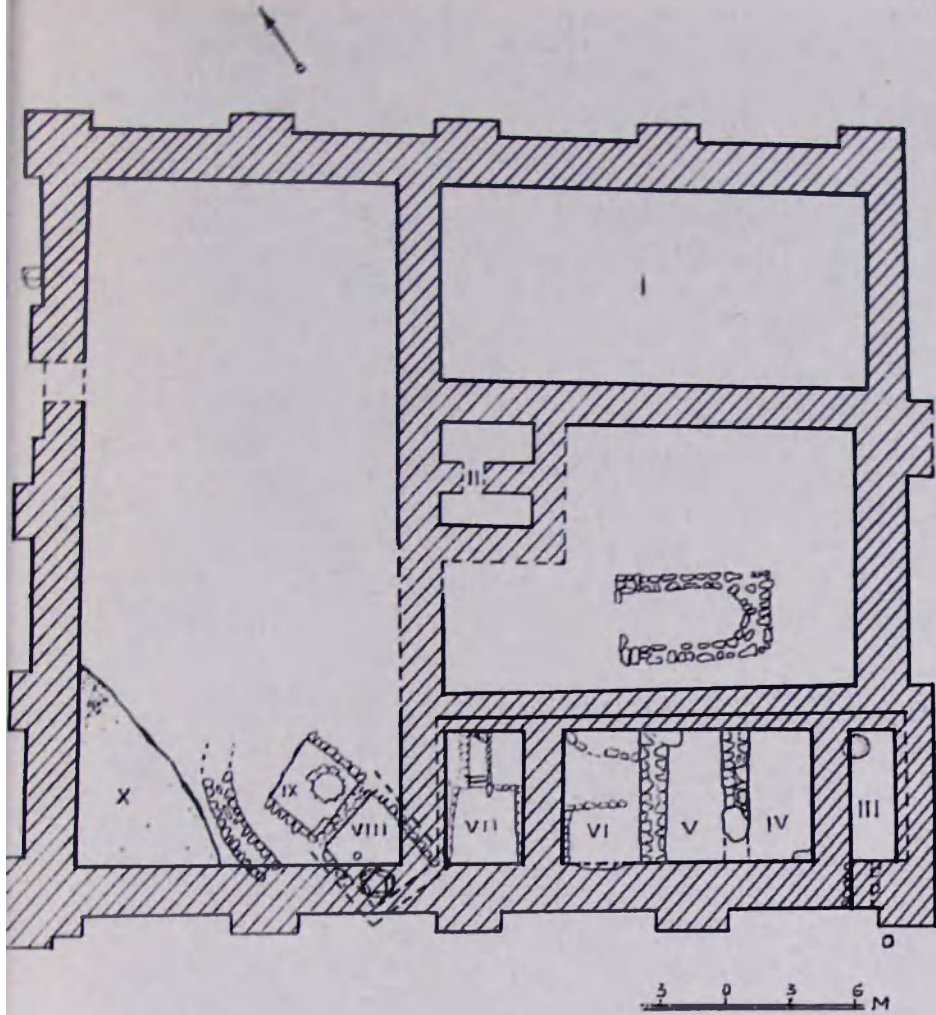

ИЛЛЮСТРАЦИИ

IV

1.

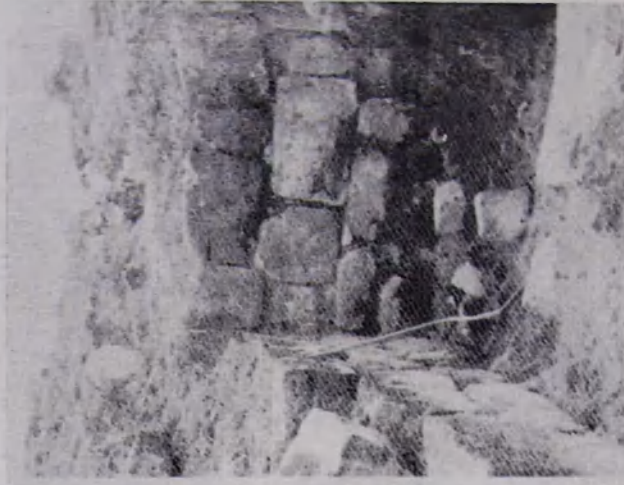

2.

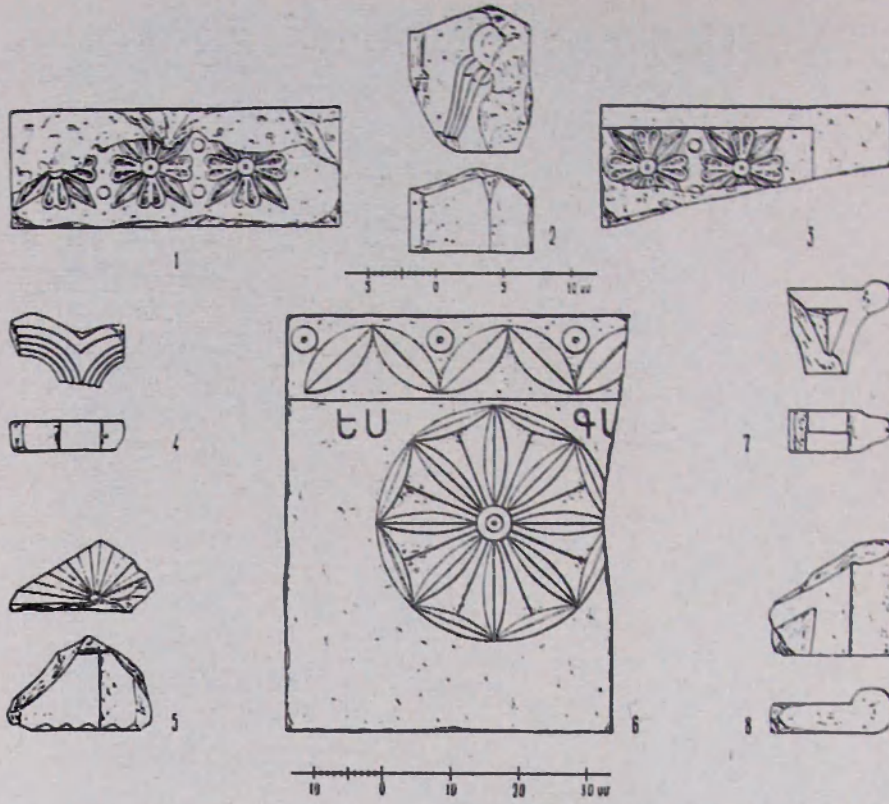

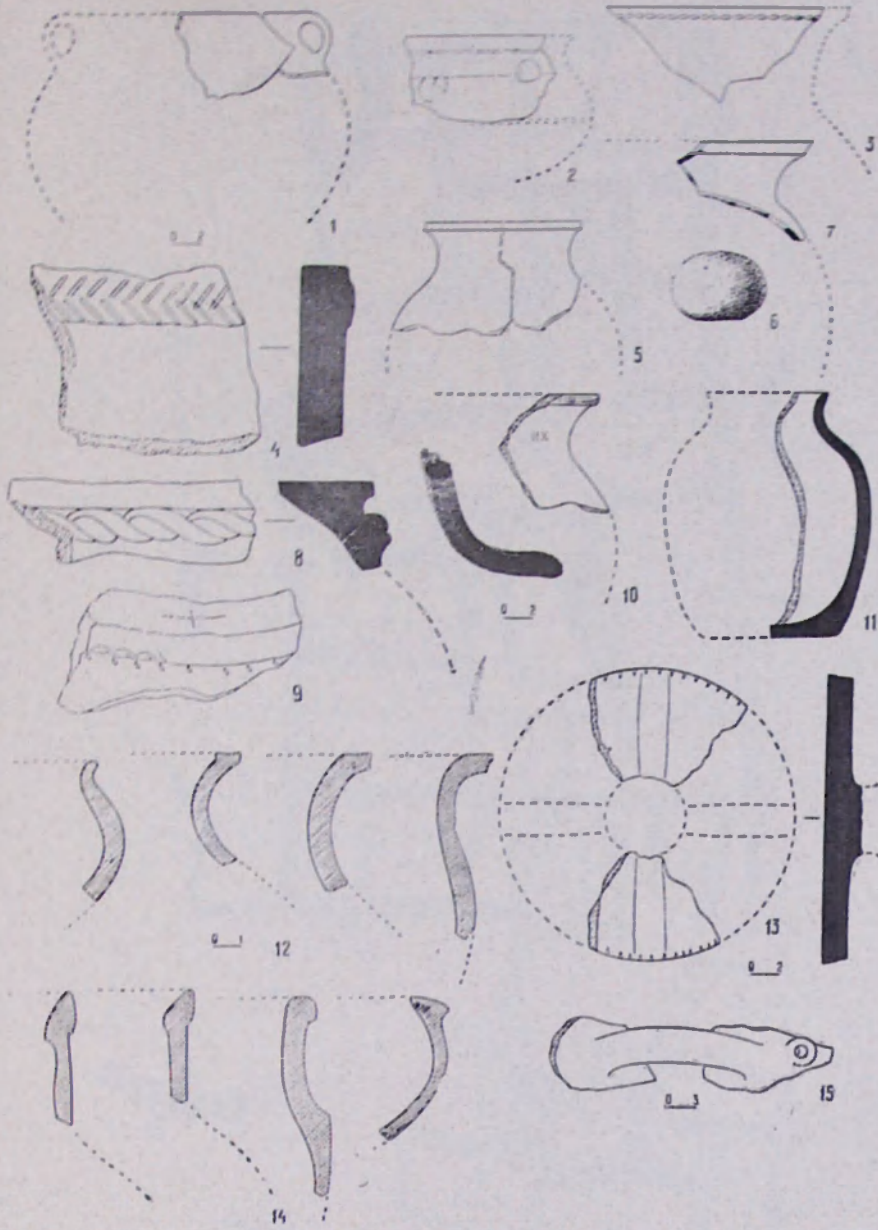
3.

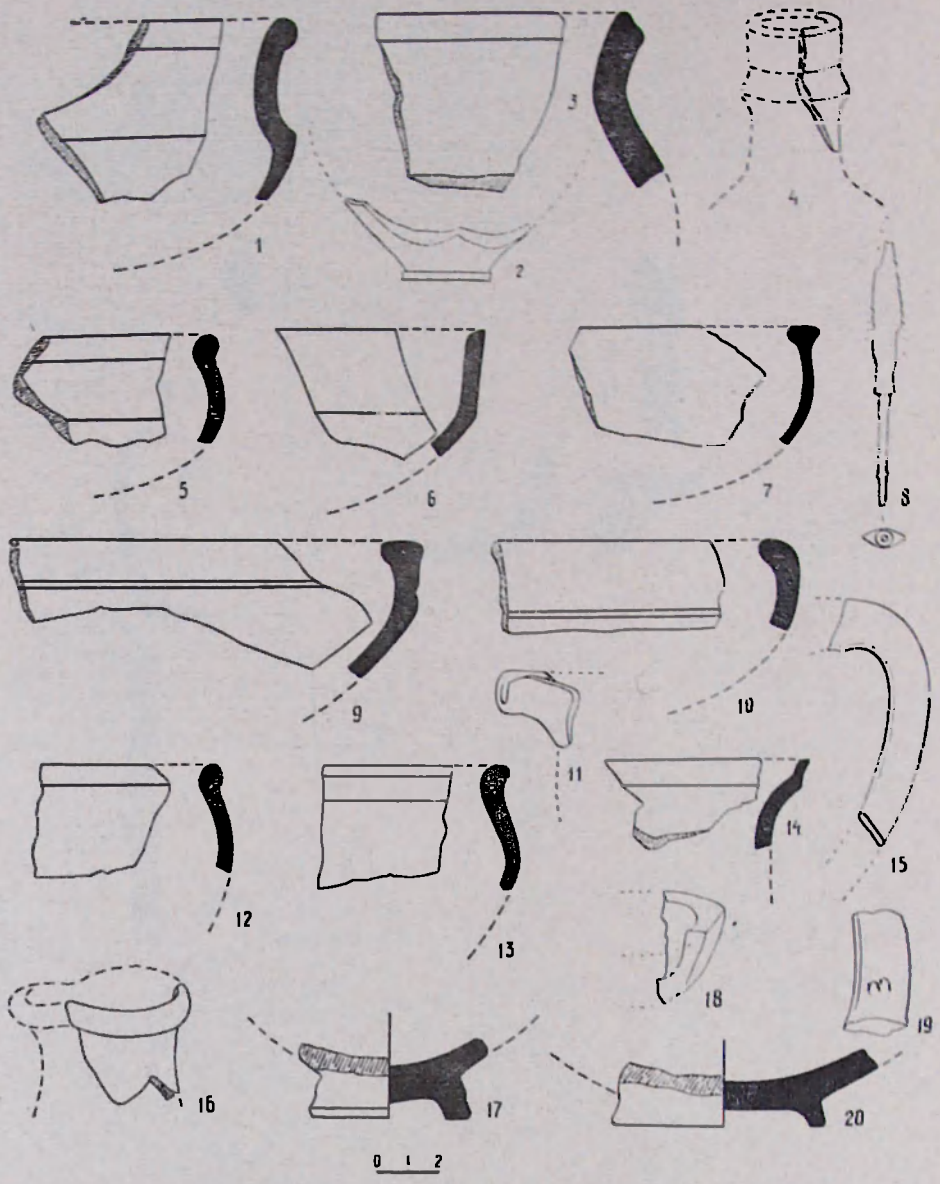
VI

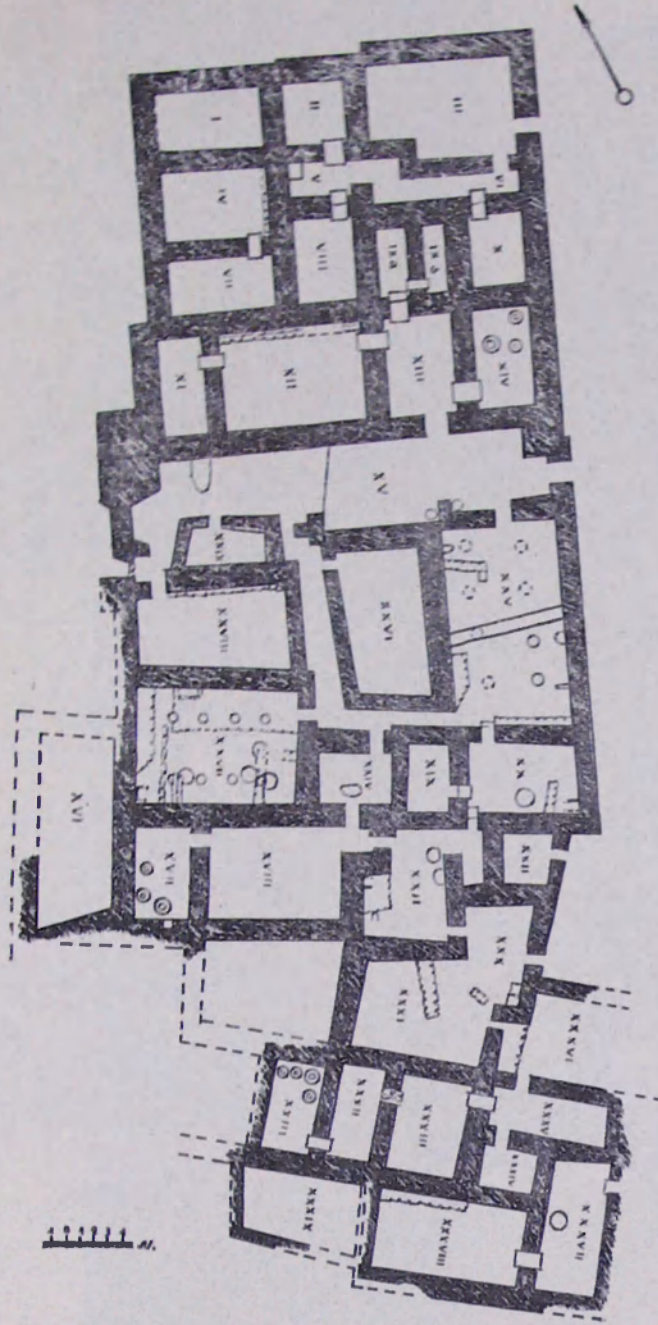

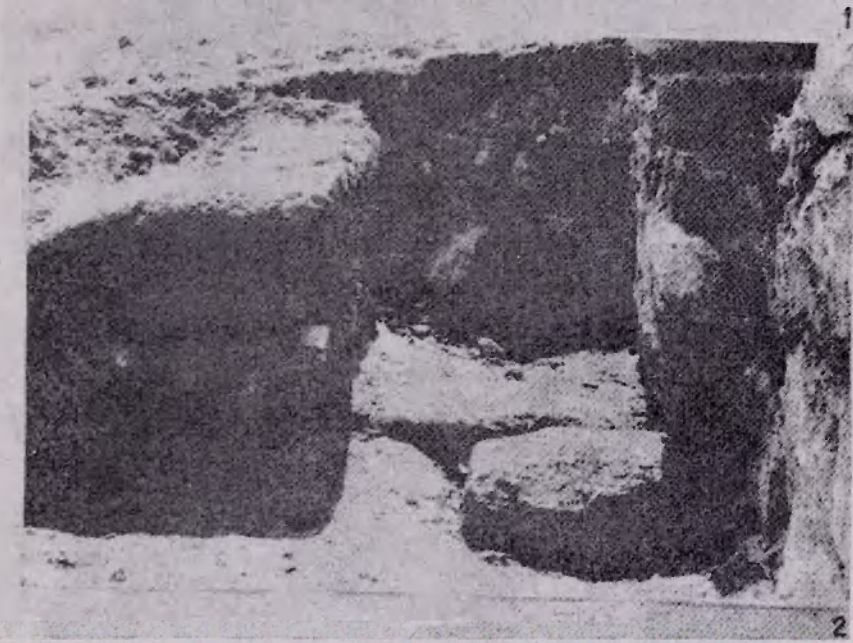
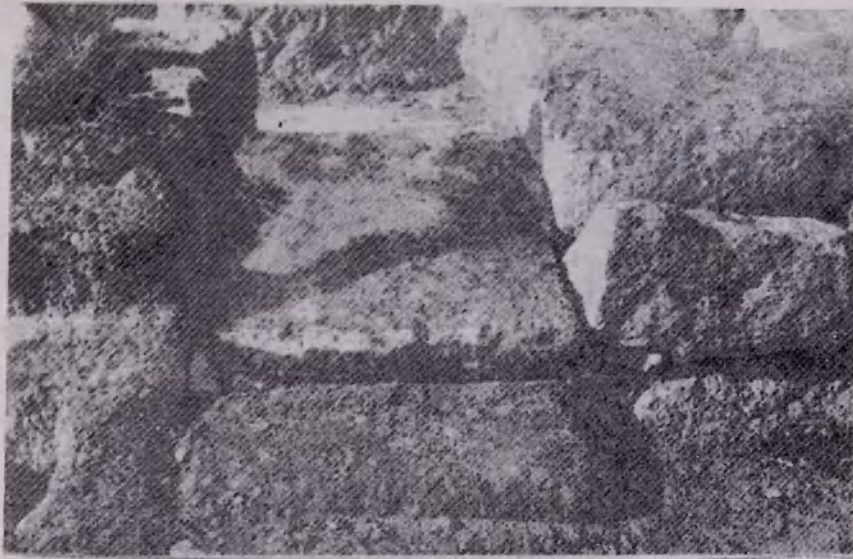

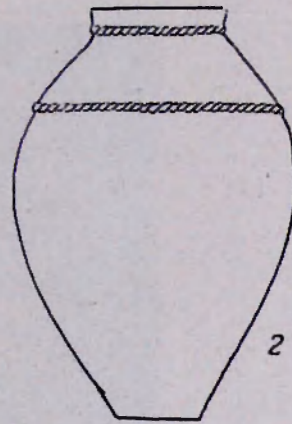
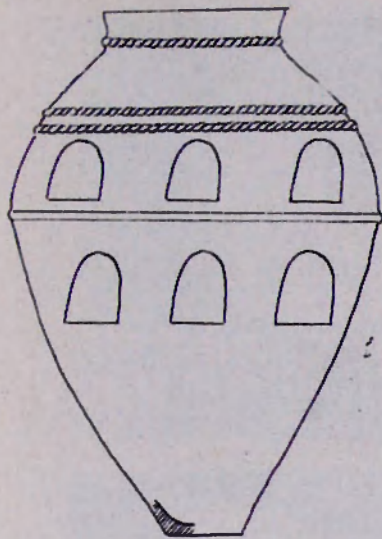

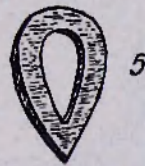
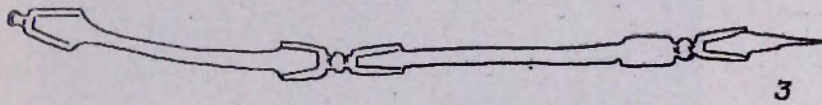

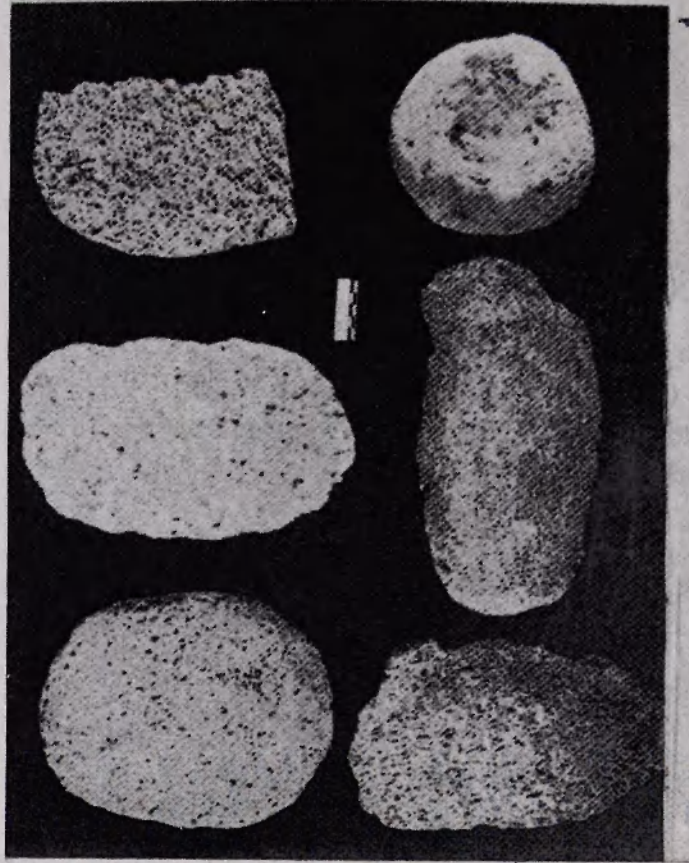
XV

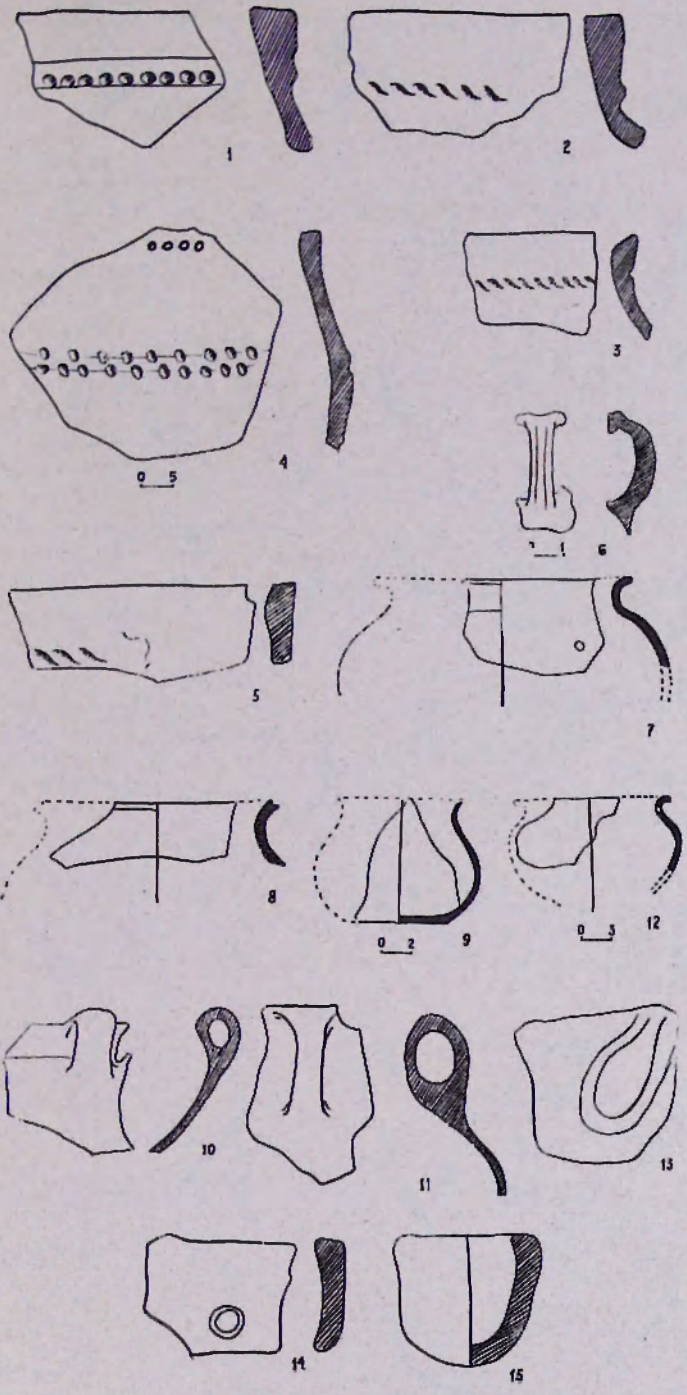

0 20

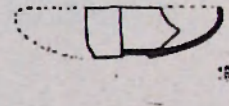
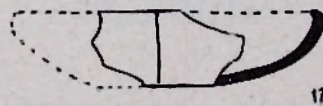
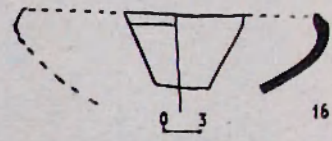
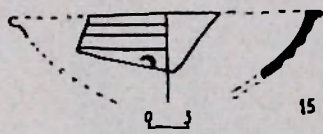
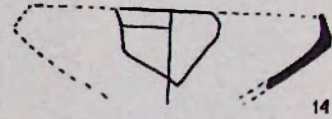
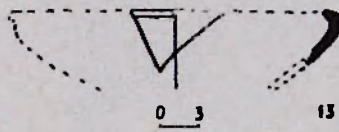
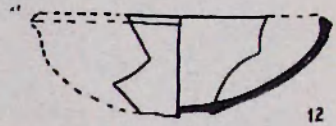
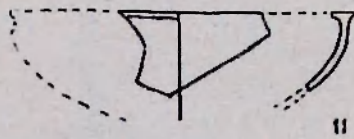
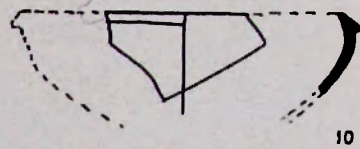
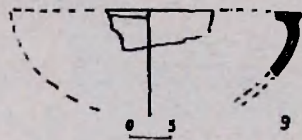
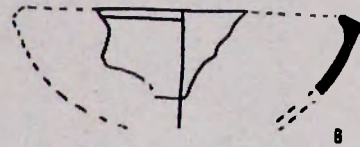
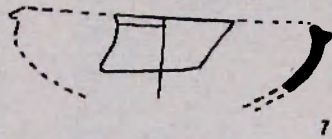
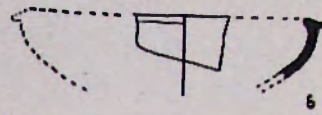
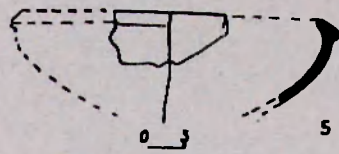
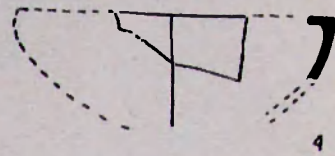
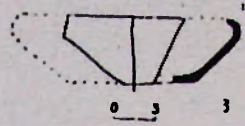
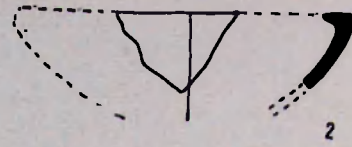
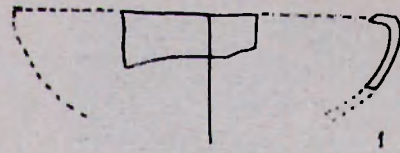

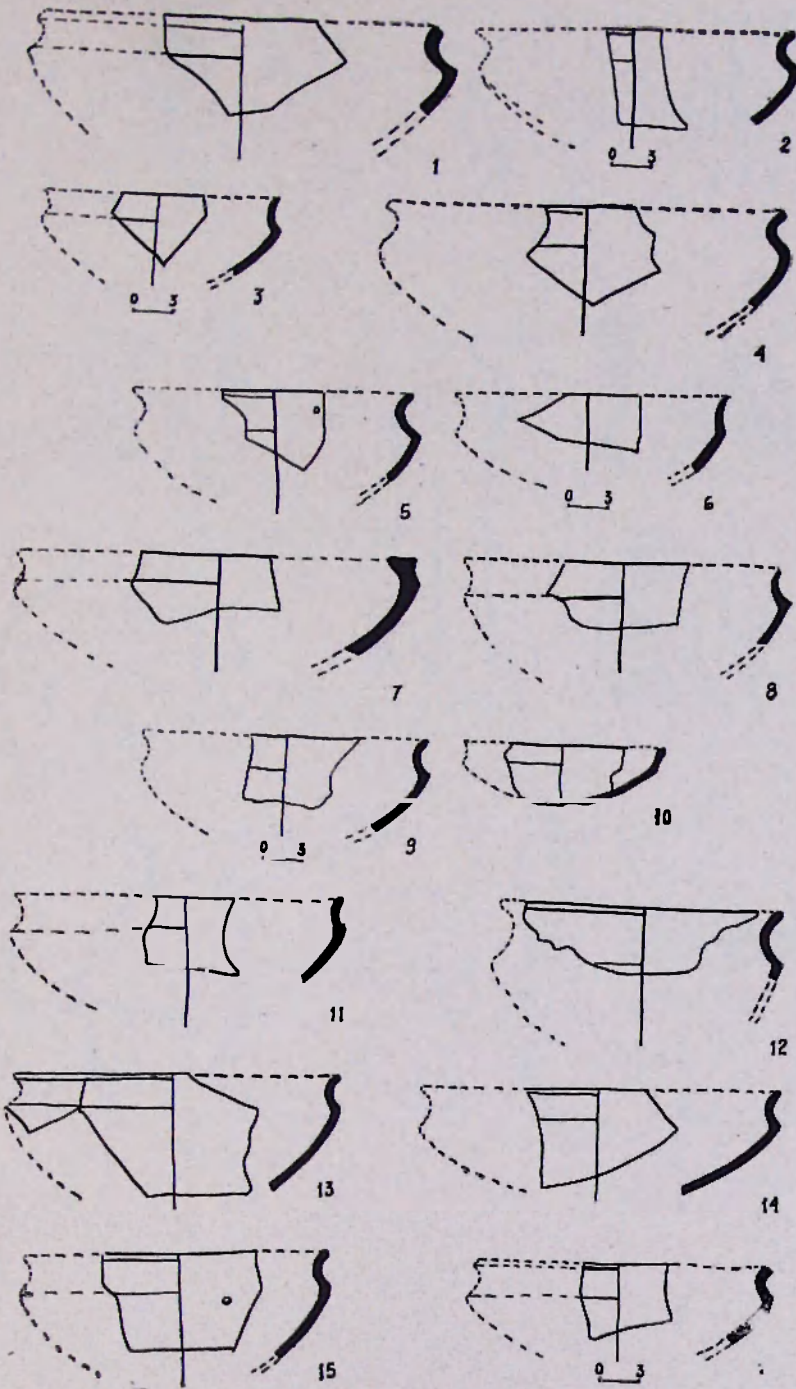
0 1

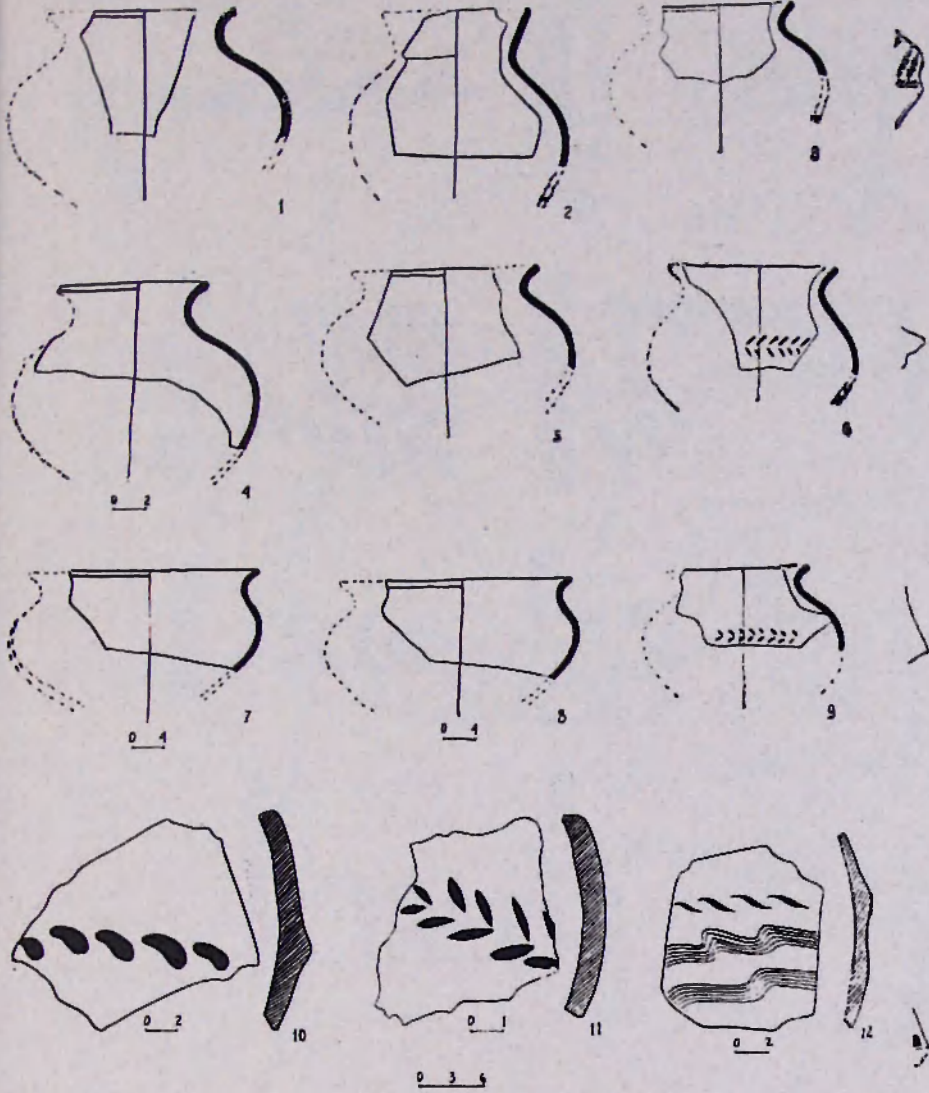

XVIII

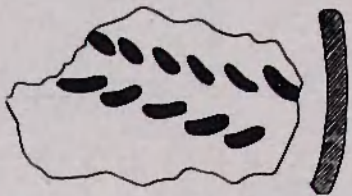
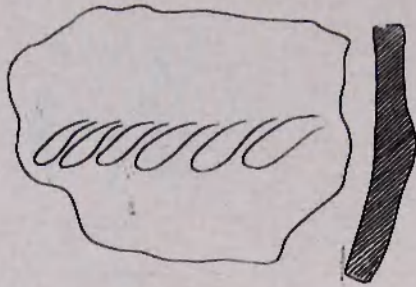

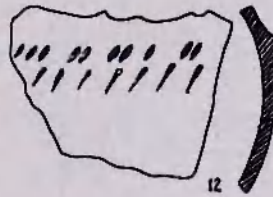
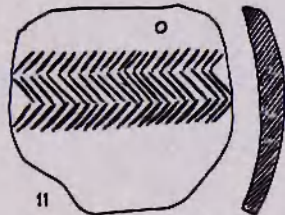
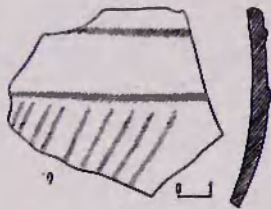
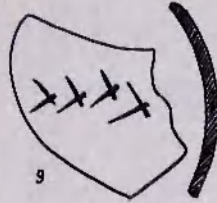
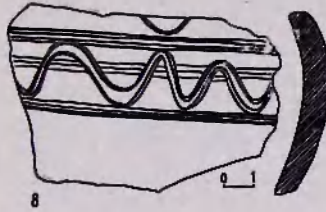
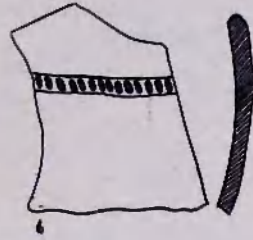
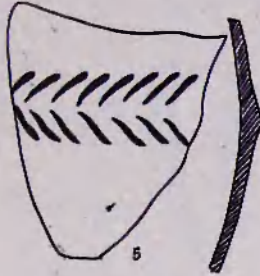
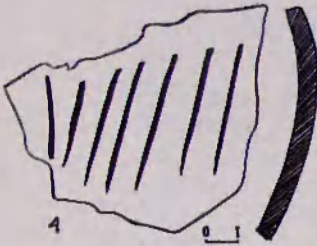
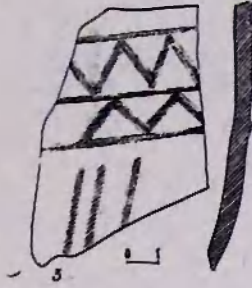
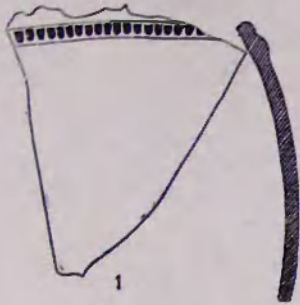

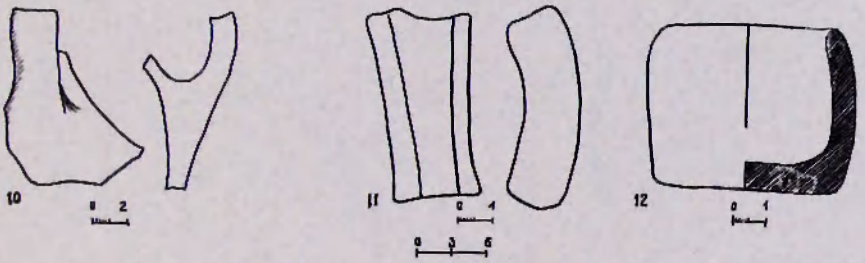
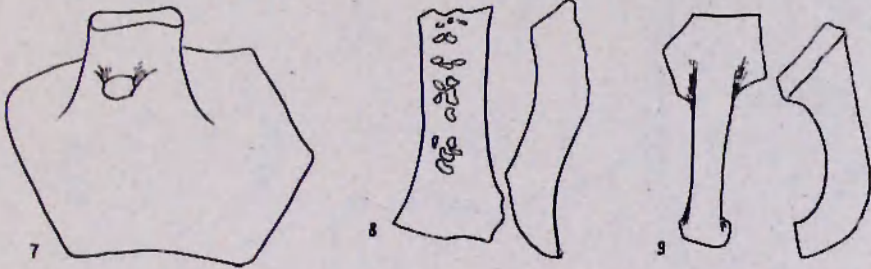
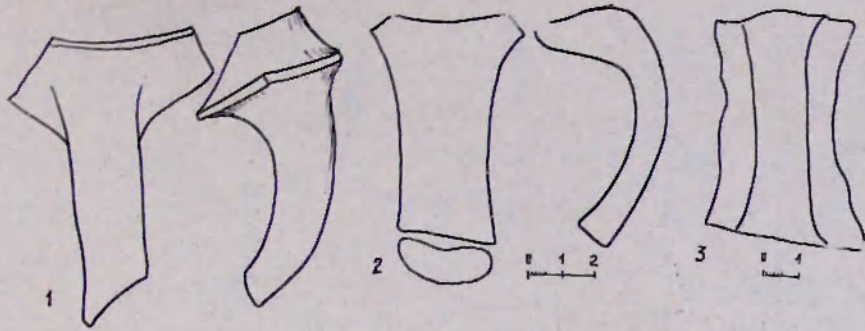
XXII

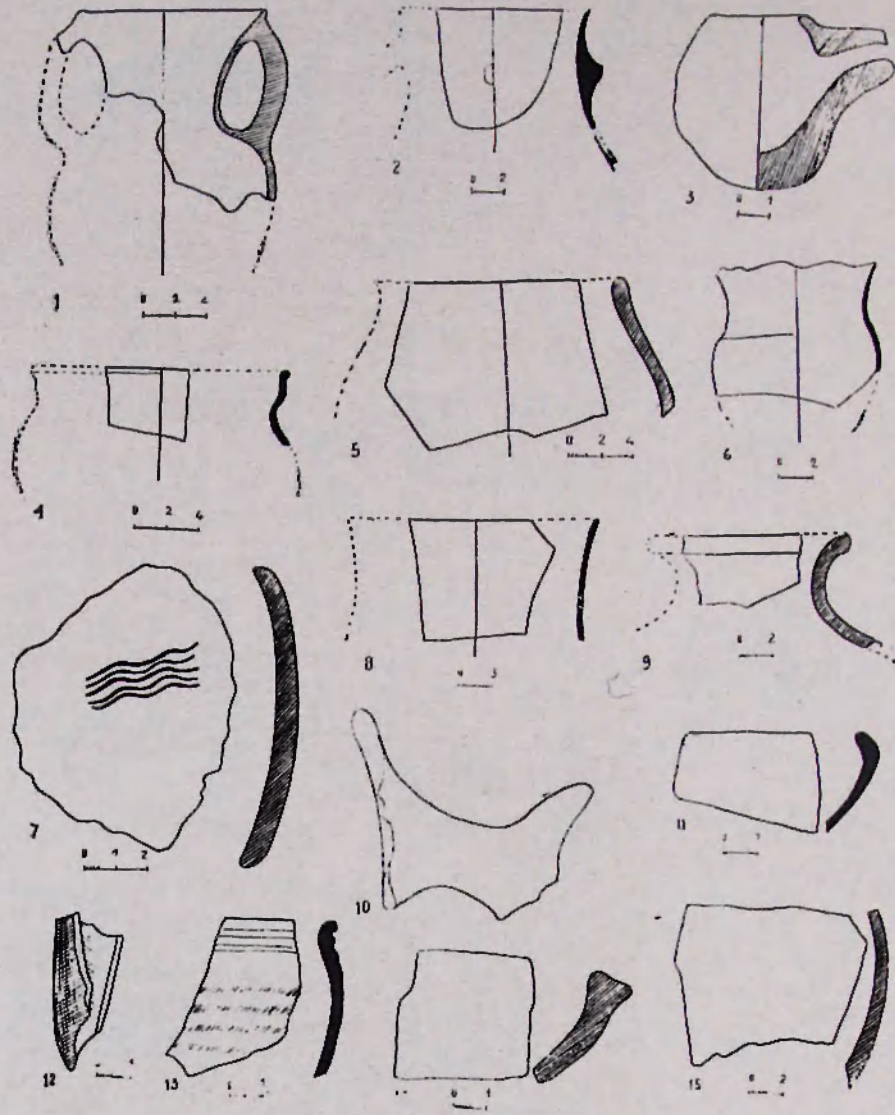

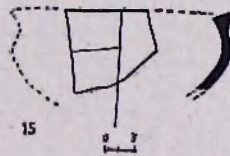
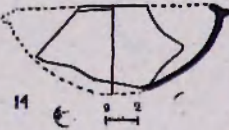
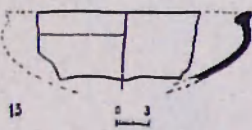
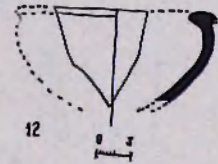
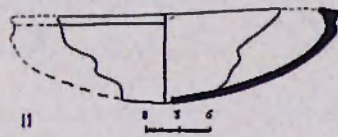
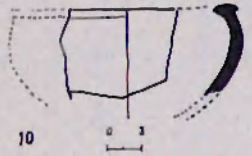
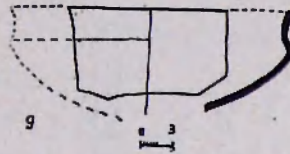
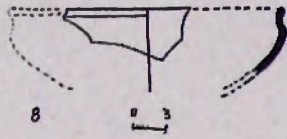
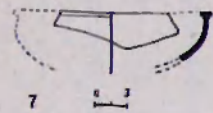
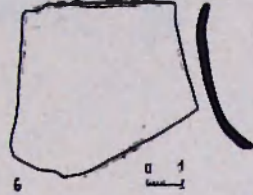
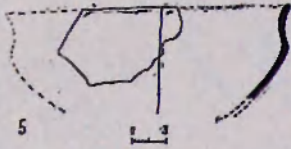
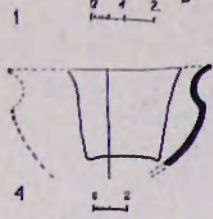
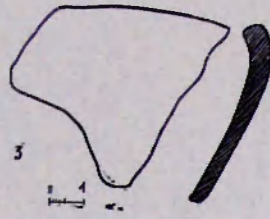
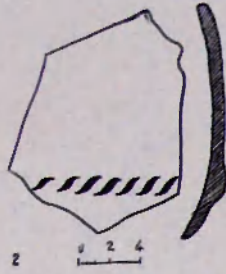
0 1 2

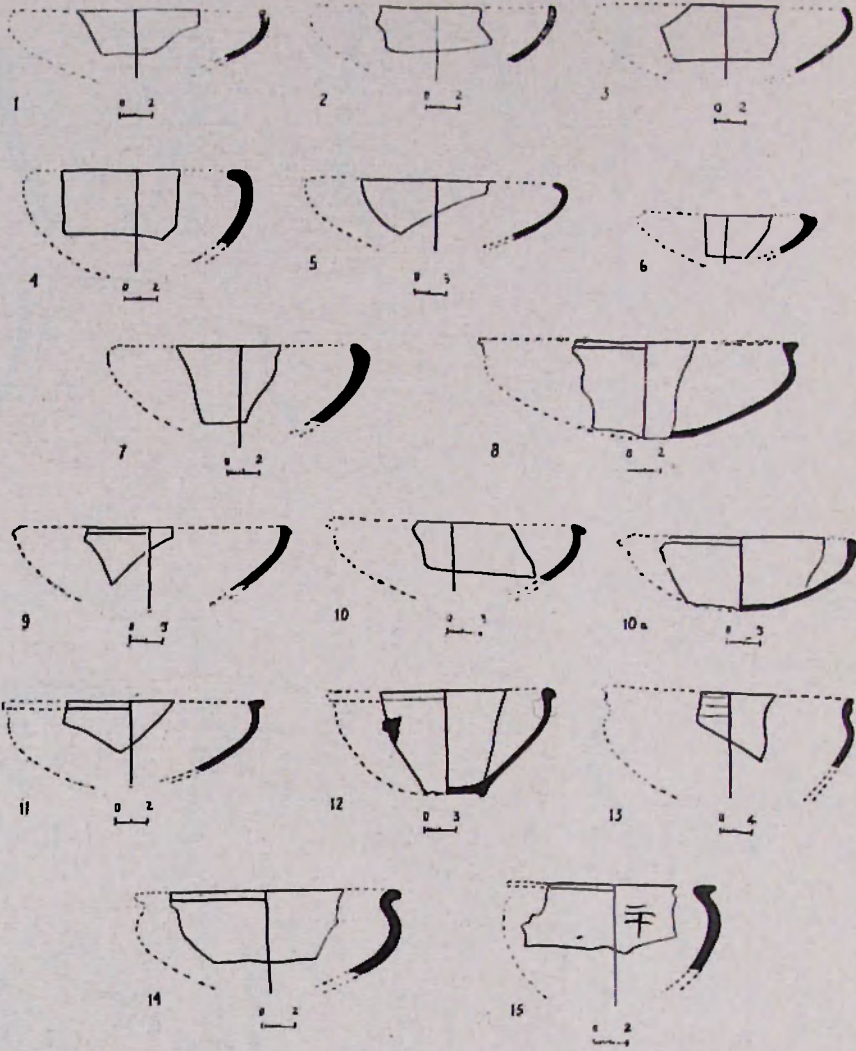

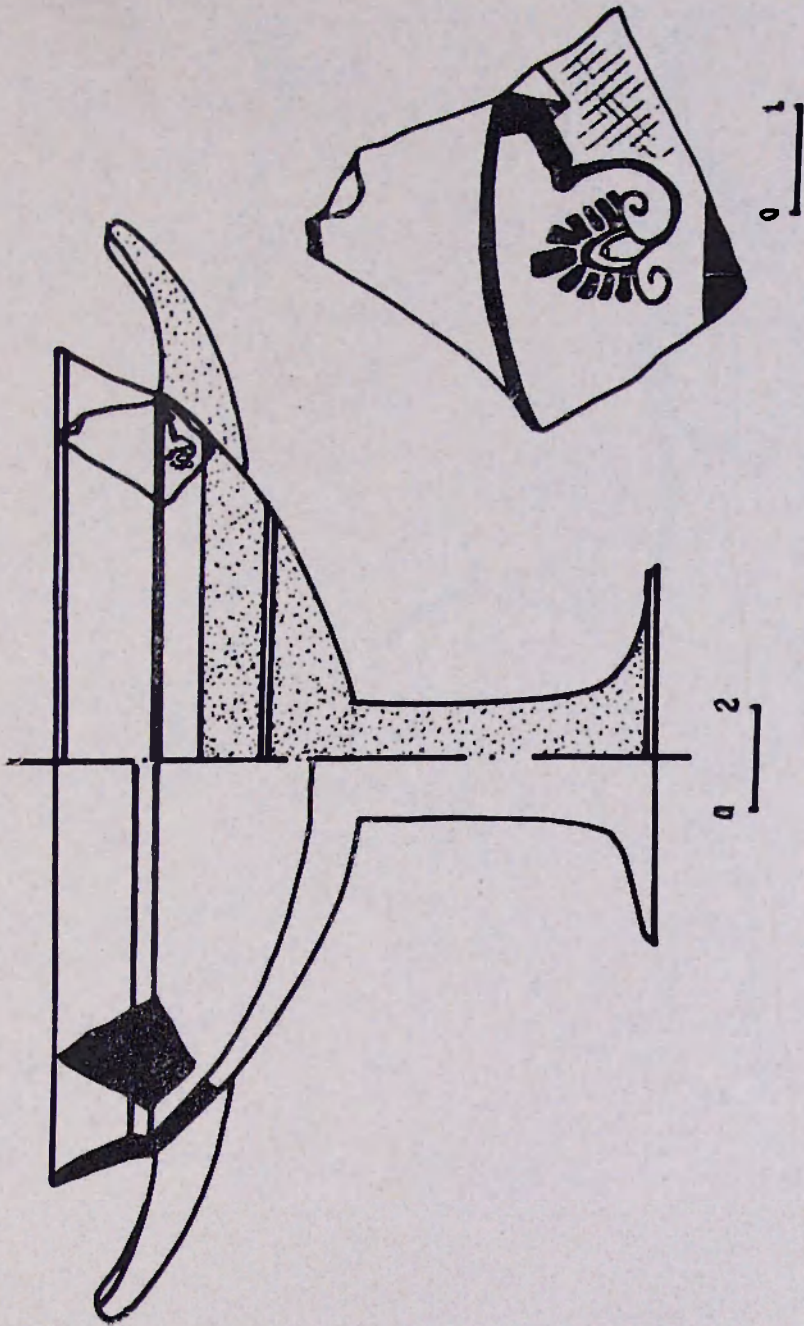

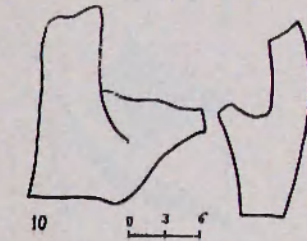
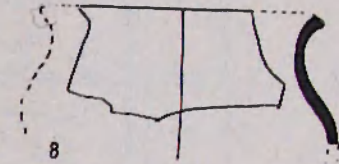
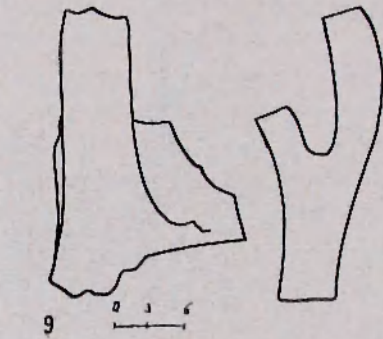
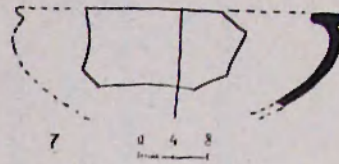
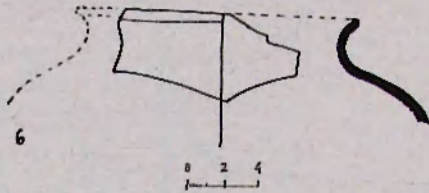
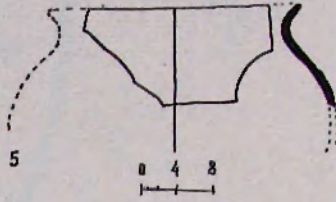
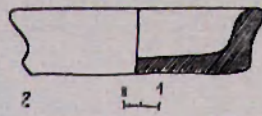
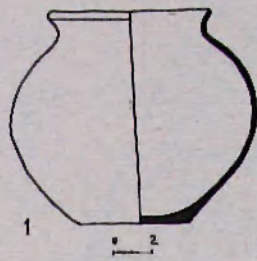

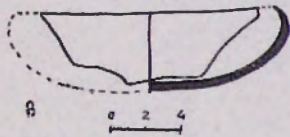
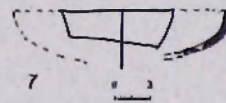
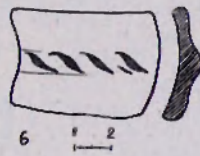
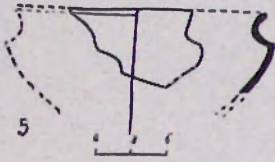
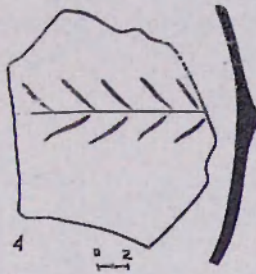
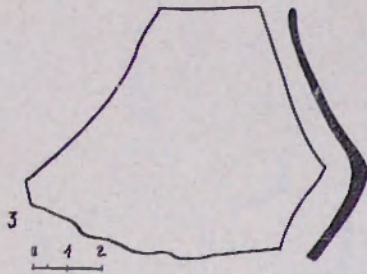
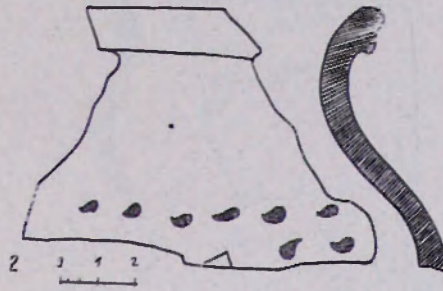
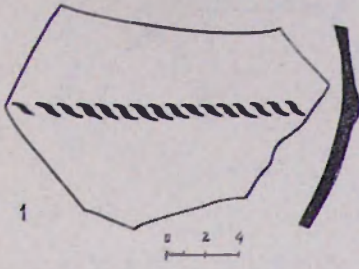

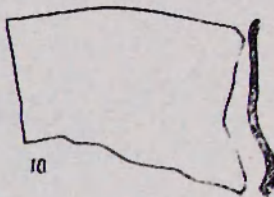
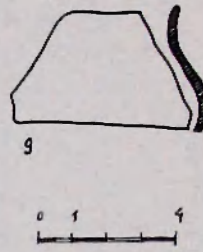
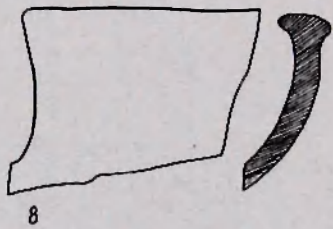
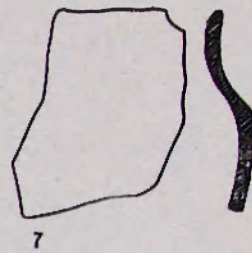
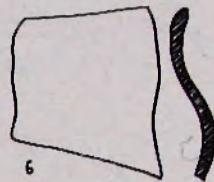
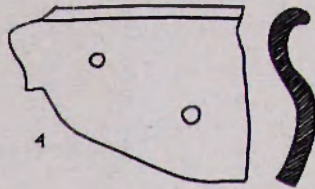
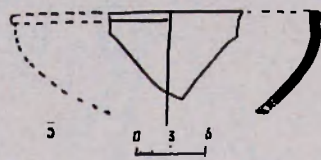
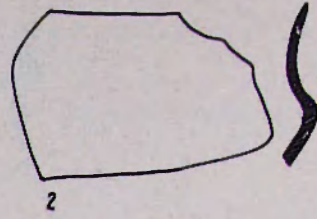
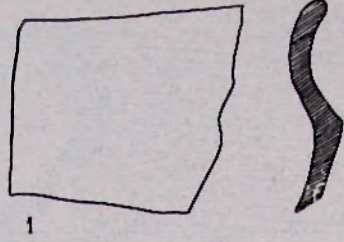
XXVIII

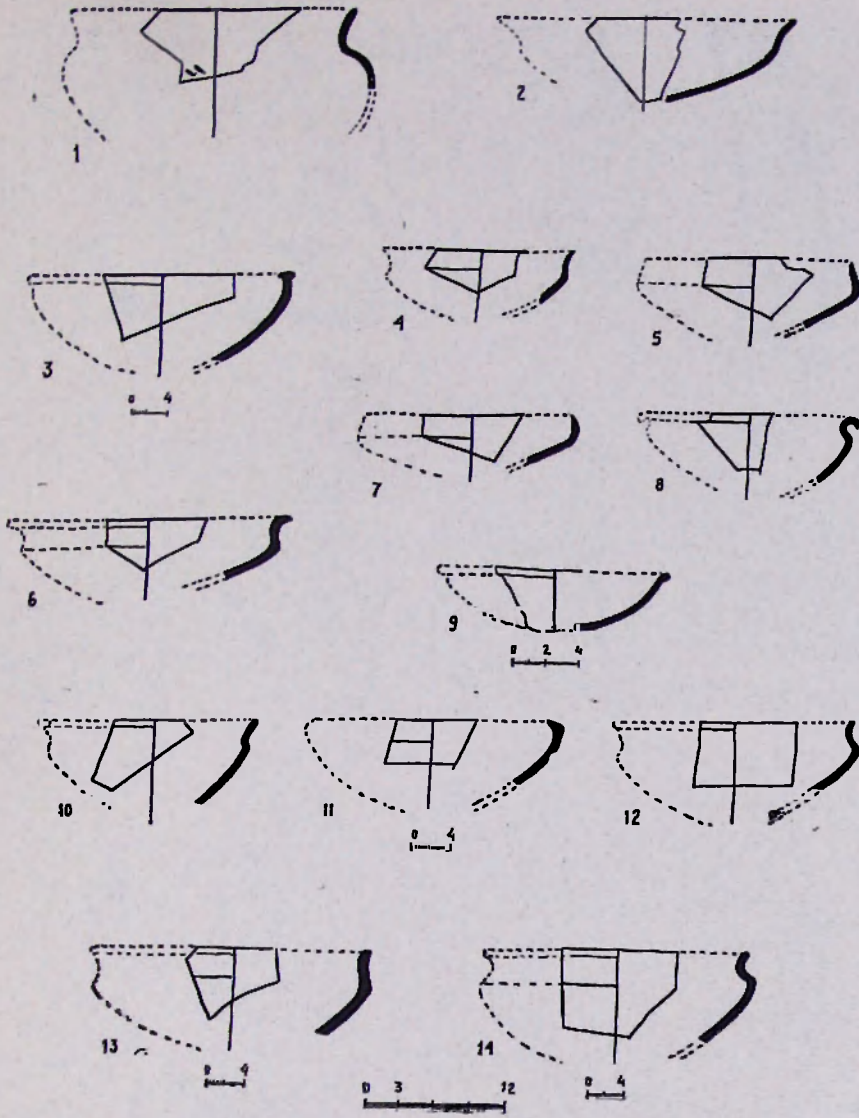

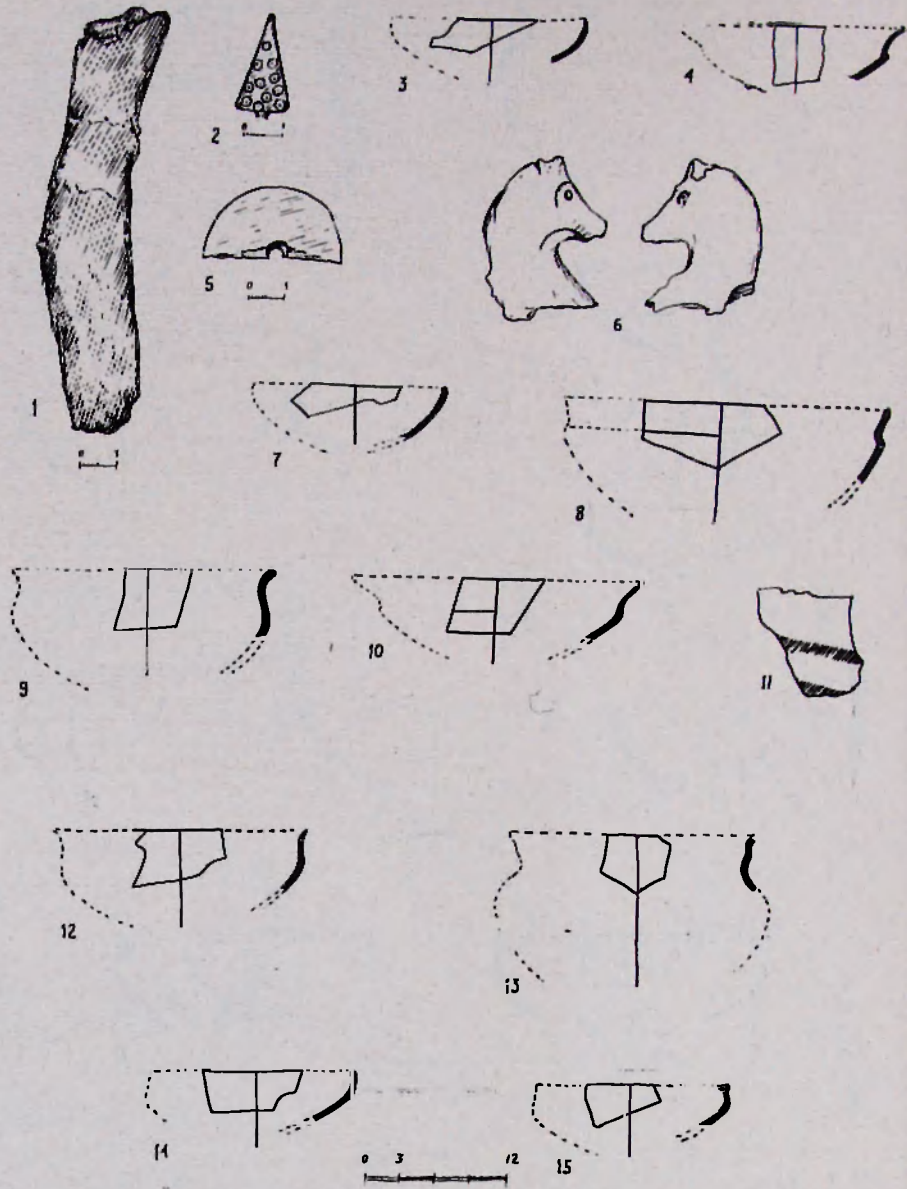

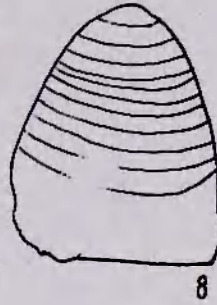
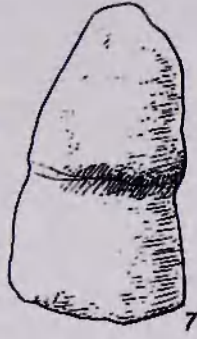
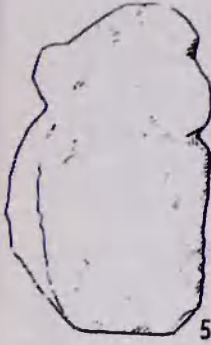

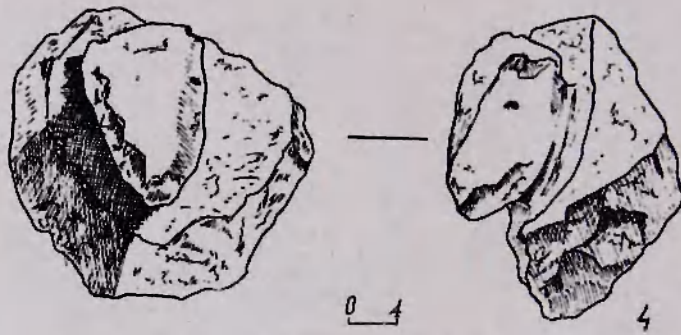
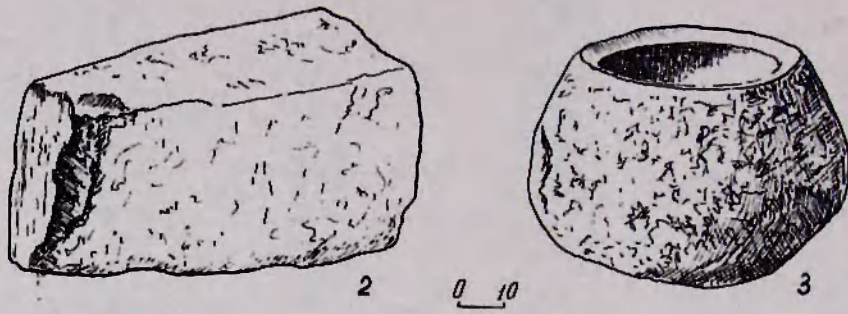
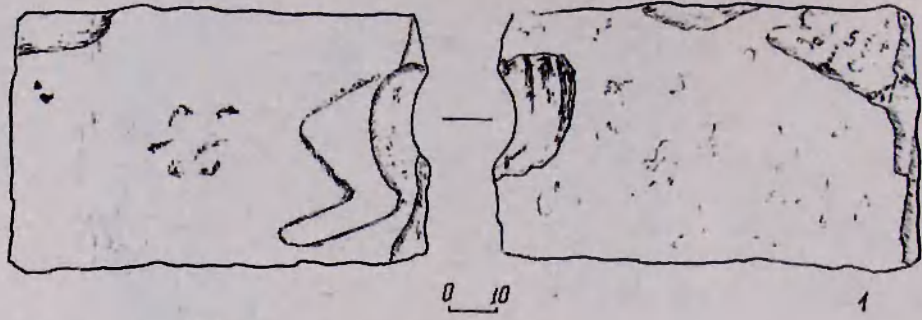

XXXVI

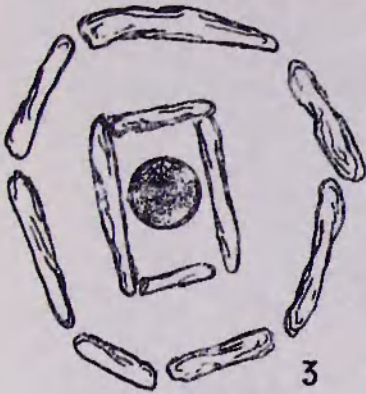

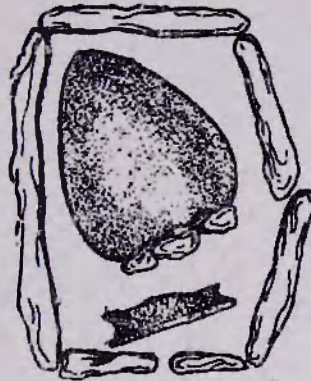
1

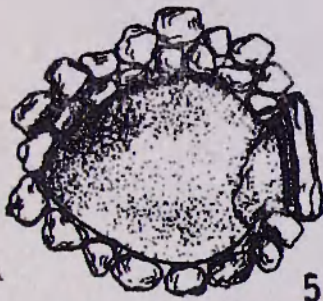
2

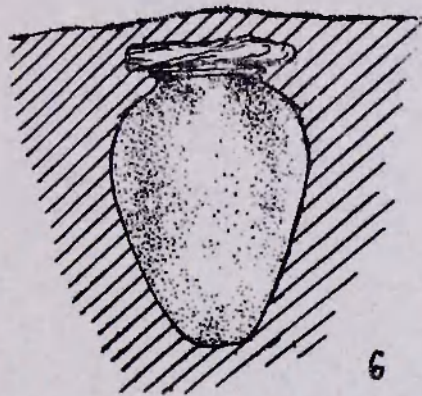
3

4

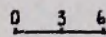
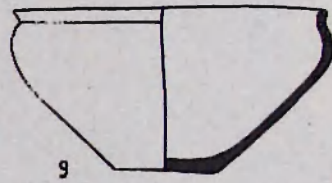
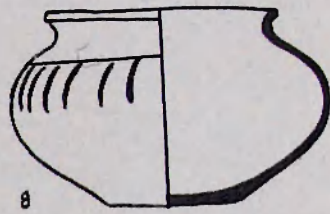
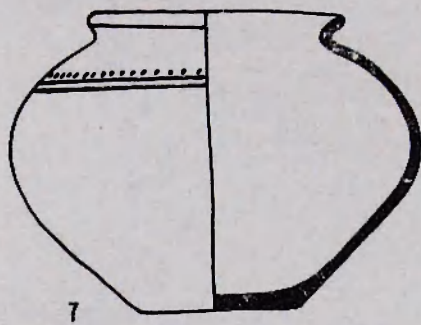
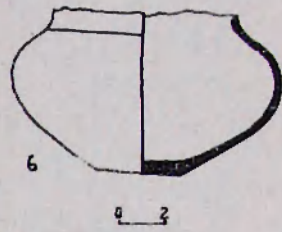
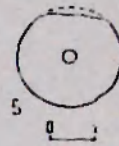
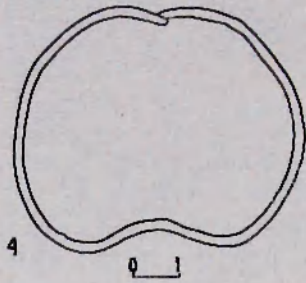
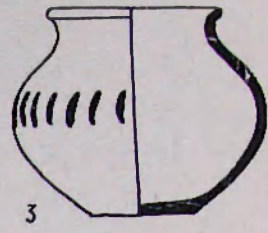
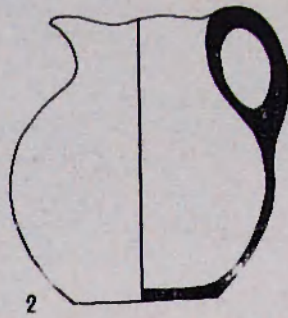
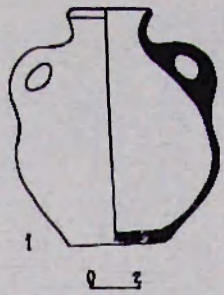

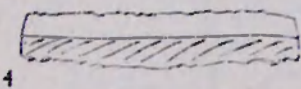
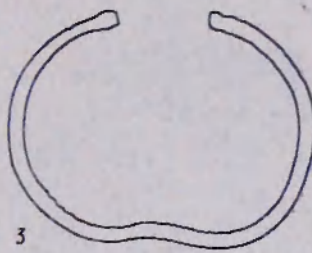
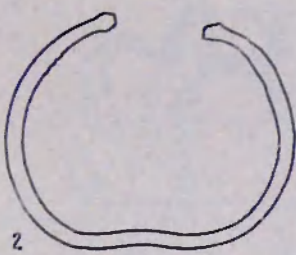
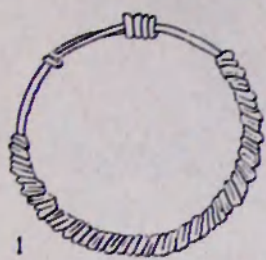
5

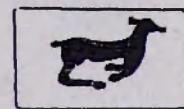
6

XL

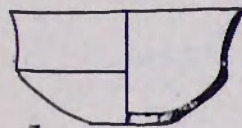
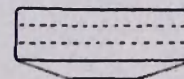

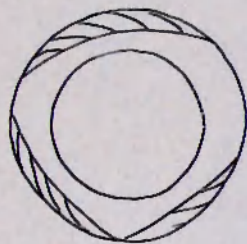
0 3

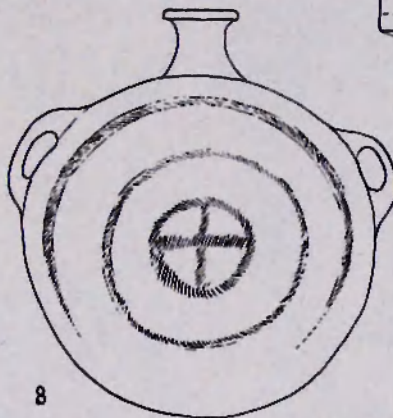
1

7

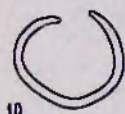

0 3

8

0 3

10

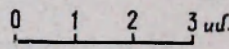
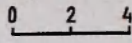
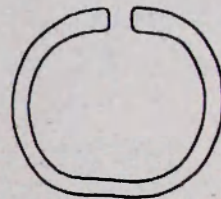
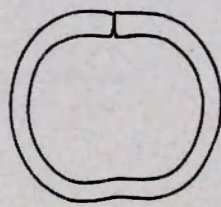
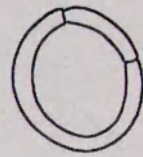
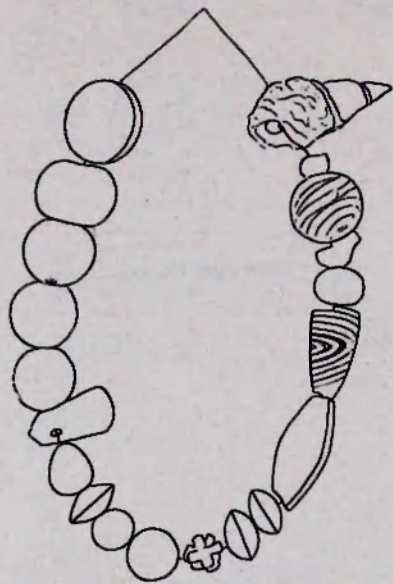
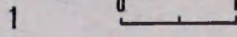
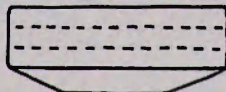
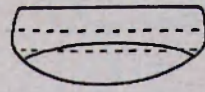

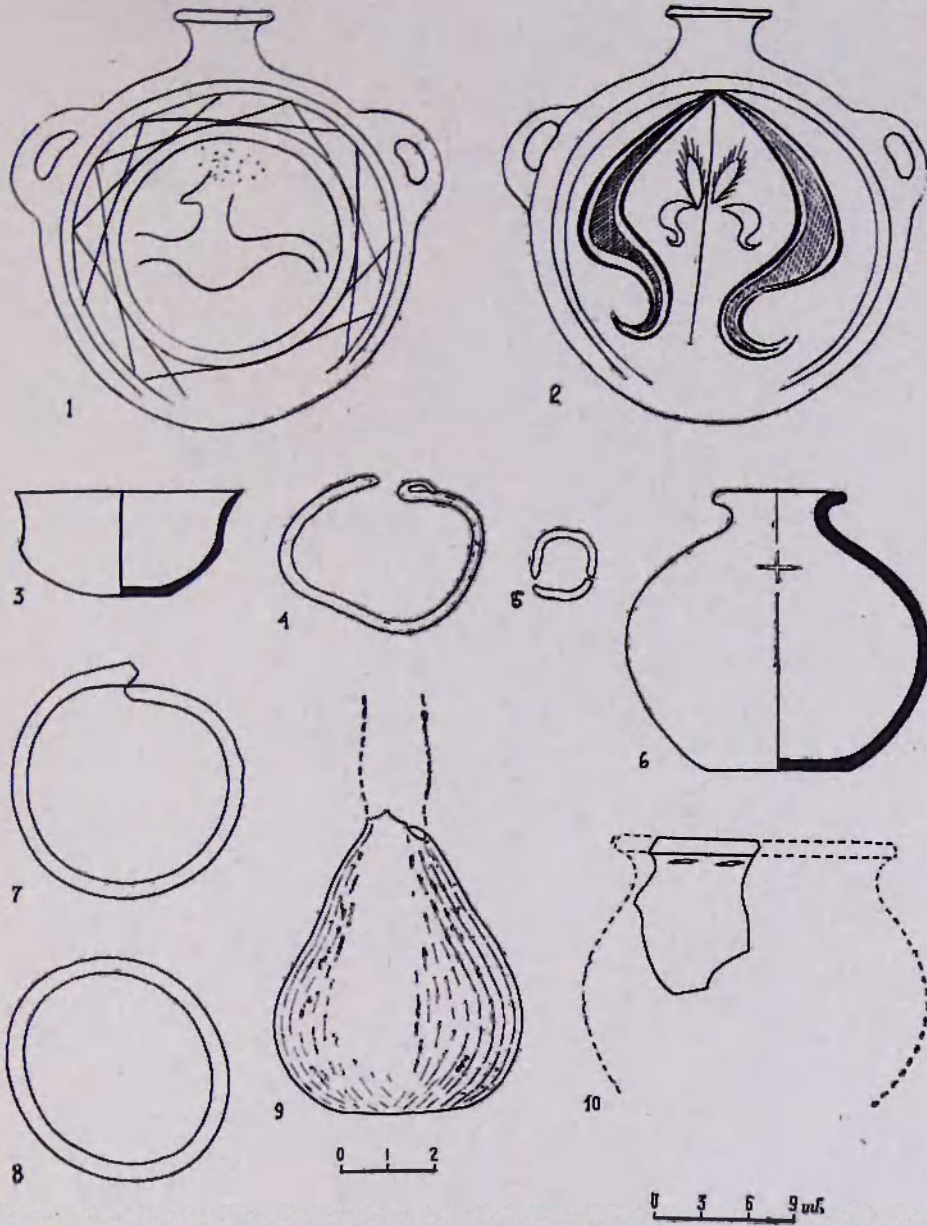
11

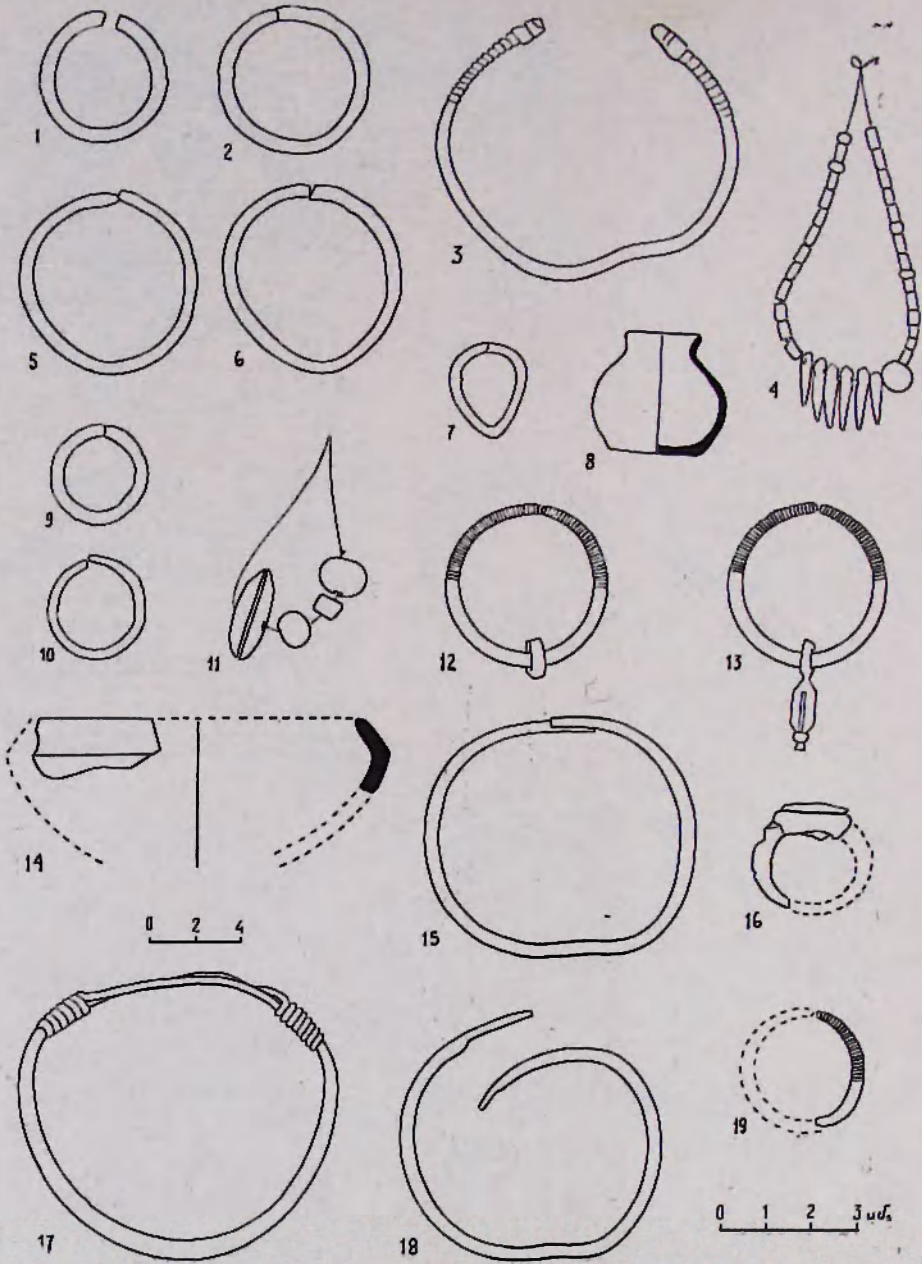
0 1 2 3 cm

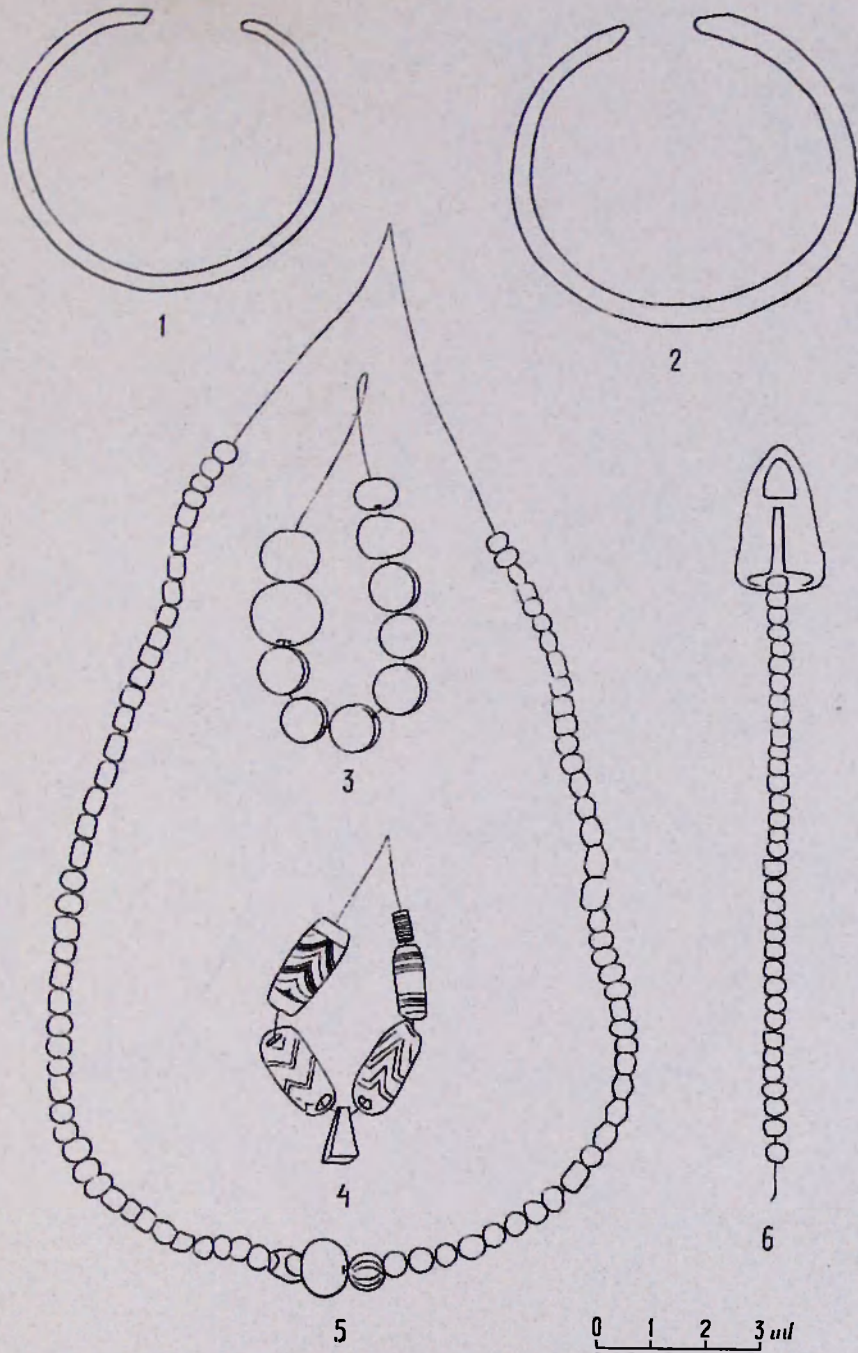

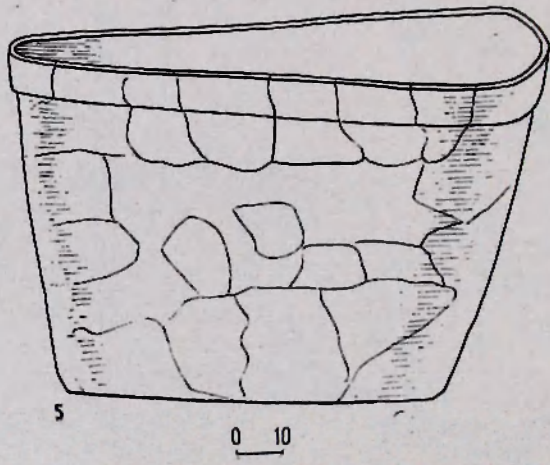
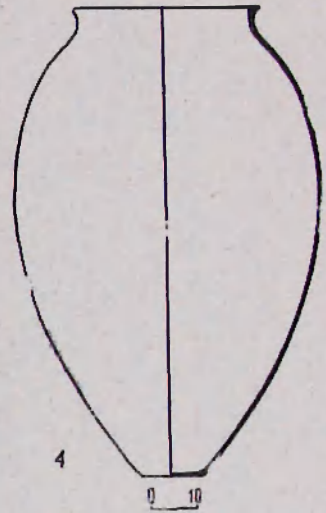
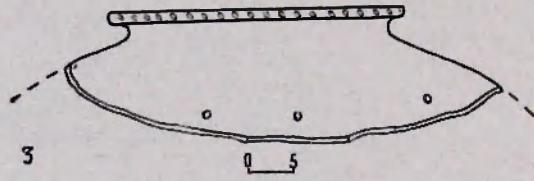
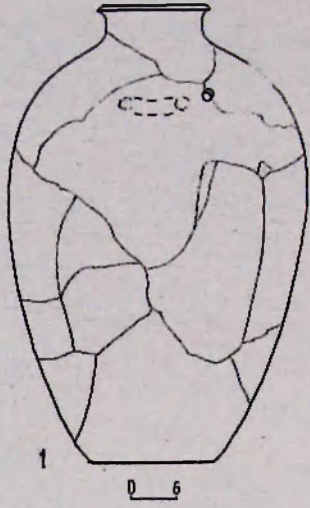
9

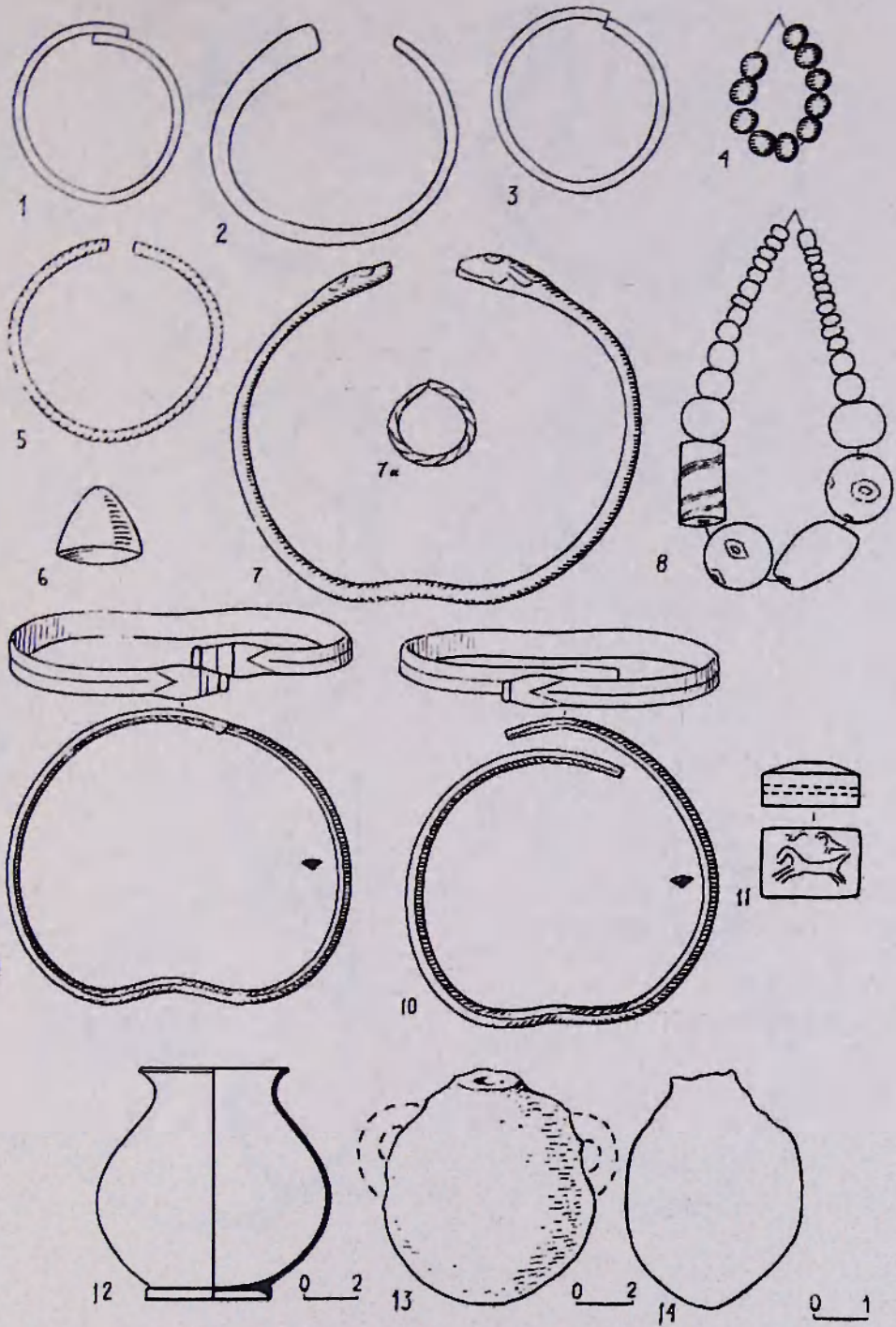

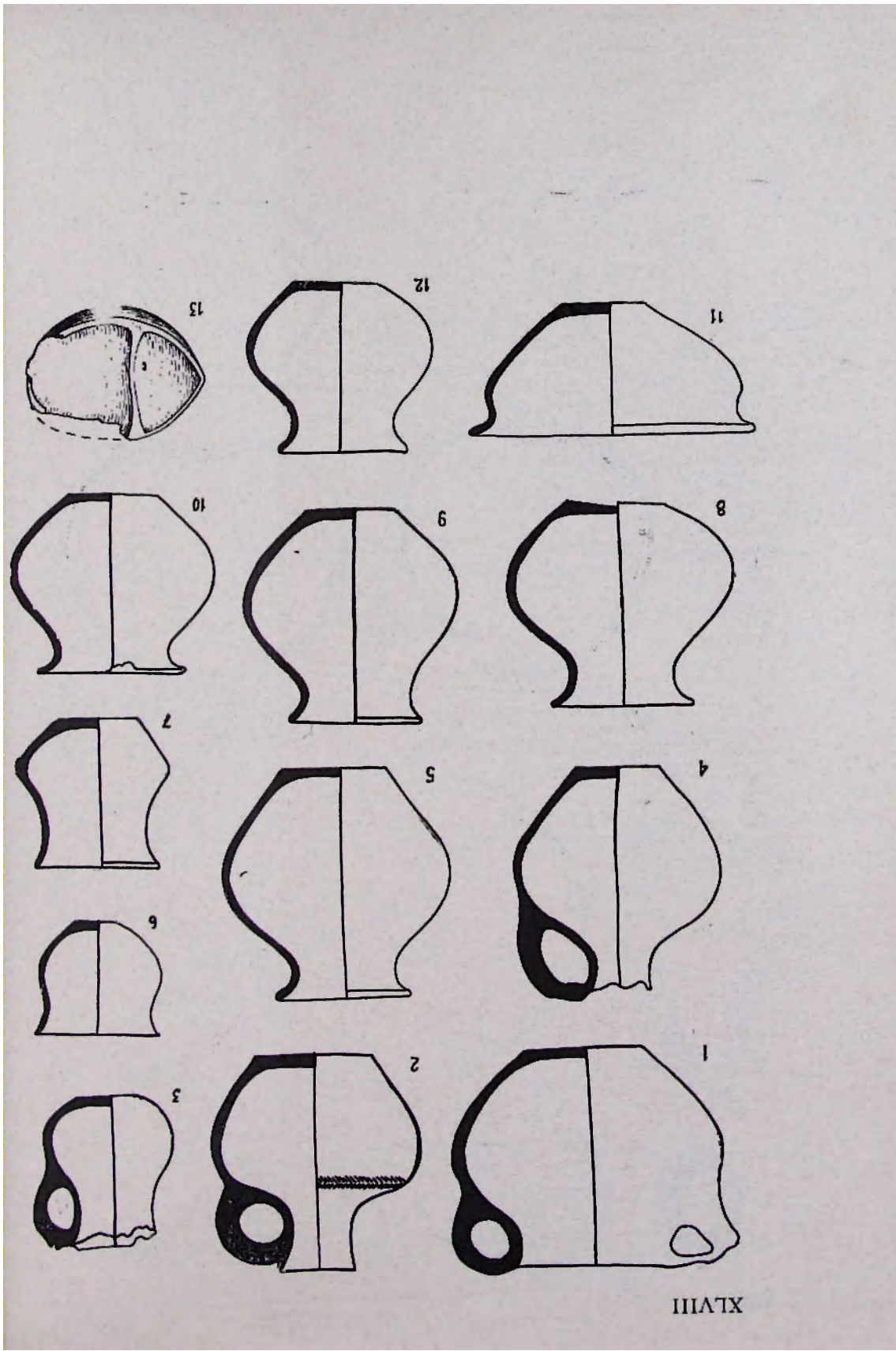

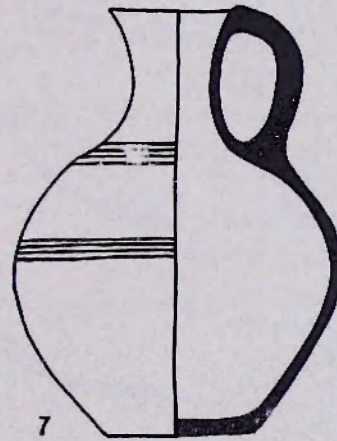
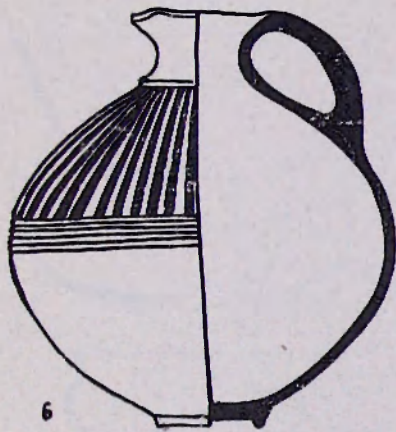
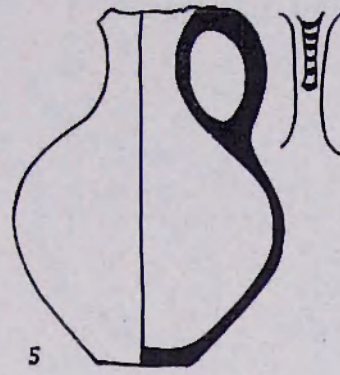
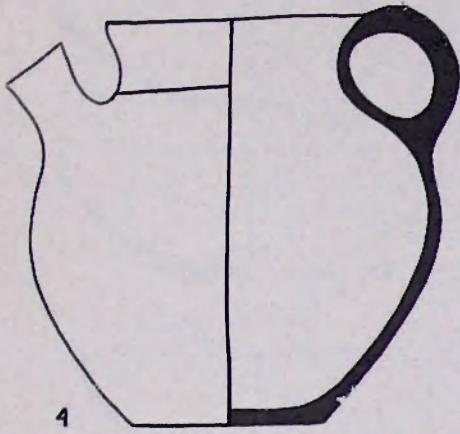
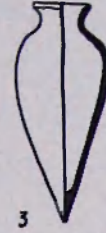
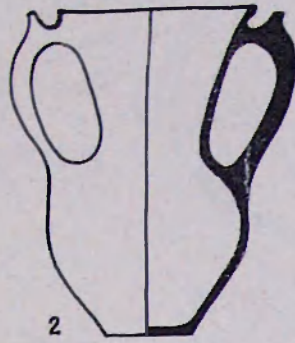
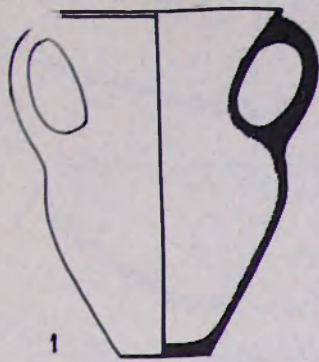

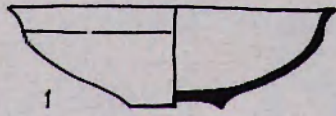

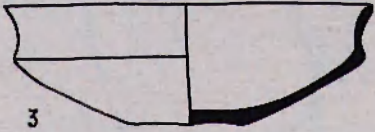

0 3 6

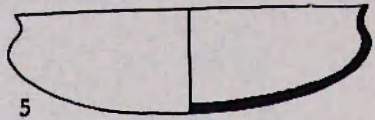
L

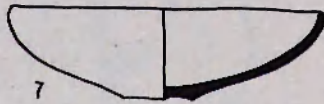
1

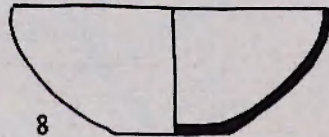
3

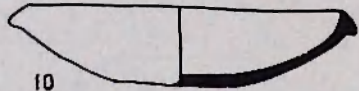
5

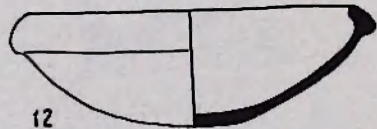
7

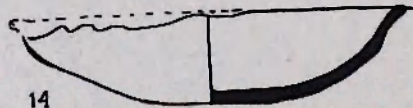
8

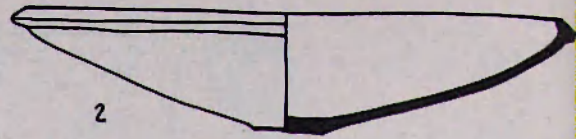
10

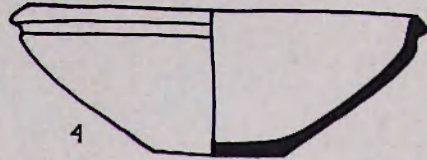
12

14

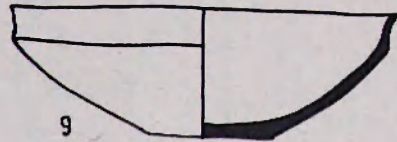
2

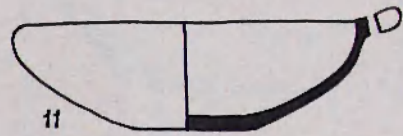
4

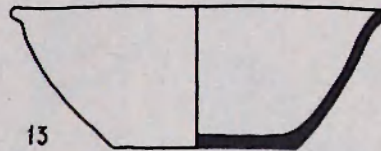
6

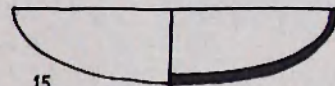
9

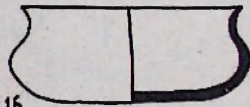
11

13

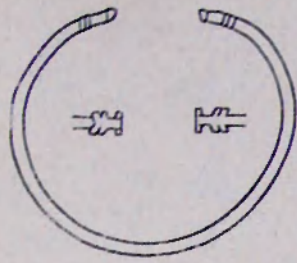

15

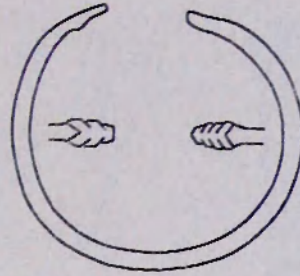

16

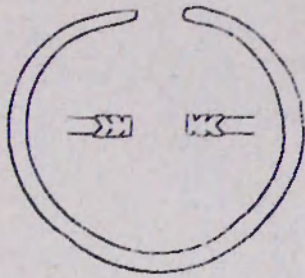
0 2 4

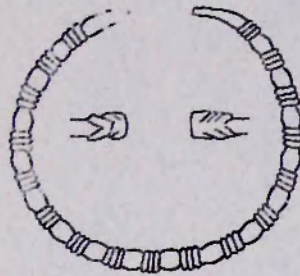
1

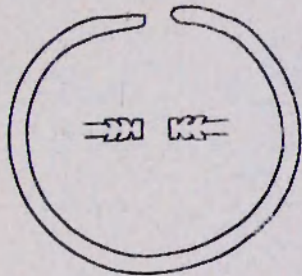
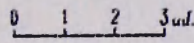
2

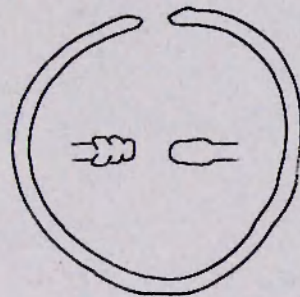
3

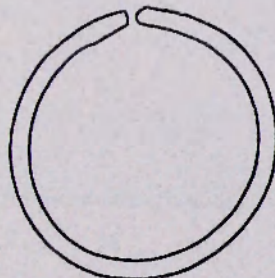
4

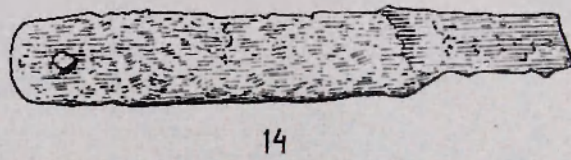
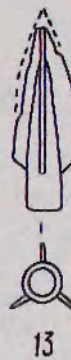
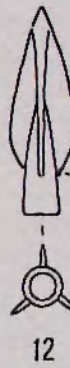
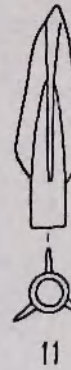
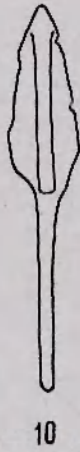
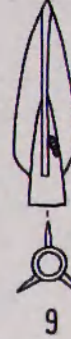
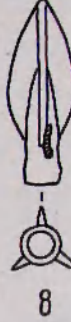
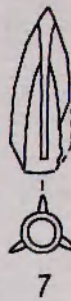
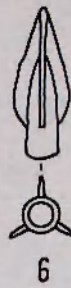
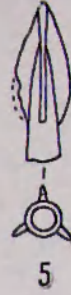
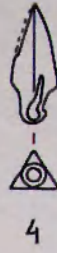
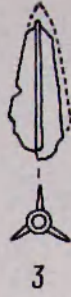
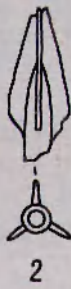
5

6

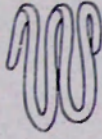
7

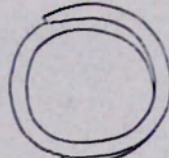
0 1 2 3 mm.

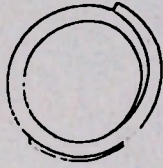
1

2

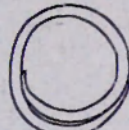
3

4

5

6

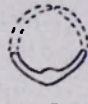
7

8

9

10

11

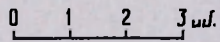
12

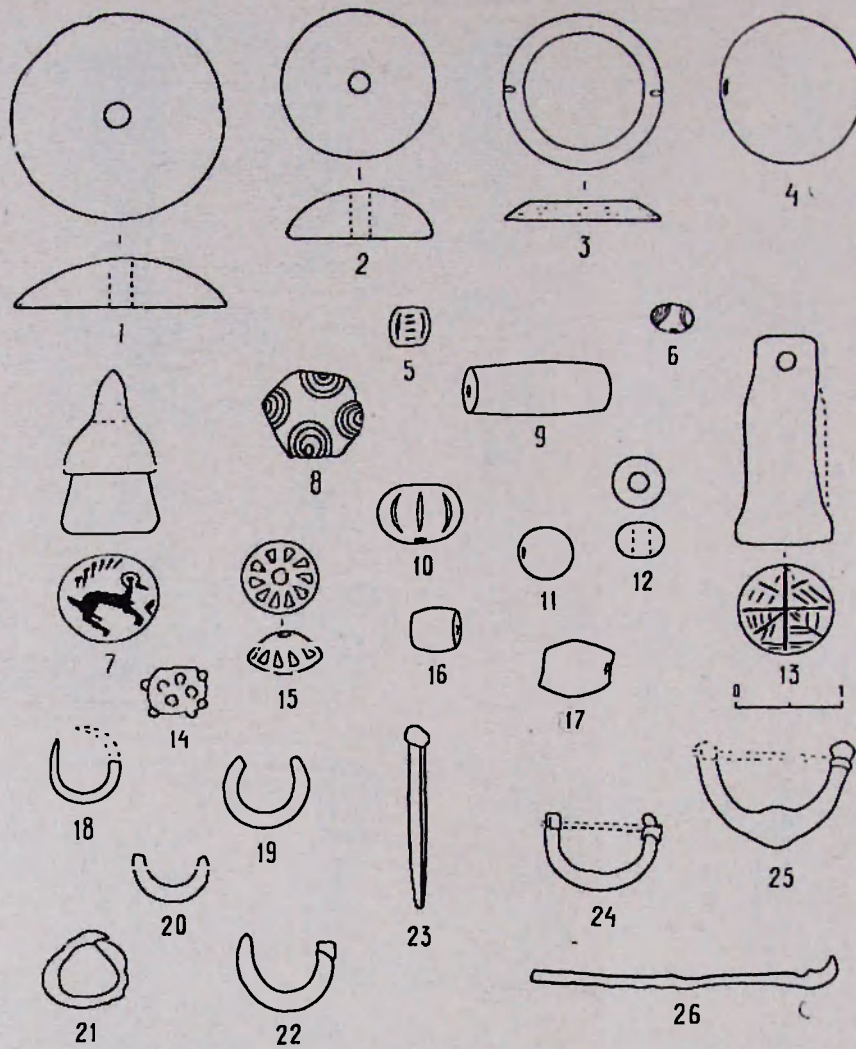

13

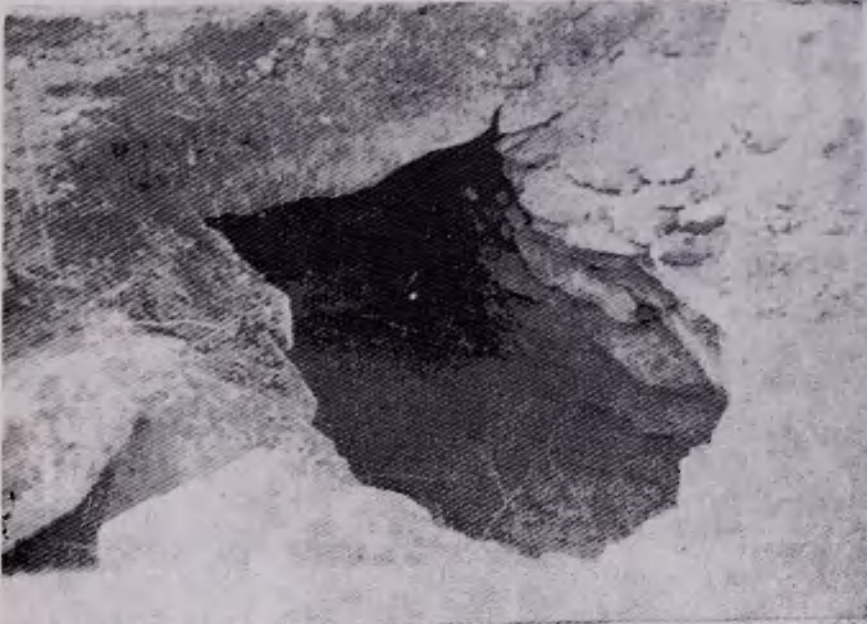

14

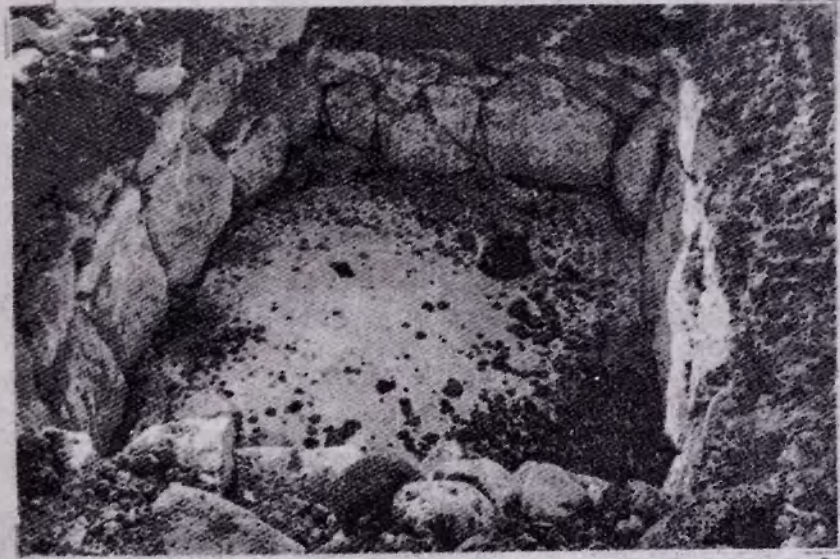

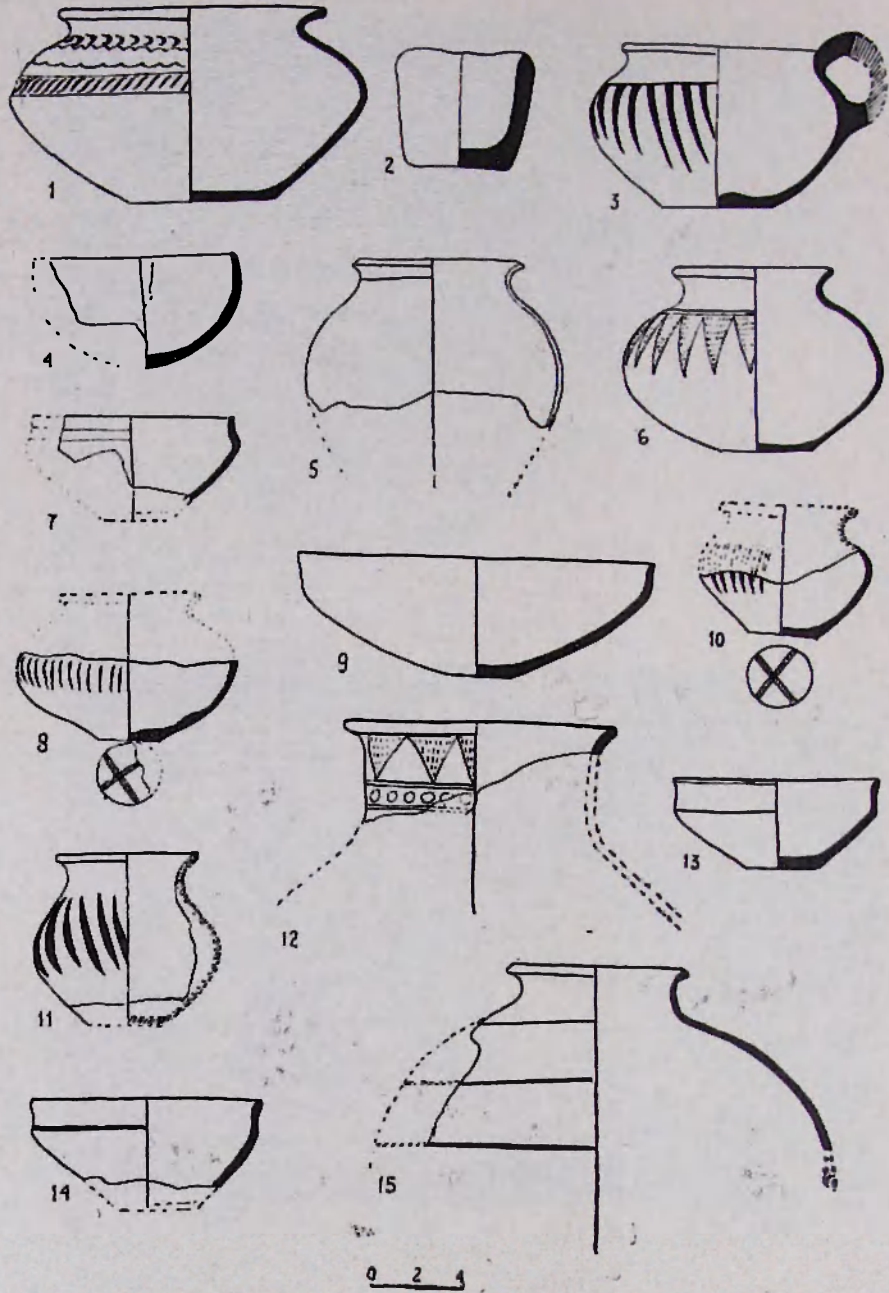
0 1 2 3 cm.

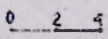
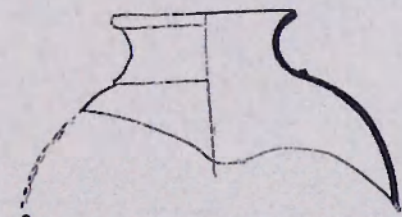
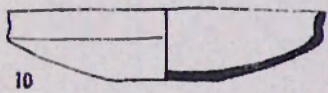
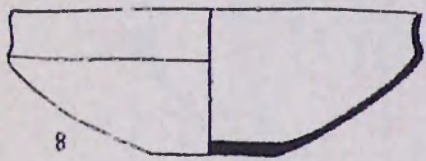
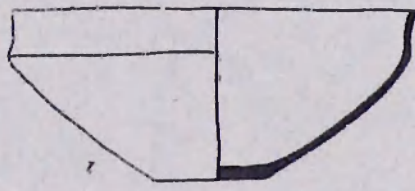
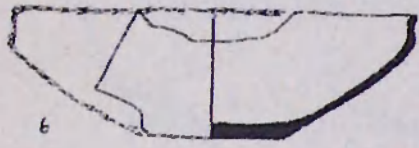
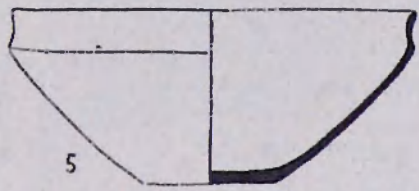
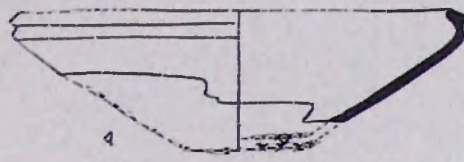
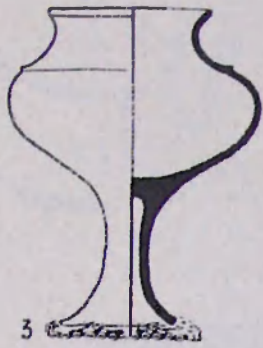
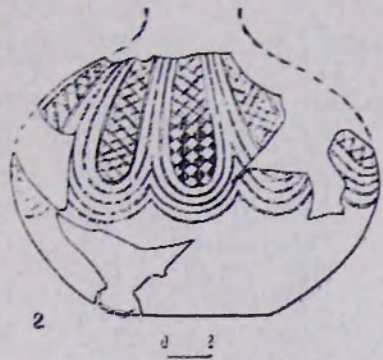
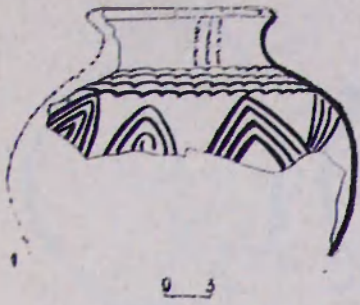

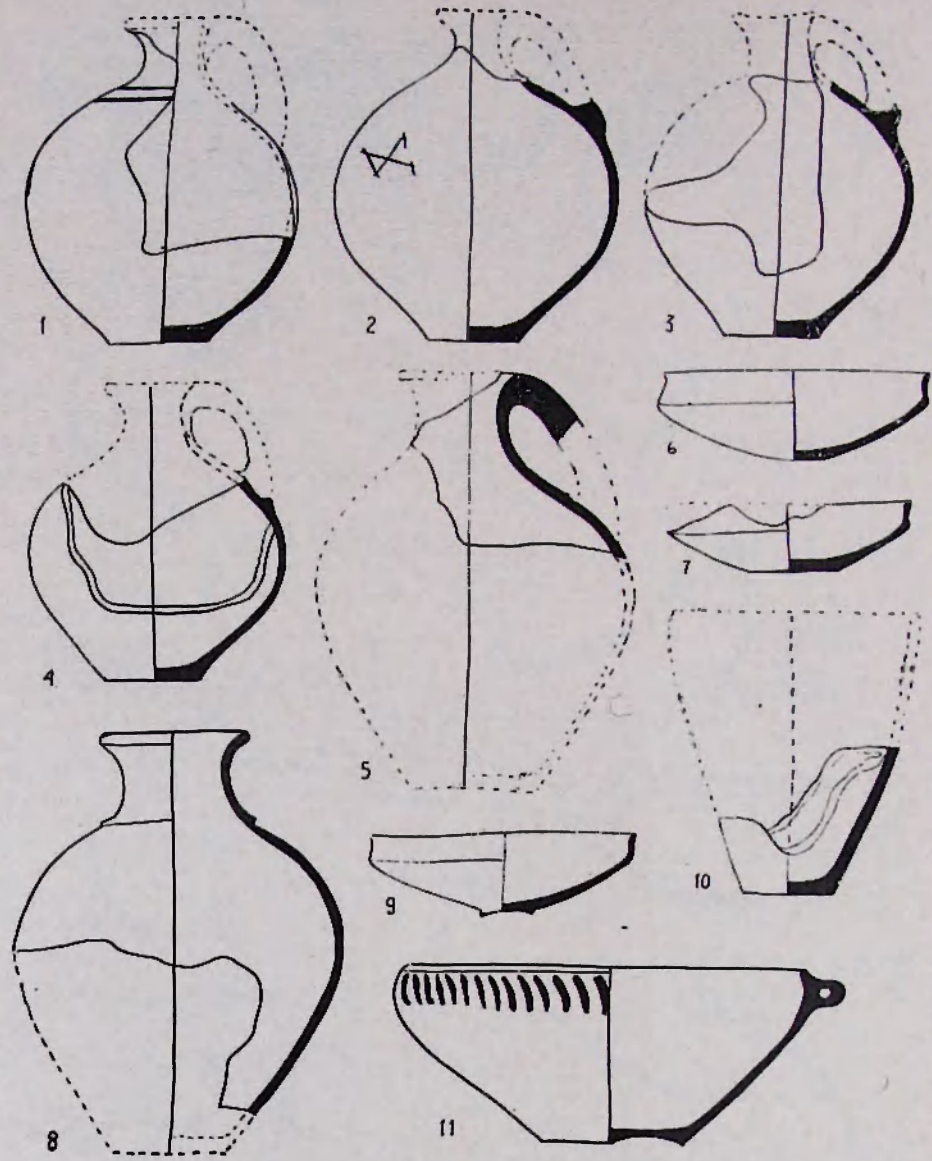
1

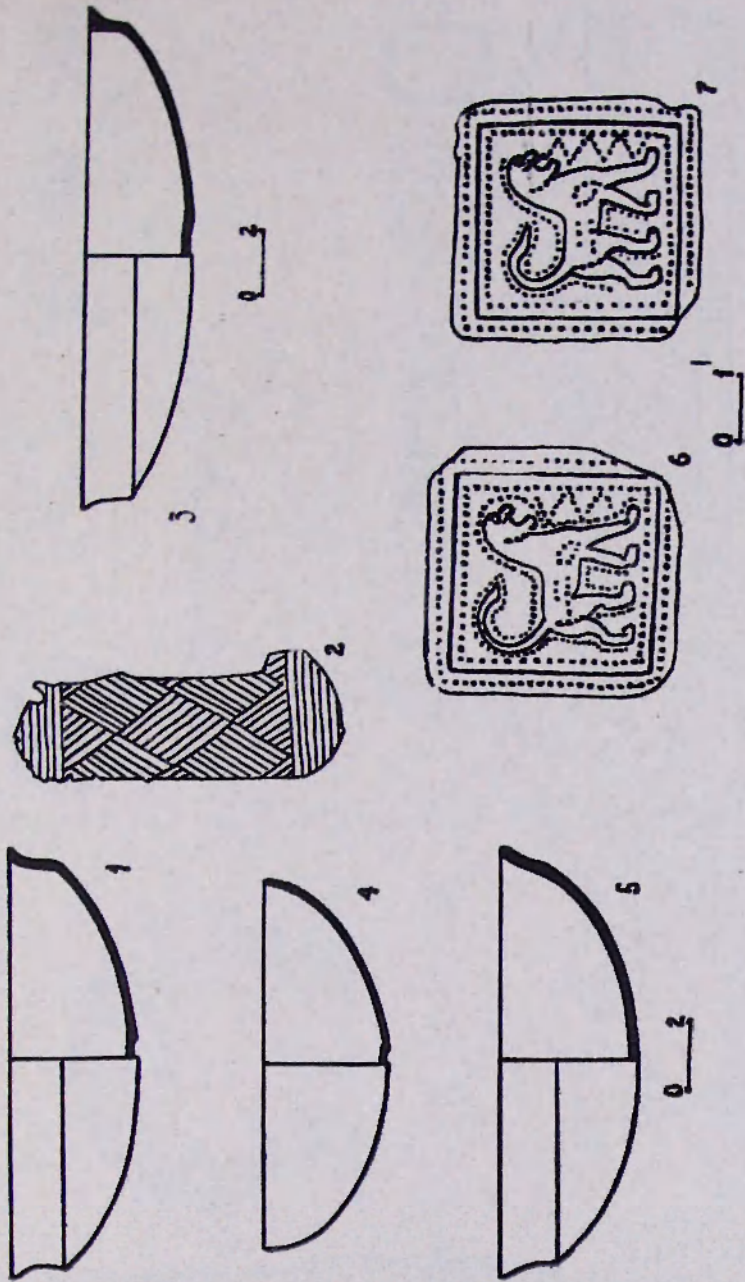
2

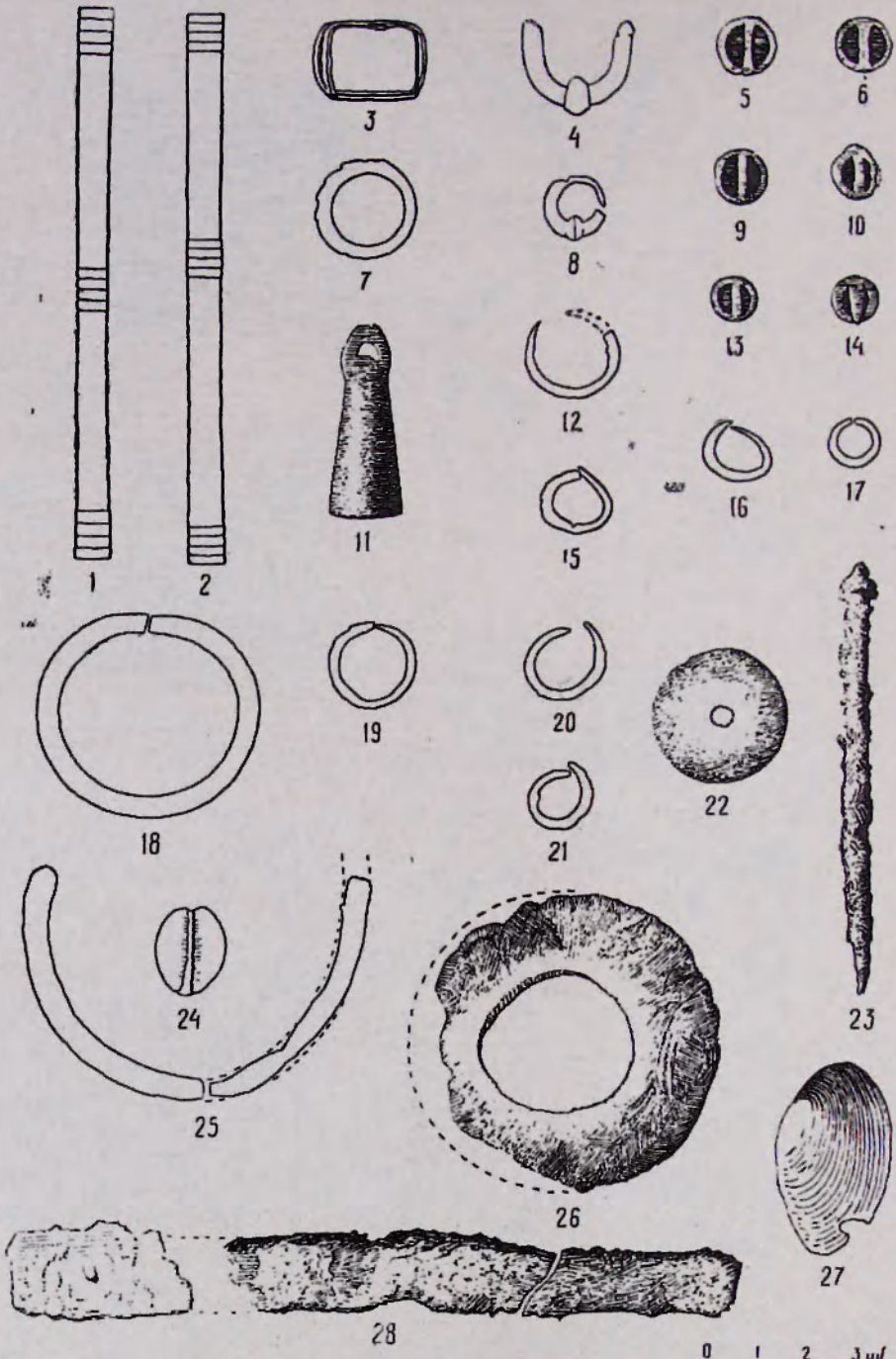

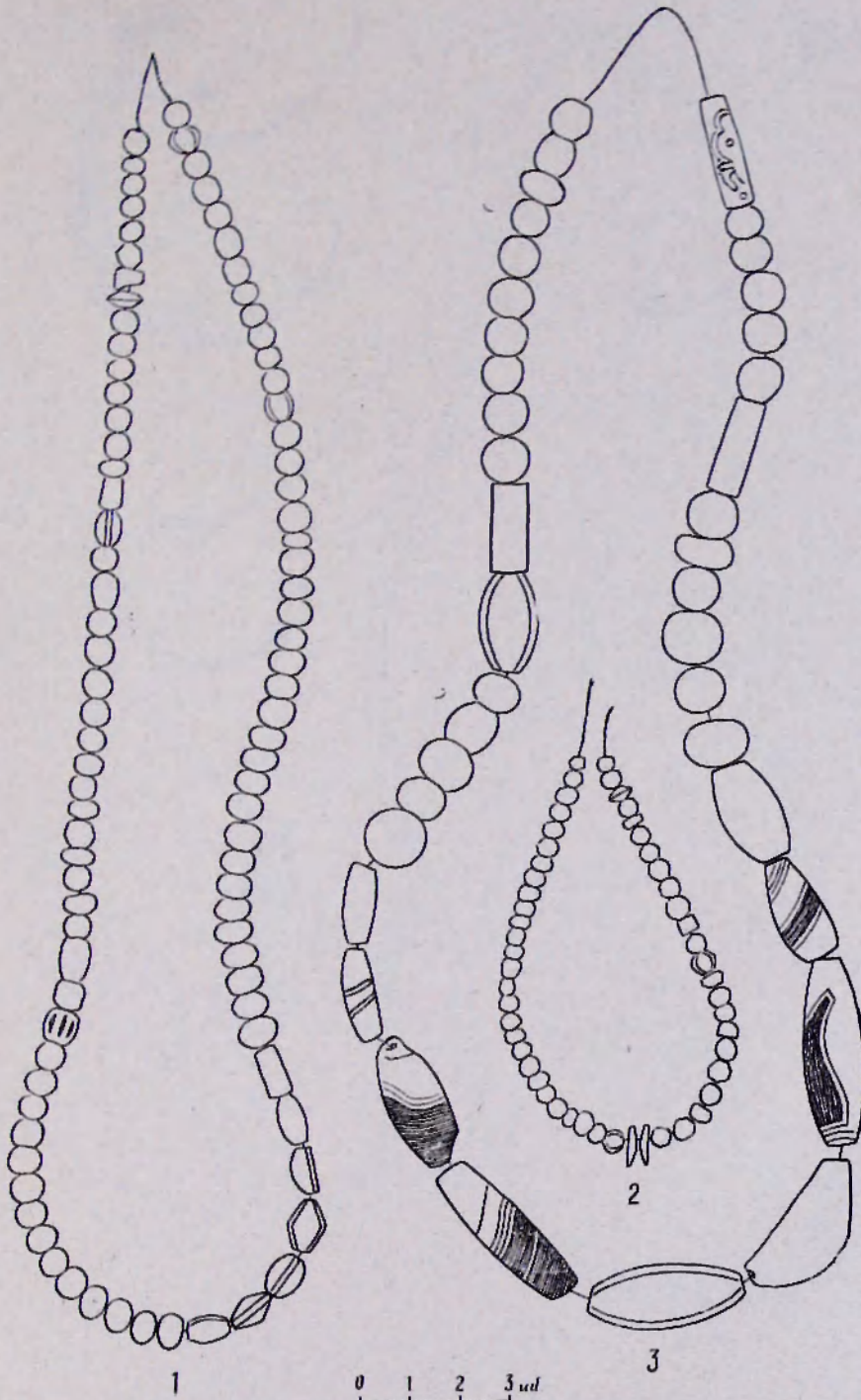

0 2 4

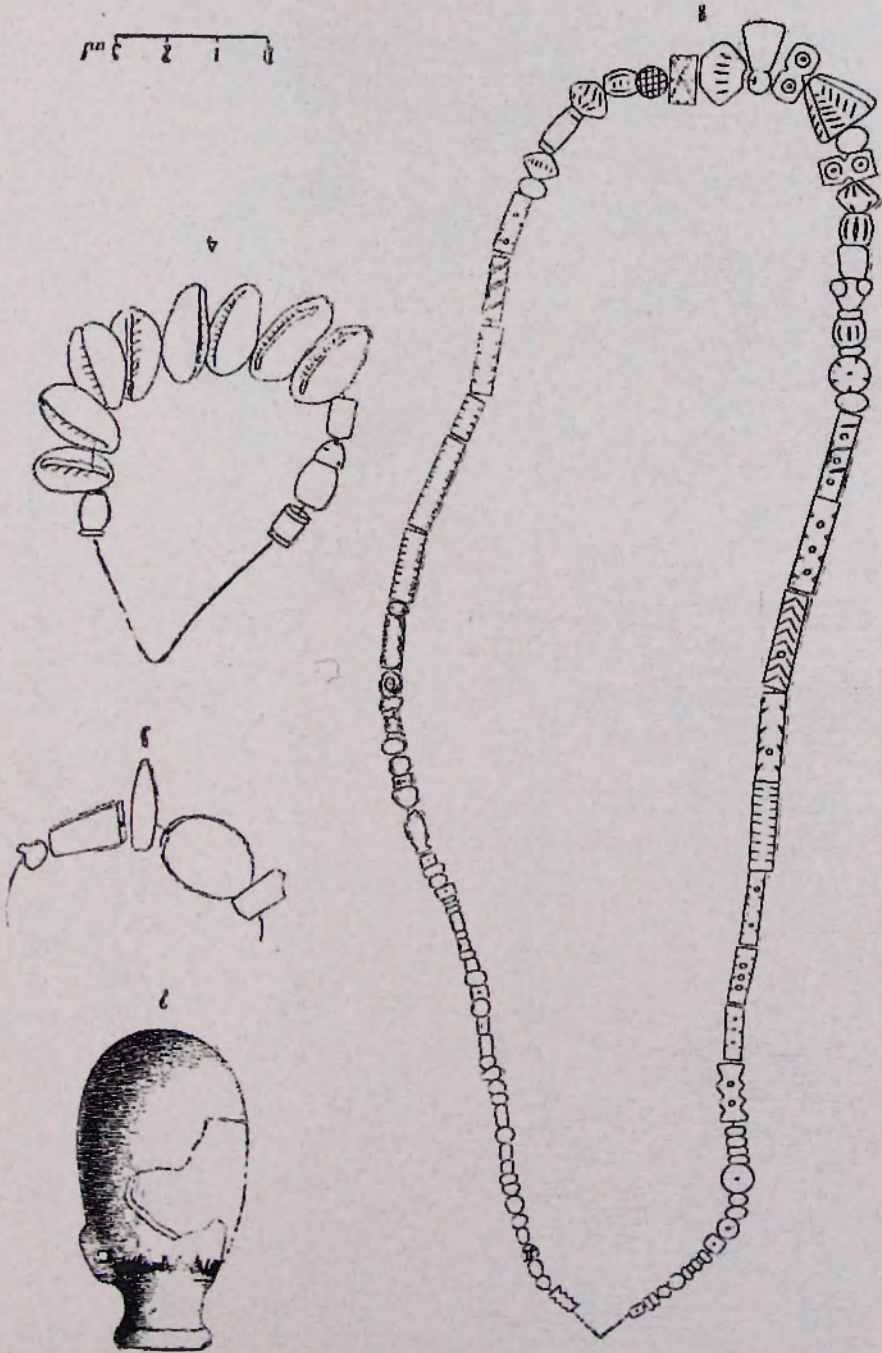

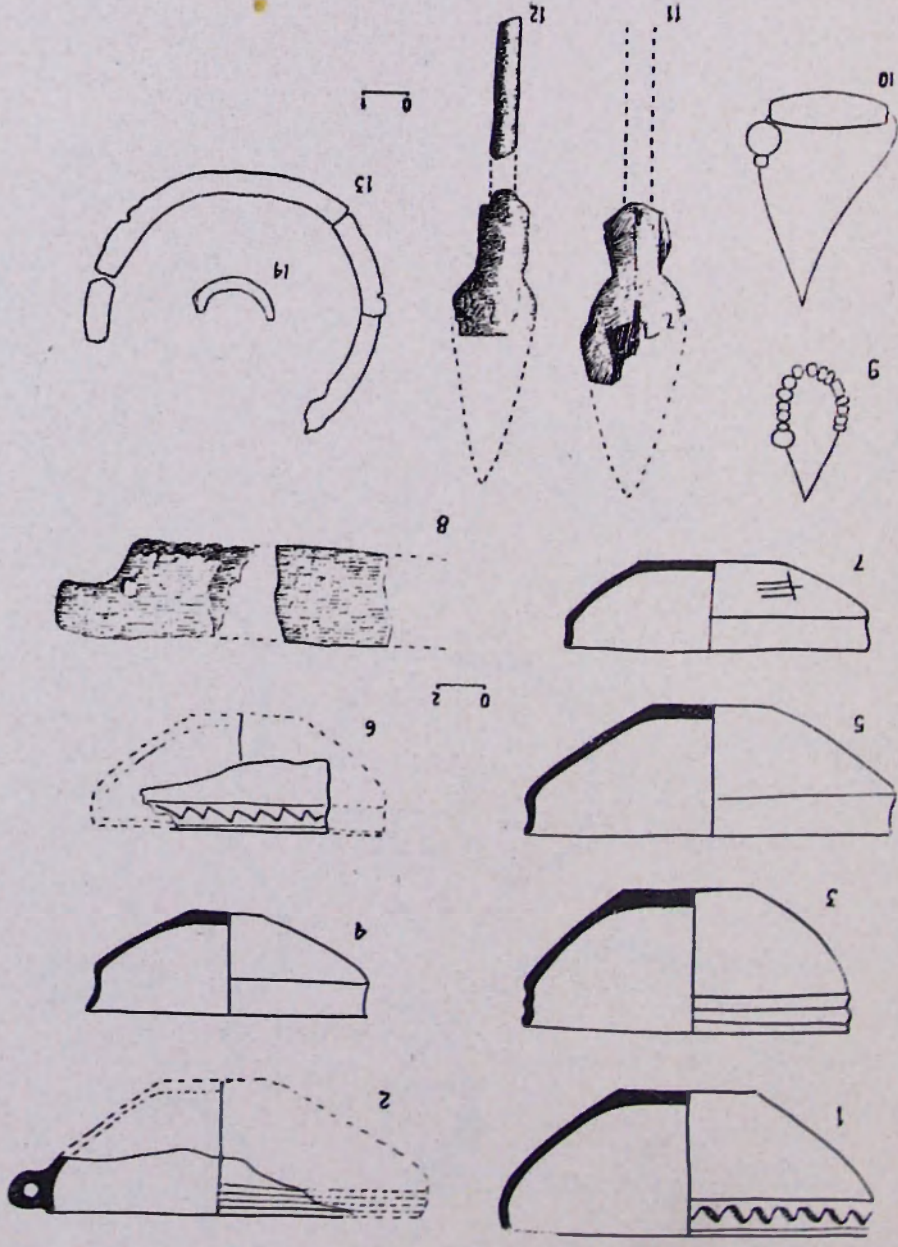
LX

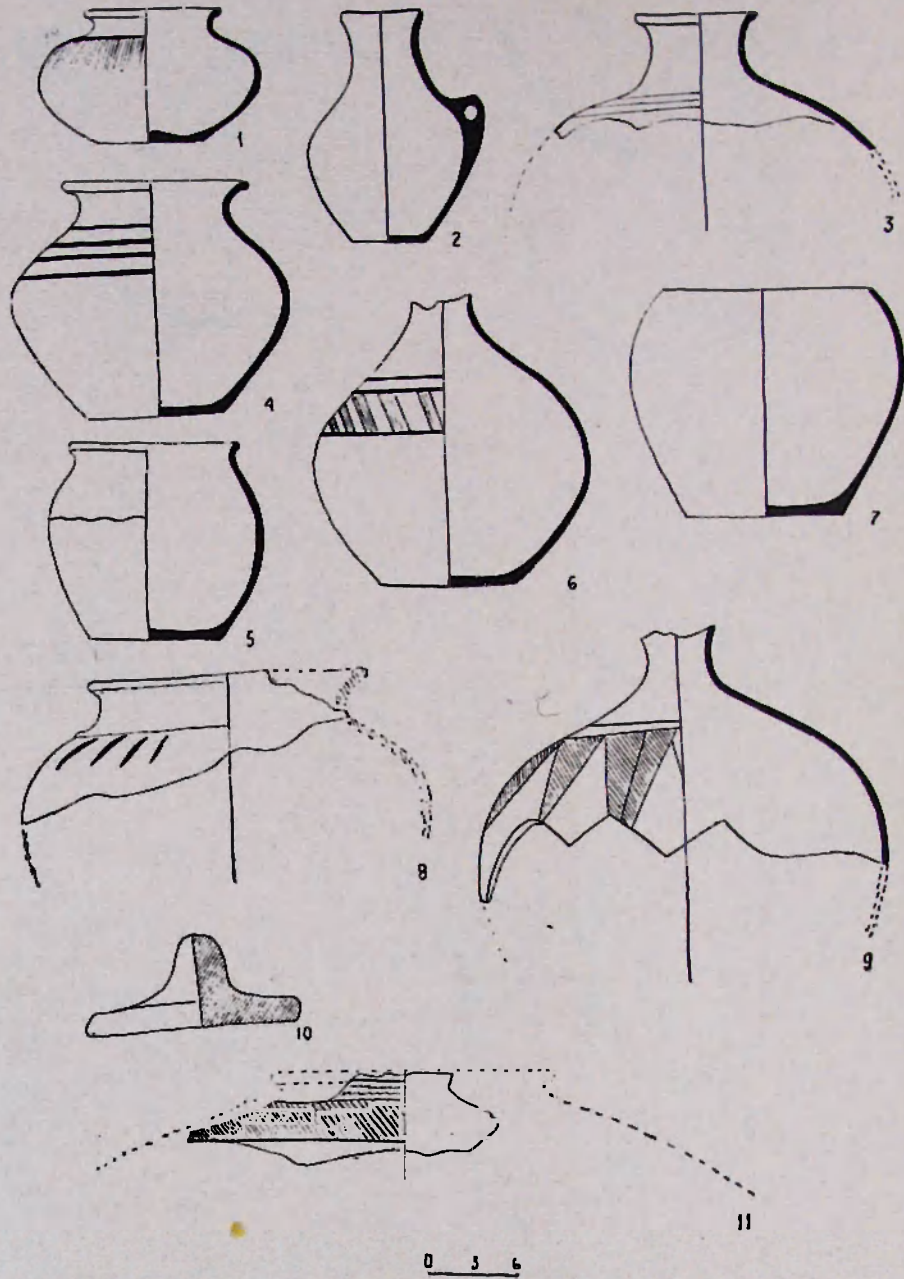

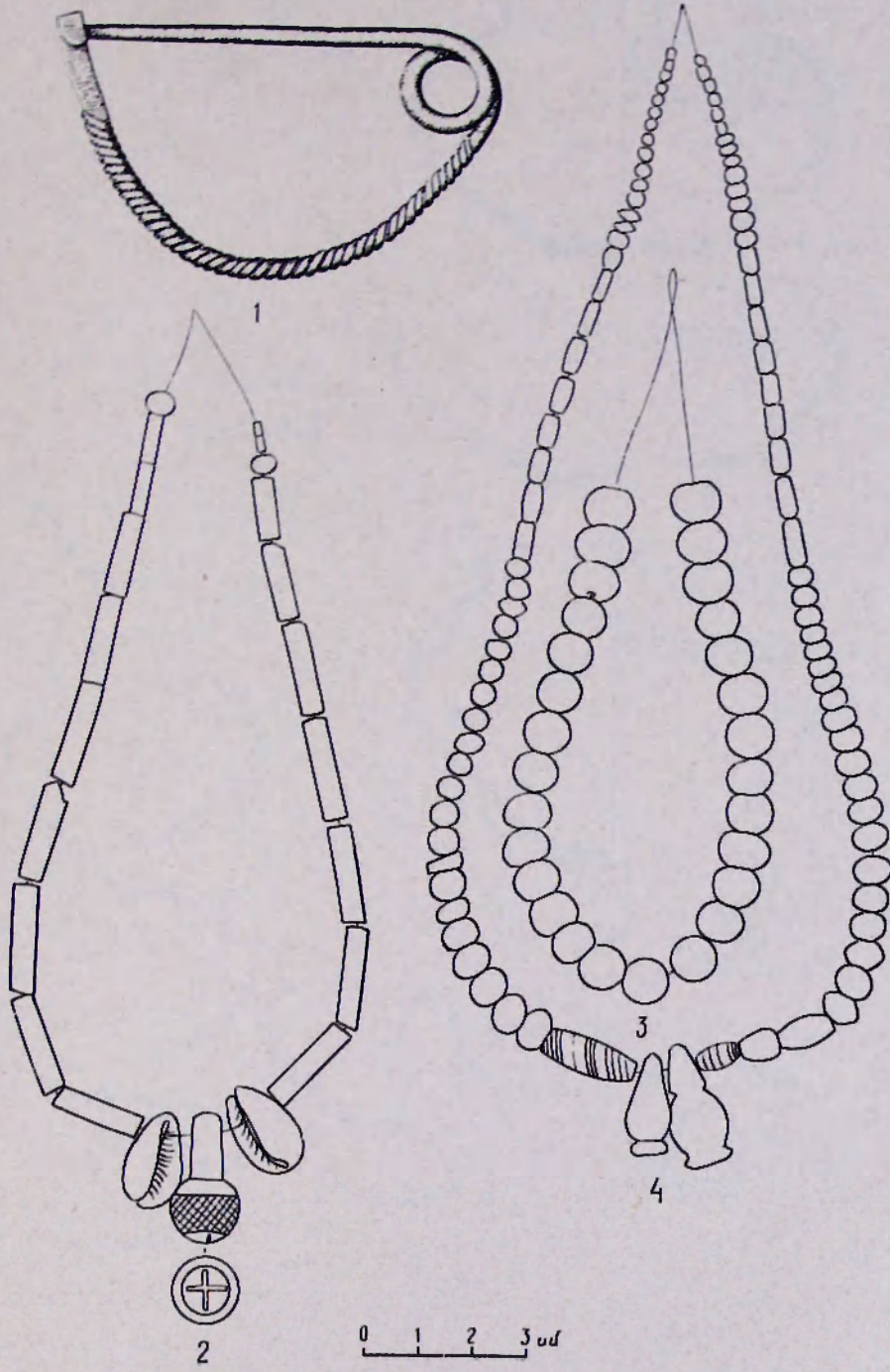
0 1 2 3 4 5 cm

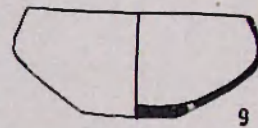
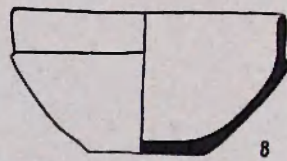
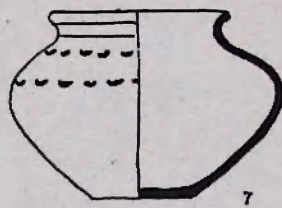
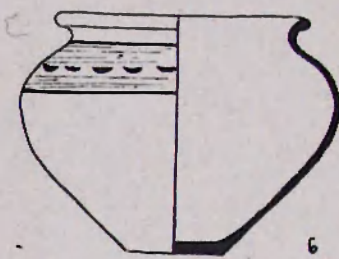
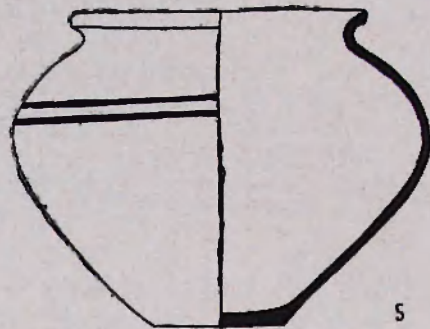
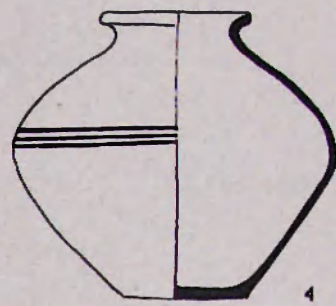
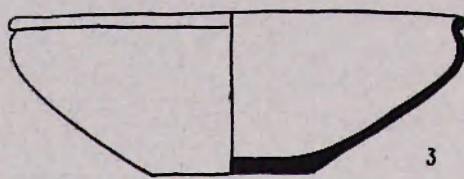
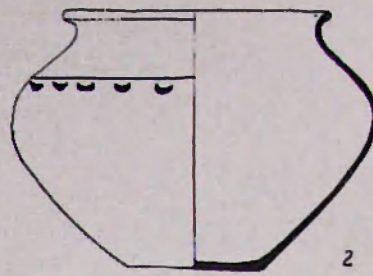
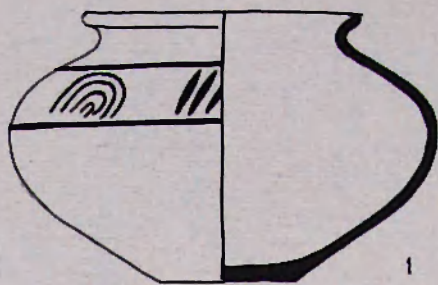

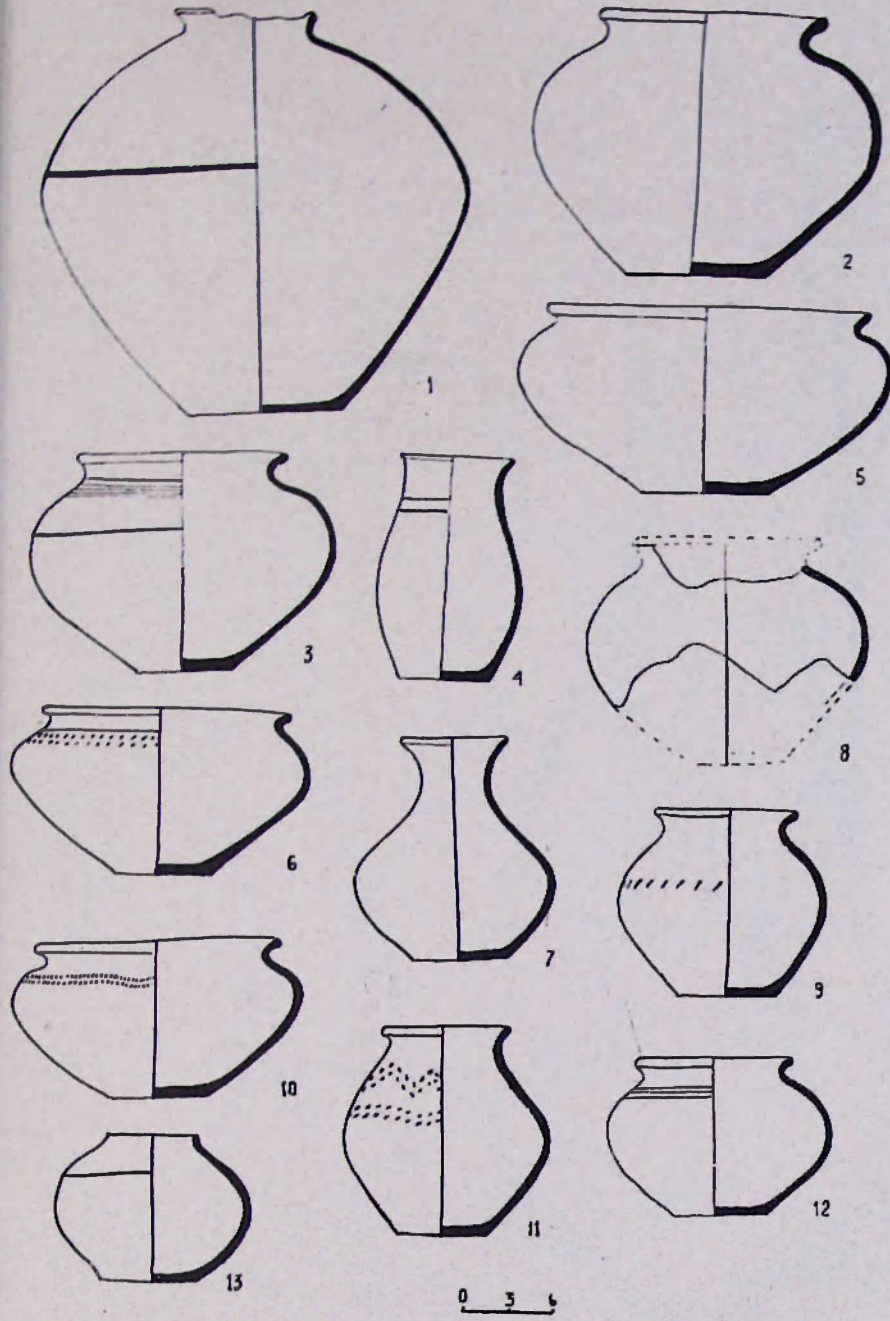
LXIII

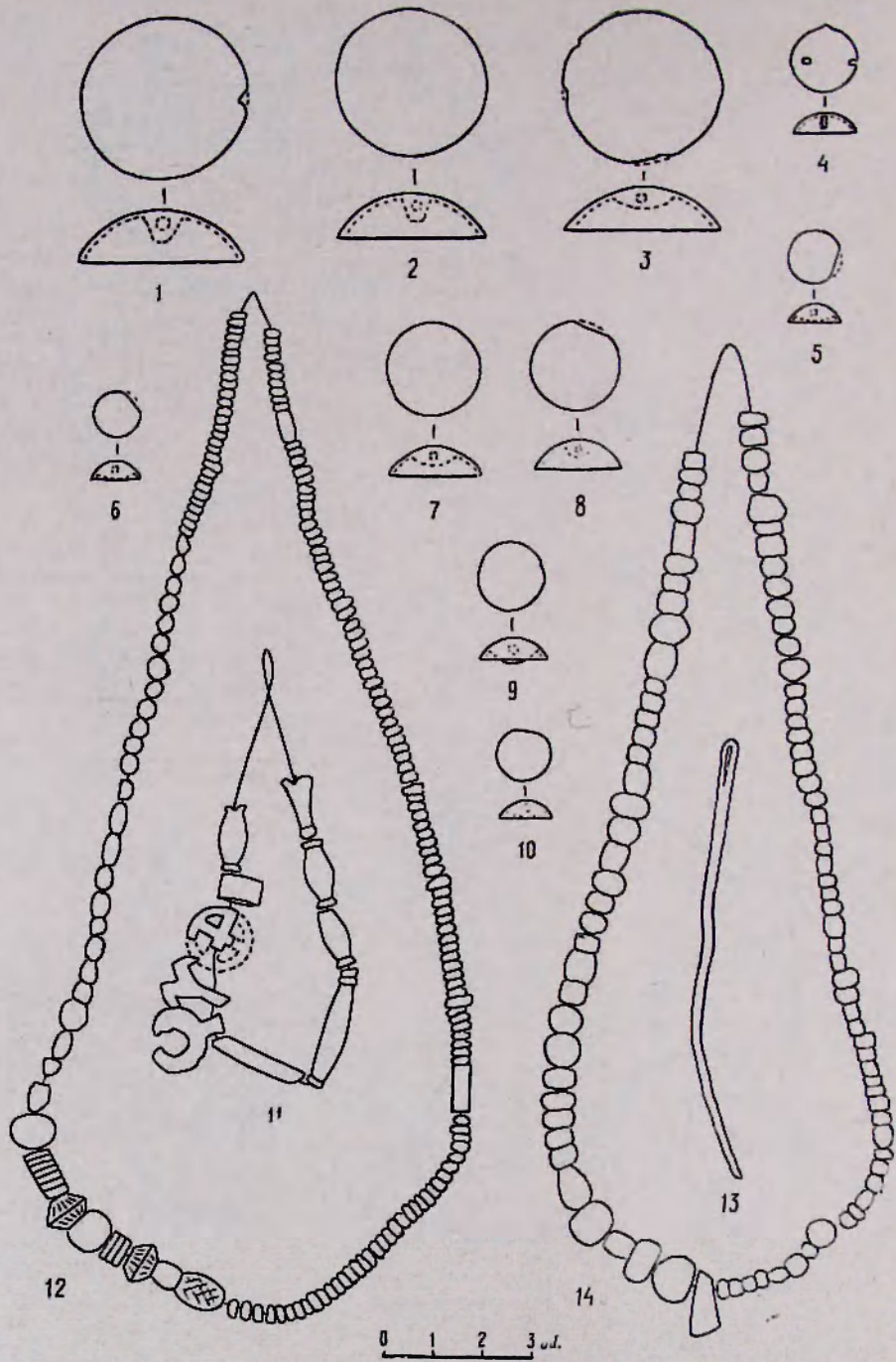

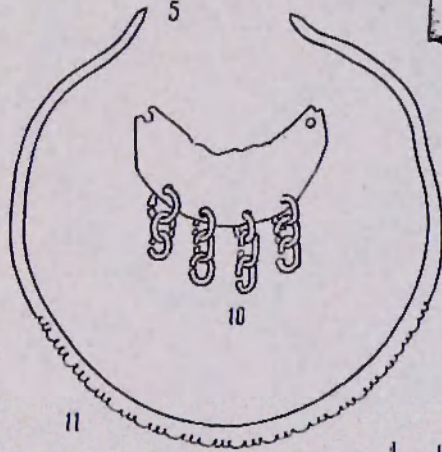
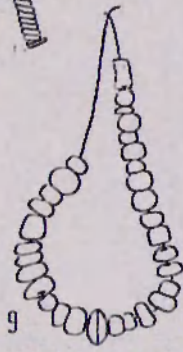
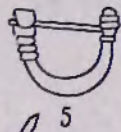
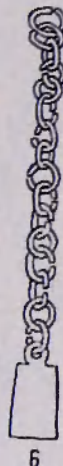
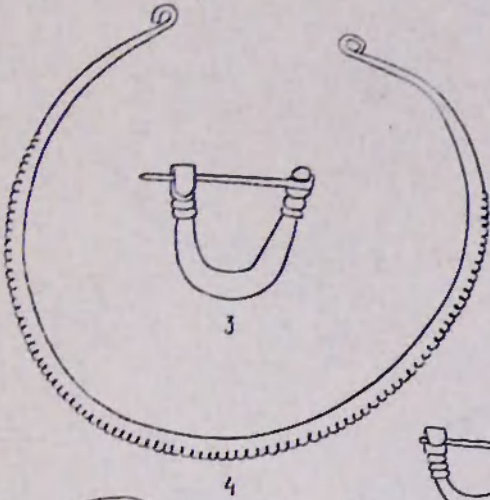
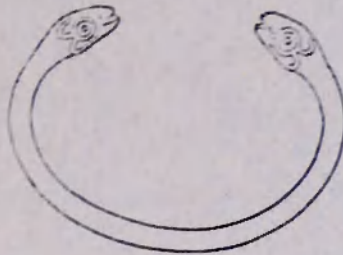
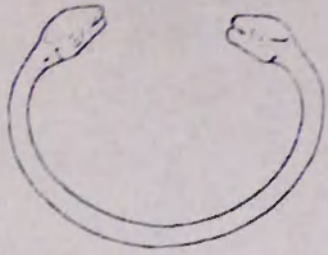

0 3 6

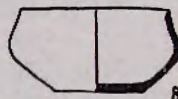
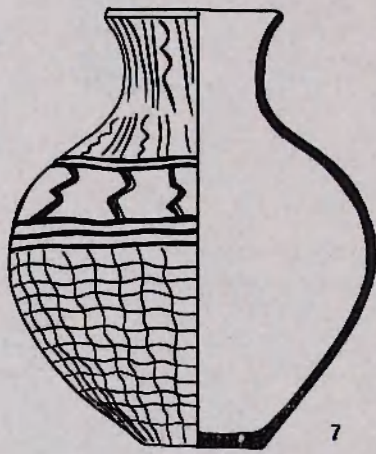
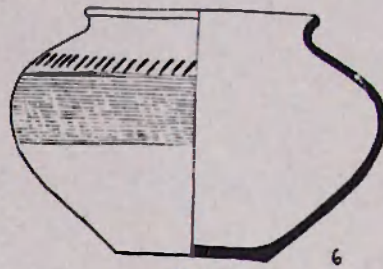
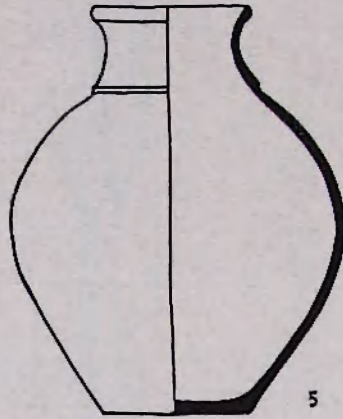
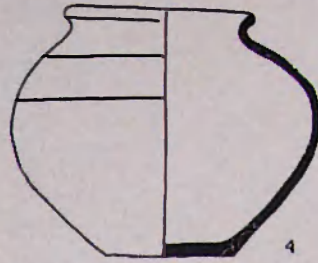
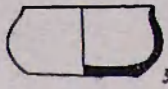
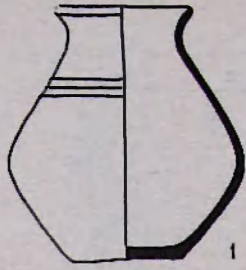

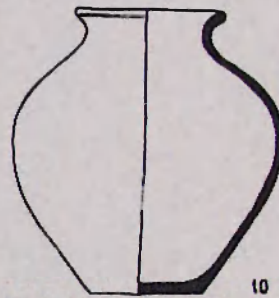

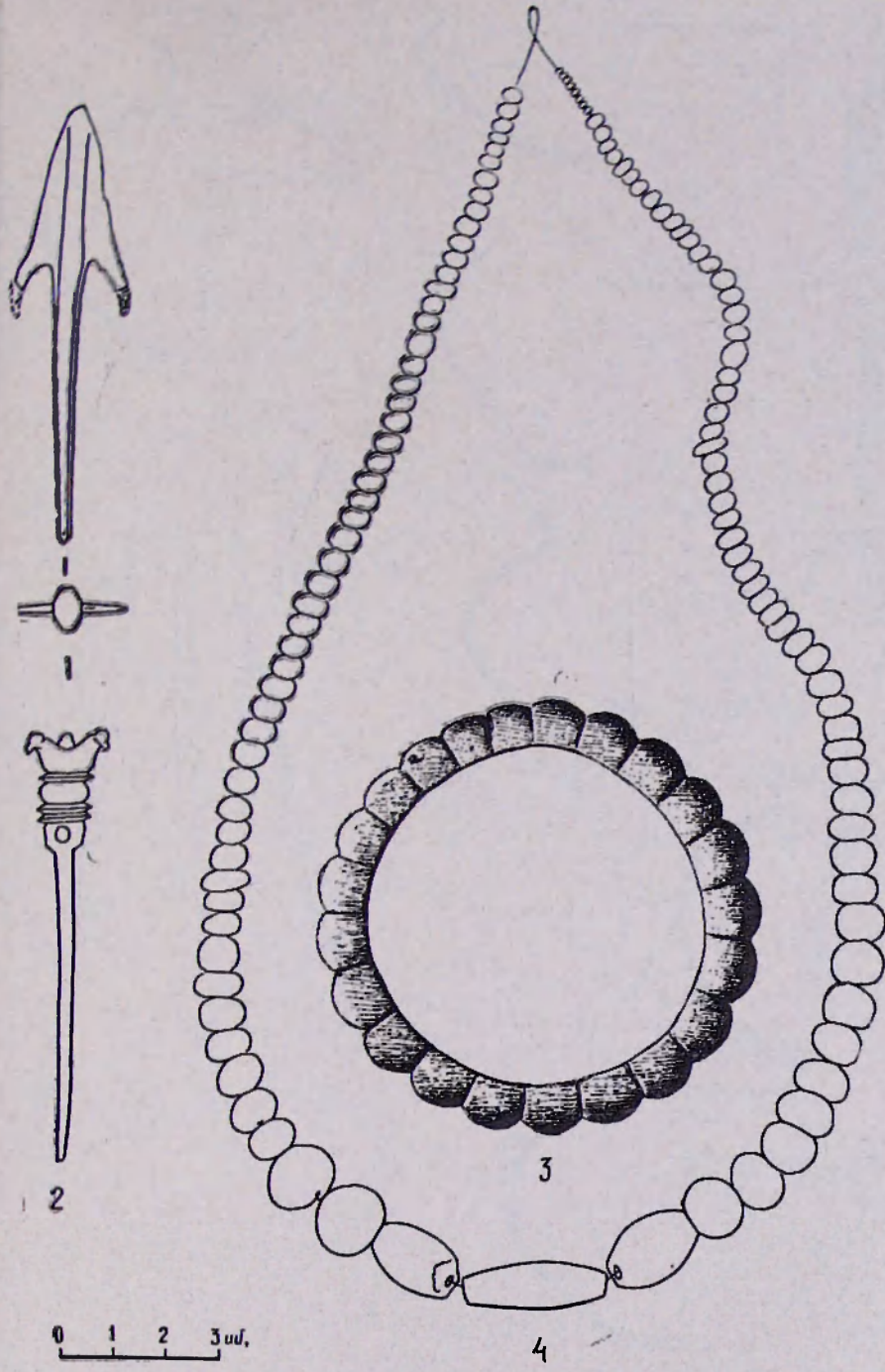
3 1 2 3 cm

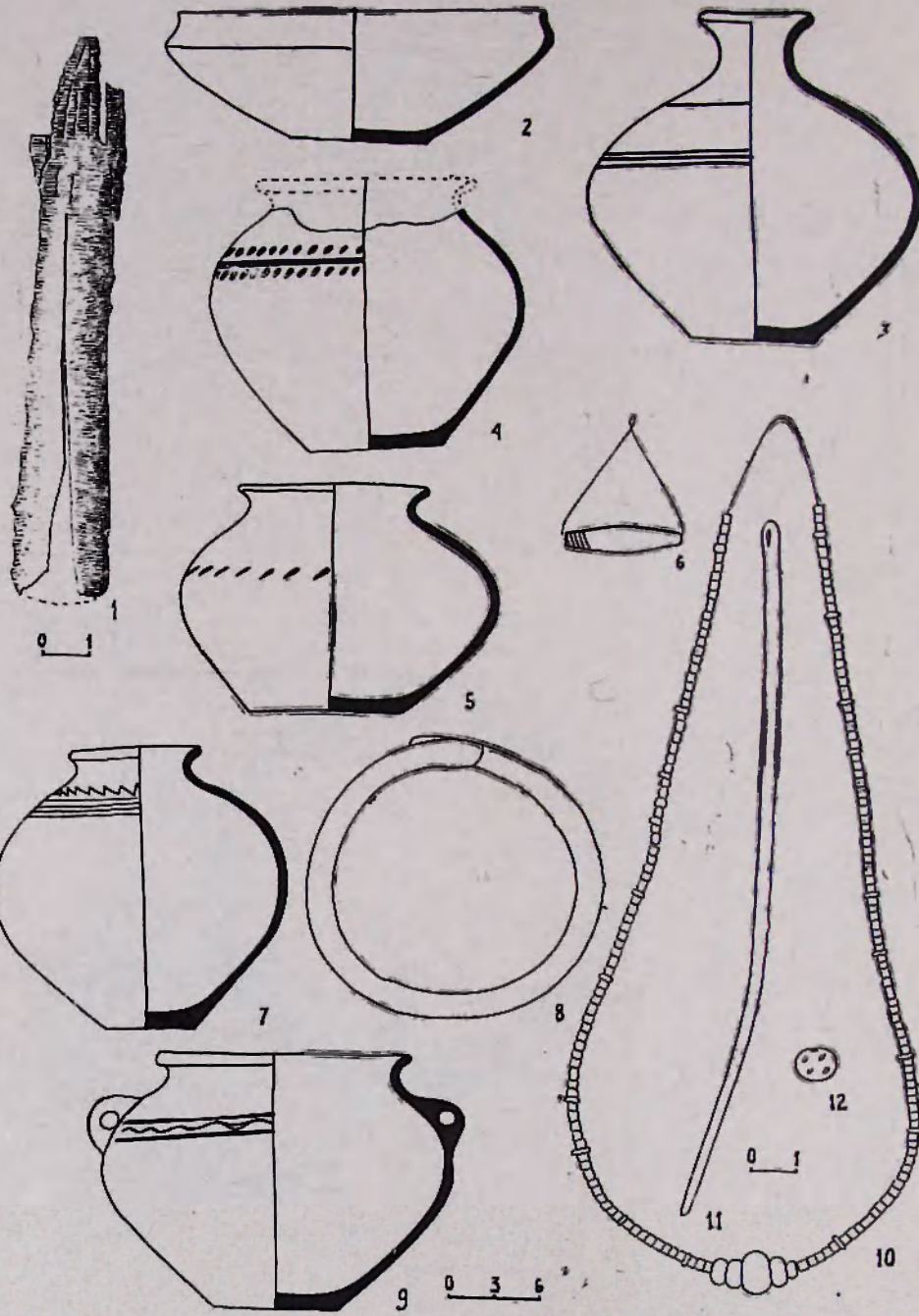
LXX

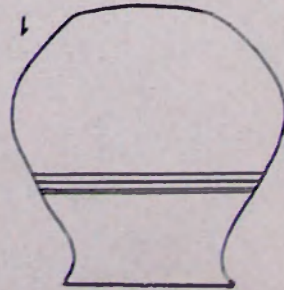
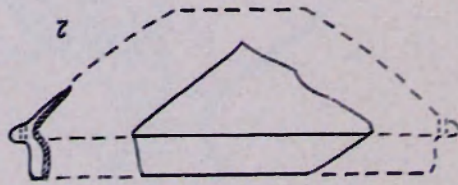
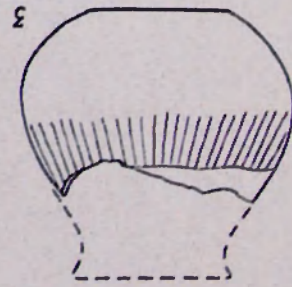
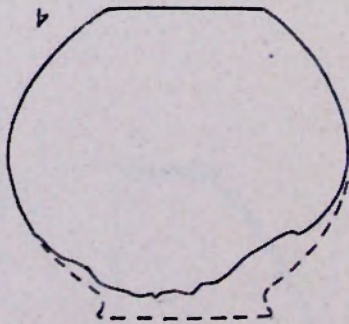
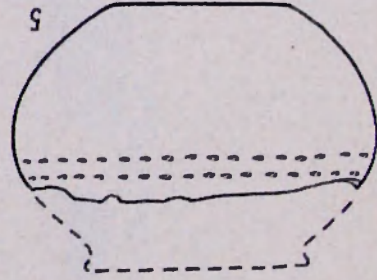
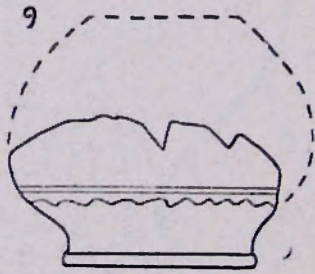
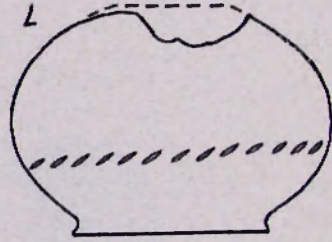
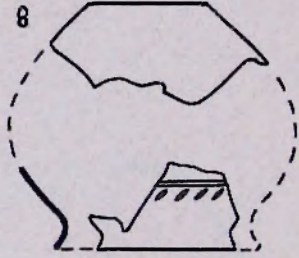
0 3 6

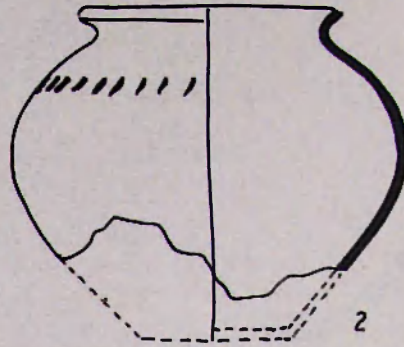
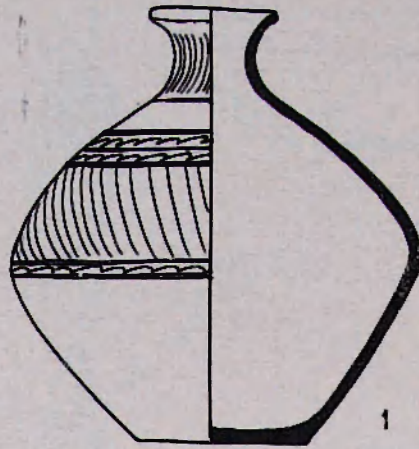

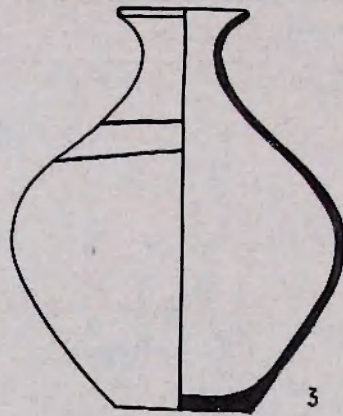
0 3 6

LXXIII

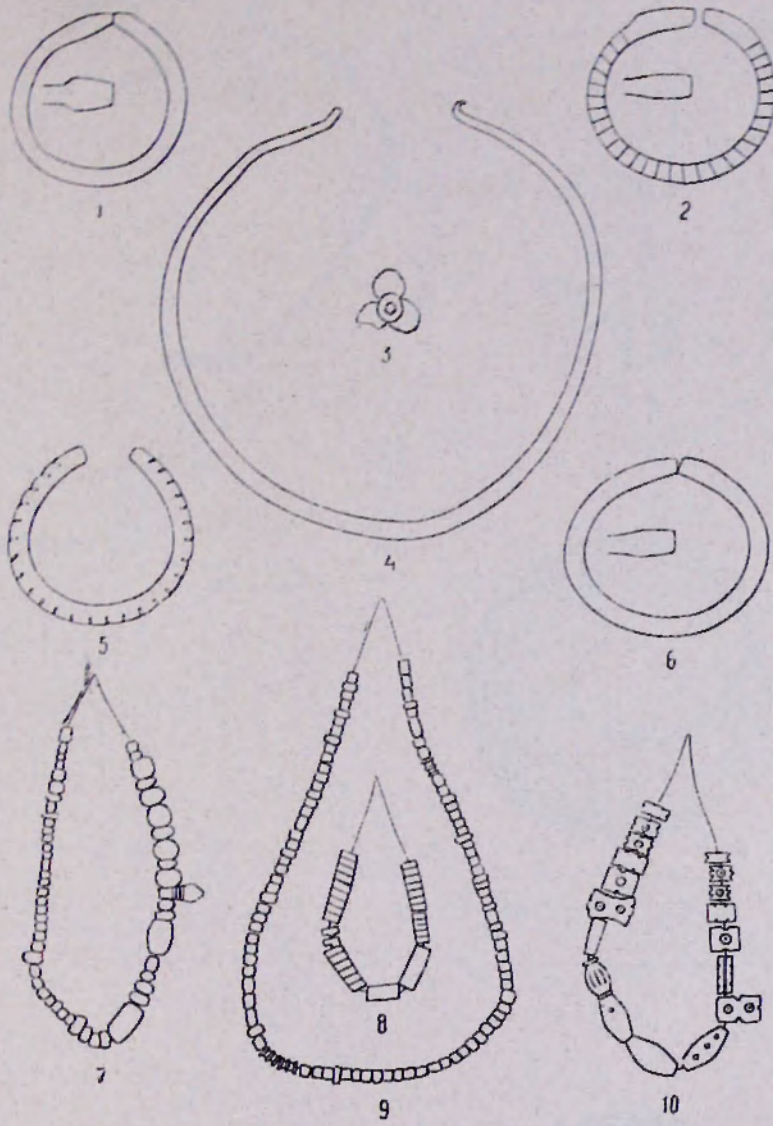
0 3

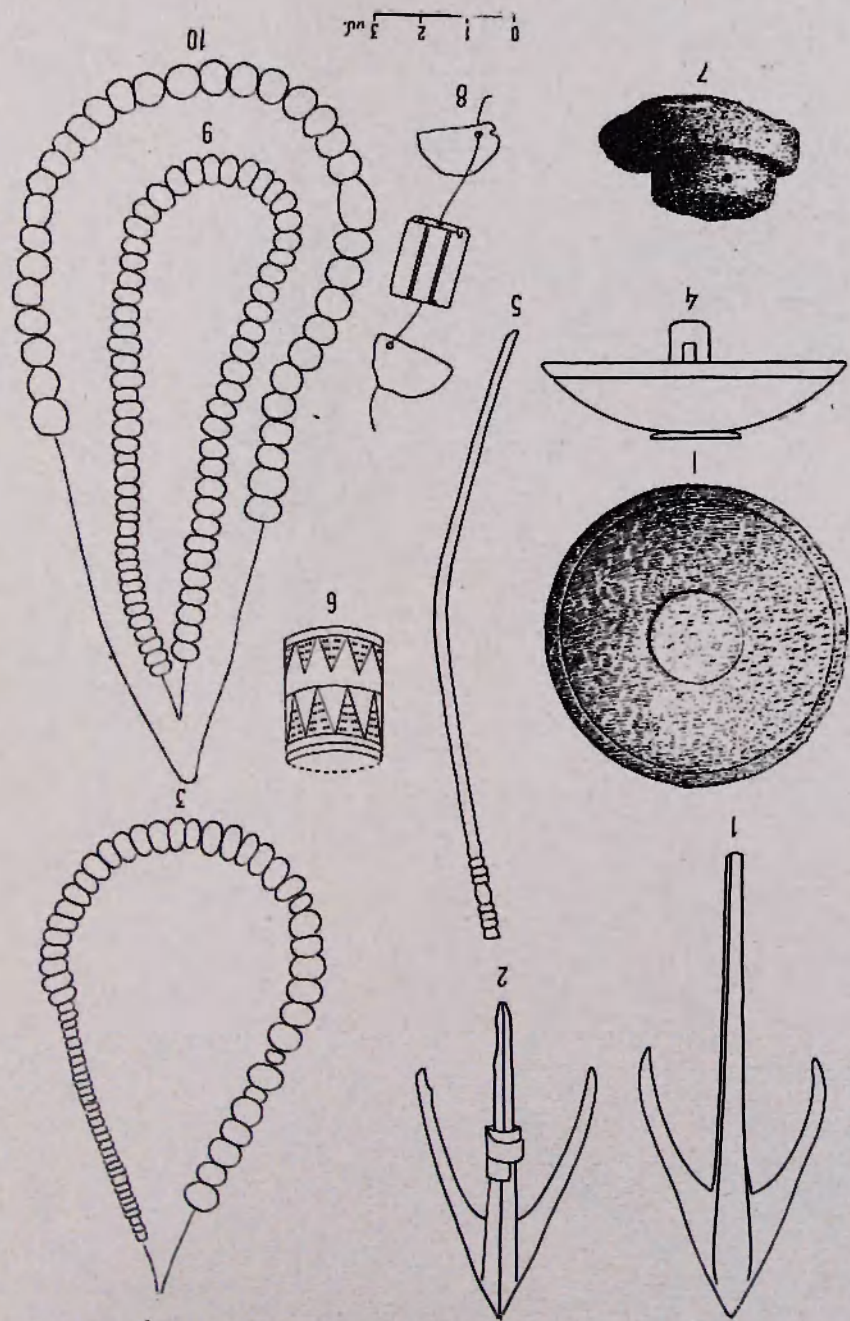
0 3

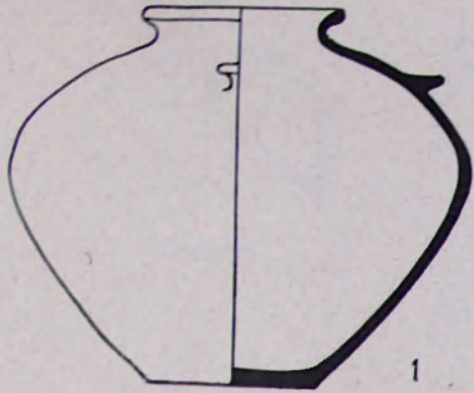

0 1

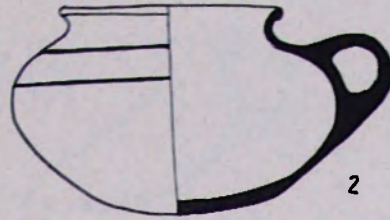

0 1 2 3 μm

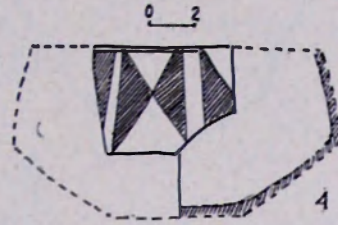

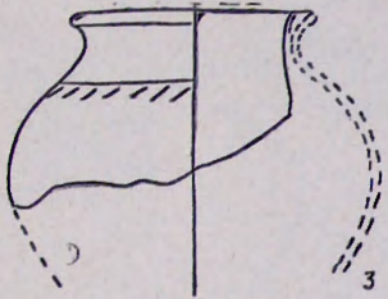
1

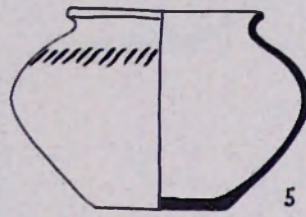
2

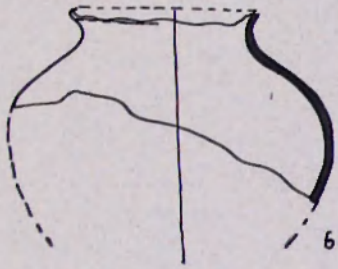
4

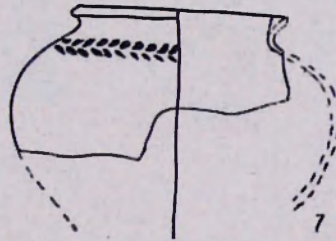
3

5

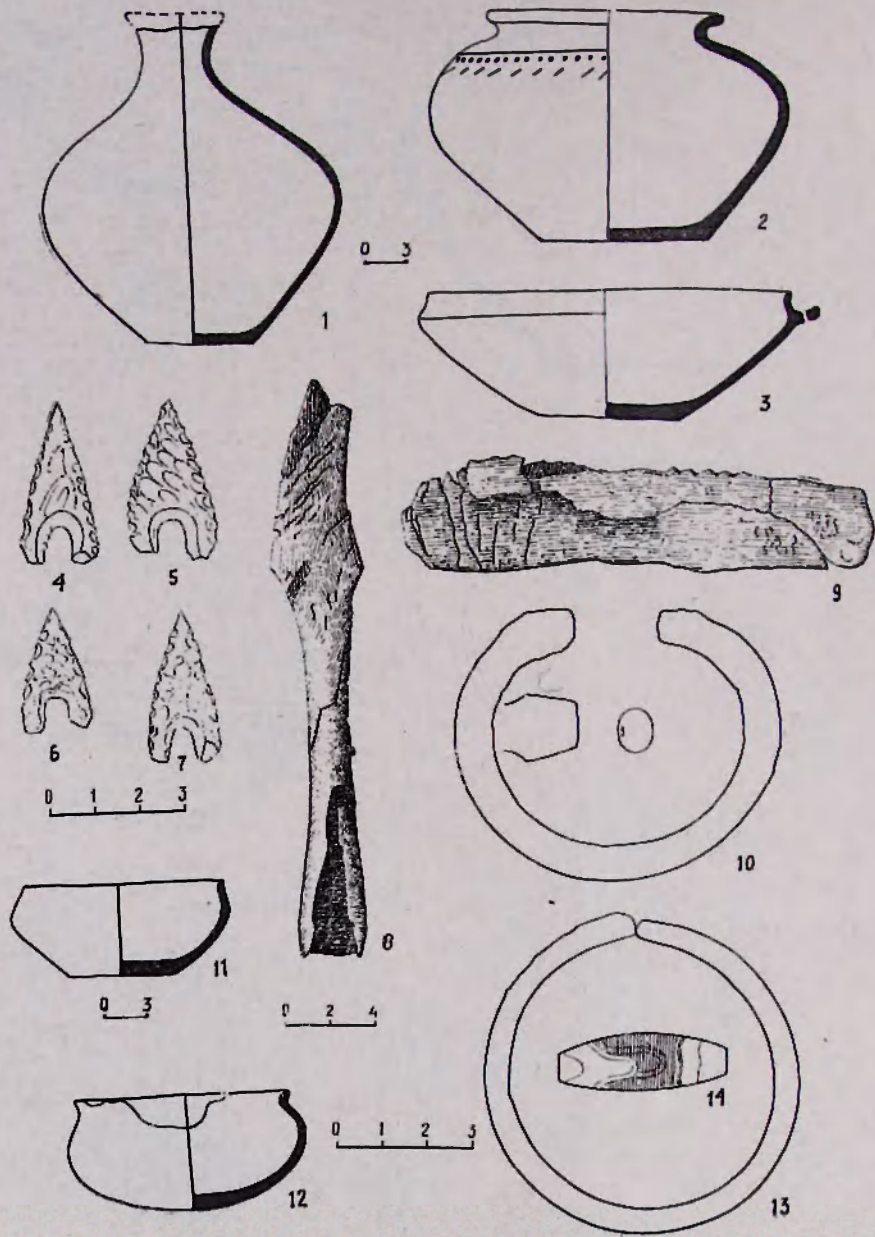

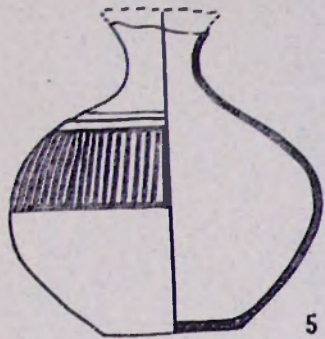
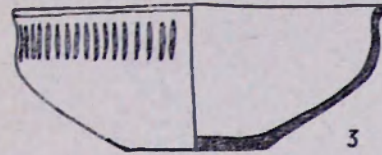
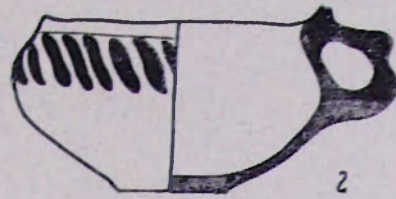
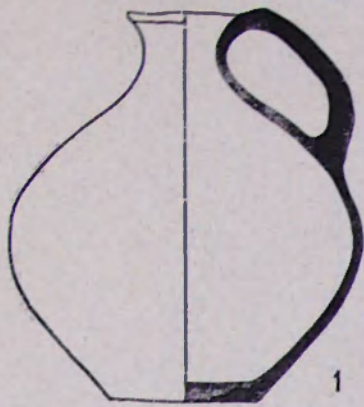
6

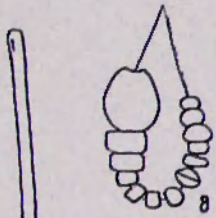
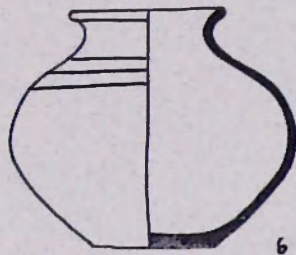
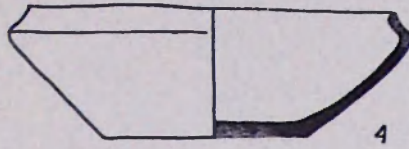
7

0 3 6

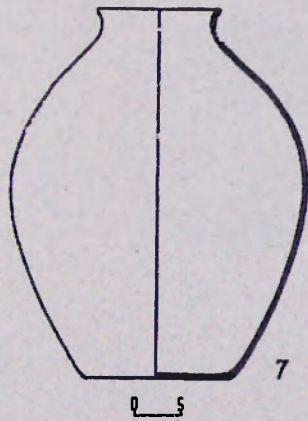

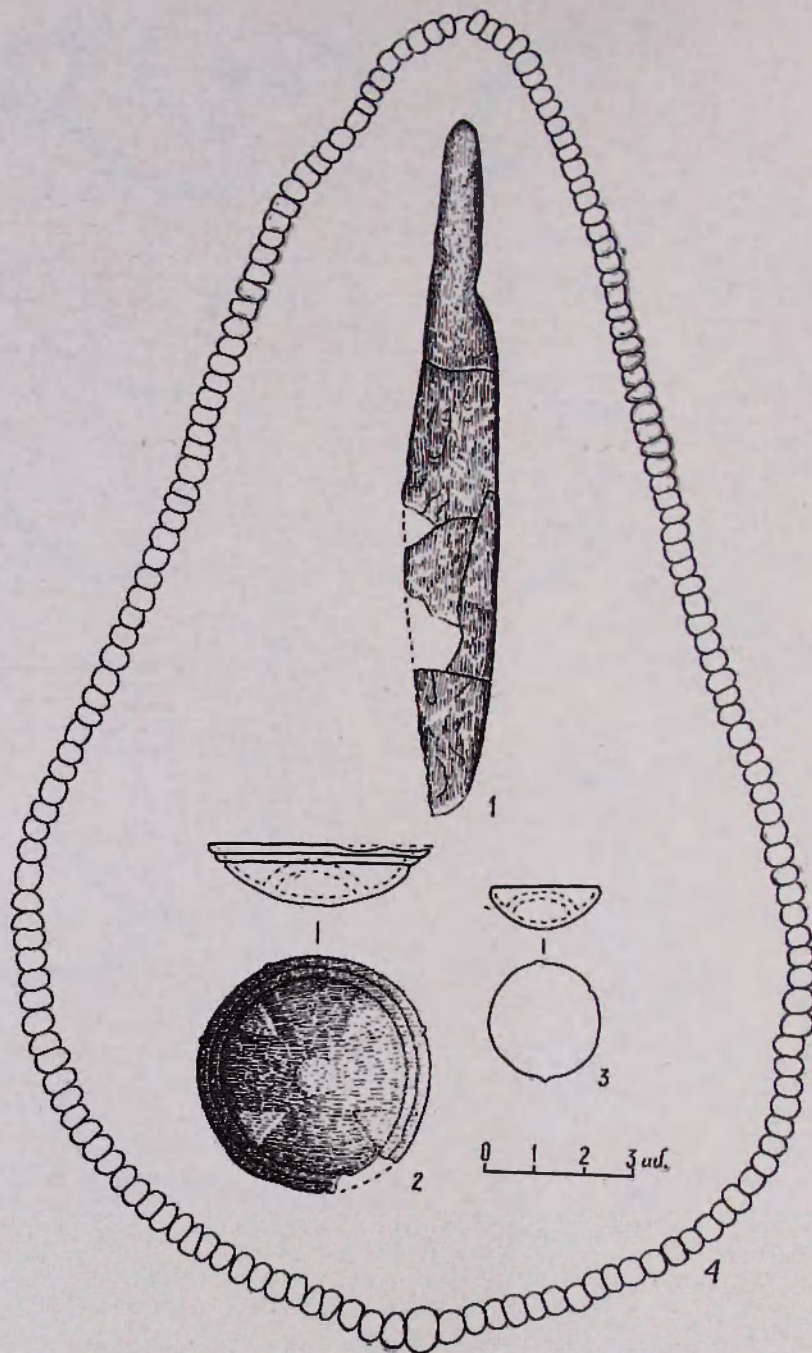
0 2

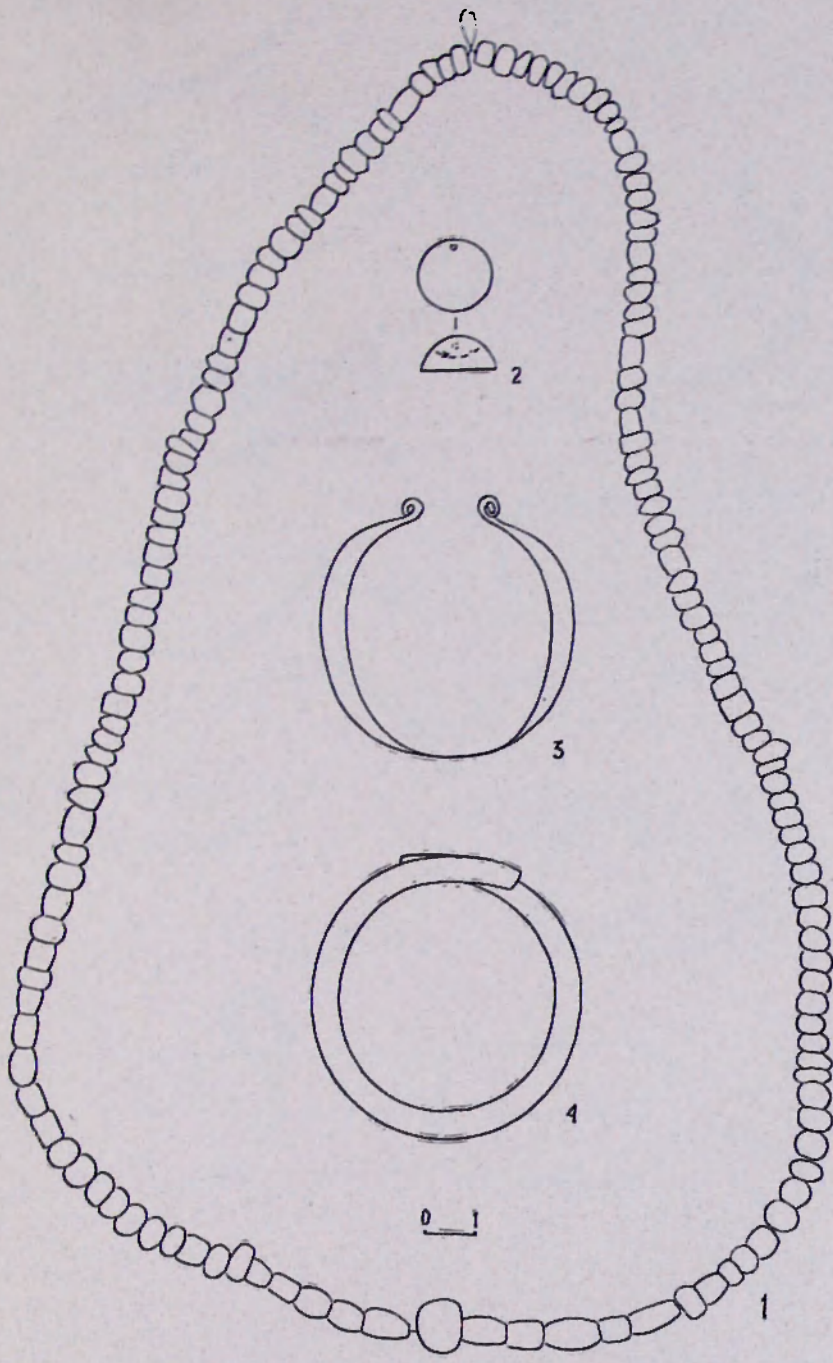

0 1

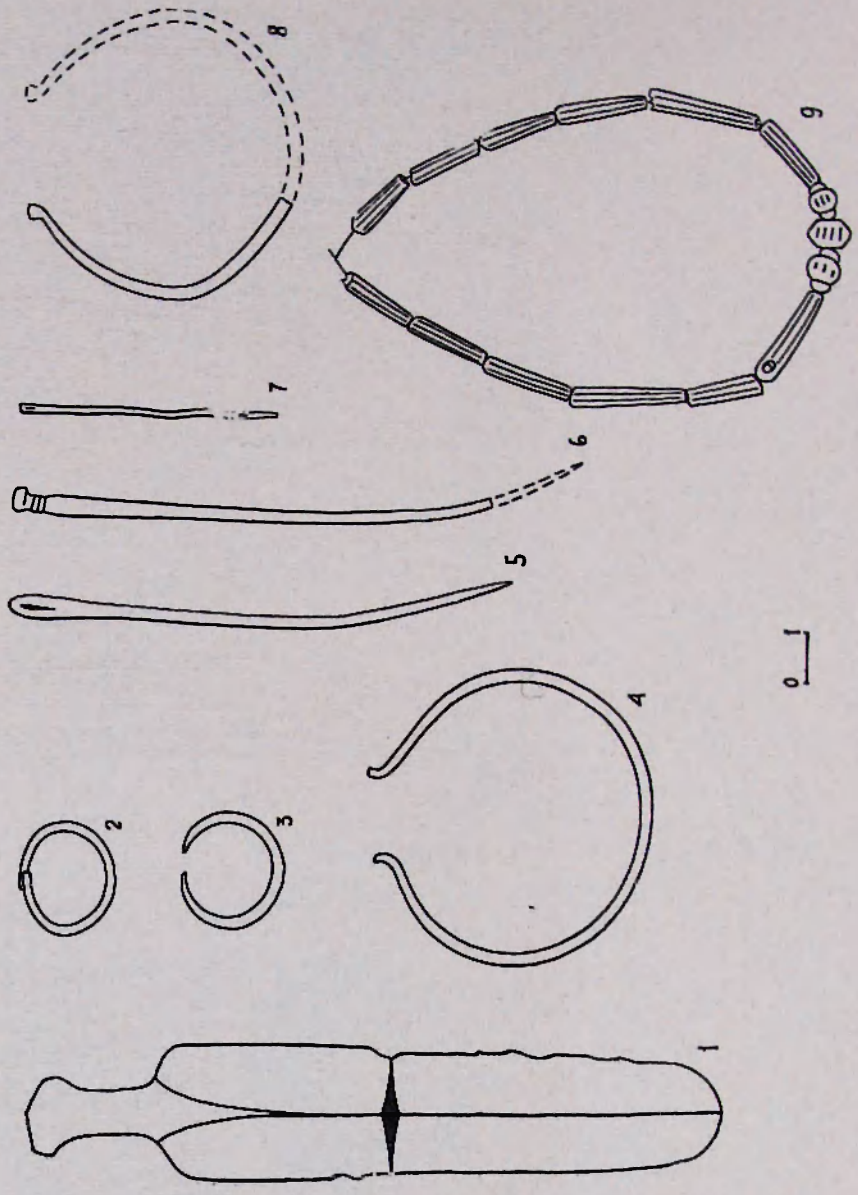

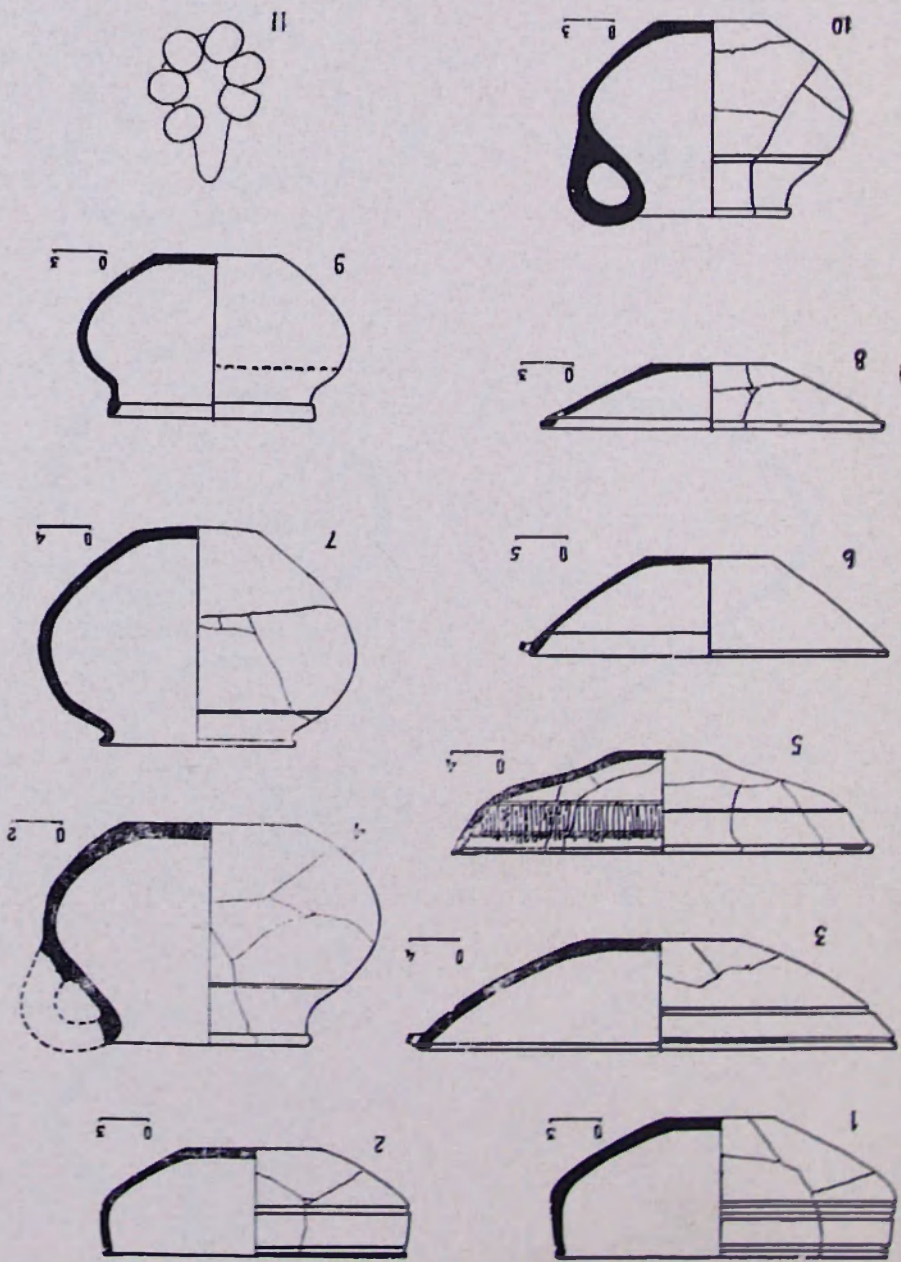
0 5

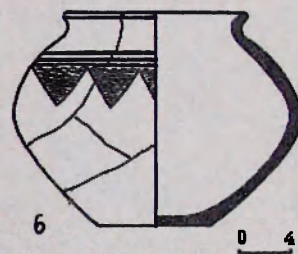
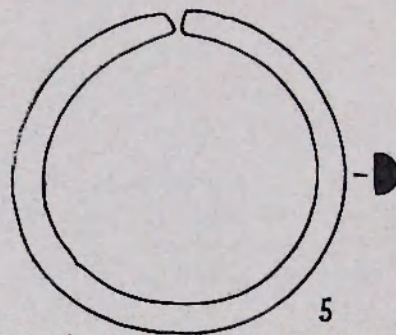
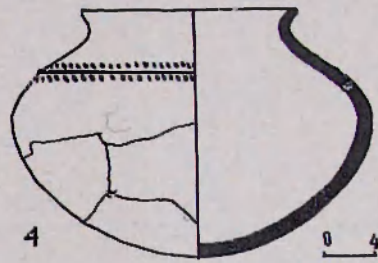
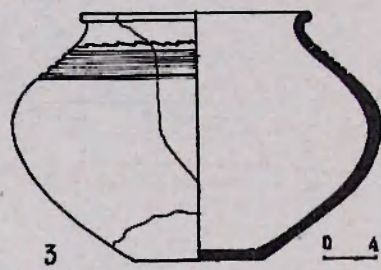
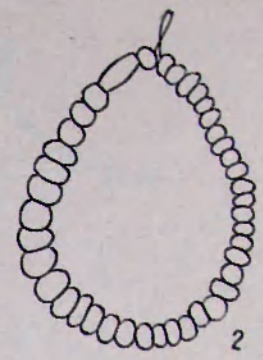
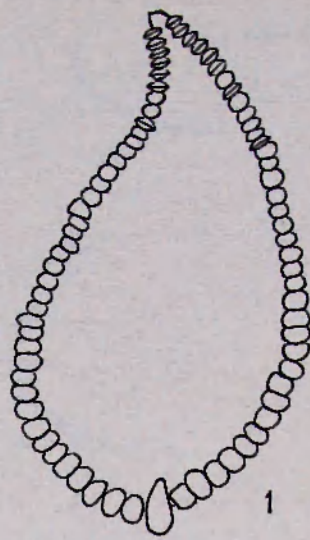

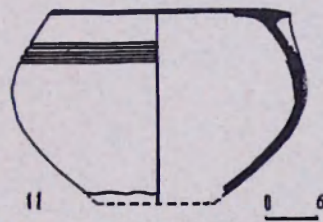
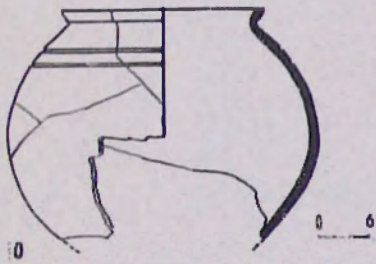
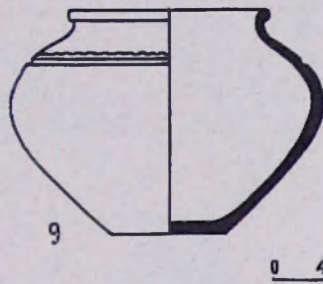
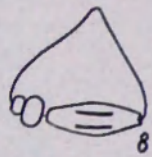
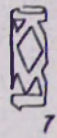
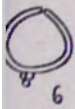
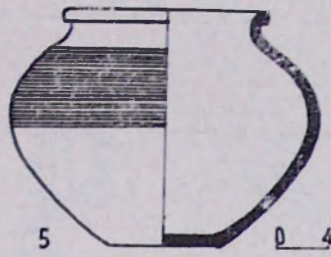
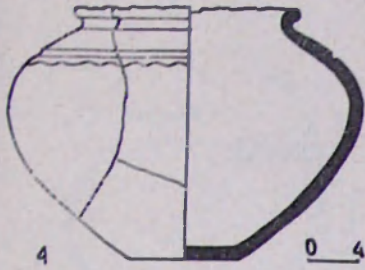
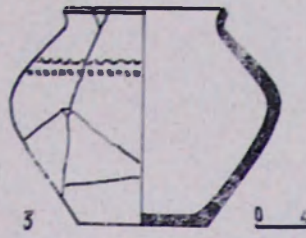
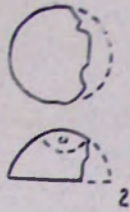
LXXXII

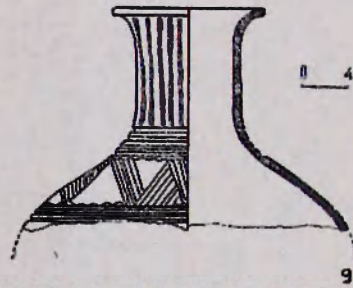
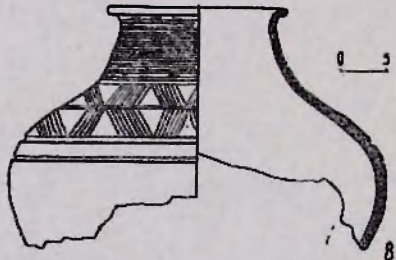
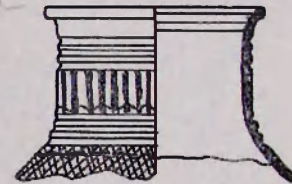
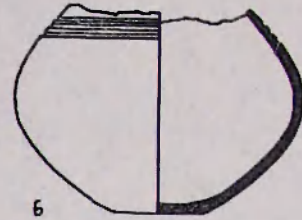
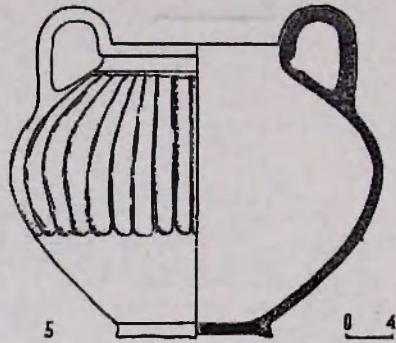
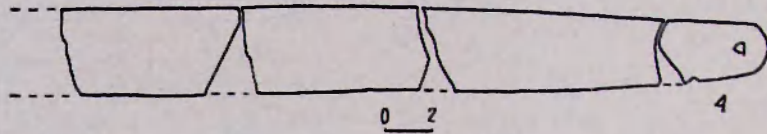
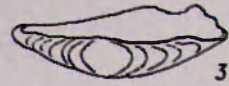
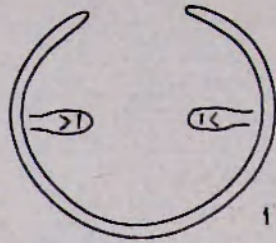

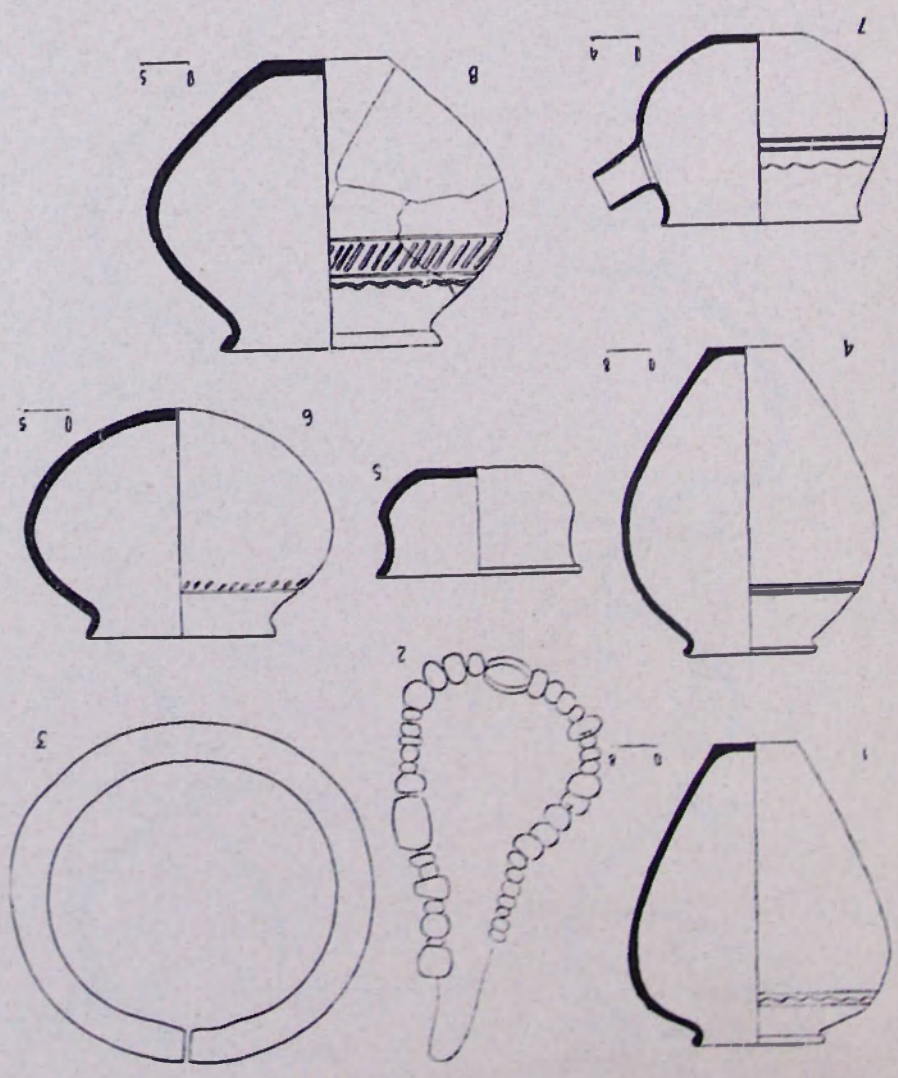

IIIXXXI

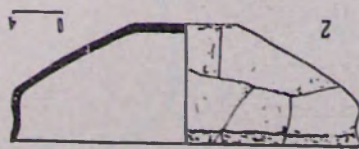
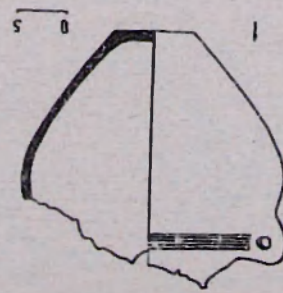
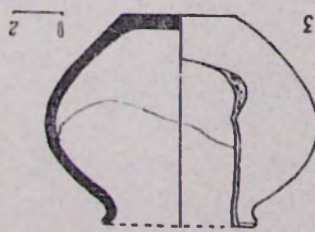
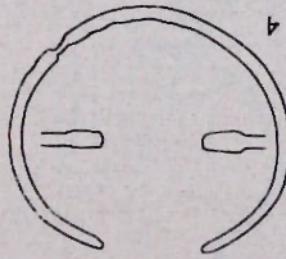
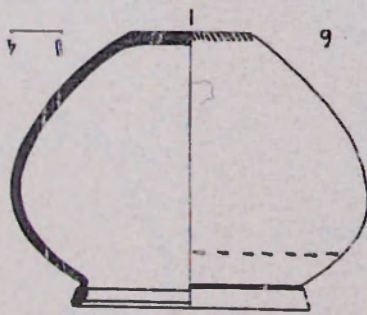
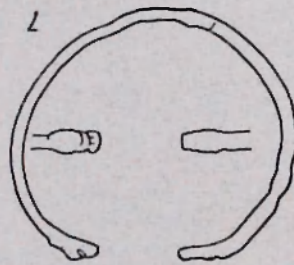
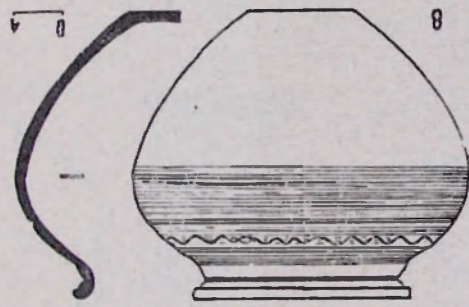

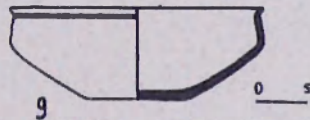
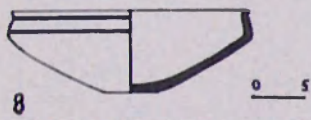
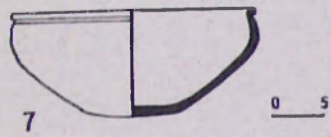
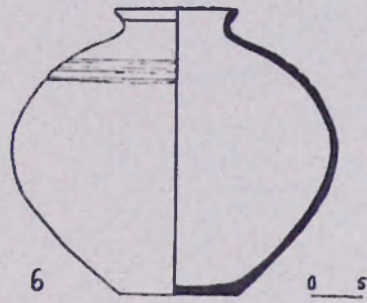
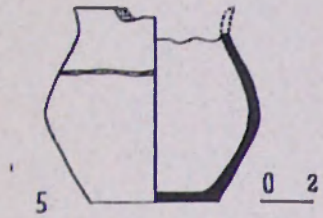
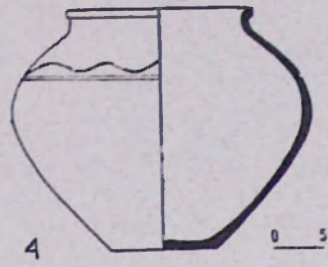
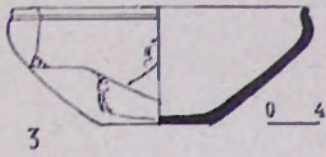
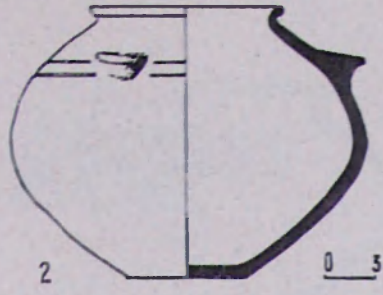
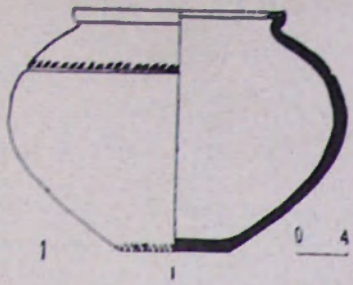

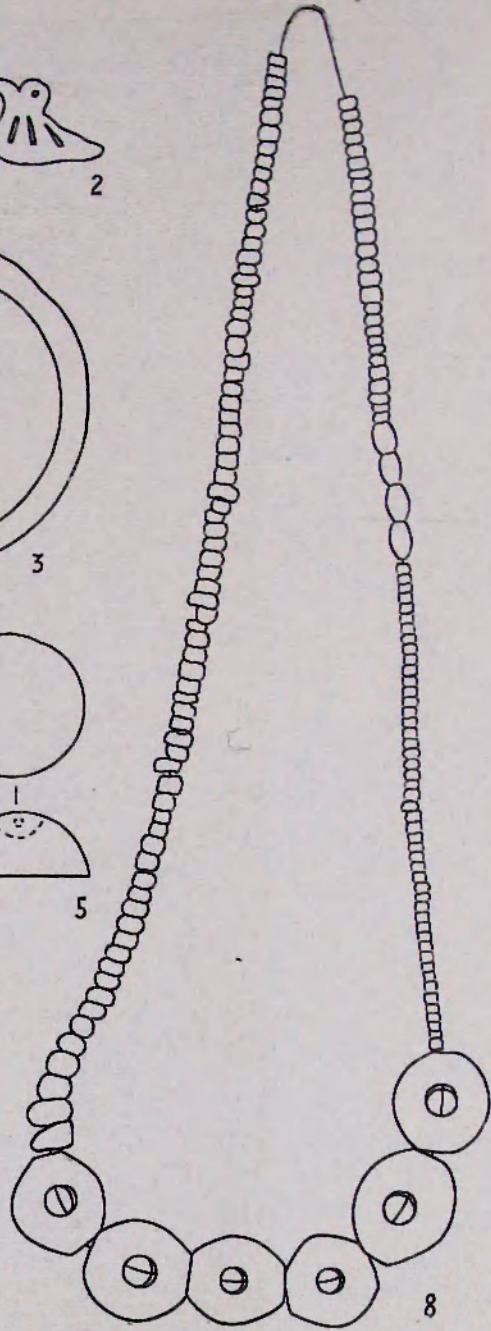
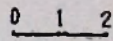
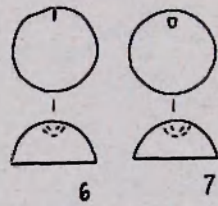
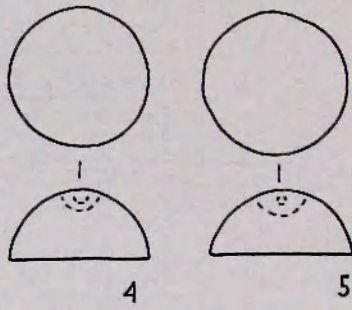
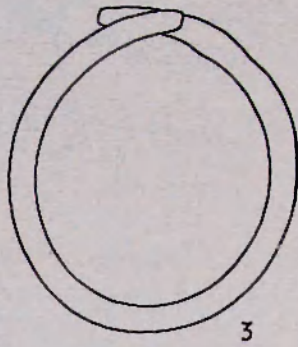
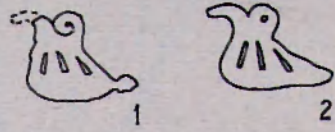

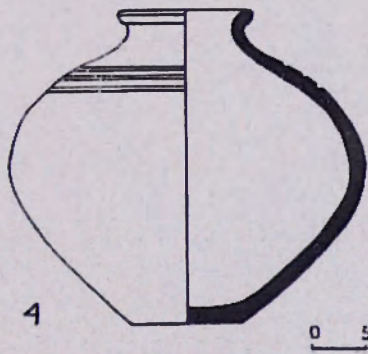
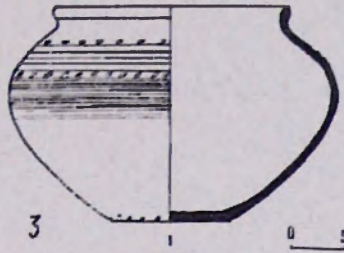
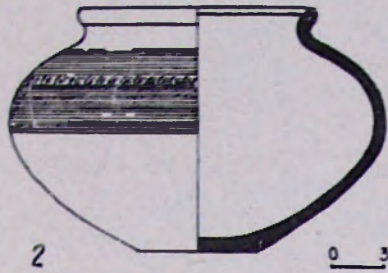
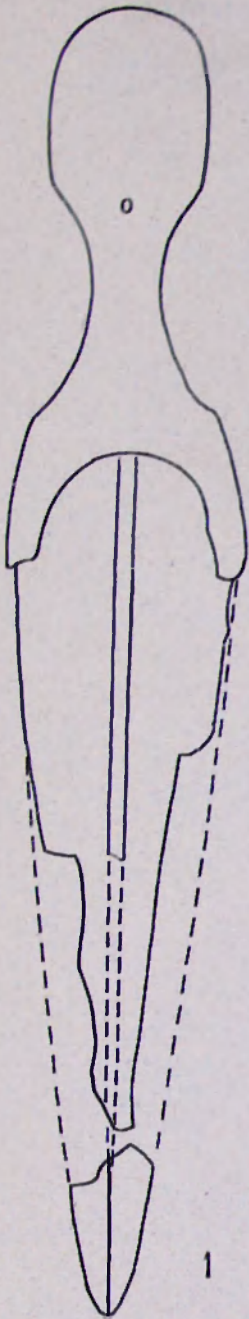
IIA XXXI

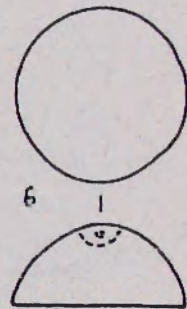
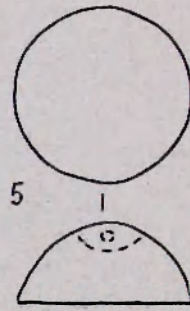
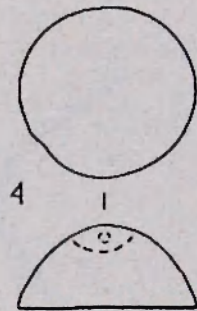
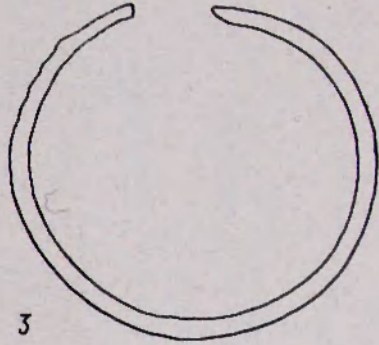
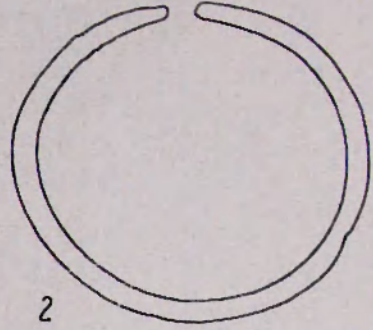
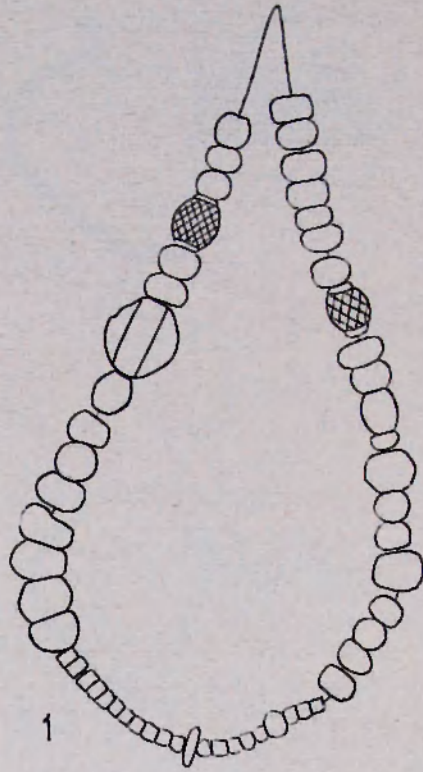
IIIAXXXVI

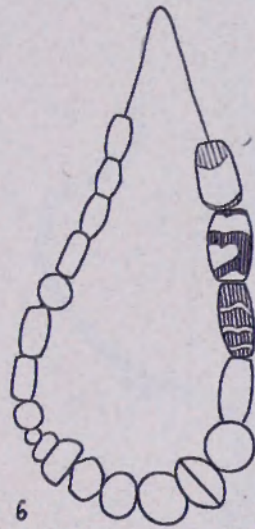
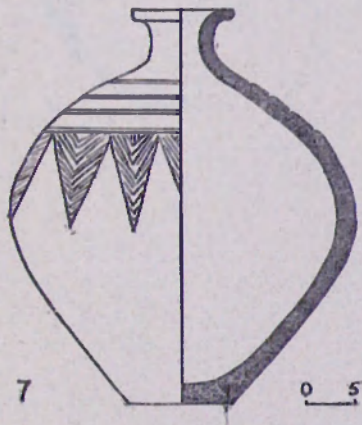
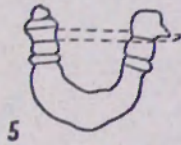
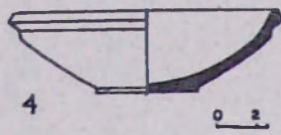
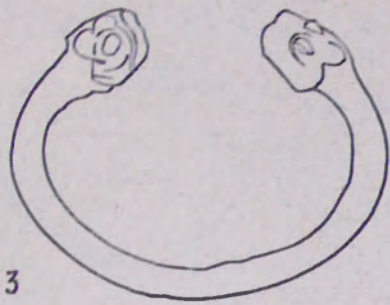
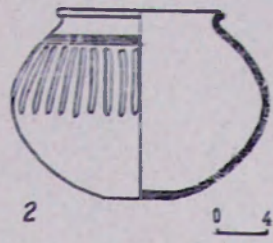
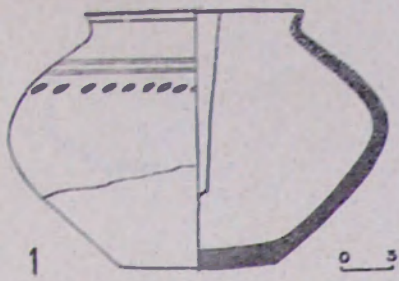

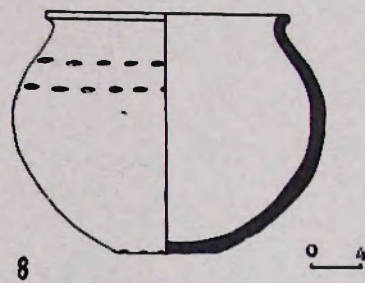
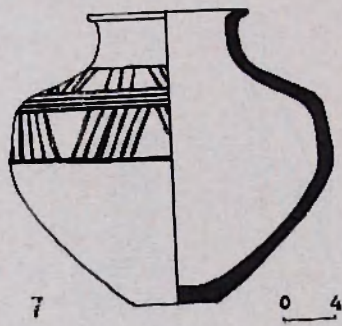
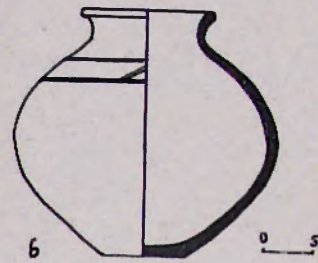
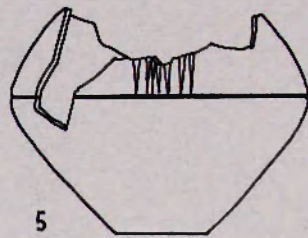
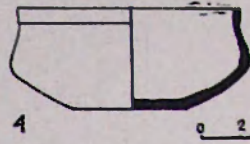
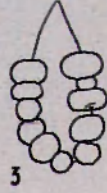
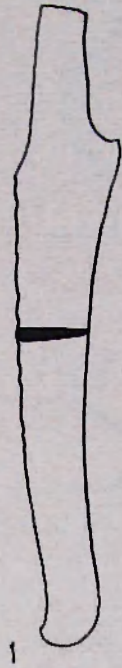

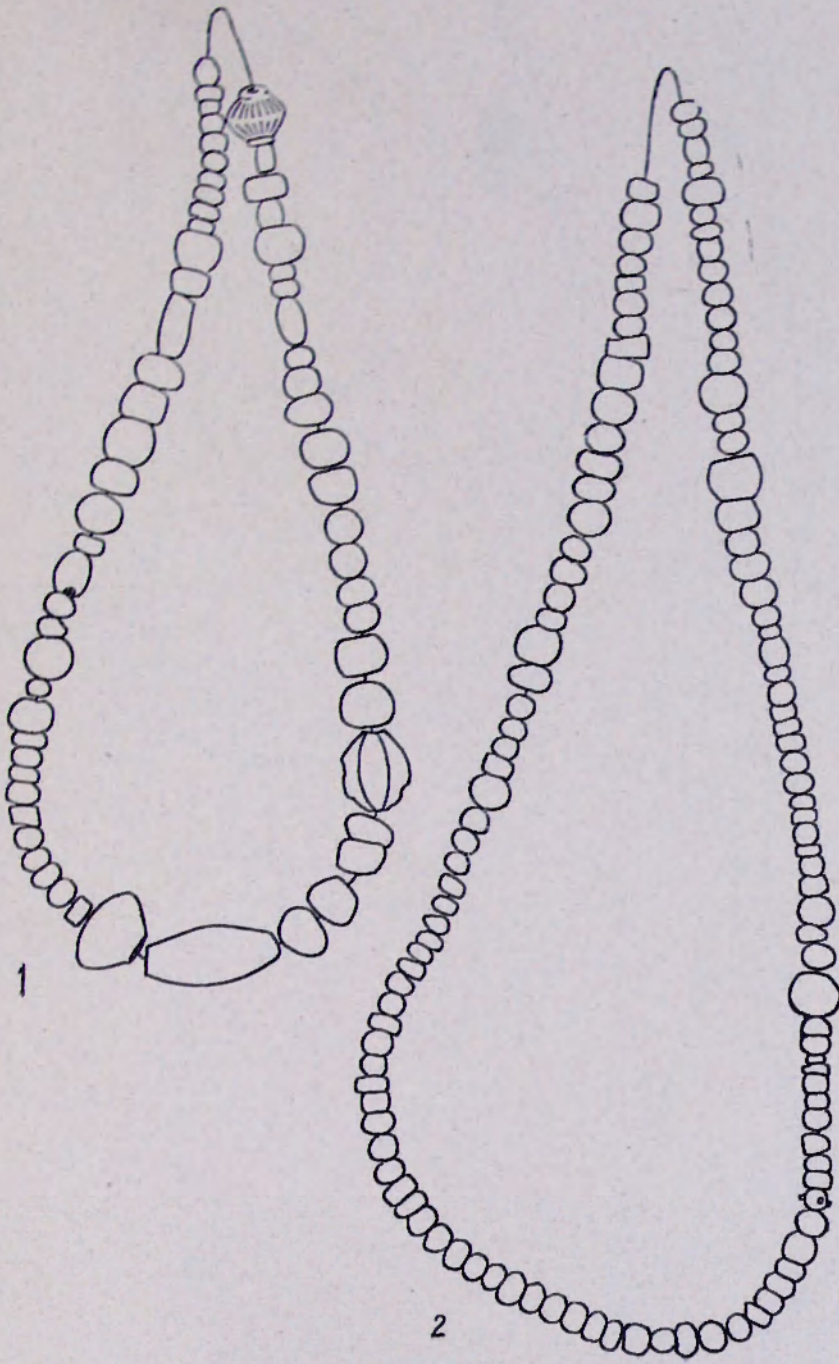
XCI

XCIV

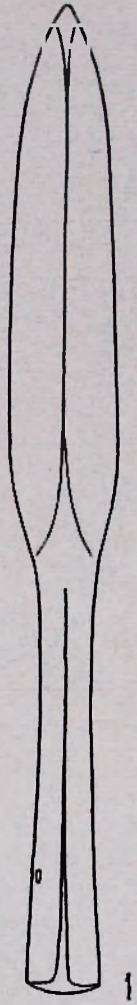

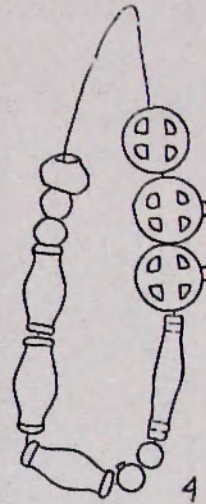
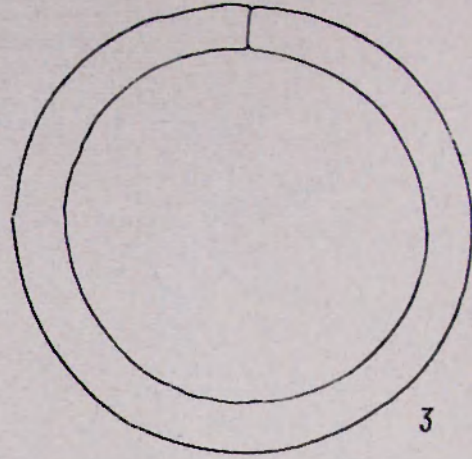
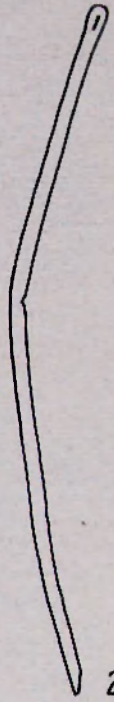
1

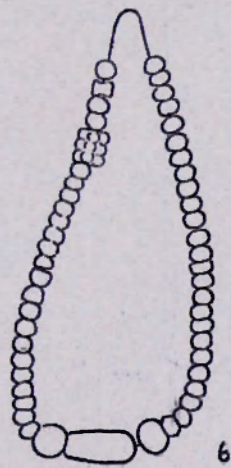
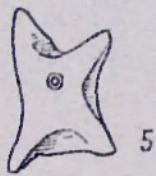
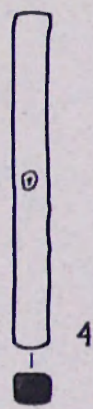
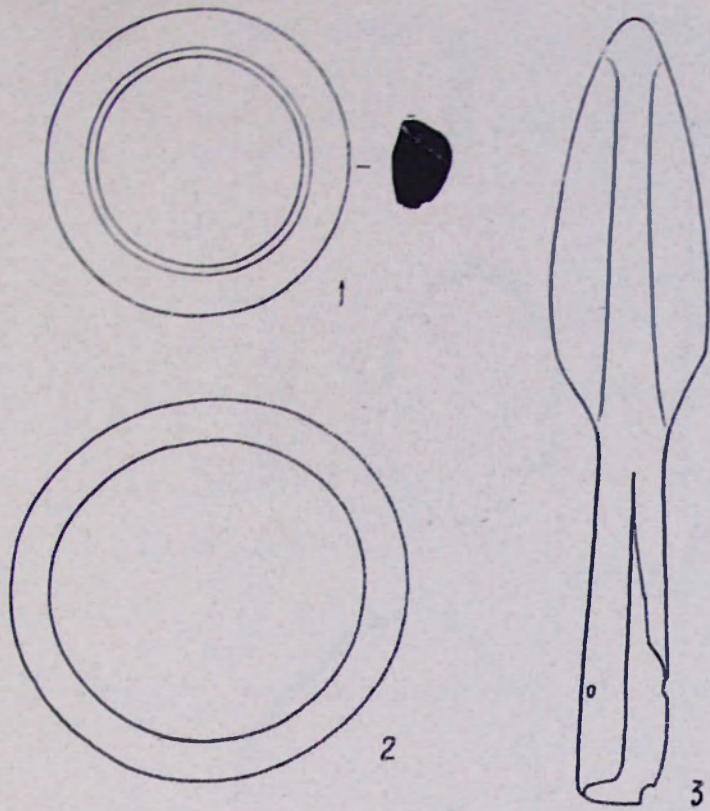
2

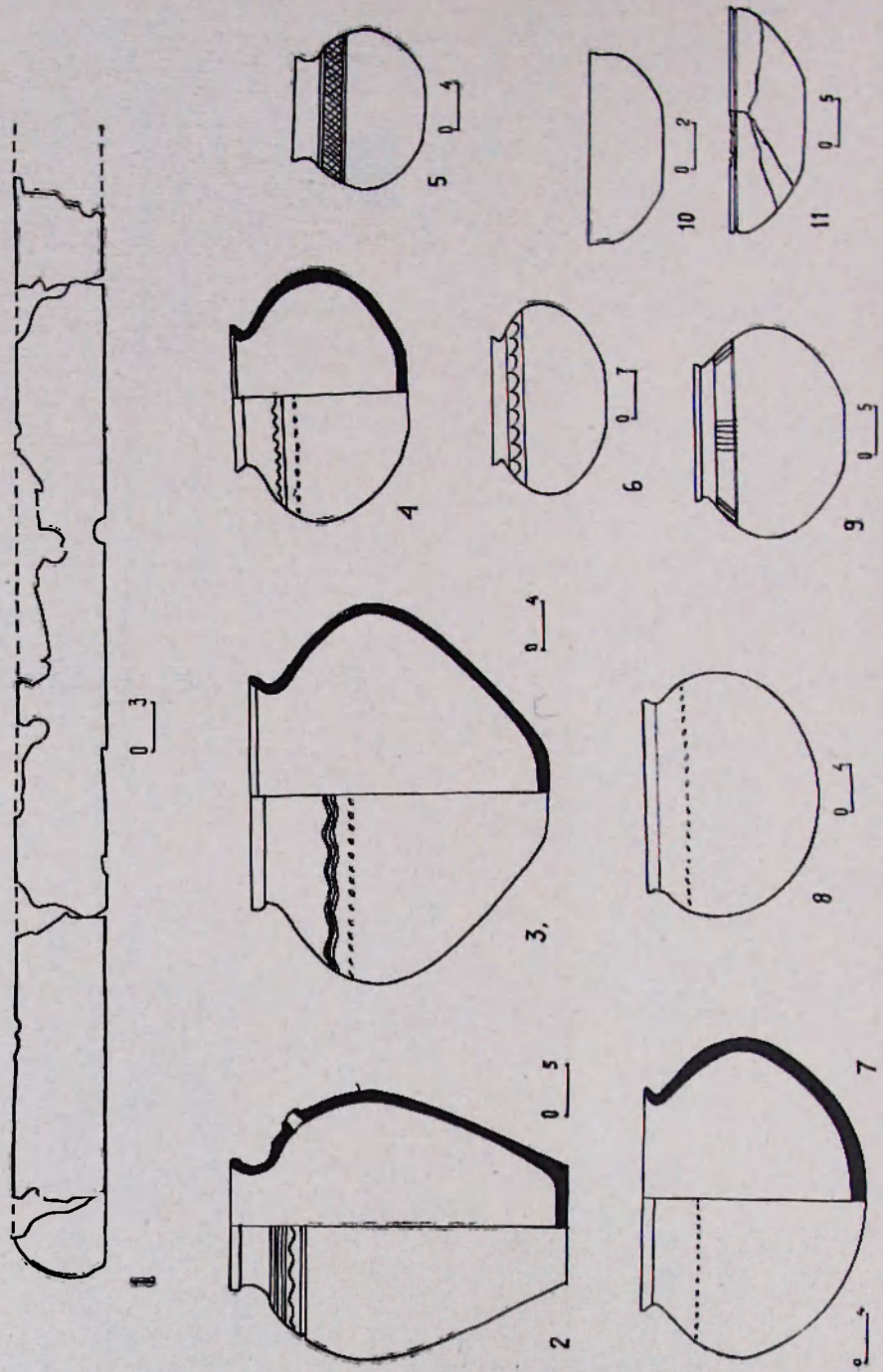
XCVI

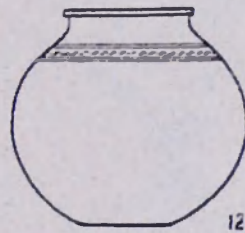
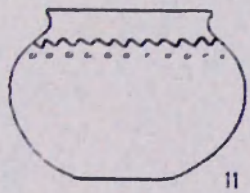
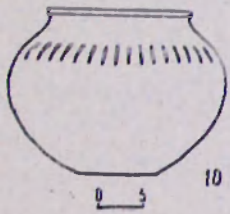
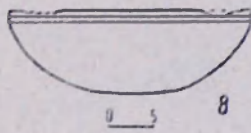
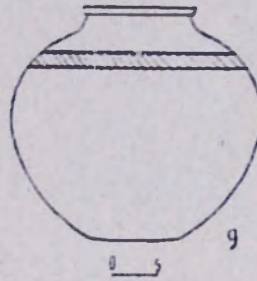
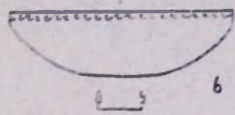
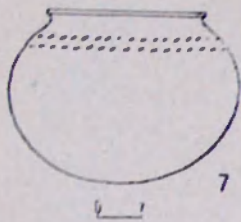
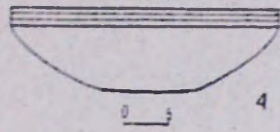
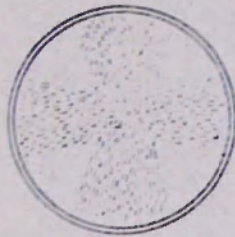
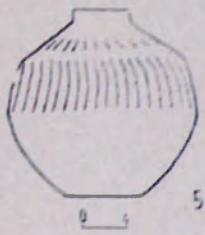
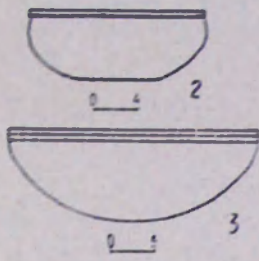

0 2

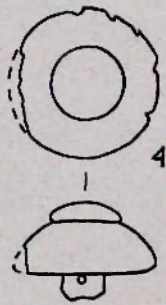
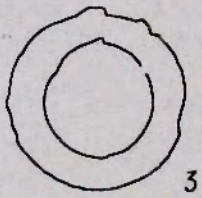
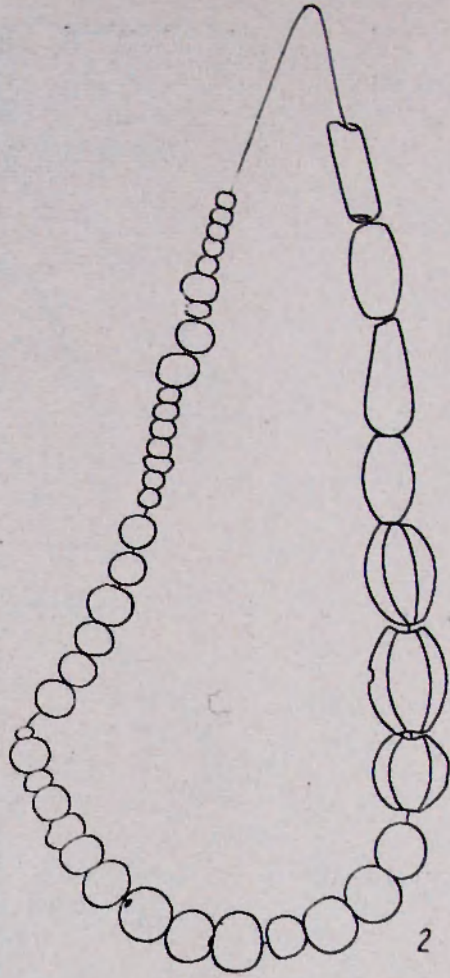
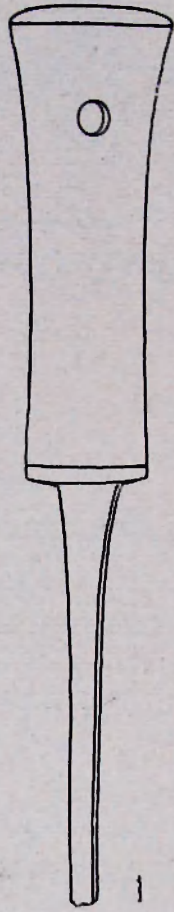

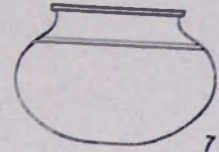
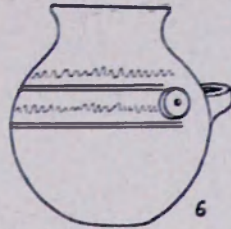
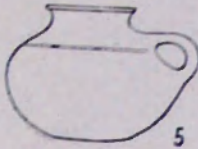
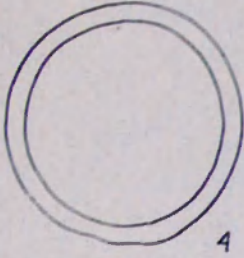
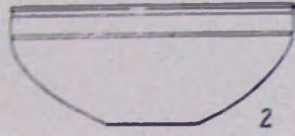

C

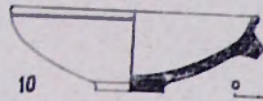
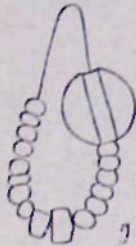
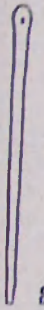

0 1

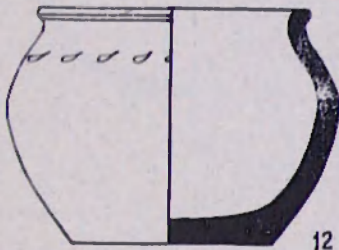
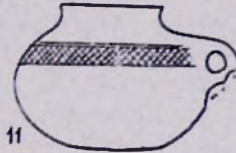
CI

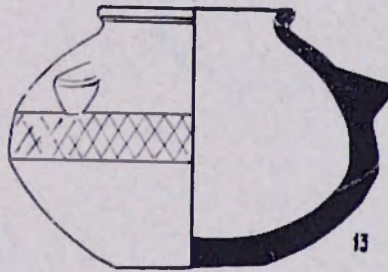
0 1

0 2

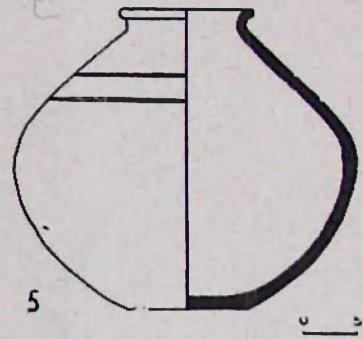
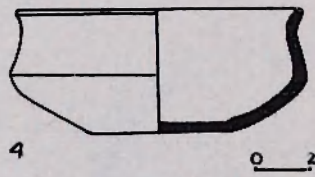
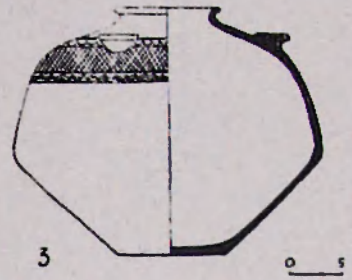
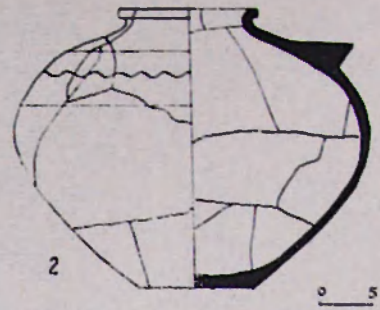
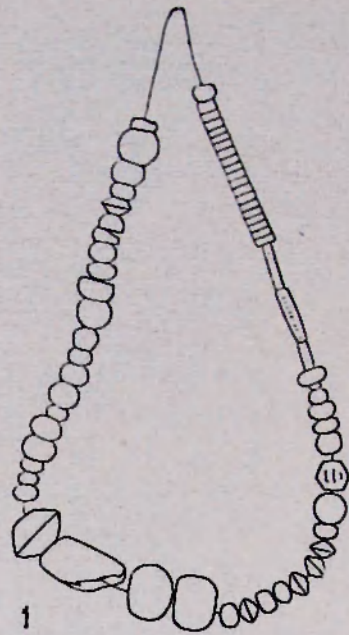

0 2

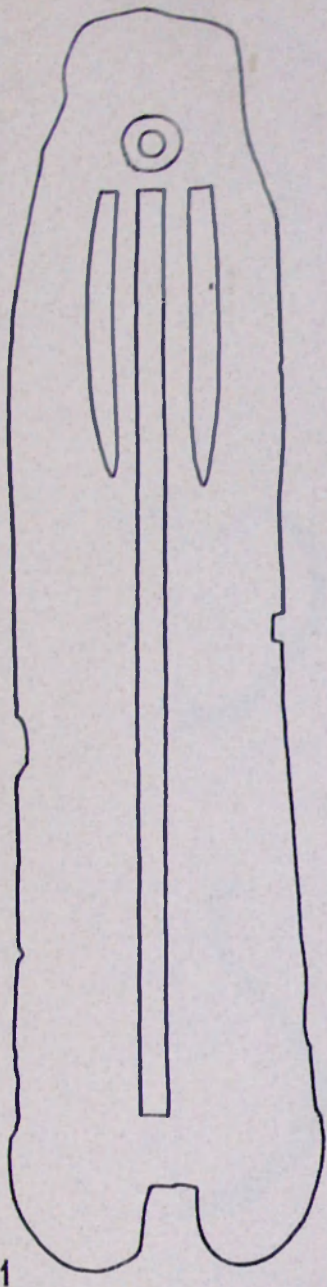

0 2

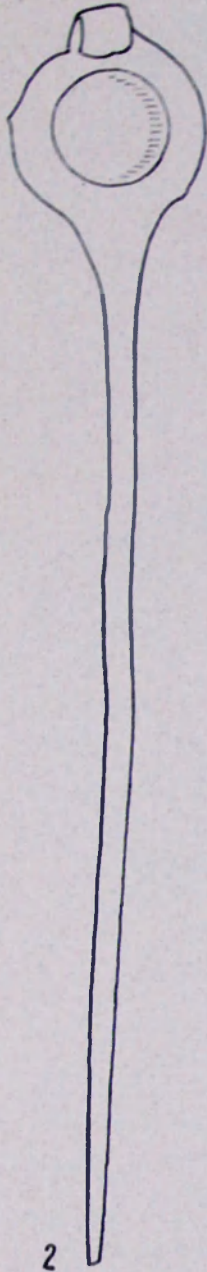
CII

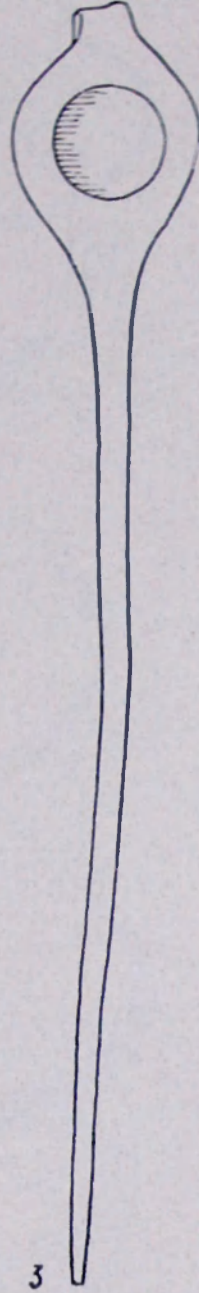
CIII

1

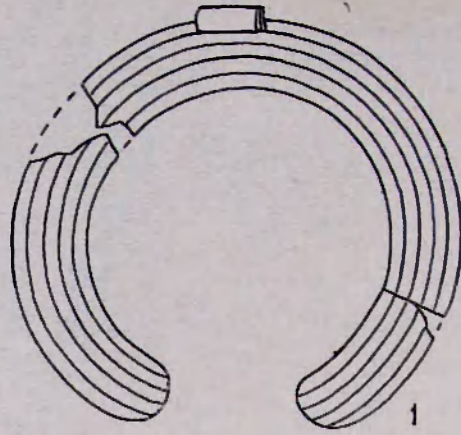
2

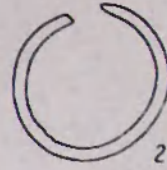
3

0 1

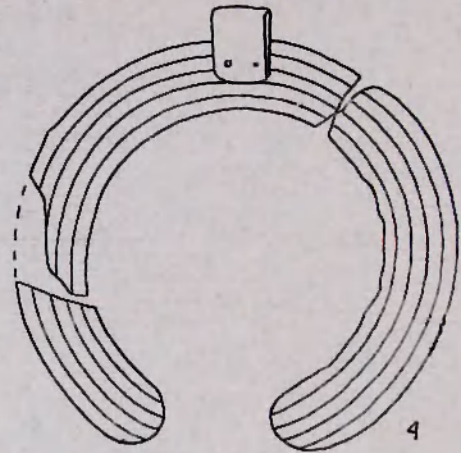
CIV

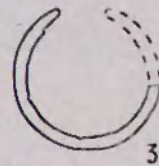
1

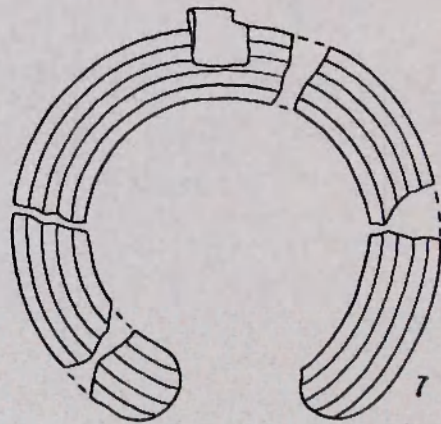
2

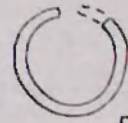
4

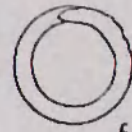
3

7

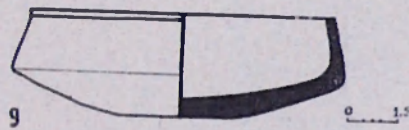
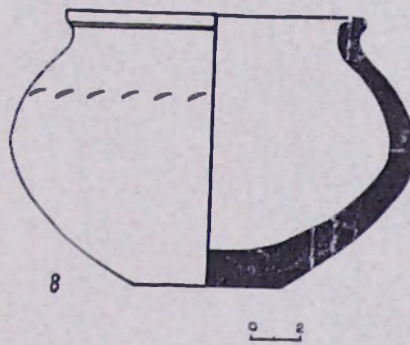
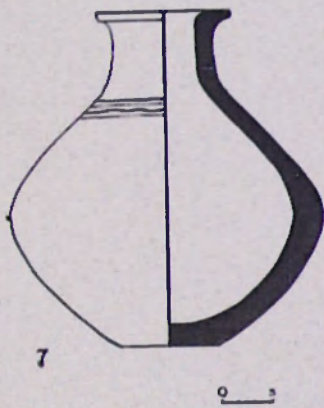
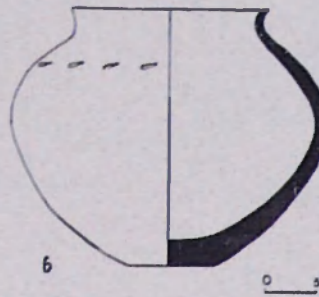
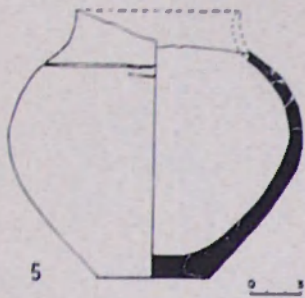
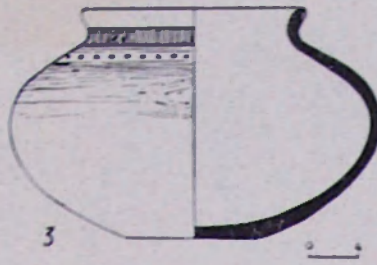
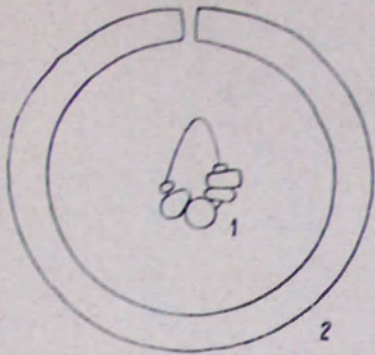
5

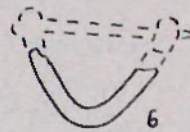
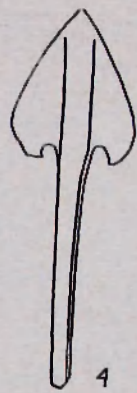
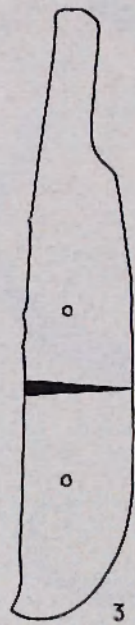
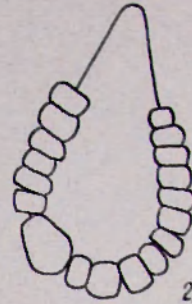
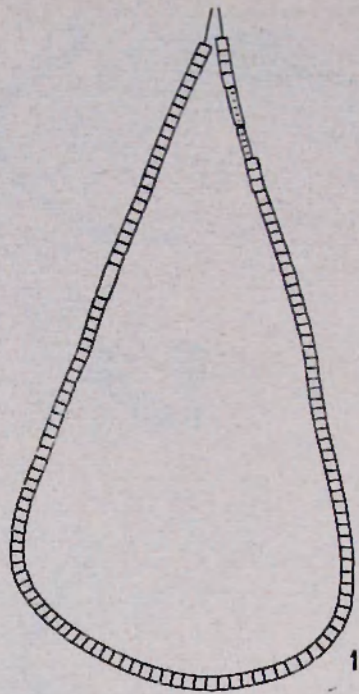
6

0 2

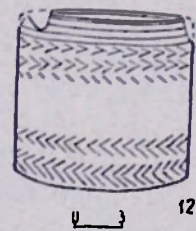
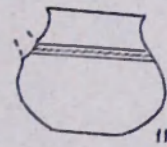
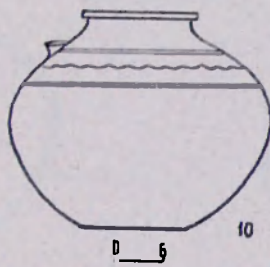
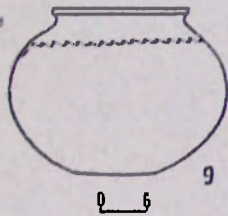
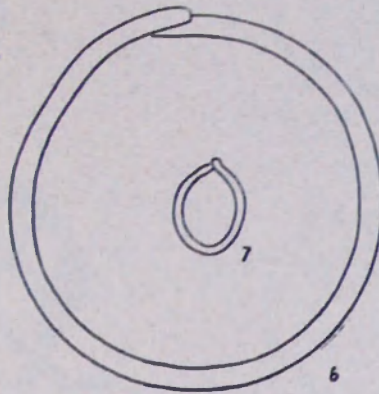
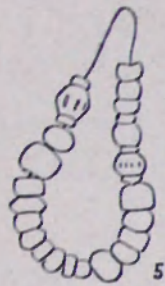
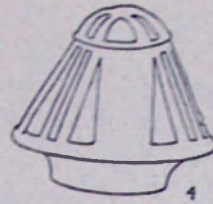
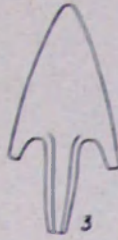
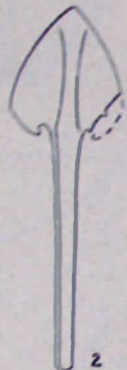
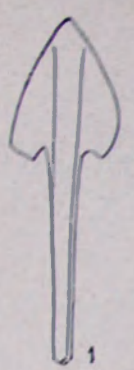
CV

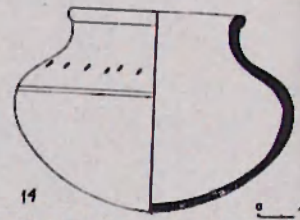
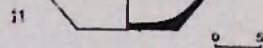
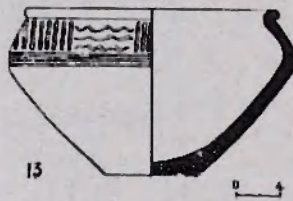
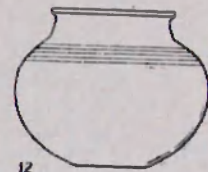
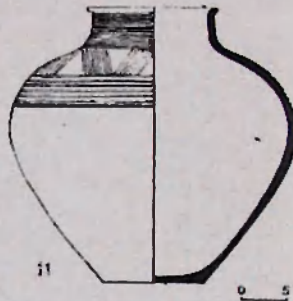
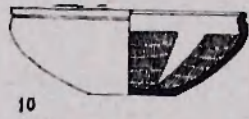
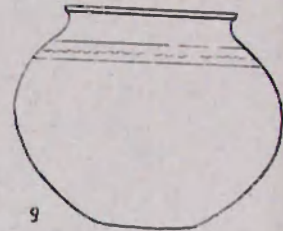
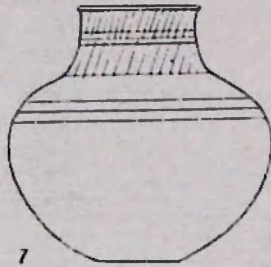
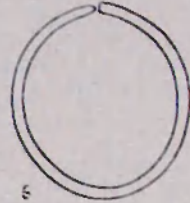
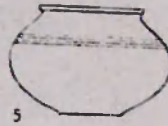
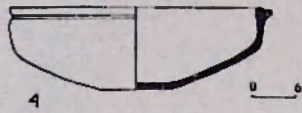
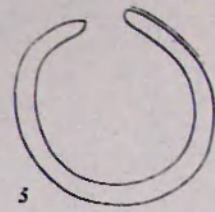
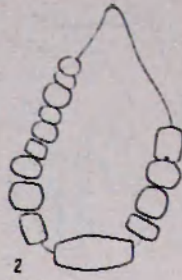
CVI

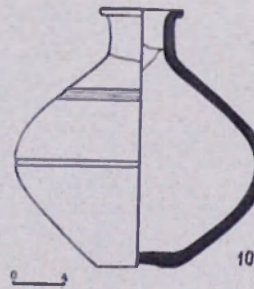
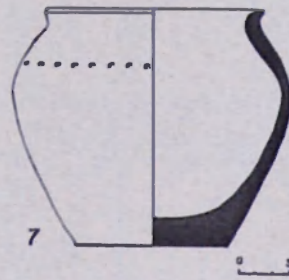
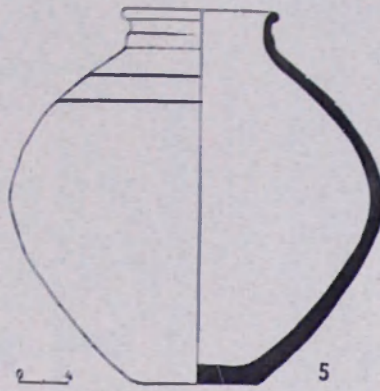
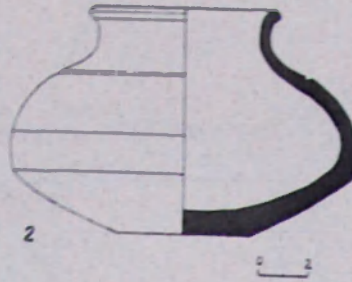
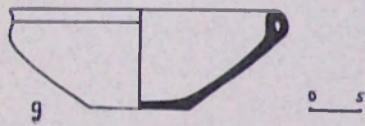
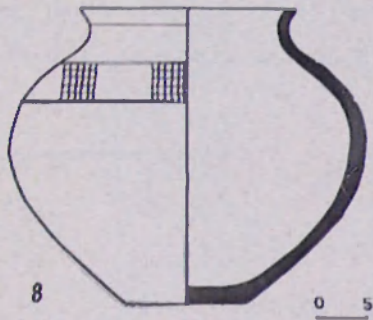
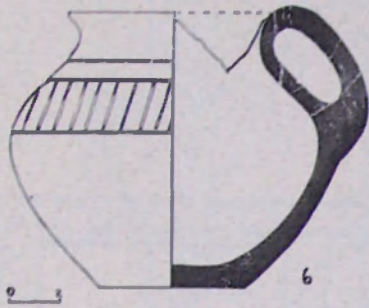
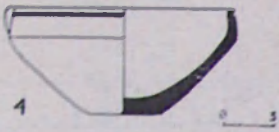
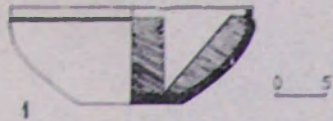

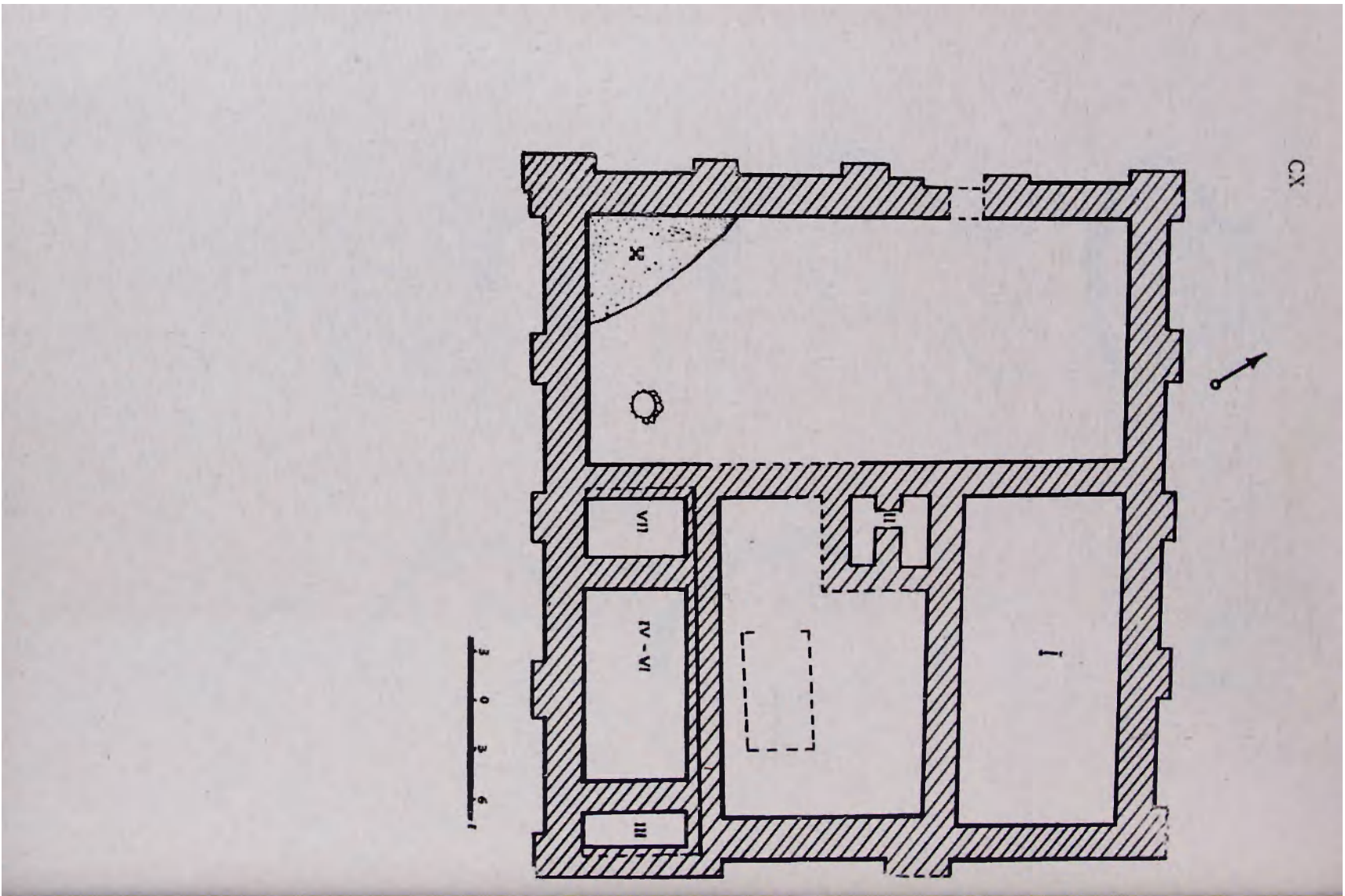
0 1

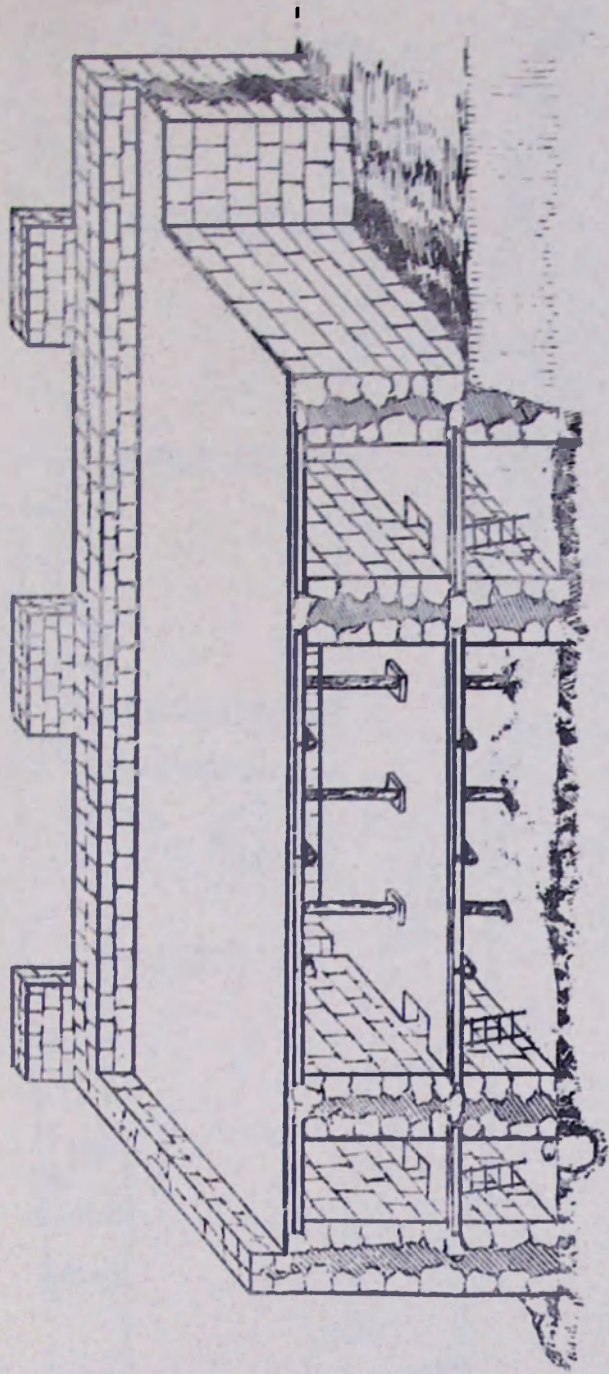

CVIII

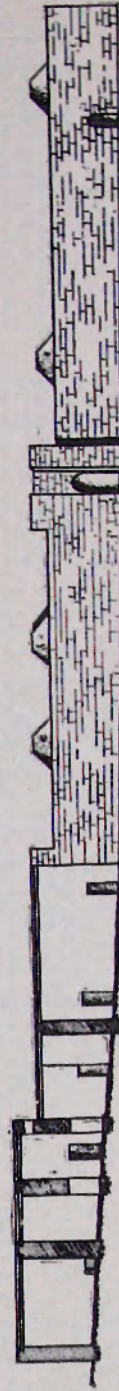

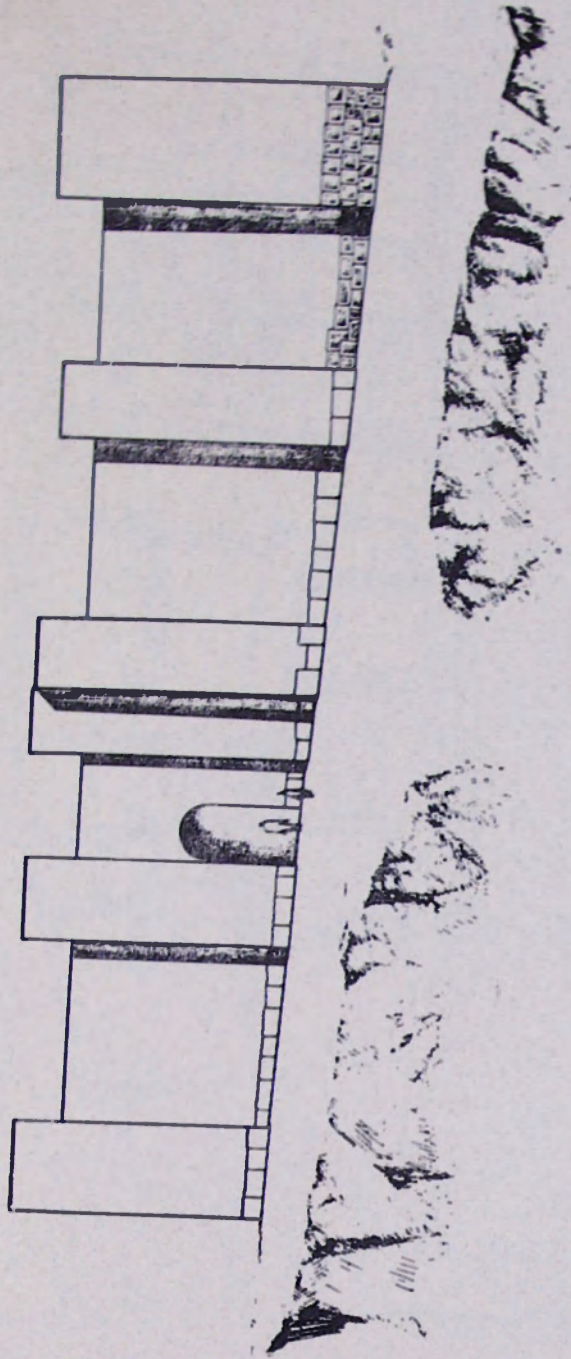

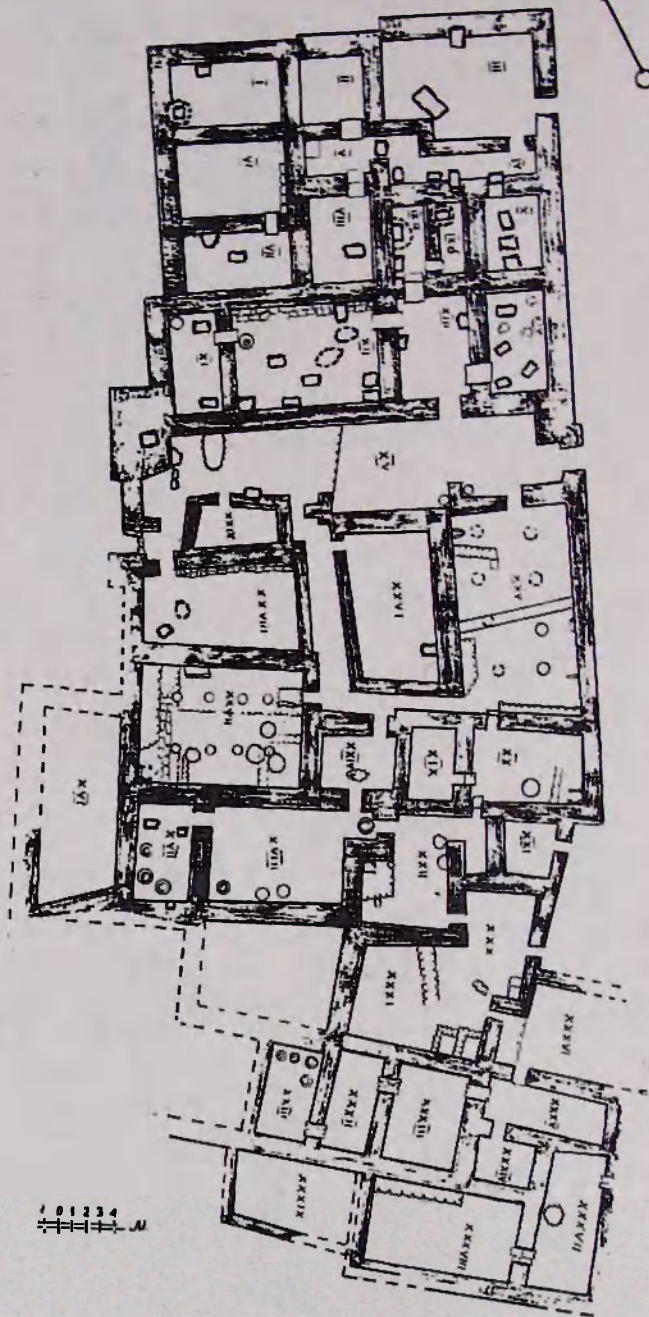
CXII

CXIII

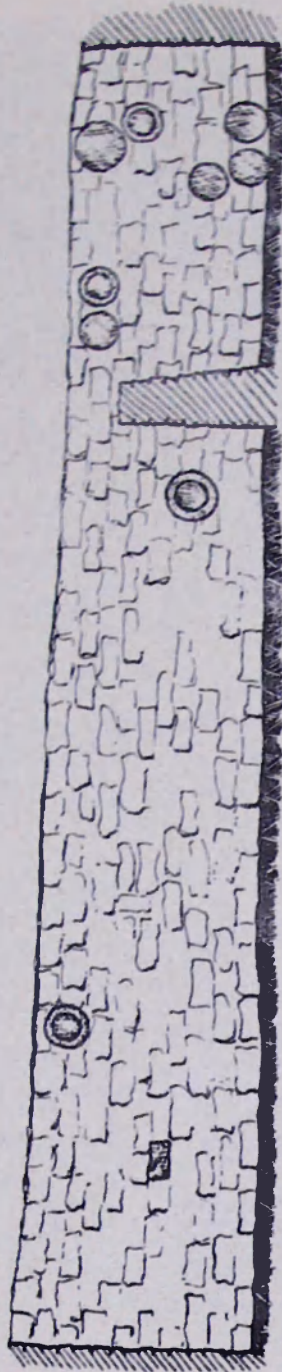
1 0 1 2 3 4

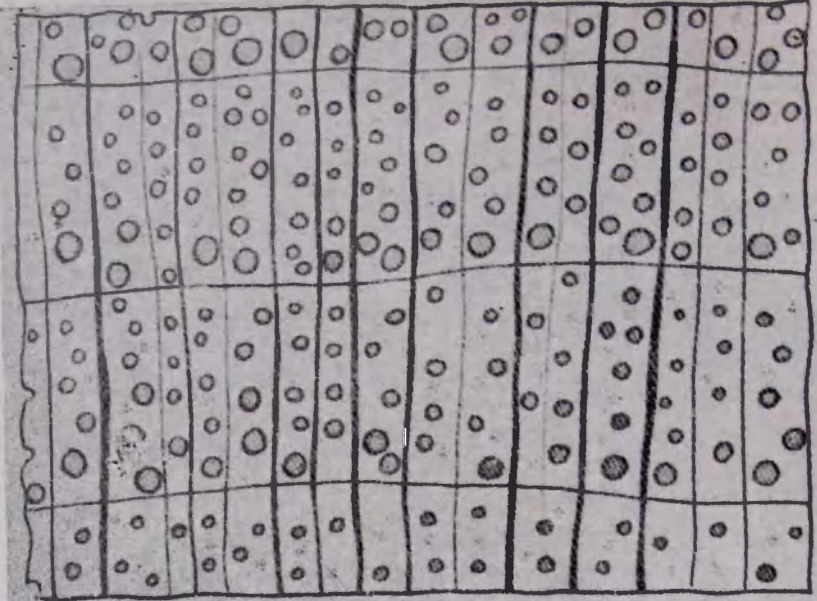
2

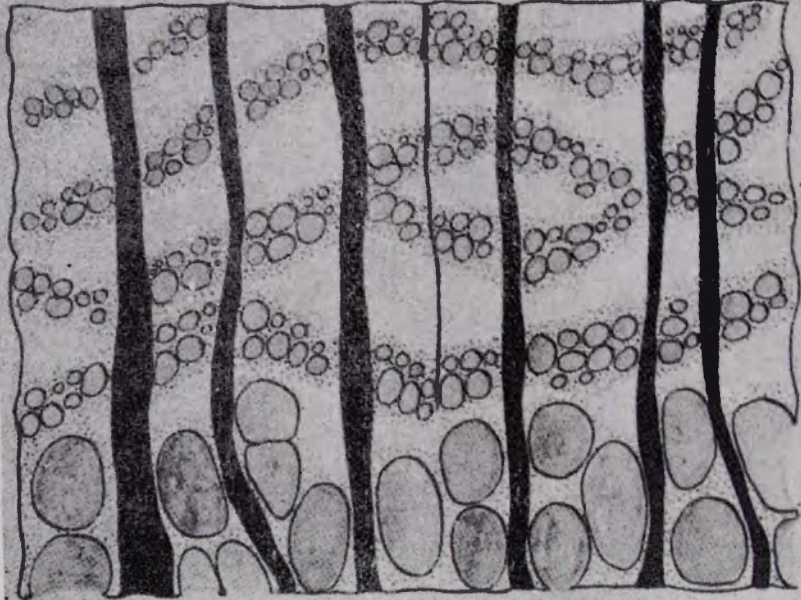
1

3

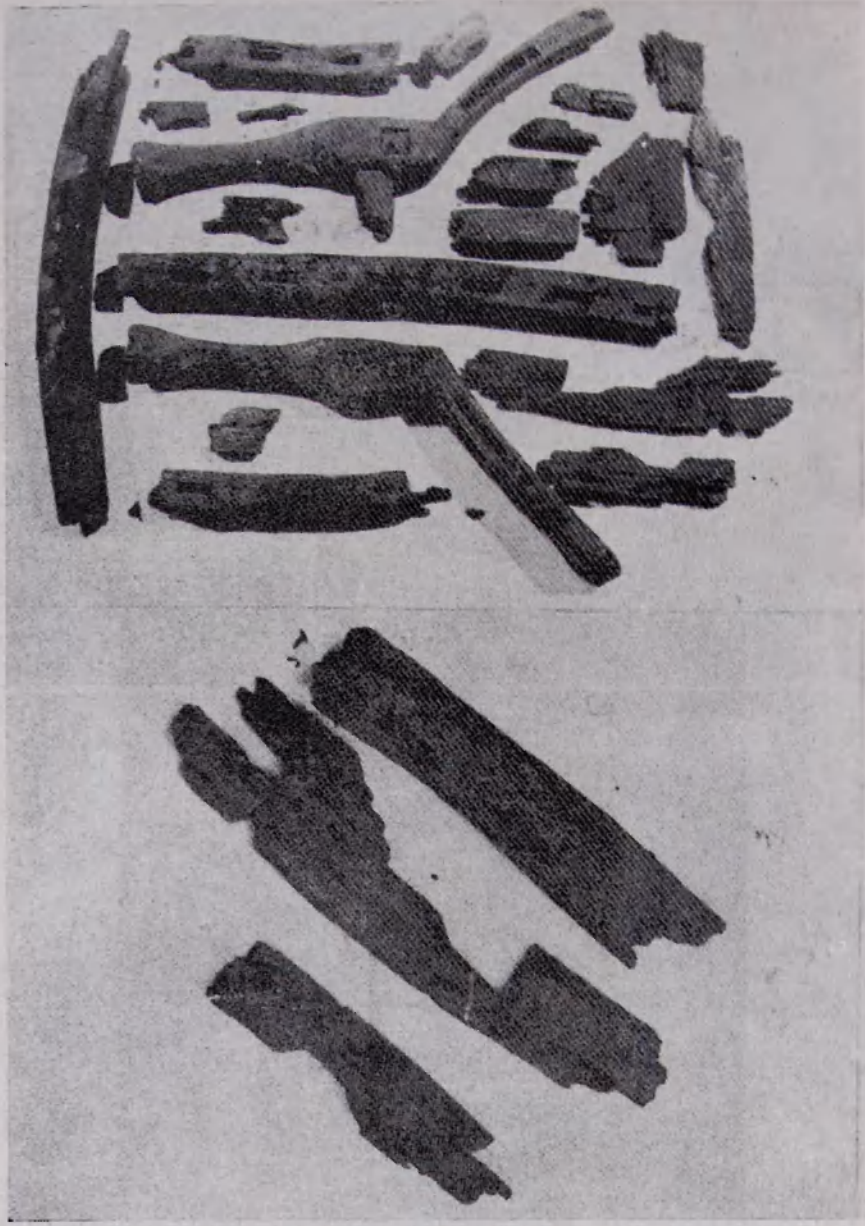
1

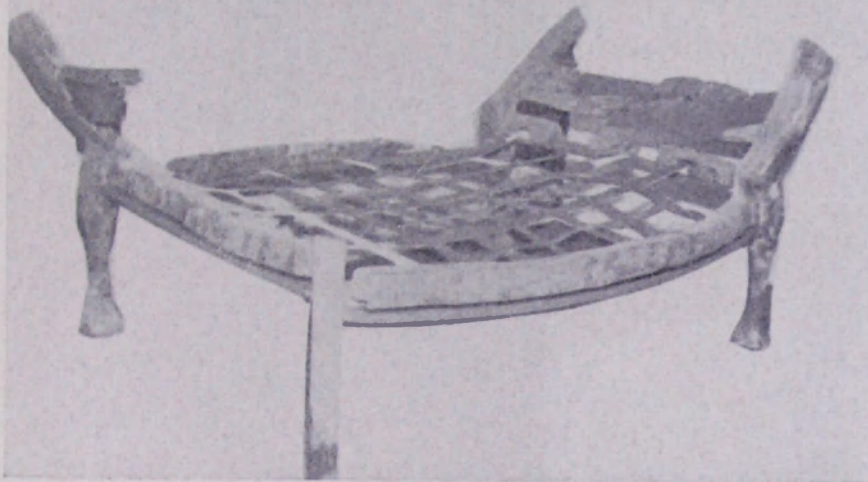
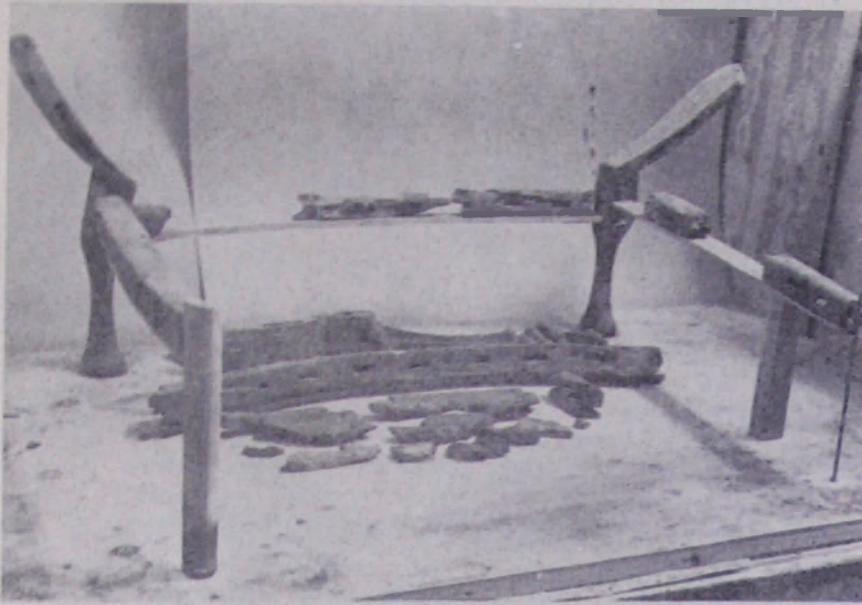
2

CXVIII

CXX

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
ГЛАВА I. Раскопки замка-крепости	7
ГЛАВА II. Раскопки дворцовых комплексов	18
ГЛАВА III. Раскопки античного могильника	51
ГЛАВА IV. Погребения урартской эпохи	68
ГЛАВА V. Могильники эпохи поздней бронзы и железа	82
Приложение	
А. Г. Канецян. Архитектура урартских памятников Ошакана	107
В. А. Паланджян. Древесные остатки из раскопок в Ошакане	117
В. Г. Оганесян. О реставрации деревянных изделий из Ошакана	121
<i>Список сокращений</i>	124
<i>Список иллюстраций</i>	125

СТЕПАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСАЯН,
АРАМ АШОТОВИЧ БАЛАНТАРЯН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 18

О Ш А К А Н 1

Редактор издательства *С. М. Даниелян*
Обложка *К. К. Кафадаряна*
Тех. редактор *А. М. Манучарян*
Корректор *А. И. Саакян*

ИБ № 1177

Сдано в набор 28.04.1987 г. Подписано к печати 8.01.1988 г. ВФ 09602.
Формат 70×100^{1/16}. Бумага № 2. Шрифт «литератур.», высокая печать
Печ. л. 8,0 + 7,75 л. черной + 7 ш. вкл. Усл. печ. л. 25,1. Учетно-изд. л. 16.08 25,1
кр. от. Тираж 1000. Заказ № 726. Изд № 7172. Цена 3 р. 65 к.
Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин

